

Анатолий Садыров

ИМПЕРАТОР 2

*Совершенно секретно.
Оглашению не подлежит.*

Записки военного следователя

Новосибирск
2017

ББК 84 Р7-4

С 14

Садыров А.

С 14 Император 2. Записки военного следователя. *Исторический роман.* – Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2017. – 340 с.

ISBN 978-5-900-152-00-9

В основу исторического романа положены реальные события, которые происходили на Дальнем Востоке и в городе Новониколаевске. Действие романа охватывает период с двадцать первого года и до конца восьмидесятых годов двадцатого столетия. Герои романа – военные следователи Сибири, новониколаевские чекисты, резиденты японской, американской, английской разведок, русские воры и простые граждане, желающие мира на Сибирской земле.

© Садыров А. Ж., тексты, 2017

© Садыров А. Ж. Оформление, приложения, 2017

Раздольская О. Н. Оформление обложки, 2017

*Посвящается Федоровой Елене Михайловне,
Чень Вень-Кую*

Глава первая
Пятница, 10 июня 1921 года
ст. Мацевская

Из личного дела Максимовой А. С.

«Москва. ВЧК. Артузову.

Срочно отправьте из Петрограда Максиму Авдотью Семёнову, Ш 86/ К в город Новониколаевск.

Предупредите: командировка длительная.

Анюта».

Никак не верится, что добрался от города Новониколаевска до станции Мацевской за восемь суток. Но это факт. Сажу на вокзале. Большой станционный зал переполнен народом. Вокруг меня масса мешков, корзин. Пахнет чесноком, потом.

Поезд из Маньчжурии отходит в двадцать часов десять минут по маньчжурскому времени. Сейчас только семнадцать. Я уже сходил в харчевню, купил бутылку молока и большой ломоть хлеба. Отдал двадцать копеек серебром.

Жду. Кого жду, не знаю.

Поезд из Маньчжурии прибудет на станцию Мацевскую в двадцать два часа. Как скоротать эти оставшиеся пять часов? Пять ли? Откуда я могу знать, что именно сегодня приедет или придёт Пётр Васильевич Козлов?

9 апреля 1920 года я был назначен военным следователем выездной сессии 1-го Армейского Революционного Военного Трибунала Сибири. Мне выдали удостоверение.

Из архивного дела:

«Тов. Сергею Скворцову, родившемуся в 1896 году, выдано сие удостоверение на право проживания в гор. Новониколаевске и его окрестностях».

И всё. Я стал ежедневно получать паёк натурой от учреждения на Николаевском проспекте. Без меня паёк получала

жена Ксюша. Когда впервые принёс домой фунт хлеба, Ксюша от радости поцеловала меня, хотя это некоторые считают буржуазным пережитком.

Уверен, пройдёт много лет, а мы с Ксенией будем помнить эти цветные карточки и краюху хлеба, даже когда наша молодая республика встанет на прочные ноги, когда каждый житель России будет иметь всего в достатке, мы будем вспоминать голодный и тревожный двадцать первый год.

Мы долго не ложились спать в тот вечер. Мечтали... Но наши мечты не были далёкой несбыточной фантазией. Мы мечтали, как будем жить через год, через пять лет, через десять, учитывая все наши трудности и возможности.

Утром отправился в свою первую командировку. В селе Малая Песчанка убит молодой большевик, инструктор Тимофей Булдаков. Он был послан в село как батрак. Ему поручили узнать, где находится штаб банды Лубкова. Он нанялся батраком к зажиточному крестьянину Григорию Абакумову. Через десять дней сообщил: «Штаб находится в заимке Тёплая Речка. На следующий день его убили. Жаль. Очень жаль. Ещё одного преданного товарища вырвали из наших рядов.

Я вернулся в Новониколаевск, и меня ждала новая командировка на станцию Богаты.

Кулаки сожгли коммунарский семенной хлеб, отравили скот. Как трудно будет коммуне «Красный пахарь» ближайшие два-три года! Но они не одиноки. Соседняя коммуна «Путь Ленина» выделила им двадцать коров. А коммуна «Интернационал» решила до уборки урожая кормить всех из общего котла.

Вернулся. Вновь командировка. На сей раз в село Верх-Ирмень. Маленький партизанский отряд Стужева отказался подчиняться советской власти. Пришёл. Мужики взяли меня «на мушку», потом на время отложили, смягчились. Попили чаю. Поговорили о трудностях Страны Советов, о здоровье Ленина. Собрали в телегу двенадцать винтовок, две берданки, пулемёт. Я сел за вожжи. Тронулись. Все единогласно решили: зачем партизанам позорить своё имя?

Меня ждало щекотливое дело. Нашего сотрудника Исинкевича опознали. Во время колчаковской реакции он выдавал

большевиков, расстреливал. Жил он в Малой Нахаловке. Стали мы выяснять с ним то да сё. Довыяснялись! Он схватил наган – и на меня. Раз – осечка! Пришлось рукоприкладством заниматься.

Ксюша всю ночь прикладывала к моему лицу мокрую тряпку. В следующий раз не буду ходить с пустыми карманами...

Иду по Николаевскому (Красному) проспекту. Люди смотрят на моё радужное лицо, ухмыляются. Ни в чём не виновен, но стыдно за красоту под глазами. На работе вручили пакет. Я вскрыл его.

Из архивного дела:

«Губревтрибунал.

Секретно.

Военному следователю выездной комиссии 1-го Армейского Революционного Военного Трибунала Сибири т. Скворцову.

Предлагаем немедленно выехать в командировку на станцию Мациевскую для встречи с Козловым Петром Васильевичем.

Вам предписываем быть в его распоряжении и сопровождать до Новониколаевска. Всю получаемую информацию передавать через резидента Никольско-Уссурийского.

2 июня 1921 года. № 18»

Вот и Мациевская. Кто такой Пётр Васильевич Козлов? Рядом сидел старик с огромной рыжей бородой и протяжно пел одни и те же слова:

– Не глядели бы на всё на это оченьки.

Не носили бы меня босые ноженьки...

Старик пел заунывно, наводя тоску и лёгкую панику. У старика кривые руки с толстыми короткими пальцами.

По левую сторону от него, поглаживая свою аккуратную бородку, сидел священник с узелком.

Я погрузился в раздумье: кто же такой Пётр Васильевич Козлов? И почему именно меня командировали встретить его? Неужели это тот вор по кличке Император, которого мы арестовали с Яном 13 декабря 1919 года в городе Новониколаевске, когда шла последняя битва между красными и белыми за владение городом?

– Да брось ты, анафема, свою дурацкую песню, – взмолился священник, повернувшись к старику.

– Тады давай поговорим, – предложил ему старик. – Вот ты мне скажи, долго будет этот буфер жить? Я эти места в прошлом году освобождал от семёновцев. Вон там, под сопочкой, мой сын Илья лежит. За советскую власть сыночек погиб. Руки здесь мне перебило.

Напротив меня сидели двое. Миловидная барышня, на вид дал ей лет двадцать пять – тридцать, с наивными детскими голубыми глазами, очень правильными чертами лица, в чёрной шляпе, прикрывающей её правую сторону лица. Шею покрывал черный соболь, а на руках бросались в глаза перчатки из жёлтого шёлка с алыми вышивками кругляшей на тыльных сторонах. Женщина своими украшениями показывала, что она из богатой семьи и этим гордится. Она смерила меня взглядом с головы до пят, с пренебрежением усмехнулась. Второй раз с любопытством осмотрела моё исхудалое, осунувшееся лицо. В глазах искрилась лёгкая усмешка. Она будто ожидала этой встречи со мной, задумалась о чём-то, кивнула в мою сторону. Шляпка для девушки служила ширмой: там, за ней, она пыталась спрятать выражение глаз. На шляпе висела брошь. Я не знаток драгоценных камней, но по тому, как они переливались, был уверен, они стоят больших денег.

Рядом с ней сидел высокий богатырь. Несколько раз смотрел на его ладони. Я пятнадцать лет проработал грузчиком, но таких рук-лаптей мне не приходилось встречать. Обратил внимание на костюм великана. Он был синего цвета, сшит по заказу. И великан испытующе осмотрел меня.

Украдкой рассмотрел туалет женщины. На ней была надета свитка – голубая блузка, чёрная юбка с чёрным широким поясом обтягивала талию, на поясе висела продолговатая серая кожаная сумочка. Я отводил взгляд от неё, проходило некоторое время, и я опять внимательно осматривал кожаную сумку и задавал себе вопрос: видно, слишком тяжела сумка, что оттягивает пояс.

Она что-то шепнула великану. Он поднялся, подал ей руку. Она, прежде чем подняться, поправила чёрную сумочку на

бедре и бросила на меня взгляд. Это не был взгляд наивной девушки. Она кокетничала. Был соблазн послать улыбку в её сторону. Но я воздержался.

Они вышли.

Священник также поднялся и пошёл к выходу. Следом за ними вышел и я на улицу. Поблизости играл гармонист. Мужской молодой красивый голос пел:

– Крепким молотом скую
Полосу стальную,
Пролетарский свой кулак
Я забронирую.

Где-то совсем близко женский голос подхватил:

– Возьму царскую корону,
Буду Унгерна встречать.
Поднесу её барону
И Верховным стану звать.

Мужской голос перебил женский:

– Ты, Антанта, словно пёс,
Без умолку лаешь.
Хочешь слопать, но авось
Зубки поломаешь.

Девчонка проворно выскочила в дверь, подбоченилась:

– Чёрт помазал мелом нос,
Напомадил губы
И из кладбища принёс
Большевицские брюки.

Несколько парней подошли к калитке и пропели хором, да так, что по всей Степной улице залаяли собаки:

– Говорят, барон попался.
Экая оказия!
Не жалеют, не щадят,
Срам и безобразие!

На телегах подъехали пожилые женщины в широких блузах и длинных сарафанах. Остановили возле парней сивку и тоже запели:

– Сбрось погоны, мой милашка,
Где твоя котомочка?
Наступают партизаны.
Будет потасовочка.

Девчонка плюнула, расшоркала ногой и пошла в дом, а женщины пропели ей вслед:

– Ты, Титовка, ты, Титовка,
Ты куда торопишься?
Получила по зубам,
Больше не воротишься.

Уехала, тархтя, телега. Пошли дальше парни, приглашая молодёжь на вечеринку.

Небо начинало темнеть. Я чувствовал себя превосходно. Быстро прошёл час. Хорошо, когда слышишь свежие голоса, когда минуты радуют тебя тем, что перевес на стороне твоего мировоззрения, взглядов. И появляется бодрость, прибавляется энергия. И ты сам становишься неузнаваемо приветливым, обаятельным, дружелюбным...

Я вернулся в вонючий, вокзал, загромождённый мешками, тюками, с людьми разноголосыми, разноглазыми. Монголы ждали поезда, чтобы добраться до города Читы и заполнить рынок кожами, шкурами, шерстью, а оттуда вывезти побольше золотых пятирублёвок. Кустами, копнушками сидели китайцы, охраняя свои объёмные тюки холста, чая: они тоже надеялись вернуться домой с золотом, серебром. Тут же прохаживались русские мужики, больше всего в солдатских робах. Они отворачивали своё: как их ни стращали застенками «Чрезвычайки», они возвращались домой.

Нашел свободное место, сел поудобнее, откинул голову и задремал.

Проснулся от того, что кто-то называл мою фамилию. Я открыл глаза, внимательно оглядел всё вокруг. Те же лица, тот же старик.

* * *

За моей спиной мужской голос произнёс:

– Кто здесь будет гражданин Скворцов?! Вас приглашает к себе старший контролёр Бойкевич! – кричал мужчина с большим горбатым носом и маленькими глазками, охватывающими всех.

Я медленно приподнялся. Поправил кожаную куртку, посмотрел на часы. Было двадцать два часа сорок минут.

– Вы? – спросил меня мужчина. Осмотрел. Хотел убедиться, что я именно тот, кто ему нужен.

– Да, – ответил ему.

Он пошёл впереди. Я последовал за ним. Мы вышли из вокзала, прошли складские помещения. Мы прошагали больше квартала в молчании. Моросил дождь, освежая моё заспанное лицо. Вошли в дом. Мужчина лет за пятьдесят протянул мне руку. В другой ладони у него была трость чёрного цвета. Я достал командировочное удостоверение и подал ему. Он внимательно прочитал. Я осмотрел собеседника в профиль, вспомнил. Мы с ним встречались. Это и есть знаменитый вор по кличке Император.

– Кожаную куртку снимите, – посоветовал он мне. – Вы, Бойкевич, свободны, – обратился он к сопровождающему меня. – Голос у Петра Васильевича резкий, злой. – Позаботьтесь, чтобы в одном из вагонов третьего класса были для нас свободные места. И возьмите вот этого мужика, – он показал тростью на высокого, хмурого, скуластого человека лет сорока – сорока трёх. – Его зовут Виктор Евсеевич, а фамилия Журавлёв. Включите в контролёры Госполитохраны. Когда документы на въезд в республику будут проверены, шепните ему, в каком вагоне едут Муравьёв и Прохоров.

– Всё будет исполнено, – ответил Бойкевич.

Скуластый мужик схватил со стола ломоть хлеба, кусок варёной говядины и пошёл к выходу.

Его остановил брюнет с радужными синяками под глазами.

– Дуван, прошу, верни мою фронттовую финку...

– А у меня её нет, – с улыбкой ответил скуластый мужик.

– Виктор Евсеич, ты же взял у меня её на время. Верни, прошу тебя!

– Юра, не хнычь, у меня действительно её нет. Я её пустил в дело. В Хайларе...

Козлов повернулся к Дувану. Нахмурил брови.

– Что ж ты, сукин сын, наделал! Ты же подставил Юрку под удар!

С минуту длилась тишина. Затем опять прогремел голос Козлова:

– Жираф, перевяжи Огоньку руку.

Козлов повернулся в мою сторону.

– Пойдём на свежий воздух, – предложил он.

Мы сели на лавку под тополем. Он бегло рассказал, какова наша задача в пути следования до города Новониколаевска. Посоветовал всегда быть около мешков с золотом и драгоценностями, и пока будем в Чите, на улицу выходить только ночью. И ещё посоветовал не ломать дров в общении с его мужиками.

– Они все воры, кроме Михайлова. Не обижайтесь, если дадут вам экстравагантную или обидную кличку. – Он несколько секунд испытующе глядел на меня. – Не горячитесь, будьте хладнокровным. Не выставляйте своего «я». Будьте, как они. Не чурайтесь грубоватого слова, в рамках приличия пустите мат. Случится что со мной, вы останетесь за меня. Я вас сейчас с ними познакомлю. Да, кстати, вам успели подготавливать информацию о семье Михайлова?

– В Чите комиссар полиции передал мне информацию о его семье. Документы получить ещё не успели, – ответил я.

– При случае сообщите ему всё, что знаете о его семье.

– Я понял. У меня есть и для вас кое-что... кое-какая информация...

– Инструкция?

– Да.

– Пусть находится у вас. В пути будет время разобраться.

– И ещё личное письмо...

– Дожил, бильеду под старость получаю...

– Не знаю, что такое бильеда, но письмо вам написала ваша жена.

– Жена?! Скворцов, не напоминай мне про Новониколаевск и дом Туркина. Я присутствие своей жены чувствую кожей. О, как мне надоело! Уверен, что никто другой, а она устроила, что меня приехал встречать здесь ты. Тогда, в Новониколаевске, Ян охладил мой мозг холодным дулом пистолета. Такого больше не будет. Даже в мелочи меня слушаешься – убью. Ну, Ванда! Ну, Маруха! Читай, что там?

Пока доставал письмо, раскрывал, смотрел на Козлова и вспоминал город Новониколаевск, ночь тринадцатого декабря

девятнадцатого года. Моему отряду приказали окружить дом купца Туркина и не дать возможности уголовникам сбежать с драгоценностями на два миллиона рублей. Вспомнил, как этот мужчина, Козлов, выпрыгнул из кошевки с баулом и крикнул в сторону купца: «Живым останешься – бабу смени!..»

Ян не дал мужчине сбежать, повис на его спине, дуло пистолета ткнул в его висок. Я, помня просьбу Ванды Михайловны, крикнул: «Ян, Императора убивать категорически запрещено!»

– Но письмо личное...

– Скворцов, я не люблю вторично ни просить, ни приказывать.

Я достал письмо, распечатал, развернул и, откашлявшись, начал читать:

– Любимый мой, ненаглядный мой, радость моя, Пётр Васильевич, наконец-то я знаю всю правду. На днях получила от Ивана Яковлевича Жулина письмо...

– О, Ванда! И здесь сработала... – прикрыв рукой письмо, перебил моё чтение Козлов. – Цыдулька, видно, большая, а у нас времени в обрез. Зачитайте на конверте обратный адрес.

Я свернул письмо, на конверте прочитал:

– Город Чита, улица Зейская, дом Меншикова. Врач Серафима Власовна Морозова.

Я замолчал. Козлов смотрел далеко в тёмное небо. Но вдруг резко бросил взгляд на меня и произнёс:

– Давайте о деле. Пока будете с нами, не пытайтесь перевоспитывать моих друзей. Не советую. Михайлов! – крикнул Козлов. – Построй отряд!

– Где? – спросил, высунувшись в окно, брюнет с умными глазами.

– За домом, – ответил Козлов.

Пахло прелой картофельной ботвой, навозом. Дождь перестал моросить. Прояснилось. Синел горизонт в пляске сопков.

– Через десять – пятнадцать минут мы с вами пойдём на вокзал и поедем дальше. У нас пополнение... – Козлов показал в мою сторону. – Его зовут Сергеем. С этой минуты он – мой заместитель, мой помощник, моя правая рука. По дороге и в городах, где будем жить и работать, он будет координировать

все наши действия. Следовательно, ему в первую очередь докладывают... откровенно, без утайки даже мелочей... Помимо меня, только он будет иметь право давать задания и посылать на дело... Больше никто. И не вздумайте самовольничать... До Читы Михайлов будет ехать в отдельном вагоне вместе с Прохоровым. Дуван тоже будет не с нами. Жираф!

— Я, — ответил красивым тенором длинный, худой, с редкими усами мужик.

Я подошёл к нему и для знакомства пожал руку.

— Огонёк! — произнёс Козлов.

— Я.

Парень с толстыми губами, перебитым носом и большим шрамом на подбородке подмигнул мне. Длинные сильные пальцы сдавили ладонь. Он скорчил смешную физиономию.

— Петька Ленский!

— Я! — выпалил широкоплечий угрюмый мужик и сунул мне два пальца, прищурив правый глаз.

— Еван!

Перед моим взором вырос круглолицый великан с роскошными усами. По лбу, щекам и уголкам рта шли морщины. На вид чуть более тридцати лет.

— Я! — протянул он. Мы обменялись рукопожатием. Рука большая, сильная, волосатая.

— Налим!

— Я! — басом ответил худой, низенький, с веснушками на лице мужчина.

— Ну вот, Сергей, познакомились. А тот, кого я послал с Бойкевичем, Дуван.

— Здравствуйте, товарищи, — произнёс я. — Меня, как вы слышали, зовут Сергеем. Очень рад, что вместе с вами буду работать...

— Радости мало, — перебил меня Козлов. — Вы ещё с ними наместесь. В поезде воздержитесь называть друг друга по именам и кличкам. Дело имеем не с дураками. Мне передали, что по дороге работают Жук Гундосый и Валун. Кто их встретит, от моего имени скажите, чтобы шум в вагонах не поднимали и исчезли. Всё. Не забудьте взять продуктов на дорогу.

А я задумался. За двадцать пять лет жизни мне не приходилось вступать в контакт с ворами, и я даже не представлял, как должен общаться с разбойниками. Я присматривался к мужикам, они в свою очередь сверлили меня взглядами.

* * *

Мы сели в вагон третьего класса. Темно. Кто-то достал свечу и зажёл. У Жирафа в руках появился карманный фонарик. Он осветил купе, достал носовой платок и обтёр одну полку с правой стороны по ходу поезда, потом услужливо пригласил Козлова и меня.

Со скрипом тащился поезд.

Через час после отъезда из Мациевской в вагон зашли четверо. С ними был Дуван.

– Граждане, подготовьте ваш багаж для осмотра. Пожалуйста, откройте чемоданы, развяжите мешки.

К нам подошёл Дуван. Огонёк, проворно развязывая мешки, пропищал:

– Пожалуйста, пожалуйста, гражданин контролёр...

– Имеете ли вы спирт, табак? – спросил Дуван.

– Да, – ответил Огонёк. – У Императора арабийский табак «Дюбек Ака». Сними на закрутку мне, а?

Дуван наклонился к Огоньку и что-то шепнул. У того исчезла улыбка, побагровел шрам на подбородке.

– Извините, что побеспокоили, – сказал Дуван.

Контролёры пошли в соседний вагон.

Огонёк не мог найти себе места. Он садился, вставал, чесал грудь, ломал пальцы, ковырял в носу и часто поглядывал то на Козлова, то на меня. Жираф и Налим залезли на верхние полки. Через несколько минут Налим захрапел. Огонёк вскочил, ударил его по ноге ладонью и крикнул:

– Кончай рулады выводить, повернись на рёбра.

Пётр Васильевич не выдержал:

– Слушай, парень, что тебе контролёр пообещал? Что это ты, как на костре, пляшешь?

– С поезда сбросить обещал... – чуть не плача, ответил Огонёк.

– Молодец контролёр. Умный, видно, мужик. Но особо не бойсь, я за тебя замолвлю словечко.

Лицо Огонька просветлело. Козлов достал кисет и подал ему.

– Сходи, покури – и на боковую, – по-отцовски предложил он.

В Хараноре в вагон вошли пятеро солдат. Они остановились возле дверей, один, смущаясь, произнёс:

– Граждане, выручите. Мы паёк не успели получить, а на вокзале ничего не смогли достать. Ночь. Возможно, у кого есть лишний кусок хлеба?

Поезд двигался рывками.

Женщины за стенкой крикнули:

– Солдатики, идите к нам. У нас есть и хлеб, и сало.

Старушка, шлёпая губами, произнесла:

– Верно, бабоньки, мы должны делиться с людьми, которые нас защищают.

На станции Соктуй солдаты вышли.

Где-то плакал ребёнок, старушка покрикивала, возмущалась, булькала жидкость, меня обуял страх. Как же справлялись с этими страшными на вид ворами? Неужели не могли найти в Военном трибунале Сибири кого другого? Почему именно я? Я в партии всего несколько лет, а она куда только не бросала меня. И везде страх провала, совершение ошибок, предательство со стороны идейно неустойчивых большевиков; подпольная работа, участие в партизанском движении, война за освобождение города от колчаковщины...

Еван на верхней полке посапывал.

Неужели мы выполним, что наметили? Неужели воры, совершившие в Харбине кражу золота и драгоценностей, найдут в себе силы не набить свои карманы драгоценностями и не покинуть вагон? Думая об этом, я задремал. Проснулся от шепота. На полу стоял на коленях Огонёк с забинтованной рукой и молился, ударяясь головой о мешок со слитками.

Необычной мне показалась молитва вора. Его длинные чёрные волосы куделями взлетали, через секунду опускались. Слышался удар. Он шептал:

– Господи, прости, что я согласился помочь антихристам. Нет, не им. А детям Поволжья.

Он сильно ударился лбом об мешок. Послышался глухой стук.

– Господи, будет ли когда в моей жизни случай, чтобы мое чело ударялось об слитки?

Из правой нижней лавки полился баритон:

– Огонёк, не смейся людей. Сергей и вправду поверит, что ты истинно верующий. Поднимись, слезами залей его, убеди, что ты не вор, а артист.

Огонек захныкал:

– Владыка, ты испортил мою интермедию. А чекист и вправду поверил. Он даже приподнял голову.

Послышался бас Налима:

– Огонёк, спой: «Баю-баюшки-баю...»

Я лежал, слушал красивый тенор Огонька и не почувствовал, как его пение подхватило меня, завладело. Я провалился.

И тут сцепки затрещали, колеса завизжали, с верхних полок скатились Еван, Петька Ленский. А Налим пробасил:

– Ах, ты, скоморошник, сукин сын, Огневище Адово, ты же убаюкал машиниста. Он сонный въехал в кабак!

И раздался групповой смех.

*Фотография Зои Саркуевой.
Изготовители: «Дынкин и Бушлаев», г.
Владивосток, улица Пушкина. 1921 г.*

Глава вторая

Суббота. 11 июня 1921 года.

В пути.

Я смотрел в окно. На горизонте появилось зарево. В предутренней молочной синеве всё чётче и чётче стали вырисовываться сопки. Сквозь синий туман пробивался полукруг багрового солнца. И вновь голоса:

– Граждане, мы являемся контролёрами Госполитохраны, приготовьте вещи для проверки.

Пассажиры нехотя просыпались, поднимались с лавок и полусонные развязывали свои узлы, мешки, открывали чемоданы.

Я шепнул Козлову:

– У контролёров в руках наганы, и Дувана нет среди них.

– Ширмачи, по местам! – чуть повысив голос, произнёс Козлов.

И вот уже свесил ноги с боковой полки Огонёк, поднялся Налим, Еван сел рядом со мной, напротив Ленский и Жираф. Все мешки не вместились под лавки, некоторые лежали на проходе, под столиком. Дошла очередь до нас.

– Почему не подчиняетесь представителям власти? Чьи мешки? Развяжите! – охрипшим голосом кричал мужчина в шинели. – Что везёте? Табак? – к нему подошли ещё двое.

Пётр Васильевич взял в правую руку трость, приподнял её на уровень груди мужика в шинели и тихо сказал:

– Мои, Валун, это мешки. Мои. Нет, у меня времени возиться с тобой. А жаль.

Мужик наклонился и осмотрел бритое лицо Козлова.

– Что-то не признаю, – с растерянностью и недоумением произнёс он.

Я увидел, как в вагон вошёл Дуван и быстро направился к нам. Вот он подошёл к Валуну, повернул его к себе лицом и сказал.

– Я тебе, шакал, что велел? Ты почему не подчиняешься приказу Императора?

И ударил его ладонью в лицо. Лакированная полосатая

кепка Валуна отлетела под столик, рыжая чёлка прикрывала брови и глаза, а губы сосулькой торчали из полосатого от шрамов лица.

Как быстро работают... Через несколько секунд липовые представители ГПО лежали на полу. Я принимал трофеи: три нагана, две гранаты, дамский золотой браслет, дамские бусы из белых ценных камней, четверо золотых часов.

– За непослушание, Валун, велю тебя с поезда сбросить и твоих малявок следом. Ты согласен? – спросил Козлов.

– Прости. Я не узнал тебя, Император. Ты какой-то не в таком обличии.

– Я старый человек, обременённый сотнями забот, должен всех вас помнить. Ты знаешь, дура, сколько вас по России — таких, как ты? Или посчитал, что Николая-императора тавось, а этого можно не признавать? Заблуждаешься, Валун! Ой как заблуждаешься...

Я шепнул Козлову:

– Не лучше ли доездить их до станции Оловянной, а там сдать в милицию?

– Нет, – твёрдо ответил он, – сбросьте их перед мостом Онона, там поезд плетётся как черепаха. Но это, Валун, последний раз. Больше живым я тебя не отпущу... Я еду в Читу, чтобы ноги твоей там не было...

– В Чите на каждую улицу по два косяка приходится...

– Мне твоя информация до фени. Проваливай...

Козлов отпустил трость.

– Давайте живо, аудиенции крышка, – крикнул Дуван и схватил за шиворот Валуна.

Ленский и Еван подняли остальных, толкая в спины, погнали к тамбуру.

Козлов наклонился ко мне и тихо проговорил:

– Чем думаешь, грузчик?! Из-за какого-то воришки мы можем потерять Прохорова, Муравьёва...

В шесть утра были на станции Оловянной.

Дуван подсел к Козлову, зашептал:

– Валун передал, что в Чите работают Костя Гутаров, Фёдор Шастин. Пашку Гогова он видел в солдатской шинели и с

ружьём. Гурвина не встречали. Один читинский милиционер предлагал Валуну ехать в Москву. За одно дело, а какое – не сказал, обещал десять тысяч Николаевками. Валун отказался. Интересовались Орликом и Непомнящим.

– Не думал, что так низко русского вора ценить будут, – протянул Козлов.

Огонёк залез на самую верхнюю полку и украдкой поглядывал в сторону Дувана.

– Прохоров едет в одном вагоне с Михайловым, в самом хвосте. Муравьёв с капитаном в зелёном вагоне, отдельное купе. У Муравьёва документы, что он является начальником штаба Второй амурской дивизии, член РКП большевиков. Холуй Побирайко – его адъютант.

– Не побеседовать ли нам с Муравьёвым? – спросил меня Козлов.

– На предмет?

– Мы с ним старые знакомые. Я думаю, у него есть другая тайная цель ехать в Россию. Вот почему он пассивно ведёт себя.

– Идти на открытый диалог опасно. Вы раскроете перед ним свои карты и себя. Меня информировал Павлуновский, что главная задача – арестовать всех, кто послан на террористический акт против вождей рабоче-крестьянской республики: раскрыть подпольные организации, резидентов, закрепить на время своих людей, чтобы потом одним ударом обезвредить их организации по всей Сибири, в сохранности привести и сдать драгоценности в Омский банк. О диалоге не говорил ни слова.

– Поймите меня правильно, Сергей, если есть возможность спасти от чрезвычайки умного русского офицера, то почему бы не попытаться?

– Если получите отказ, что будете делать с Муравьёвым?

– Я ничего. А вы его в Чите отдадите в ЧК. И будет ему крышка. А мужик он интересный... В плане контры полковнику отведена второстепенная роль. Для японцев он совсем чужой человек, американцы и англичане его не знают. А вот Прохорова знают все. Но над ним ещё и Кэп-Найф.

– Но всё же какая-то причина заставила верхушку белых остановиться на кандидатуре Муравьёва?

– Он кадровый офицер, прославленный командир двух войн, храбрый солдат. За успешные боевые действия с девятьсот четвёртого по девятьсот семнадцатый был двенадцать раз награждён высшими орденами России. Все его ордена я как-то носил на своей груди... – Пётр Васильевич улыбнулся краешками губ. – Это было в то время, когда меня возили по Алтаю и Сибири как императора Николая Второго. Муравьёв относится к тем офицерам, которые мужественно защищали Россию и проливали кровь ради её могущества и целостности. Вот он перед нами: национальный герой двух войн полковник Муравьёв. Я не хочу, чтобы вы его убивали. Я считаю, есть возможность, даже сейчас, когда он к вам сам не пришёл, а замешан в крупном заговоре, попробовать повлиять на него. Давайте рискнём. Тем более у меня есть некоторые вопросы к нему. Благодаря его ответу мы сможем приблизиться к Кэп-Найфу. Я просил Павлуновского узнать про его семью. Что вам передали?

– Жена Муравьёва, Елена Ниловна, скончалась от тифа три месяца назад. Дочь Ольга живёт в Новониколаевске на улице Переселенческой, в доме номер тридцать пять. С нею живёт цыганка Земфира Иванус. Ольга окончила третий класс женской школы.

– Я это использую.

– Я категорически против. Это не по-большевистски.

– Не напоминай мне про большевиков. Я в вашу дрянную политику не играю. И вообще, запомни, я – русский человек. И если при мне будешь делить русских на большевиков, меньшевиков... я велю своим ширмачам сбросить тебя с поезда. Я твою скуластую харю не забыл, когда ты меня в Новониколаевске с туркинскими безделушками брал. Усёк? Вот и хорошо. А напоминаю, чтоб ты знал: я очень злопамятный. Сейчас вернёмся к Муравьёву. – Козлов набил трубку табаком, закурил. – Когда мы с полковником Муравьёвым мотались по Алтаю, не проходило и дня, чтобы он не вспоминал о жене, дочери. Ему, офицеру, так мало приходилось быть с ними,

и поэтому в памяти своей он сохранил каждую встречу. И я многое помню. Не только из его рассказов, но и из рассказов офицеров, кто служил с ним.

Полковник Муравьёв никогда не терялся на поле боя. Он знал: там враг, его надо уничтожить. Будет у вас, Сергей, свободное время, посмотрите фронтовые газеты, побеседуйте с очевидцами. Вы согласитесь со мной, что я ничего не прибавляю. Но после Февральской революции он растерялся. Он никогда не интересовался партиями, идейной борьбой, жизнью народа. Даже сейчас спросите его, кто такие кадеты, эсеры, социал-демократы, социал-революционеры... Я уверен, он вам не ответит. Он знал и любил солдат. Он знал, что такое война, но в одной плоскости поражения и победы.

— Если он примет ваше предложение и будет играть и на нас, и на белых?

— Это исключено. В его характере преобладают прямота, откровенность и, я бы ещё сказал, простодушие.

Козлов рассказал мне о встречах с Муравьёвым: в девятнадцатом году — Каинск и Алтай, затем Владивосток; а неделю назад — Харбин. Я согласился с его доводами, хотя чувствовал — риск есть. Согласился, потому что видел: он давно решил сыграть напрямую с полковником Муравьёвым, и мне его не переубедить.

* * *

На станции Могойтуй Еван принёс из водогрейки кипятку. Мы позавтракали. Оставили мужиков и пошли в зелёный вагон: Пётр Васильевич, Петька Ленский и я.

Вот и зелёный вагон первого класса. В проходе стоял молодой мужчина и курил.

Козлов подошёл к нему, спросил:

— Уважаемый адъютант, вы позволите нам побеседовать с начальником штаба Второй амурской дивизии?

— Только не вздумайте, профессор права, применять силу. Я буду здесь, и оружие моё всегда в порядке.

— Профессора, дорогой мой, занимаются больше теоретической стороной дела, а убийство — это прагматизм. Будучи у вас в гостях в Харбине, я видел на столе книжонку американца

Дьюи. Почему-то уже тогда решил, что читали её вы. А следовательно, ни к чему предупреждения. На всякий случай с вами останется вот этот гражданин, – Козлов показал на Ленского.

– И всё же я вас должен предупредить, профессор права. Я уверен, это ваши люди, – он показал головой на нас, – можно говорить откровенно?

– Да, – ответил Козлов.

– Прохоров знает, что убит Сосэки не без ваших теоретических знаний и прагматизма.

– Вы меня удивляете. При чём тут я, если какой-то японец убит? – Козлов прищурил глаза. – Вы говорите что-то непонятное, адъютант!

– Ванда Павловна предупреждает вас: будьте осторожны. За своих друзей Прохоров умеет мстить. Прежде чем предлагать какое-то дело начальнику штаба, обмозгуйте получше, дабы не было риска аналогичного, как в Харбине, господин профессор.

– Вот вас я должен убить, – сказал Козлов, – за личиной холуя скрывается хитрая змея.

– Я знаю, вам это раз плюнуть, но вы потом не оправдаетесь перед моим другом – Иваном Петровичем из Новониколаевска.

Были секунды молчания.

– Обложили, гады, обложили, – с улыбкой произнёс Козлов.

– Вам полчаса хватит для беседы, профессор права?

– За глаза, адъютант.

– Вот этого гражданина, – адъютант показал на Ленского, – отправьте в свой вагон. Нечего глаза мозолить.

Адъютант зашёл в купе и доложил:

– Господин полковник, я случайно встретился с профессором права. Не желаете ли вы с ним побеседовать?

– С каким профессором права?

– Иван Захарович, с тем типом, с которым вы «катались» по Алтаю.

– О, приглашайте, приглашайте! Я буду очень рад с ним скоротать время.

– Прошу вас, входите, – сказал адъютант, пропуская нас в купе.

Мы вошли. Капитан вышел и закрыл за собой дверь. Пол-

ковник Муравьев бесцеремонно обнял Козлова, крепко сдавил его и поцеловал, потом отпустил и улыбаясь произнёс:

– Простите мою бестактность, порыв чувств. Прошу, господа, садитесь.

Мы сели.

– Я с вами, Пётр Васильевич, общался дважды, не считая короткую встречу во Владивостоке, но дороги вы мне. Откровенно сказать, полюбил я вас... Я просил адъютанта разыскать вас в Харбине и пригласить, но он мне докладывал, что вас в Харбине уже не было. Пётр Васильевич, познакомьте меня с вашим э-э-э... коллегой.

Козлов встал, следом и я. Полковник по-военному присоился.

– Мой молодой друг Сергей Скворцов.

У меня застрял ком в горле. Но Козлов умолк.

– Полковник Иван Муравьев.

Мы обменялись рукопожатиями и раскланялись. Сели. Полковник предложил сигареты. Я отказался. Козлов достал трубку и не спеша набил её.

– Далеко едете, Пётр Васильевич?

– В сторону Дальневосточной республики. А вы, Иван Захарович?

– Чуть дальше. Как поработали в Харбине, Пётр Васильевич?

– Не совсем хорошо, Иван Захарович.

– Видно по вашему внешнему виду. Неспроста распрощались с усами и бородкой, и причёска под ёжика...

– Бывают обстоятельства, когда не только подрезаешь, но и отрезаешь. – Козлов придавил большим пальцем табак в трубке, зажёл спичку и прикурил. Я понимал его. Ему нужно было немного собраться. Да тут ещё адъютант задал задачку. – Иван Захарович, я не привык играть в прятки, у меня есть маленький вопрос к вам, от которого зависит наша дальнейшая беседа.

– Вопрос профессора права или резидента «К»?

Я весь напрягся. Резидент «К»! Меня информировали: Владыка, Император, Родственник, но резидента «К» не было!

Козлов поднял трость.

– Не стоит, Пётр Васильевич, от удивления переходить к необдуманым действиям. Отложите в сторону вашу трость. Вы можете ею воспользоваться и чуть позже...

– Как понимать ваши дружеские объятия?

– Это, я думаю, не основной вопрос. Элементарно. Я уважаю вас. Хотя мы в прошлом и сейчас представители противоборствующих сторон. Я был в восторге от того, как вы обвели полковника Окадо. То, что вы меня обвели на Алтае, это пустяк. Да, кстати, куда вы дели мой китель с орденами?

– Вот псих! К нему смерть пришла, а он об орденах вспомнил. В Новониколаевске ваш китель с орденами. Если мы с вами договоримся, прикажу вернуть вам ваши погребушки...

– Извините, ордена мои – это доказательство любви к России.

– Мы без орденов, Иван Захарович, но Россию любим не меньше вас. Если бы не паскуда купеческий сынок Пятаков, я бы после окончания Нижегородского кадетского корпуса за прожитые годы тоже имел бы чем похвастаться.

– Пётр Васильевич, если я вас обидел, ради Бога простите!

Козлов затаился трубкой и долго молчал. Наконец, как бы отбросив от себя чётки с воспоминаниями, спокойным голосом спросил:

– Иван Захарович, зачем вы возвращаетесь в Россию?

– Чтобы жить на Родине, – не задумываясь ответил Муравьёв. И тут же добавил: – Воспитывать дочь. А ещё есть у меня потаённая мысль: помогать большевикам, создавать Красную гвардию.

– Полковник, вас расстреляют только за то, что вы «монарха» возили по Алтаю. Что мне репетировали речи... А теперь себе...

– Пётр Васильевич, я ничего не репетирую. Я действительно хочу работать с большевиками. И ещё хотел бы быть в Красной гвардии командиром. Да-да, не офицером, а командиром. Не среди солдат, а бойцов. Вот вы работаете, рискуя своей жизнью. А что я, по-вашему, на это не способен? В гостинном зале полковника Окадо, когда шла перебранка между Быковым и Окадо из-за Наташи, я всё понял. Почему, чёрт побери, вор,

простите меня за это слово, смог сделать выбор и, как я вижу, решил, с кем ему быть. А я?

– Допустим, я вам верю. Но поверят ли в ЧК? Враг советской власти, которого решением Хабаровского ревтрибунала в двадцатом году должны были расстрелять. Неизвестно, как сбежал. Точнее, мне известно, как спас вас от смерти штабс-капитан Прохоров.

– Не удивляюсь вашей осведомлённости, Пётр Васильевич. По совести сказать, меня тогда не за что было расстреливать. Мы расстались с вами вблизи Барнаула. Я приехал в Новониколаевск и поднял полк против Колчака. Я проиграл. Из тюрьмы бежал. Попал в Хабаровский котлован. Решалась судьба, какой флаг будет висеть завтра: одноцветный красный или трёхцветный...

Одноцветники считали: не сегодня, так завтра им придётся уйти из города, а трёхцветники поджидали... И тут идёт по городу полковник. Идёт, как положено русскому офицеру, при форме.

«Вы кто?» – спросили меня.

«Полковник Муравьёв», – отвечаю.

«Враг советской власти?» – спросили меня.

«Враг!» – отвечаю им.

«В расход!»

Муравьёв взял со столика пачку сигарет, вытащил одну, размял. Сунул в рот, зажёл спичку и затянулся, выпуская дым носом.

– Допрашивал меня начальник Хабаровской контрразведки Прохоров. Ваш весьма сильный нынешний противник. Я знал, что он лингвист. Я его обругал за измену присяге на французском и немецком языках. Он меня вывел «в расход», а сам пожелал «счастливого здравствовать».

– Всё это так и было, Иван Захарович, здесь ничего не прибавлено и не убавлено. Но в ЧК поинтересуются, почему Иван Захарович Муравьёв по собственному желанию дал согласие ехать в Москву и убить самого дорогого человека для рабочих, крестьян и солдат всего мира, Ле-ни-на.

– Я никого не убивал, а судят за содеянное.

– Заговор с целью убийства подлежит наказанию. И вы будете давать показания за налаживание связи с белогвардейскими организациями, за распространение клеветы, за пропаганду против Советов...

– Но вы же знаете, Пётр Васильевич, что я ещё ничего подобного не делал.

– Вы не ответили, почему вы согласились?

– Человека, Пётр Васильевич, нельзя вогнать в общую колодку. Из тысячи людей одна колодка, возможно, только на двоих будет впору. Остальным не подойдёт. У человека есть душа. Пётр Васильевич, я знаю, она есть и у вас. Я это говорю не для того, чтобы разжалобить вас. Душа очень часто рассматривает действия, поступки, проступки и даже преступления не так, как разум. Будут меня судить? Обязательно. Я для этого и возвращаюсь. Иного выхода я не видел, чтобы вернуться в Россию. На роль диктатора я не подхожу. Я офицер, не хвастаясь заявляю, в боях всегда смел и решителен, но открыто заявить в Харбине, что я возвращаюсь в Россию у меня не хватило смелости. Мой адъютант сию же минуту пустил бы мне пулю в лоб, не говоря уже о фанатиках.

Мне за последний год предлагали все диктаторы тёплые посты. За день до того, как мы с вами встречались у князя Львова, Спиридон Меркулов предлагал мне пост, который сейчас занимает генерал Молчанов. А потом:

«На какую работу вы согласитесь, Иван Захарович?» – спросил меня штабс-капитан. Время-то какое! Штабс-капитан спрашивает у полковника! Предлагает полковнику быть у него десятым колесом!

«В России на любую должность согласен», – ответил я.

«В Россию со мной поедете?» – предлагает штабс-капитан.

«Да», – ответил я.

– Вы в России, Иван Захарович. Что вам сейчас подсказывает душа?

– Она у меня дальновидная, Пётр Васильевич. Она мне подсказывает, что если в ближайшие минуты после беседы она не расстанется с телом от трости, что у вас в руке, то после приезда в Читу я пойду в здание ГПО и там отвечу на все во-

просы, которые, как мне кажется, будет задавать ваш молодой друг Сергей Скворцов.

– А если вы не пойдете в ГПО?

– Нет, Пётр Васильевич, я пойду в ГПО.

– Какой прок, что вы пойдёте сегодня в ГПО. Вы придёте сегодня с пустыми руками. Если вы желаете работать с большевиками, то доведите дело до конца, и побольше активности. Помогите очистить землю Совдепии от истинных врагов её.

– Я понимаю ваше предложение, но я не смогу. Я не умею играть, как вы, как Прохоров. У меня то, что внутри, то и на лице.

– Где вы остановитесь в Чите, Иван Захарович?

– На Корсаковской, в доме Валикова.

– Прохоров?

– Гостиница «Гранд отель», номер сорок седьмой.

– Адъютант будет с вами?

– Да. Но он ничего не знает. Я не привык делиться секретами с подчинёнными.

– Пока будете в Чите, связь поддерживайте с Сергеем.

– Где мы с вами будем встречаться? – спросил полковник у меня.

– Я к дому Валикова буду приходить в час ночи, – ответил я.

– Боюсь, Пётр Васильевич, не получится у меня ваша затея, но чем чёрт не шутит, попробуем.

* * *

– Иван Захарович, в сентябре семнадцатого года к вам в полк под Кишинёв приезжал повидаться с Прохоровым контр-адмирал. Расскажите, что вы знаете о нём, и опишите его внешность.

– Да-с, – протянул Муравьёв. – Вы с Прохоровым друг друга стоите...

Об этой встрече знают несколько человек. Мой адъютант Климов. Он погиб после этой встречи при очень странных обстоятельствах. Его зарезали. Я подозревал и подозреваю в смерти Климова штабс-капитана Прохорова, но у него было оправдание – он раненый лежал в лазарете. Вторым челове-

ком был я. Третий – сам Прохоров, и четвёртый контр-адмирал. Ещё один поручик по фамилии Михайлов, но у него встреча была секундная. Почему был зарезан Климов? Потому, что был убеждён, что в Прохорова стрелял контр-адмирал. Чушь какая-то. Приезжает муж сестры и стреляет...

– По-видимому, Климов имел какие-то основания говорить, что стрелял в Прохорова контр-адмирал? В-первых, он первым услышал выстрелы. Во-вторых, первым прибежал к месту перестрелки, а перестрелки-то не было, была очередь выстрелов. В-третьих, я думаю, Климов, когда отправил Прохорова в лазарет, обследовал сад, беспокоясь о вашей безопасности.

– Поэтому-то я подписал все документы, чтобы списать по ранению штабс-капитана, хотя ранение было пустяковое. Но само ранение, как говорил мне лекарь, уникальное. Пуля прошла по мышцам лопатки сверху вниз, разорвало и вывернуло кожу, но кость не задела.

– Вашего полкового лекаря надо бы отправить на практику к «Иванам». Они бы ему еще не то показали.

– Фамилии контр-адмирала я не помню. Он скороговоркой произнёс: «Иной». Что это? Фамилия или сокращенно фамилия, имя, отчество? Не знаю. Да и какой мне был интерес к фамилии шурина Прохорова. Если бы вы сейчас меня не спросили, я бы и не вспомнил. Выглядел он оригинально. Высокий, лицо симпатичное. Усики в полоску. Вы знаете, он чем-то похож на Прохорова. Взять у Прохорова его усики

Харбин. Здание, где в 1921 году размещалась японская контрразведка.

и сбрить, а контр-адмиральские подклеить и осветлить. Да, точно, тот блондин. Больше ничего не помню.

— О чём они разговаривали?

— Поздоровались, обнялись и пошли в сад без единого словечка.

— А потом, после ранения?

— Контр-адмирал похлопал Прохорова по правому плечу, сел в машину и уехал.

— А ранен Прохоров в какую лопатку?

— В правую.

— Контр-адмирал левша! — сделал вывод Пётр Васильевич.

— Верно. Я на это обратил внимание, когда он вынимал платок вытереть пот с лица.

* * *

— Если кто-нибудь намекнёт Прохорову, что мы встречались с вами и вели разговор о контр-адмирале, вас в живых, Иван Захарович, не будет.

— Я не оканчивал вашего университета, Пётр Васильевич, но кое-что смыслю!

— Сергей, расскажете Ивану Захаровичу о жене и дочери, — попросил меня Козлов.

— Вы с ними встречались? — выдохнул Муравьёв. — Неужели нельзя было начать с этого... Сергей, говорите правду. Я солдат, — попросил он.

— Второго июня, — начал я робко, с комом, торчащим у меня в горле, — я ходил на улицу Переселенческую, дом номер тридцать пять... Акация в палисаднике перед окнами начала распускаться... Зелёный лист... Елены Ниловны нет... Три месяца назад она... умерла от тифа.

Я хотел посмотреть на полковника, но не смог.

— А Оля, Оля? — дрожащим голосом спросил Муравьёв.

— Ольга сдала за третий класс по всей программе. В конце учебного года её перевели в четвёртый класс.

— С кем она живет? Ей только в августе исполнится одиннадцать лет.

— Она живёт с цыганкой Земфирой Иванус.

– Во всём виноват я, я и только я! Нет мне прощения...

Мы вышли.

– Как? – спросил адъютант.

– Смотри, чтобы Прохоров его не кокнул, – произнёс Козлов.

– О себе, разбойник, не забудь побеспокоиться, – ответил адъютант. – Интересуюсь, как самочувствие коммерсанта?

– Надеюсь, что оклемается. Они его отравили ядом Сань-Тиенской тайной организации. Мастера нашли. Я не беспокоюсь о том, что он мог рассказать Боголею и Сурину, а вот что он мог сказать в доме Мещерякова?

– Он там молчал, – успокоил Петра Васильевича адъютант.

* * *

В Читу приехали в девятнадцать часов пятьдесят минут. Пассажиры сошли. Мы сидели в вагоне и рассматривали вокзал, похожий на четырёхгорбого верблюда с головой, смотрящей на Восток. Мимо нашего вагона прошли Прохоров с Михайловым. Пётр Васильевич шепнул что-то Налиму, и тот выскочил из вагона.

Ушел Муравьёв с адъютантом Побирайко из зелёного вагона. Козлов поднялся:

– Мне надо кое-что выяснить в Военпуре. А Налим сегодня будет ночевать в гостинице «Гранд отель».

И мы покинули вагон. Перешли через железнодорожное полотно, прошли по мосту через речку Читинку. Долго шли вверх по улице Интендантской. Я был в восторге от улиц, от домов. Так бы и ходил, и ходил по городу, глядел бы на четырёхстенники, пятистенники, которые смотрели своими фасадами на улицу, разукрашенные один лучше другого. Каждый дом волновал меня своей неповторимостью. А какие орнаменты на наличниках, ставнях, воротных диковинах! Как только мог человеческий мозг такое придумать, а руки выпилить? Я всю дорогу был возбужден. Все же несём не кирпичи. С настороженностью и любопытством осматривал дома. С большим вкусом подобрана раскраска наличников окон. Вон дом подглядывает своими окнами на нас, а спокойные светло-голубые наличники подмигивают нам. Нет пестроты, но нет

и шаблонов. Каждый дом подчинён одному направлению, каждый дом говорит: «А я хотел бы вас этим порадовать». И другая мысль тревогой беспокоила меня: а не ждет ли нас опасность, не нападут ли на нас разбойники? Вот как бывает, иду в окружении воров, а сам думаю, как будем защищать золото и драгоценности.

С улицы Интендантской мы свернули на Сухотинскую. Вот и дом номер двадцать восемь. Три окна смотрели на нас своими светло-желтыми рамами, а наличники – словно короны над светлыми лицами красавиц.

Мы подошли к прямолинейным высоким воротам с двумя калитками по бокам. Забор плотно примыкал к дому. Я посмотрел и сравнил по высоте с Жирафом. Жирафу надо ещё расти. Я постучал несколько раз в калитку. Она открылась. Я немного успокоился.

– Проходите, собаки нет, – сказал с поклоном маленький дряблый старик лет под восемьдесят, придерживая калитку.

Мы гуськом вошли вовнутрь усадьбы. На старике была серая рубаха, подпоясанная суконщиком, на голове круглая шапка-«татарка». Поднялись по высокому крыльцу.

– Меня зовут дедом Макаром, – произнёс старик, сверля меня взглядом. – Я из комфракции железнодорожников. Мне поручено вас встретить и, если что, то помочь. Я живу рядом. И этот дом числится за мной.

Я назвал себя и познакомил Макара с моими друзьями. Мужики покурили и пошли в дом. А я с Макаром спустился с крыльца. Он мне показал амбар, где был потайной лаз, баню с двойной стенкой в предбаннике, погреб, по которому можно попасть в подпол дома, а оттуда в дом, навес для телег, где стояли в полной исправности телега с задранными оглоблями и пролетка.

Прошли с дедом Макаром на скотный двор. Я осмотрел хлев, омшаник, стайку для домашней птицы, сарай для лошадей, сеновал.

– Мне каждую ночь нужно будет уходить из дома в двенадцать, а приходить в пять. Я бы иногда не хотел беспокоить сон моих друзей. Как это сделать?

– Время-то такое, когда мне, старику, пора отдыхать...
Ладно уж, пошли...

Вернулись в сарай. Он показал мне на глухую стенку, которая выходила на его усадьбу.

– Видишь что-нибудь? – спросил он.

Я внимательно осмотрел брёвна: от пола до потолка подогнаны были очень плотно.

– Брёвна не надо осматривать. Вся стена отодвигается влево на восемь вершков. Вытащи вот этот клин, – он показал на клин, который чуть отличался от брёвен по цвету, – просунь руку и нащупаешь железное кольцо. Потянешь его вверх. Стенка отойдет, а с моей усадьбы прибит гвоздь, на нём висит хомут. Вот этим гвоздём и придвинешь стенку обратно. Этим же путём можно с грузом покинуть дом, если появится опасность. Вспоминая прошлое, скажу: этим путём однажды уходил Бабушкин. А я к этому времени гнедого запрягу. И поедem... Товарищам скажи, в подклети есть овощи, сало, горбуша солёная. Не стесняйтесь, это все наше, общее... Прошу прощение за интерес, а мне говорили, будет сам Император...

– Придёт, – произнёс я.

– Да, – протянул дед Макар, – придёт – ему низкий поклон...

Я вошел в дом.

* * *

Большая русская печь на высоком деревянном помосте опиралась на капитальную перегородку и своим открытым ртом смотрела на два окна. По правую руку от двери в углу был устроен голбец. Вдоль стен стояли лавки. По центру кухни длинный стол черемухового цвета с массивными ножками. Над дверьми на половину кухни тянулись полаты из колотых плах краснокирпичного цвета, прямо возле печки был устроен бабий кут, а в противоположной стороне копик.

В доме ни одной живой души. Я прошел мимо печи, открыл дверь в малую комнату с двумя кроватями – ни души. Открыл соседнюю дверь в горницу. В углу позолотой сверкали иконы, В комнате стояли две кровати и маленький стол между двух окон. И здесь пусто. Я вышел на кухню, посмотрел вверх: с

полатей свесились до колен худые ноги Жирафа. Все спали, чуть похрапывая. Я поставил лестницу, поднялся и посмотрел на них. Они спали как дети, уткнувшись друг в друга.

Я подумал: если не все, то большинство сейчас видят во сне свое детство. Запах полатей, запах тулупа, тепло... Я осторожно спустился с лестницы. В углу печи сдвинул дощатый короб, по лестнице спустился в подполье. Набрал ведро картошки, взял из ящика большой кусок сала, из бочки достал две солёные горбуши. Мужиков надо кормить. Начистил картошки, затопил печь и поставил чугуна в печь. Нажарил сала, нарезал горбуши. Проскоблил стол. Есть подано.

Когда подошел к полатам, чтобы разбудить спящих и пригласить к столу, увидел, что они все лежат с открытыми глазами и смотрят на меня.

– Проснулись? – ласково спросил я.

– От такого запаха мёртвый поднимется, – сказал с улыбкой Дуван. А что, Император ещё не приходил?

– Нет, – ответил я.

Мужики сели за стол и проворно стали уплетать картошку с нажаренным салом. Я вышел на улицу, закрыл ставни. Полночь. На улице тихо и безлюдно. Я проверил засовы на воротах, задвижки на калитках. Мужики зажгли лампы.

– Мы тут решили так, – встретил меня с порога Дуван. – Вы спите в малой комнате, а мы на полатах. Дежурство начинаем с Евана. Ему вручаем под расписку наган. Дежури́м с часу ночи до семи утра. Днём все работаем. Вы согласны?

Я кивнул головой.

– За завтрак и ужин отвечает дежурный. Дисциплина военная. Без ведома Императора или вашего – никто ни на шаг. Мешки под кроватями, там же по одной бомбе. На всякий случай.

По ставням постучали.

– Еван, – крикнул Дуван.

– Через сорок минут, – ответил Еван и продолжал поправлять лезвие финки.

– Ты что, не слышишь? Стучат!

– Не ори, Дуван, – растягивая слова, сказал Еван. – Дис-

циплина военная... Я заступаю на пост через сорок минут. Пусть подождут.

– Там Император! Ну, подожди! – и Дуван выбежал.

* * *

На моих часах было половина двенадцатого.

Вошел Михайлов и с порога произнёс:

– Разрешите доложить.

– Валяй, Юра, – скаля зубы, произнёс Огонёк и получил подзатыльник от Дувана.

– Если я тебя с поезда не сбросил, то не значит, что здесь ты будешь анархию разводить. Я сказал, дисциплина военная. Император вам сказал, что мы – особый отряд. Баста корчить бублики.

Я прошёл в большую комнату, за мной проследовал Михайлов.

– Прохоров остановился в «Гранд отеле», – начал Михайлов. – Номер шикарный, его уже ждали. Мы с ним сходили в баню Байбородина, помылись. На улице Прохоров остановил пролётку, предложил мне сесть в неё рядом с ним, а кучера попросил ехать на улицу Уссурийскую, дом номер четыре. Я там был. Двухэтажный кирпичный дом с лоджиями. Мне отведена угловая комната на втором этаже. Одно окно выходит на проезжую улицу. По пути к вам заглядывал в окно Прохорова. Ровно в двадцать четыре часа он разделся и лёг спать.

– Меня интересует баня Байбородина, – спросил я.

– Я ничего не заметил. Одно странно... Только после бани он мне сказал, что я буду жить на улице Уссурийской.

– С кем он беседовал в бане?

– Ни с кем.

– Расскажите всё по порядку.

– Зашли. Нас проводили в отдельный номер с выходом в парную. Помылись. Принесли квас. Мы пошли, попарились. Он пригласил массажиста.

– Следовательно, он выходил?

– Всего на несколько секунд. Я ещё раз попарился.

– Его оставляли одного или с массажистом?
– С массажистом, толстым лысым стариком лет под шестьдесят.

Нам в номер принесли пива японского «Саппоро».

– Здесь, в Чите, и японское пиво? – удивился я.

– Его продаёт контора «Тунь-я и К».

– Спасибо, Юрий Павлович. Вас попрошу, приходите к нам днём в любое время. Я всегда буду дома. Пока здесь, а если переедем, то по второму адресу. Ночью опасно встречаться. Неслучайно он вас поселил в угловую комнату. Завтра последует проверка. Завтра не приходите.

– Виктор Евсеевич! – крикнул я.

– Слушаю вас, – откликнулся с порога Дуван.

– Выдайте под расписку Юрию Павловичу кольт.

Михайлов ушёл. Еван приступил к дежурству. Пётр Васильевич не появился.

Глава третья

Воскресенье, 12 июня 1921 г.

г. Чита.

Двенадцать часов ночи. Все спят, кроме меня и Евана. Я зашёл в малую комнату, расстелил постель на кровати возле глухой стены. С соседней кровати взял стеганое одеяло, скрутил его и уложил под простыню на свою кровать. Дверь хлопнула. Я вышел на кухню, сдвинул короб, прикрывающий голбец, спустился по лестнице, подтянул короб на прежнее место. Зажег фонарик. Ещё когда впервые залазил в подполье, хорошо присмотрелся. Вот он, лаз. Я на четвереньках полез по нему, освещая себе проём фонариком. Пришлось проползти не менее пяти саженей. Наконец, я оказался в погребе. По лестнице поднялся вверх, осторожно открыл крышку. От погреба я перешел к сараю. Нажал клин. Вытащил его, просунул руку, потянул за кольцо. Стенка тихо отошла. Я пролез через

отверстие. Сдвинул стенку на прежнее место и, освещая себе путь, подошёл к дому.

Пролетка была запряжена, дед Макар сидел на завалинке и курил.

– Доброй ночи, – сказал я.

– Ага, – ответил он мне, – старушку еле уговорил не ехать с нами.

– Я могу узнать ваше отчество, дед Макар?

– Не надо. Я скоро двадцать лет, как дед Макар. В девятьсот втором так меня окрестили большевики.

Он открыл ворота, и мы выехали. Макар вернулся, закрыл ворота, долго возился с калиткой.

– Секрет у меня там, – вернувшись, сказал он мне, – не зная, не откроешь.

Старик понукал ласковым голосом лошадь, помахивая кнутом вокруг крупа. Лошадка бежала, звонко цокали копыта о брусчатку в ночной темноте.

Доехали до Лесной пристани, свернули на Верхне-Уссурийскую. Тихо. Только изредка гавкнет кое-где спросонья собака да скрипнет у нерадивого хозяина от ветерка калитка. Вот и весь шум.

– Дед Макар, вы оружие с собой взяли? – спросил я.

– Как же. У нас сейчас город как на осадном положении, по сто пятьдесят – двести происшествий в сутки. Под сиденьем топор, в руках, вишь, бич...

– Вы меня знакомьте с названиями улиц.

– Это можно... Вот проехали Гончаровскую, а сейчас будет Кондинская. Город наш красивый. Говорят, сам император генеральный план утверждал. Но это брехня. Руки мастеровых утвердили. Не будь этих рук... На Корсаковскую выезжаем.

– Подъезжай к дому Валикова.

– Туточки рядом, направо. Ну, а что будем делать?

– Ждать.

– Дело привычное. Получил я как-то год назад письмо от вашей знакомой. Пишет она мне: поезжай, дед Макар, к Песчаному озеру и жди, пока к тебе не сядет девушка по имени Наташа. Приехал я и ждал две недели... Рыба уже опостылела,

а от грибов нос воротило. Девушка Наташа так и не пришла. Не получилось у неё тогда с Семёновым... Мимо неё, говорят, проплыл он со своей любовницей, а Наташу японец прикладом – да на колени. Вот когда рассказали мне рыбаки про этот случай, я не стал больше ждать...

* * *

– Там был очевидцем страшного убийства. Запряг лошадёнку, только за вожжи взялся, а мимо меня машина. Я с телеги прыгнул – и за куст. Смотрю, перегораживает машине дорогу девица. Красивая, как принцесса, а одетая королевой. На голове чёрная шапочка с брошью, украшенная дорогими разноцветными камнями. Машина заскрипела тормозами. Вышел из кабины прапорщик. Принцесса взмахнула правой рукой, и прапорщик повалился на землю. Выскочили двое казаков. И к ней. Она в их сторону отправила по финке. И они упали, замерли без движения. Шофёр выскочил – и от машины подальше. Но и его уже пуля догнала. Она собрала финки, об одежду убитых обтёрла, сложила в чёрную сумочку, повесила на бедренный пояс и тогда подошла к пленникам. А пленников было двое. Молодая женщина, беззубая, рыже-волосая, и молодой мужчина. Мужчину она посадила рядом с собой. А руки не развязывала. Женщину в кузове оставила и тоже со связанными руками. Я в сомнении был: рисковала, отбила – развяжи руки. Дай свободу. Нет. Принцесса села на место шофёра и погнала машину в город. А я в телегу – и подальше от этого места.

Во время встречи с Вандой рассказал я ей эту трагедию. Она заверила меня, что принцесса – не её девушка.

– Да, дед Макар, вы были свидетелем страшного убийства.

– Ты, Сергей, дослушай дальше. Когда вы вчера уже приехали из Мациевской, я, как извозчик, с повозкой стоял на вокзальной площади. Меня попросили на всякий случай быть начеку. Смотрю, почти все пассажиры разошлись. Вы с мешками исчезли. И вижу: из предпоследнего вагона выходит принцесса. Ну, та, которая вблизи кирпичных сараев на старом тракте устроила бойню. Присмотрелся: она. Чёрная

юбочка, на ней пояс, а на поясе чёрная сумочка. Всё сходится. Слушай, Сергей, а сопровождал её высокий, большеносый мужчина. И знаешь, что дальше произошло? Появилось два легковых автомобиля – и принцесса исчезла... Дом Валикова. Где остановиться?

* * *

– На углу, – оказал я. Сам подумал: «Видно, дед Макар давно знает Ванду Павловну. А принцесса? Чёрная юбка, чёрная сумка... Не та ли это красавица, которую я видел на станции Мациевской? Нет. У той добрая, завораживающая улыбка».

Лошадь остановилась. Я достал часы, протянул руку с часами в уголок пролётки и осветил фонариком. Было без пяти минут час.

– Кто-то идёт, – произнёс дед Макар, поправляя на себе зипун.

Я слез с пролётки и пошёл навстречу тени. Ночь была тёмная и прохладная.

– Сергей, – услышал я голос Муравьёва.

– Да, – ответил я.

– Ваша пролётка?

– Да.

– Будем беседовать в пролётке.

Я повернулся, подошел к пролётке. Дед Макар перебрался на облучок. Рядом со мной сел Муравьёв.

– Поезжайте, дружок, по Московскому тракту в сторону Дальнего Вокзала.

Потянуло ветерком.

– Вы почему оставили штабс-капитана без присмотра? – нравоучительно спросил Муравьёв.

– Мне докладывали, что в двадцать три часа он лёг спать.

– А в двадцать два часа пятнадцать минут я проводил совещание, организованное им в оптовом магазине на старом базаре, это на Сretenской улице. Прохоров сидел рядом со мной. В двенадцать ночи закончилось совещание, и он уехал, но не в «Гранд отель», а на Архиерейскую дачу, где, как ни странно, будут бдеть с епископом Мелентием-Забайкальским,

епископом Нестером-Камчатским и епископом Мефодием-Оренбургским. Я отказался. Сослался на недомогание. Как самочувствие профессора права?

– Спасибо, хорошее ...

– Милейший, – обратился полковник к Макарычу, – сверни к кирпичному заводу... Выступил я отлично. Прохоров умница. В одиннадцать часов вечера, когда мы с адъютантом играли в шахматы, к нам пожаловал один кислый толстяк и вручил коробку. В ней были такие ордена и медали, какие я когда-то получал на фронте. Я выступил при парадном костюме. Было человек двадцать... Фамилию запомнил только одних, Гордевых... Как вас встретила Оля?

– Они обедали. На столе стояла сковорода жареной картошки и сухари.

– Вы ей сказали, что я жив?

– Откуда я знал, что вы живы? Она у вас не по возрасту взрослая.

– Какая там взрослая – одиннадцать лет.

– А я подумал, что лет тринадцать, не меньше. Я спросил у нее: «Чей это дом?» Она ответила: «Дом мой. Это моя прислуга», показывая на цыганку. В ограде бегала овчарка. Возле неё на столе лежала финка.

– Это финка моя. Мне её подарили здесь, на Востоке, во время Русско-Японской войны... Красивая она?

– Что, финка?

– Да нет, Оля!

– Красивая. Очень красивая. Волос чёрный, густой... Глаза большие...

– Милейший, подъезжай к войсковой больнице. Как думаете, Сергей, я скоро её увижу?

– Всё зависит от вас.

– Да, вы правы. Передайте профессору права, что я очень прошу, чтобы за мной установили слежку. Мне на том сборище все мужчины казались на одно лицо. Его приятели в этом деле знают толк. Не знаю, когда и кем было присвоено звание полковника штабс-капитану, но на совещании его представляли как полковника Прохорова.

– Войсковая больница, – произнёс дед Макар. – Куда дальше?

– Остановитесь здесь, милейший. Вам предлагаю, Сергей, поинтересоваться помещением морга. На совещании я ставил перед собравшимися мужиками три основные задачи: вербовка отрядов, захват оружия, вредительство. Строго по плану Прохорова. Одну реплику услышал, она звучала примерно так: «У нас в войсковом морге на первый случай кое-что есть». Сергей, деловой разговор закончен, я покидаю вас. Меня ждут. Здесь работает мой старый приятель, врач Будаков, так вот, хочу с ним помянуть мою Ельку... До свидания.

Он не слез, а прыгнул с пролетки, отдал нам честь.

– Утром буду дома.

* * *

Дед Макар пересел ко мне в кузов, и мы поехали дальше. Миновали Большой остров, пересекли речку Читинку, выехали на улицу Камчатскую и остановились возле сада Жуковского.

Было без пятнадцати два.

Я оставил деда Макара одного, сунул руку в карман, нащупал холодный кольт, и моя ладонь сдвинула рукоятку револьвера. Темно, прохладно и страшновато!

Я шёл по берёзовой аллее вглубь сада к скульптуре Аполлона, к богу солнца, покровителю искусств, к богу предсказаний.

Возле скульптуры стояла тень.

– Сергей?

– Да, я, Ванда Павловна.

– Здравствуй. Как себя чувствует мой родственник?

– Он вчера с вокзала ушел в здание Военпура, и больше я его не видел.

– Дайте задание проверить весь город и окрестность. В Военпур не посылайте, я сама поинтересуюсь. Как ведут себя подопечные?

– Они уже провели совещание. Полковник Муравьев сообщил мне об этом.

– Как это полковник Муравьев?

– В поезде Козлов и Муравьев договорились, что каждую ночь полковник будет мне докладывать в час ночи. Проверь-

те Войсковую больницу, особенно морг. Муравьёв запомнил фамилию братьев Гордеевых*.

— Вы верите полковнику?

— Да.

— Такие кадры, как Муравьёв, нам нужны. Прислали фотографии детей Михайлова и письмо. Вы ему передайте.

Я взял пакет и сунул в карман.

— Слушай, Сергей, а не у Серафимы ли он? Всё же пятнадцать лет не виделись. Ты адрес помнишь?

— Помню. Улица Зейская, дом Меншикова. Морозова Серафима Власовна.

— Быстро в пролётку! Ну, я ему и всыплю, если он там.

— Ванда Павловна, мне надо в четыре часа быть возле будки Вильда**.

— Успеем.

Сели в пролётку.

— У тебя, как всегда, дед Макар, даже куска хлеба нет.

— А вот и зря, Павловна, червячка заморить есть чем.

— Доставай свой запас, ограблю я тебя на сегодня.

Ванда Павловна с жадностью съела кусок хлеба с салом. Поблагодарив деда Макара, рассказала мне, как ходила в дом Меншикова за день до моего приезда из Новониколаевска в Читу. Серафима встретила её с удивлением. Ванда Павловна без подготовки сразу отчеканила: «Пётр Васильевич находится в Китае, через несколько дней будет здесь. Садитесь и пишите ему письмо. Люди передадут. Он честно служит революции. Иван Яковлевич Жулин просил передать, что в Нарыме Павла Козлов не бил. Это ложь Базина». И замолчала, потому как Серафима Власовна без сознания упала со стула на пол. Вместе с её сыном Петей её перенесли на кровать.

— Вот, Сергей, и дом Меншикова. Пошли, я тебя познакомлю с моей соперницей.

* Братья Гордеевы бежали в леса, организовали две политбанды и бесчинствовали до конца 1922 года. Ими руководил Штаб партизанских отрядов Приморья, находящийся за рубежом.

** Будка Вильда — психометрическая будка с приборами для измерения температуры и влажности воздуха.

Но Ванда Павловна не познакомила меня с Серафимой. На вопрос: «Кто там?» – она крикнула: «Подруга Серафимы Власовны! Мне нужна Морозова!»

«Её нет, – ответили, не открывая двери, – примерно четыре часа назад её увезли к больному».

* * *

Господи, неужели эта женщина ничего не боится? На улице Софийской, возле штаба Главкома, мы попрощались с Вандой Павловной.

Мы поспешили с Макарычем к будке Вильда.

Удивлён и обрадован был встрече с Чень Яном. Он сообщил, что Дуван убил японца Сосэки финкой Михайлова. Прохорову передали, что Сосэки убил Михайлов. Михайлову грозит опасность. В два часа ночи Прохоров был на вокзале в очень приподнятом настроении. Он тепло прощался с партизанами, отъезжающими учиться в Совдепию. А час назад долго беседовал с преступником Гурвичем, которого привез в Читу майор Фукуда.

На прощание Ян с тревогой сказал мне: «Сергей, на явку не пришла Наташа Быкова. Я сделал вывод, что она обнаружила за собой слежку. Она знает деда Макара. Придёт. Всё, что попросит, исполни. Не задерживай и ничего не спрашивай»

Ян сообщил мне запасной адрес для нашей группы и исчез.

* * *

Мы подъехали к дому. Через маленькую щель в ставне маячил свет.

– Ваши не спят, – произнёс дед Макар.

– Посмотрю, чем они занимаются.

Я подошёл к окну и приложился правым глазом к щели в ставне. За столом сидел Еван и что-то усердно писал.

– Как в дом-то попадёте? – спросил дед.

– Через забор. Вы оставайтесь здесь, а через минуту, стукните несколько раз в ворота и идите спать.

Я разбежался, схватился руками за забор, подтянулся и перебросил себя во двор. На столе лежал исписанный каракулями

лист бумаги и клочок газеты «Красный пахарь». Я внимательно всмотрелся в каракули. Весь лист исписан печатными буквами, одним и тем же предложением «Здравствуй, мама». Я снял куртку, повесил возле умывальника в углу и присел на лавку.

Вошел Еван.

– Кто стучался? – спросил я его.

– Не знаю. Всё вокруг осмотрел, никого нет. А вы что не спите?

– Императора жду.

– Да... Где он может быть?

– Буди мужиков, пора на работу выходить.

– А как их будить? По-военному?

– Дело твоё.

– Ширмачи, – закричал Еван, – поднимайсь!

– Что орёшь? – повернувшись к нам, спросил Дуван.

– Начальство приказало на дело топать.

– Как хорошо спать, – потягиваясь на полотах, произнёс Ленский. – Сколько времени?

– Времени шесть часов утра, – ответил я.

Все быстро умылись.

Я обратил внимание, что все сели за стол в том же порядке, как вчера. Напротив меня Дуван, рядом с ним, по правую сторону Огонёк, за ним Жираф, а по левую сторону Ленский. Возле бабьего кута сидел Еван.

– На сегодня у нас много работы. Жираф пойдёт на вокзал и будет там целый день. В случае если кому понадобится помощь, ты поможешь, если что важное, то на вокзал не возвращайся. Ленский пойдёт на улицу Корсаковскую к дому Валикова следить за Муравьёвым. Огонёк – на Архиерейские дачи, узнать, кто живёт, что делают, о чём ведут разговоры... Побывай в церкви, послушай воскресную проповедь. Еван, присмотришься, что за оптовый магазин на старом базаре по Сретенской улице. Помойся в Байбородской бане, прими массаж от толстого лысого мужчины. На сегодня ты – самый ярый враг Совдепии и большевиков.

Вас, Виктор Евсеевич, прошу об одном: ищите Козлова, но в здание Военпура не ходите. Домой возвращаться по обсто-

ятельствам. Засекайте, где были, что вокруг творилось, и кто на вас обратил внимание.

– У меня нет часов, – сказал Еван.

– Виктор Евсеевич, выдайте ему часы.

– И у меня нет! – враз крикнули Огонёк, Ленский и Жираф.

Я закрыл за ними калитку и лёг спать. Но до сна ли было! Мне вспомнились слова адъютанта Муравьева: «Прошу вас, будьте осторожны, за своих друзей Прохоров умеет мстить». Эти страшные мысли долго бороздили мне мозг. Нет, нет, только не это... У него появились какие-то срочные дела. Он придёт, придёт. Не скрою, была у меня мысль: не убежал ли вор Козлов? Не переметнулся ли к белым? У меня закрывались глаза. Нужно было хоть на короткое время заснуть.

* * *

В девять часов я проснулся. Накапывал мелкий дождь. Дед Макар копался в огороде. Я подошёл к нему.

– Сам не пришёл? – спросил он меня.

– Ещё нет.

– Слышите, кто-то к вам ломится? Идите.

Я подошёл к калитке, отодвинул жердь, снял крючок. Вошёл Михайлов. Была половина десятого.

– Императора не было? – с порога спросил Михайлов.

– Нет, – ответил я.

– Мужики что-нибудь узнали?

– Они ушли в семь часов утра, придут не раньше двадцати четырёх.

– А Дуван? – спросил он меня.

Я покачал головой.

– Вы, собственно, кто будете?! – размахивая руками, не скрывая своей военной выправки, крикнул Михайлов.

– Помощник Козлова.

– Это я слышал.

– Большевик.

– И это мне известно.

– Военный следователь революционного трибунала Сибири.

– Вы следователь?

– Да, – ответил я.

– Так какого чёрта сидите здесь, на этих золотых мешках!.. Идите немедленно в Госполитохрану и заявите, что потерялся великий человек Пётр Козлов. Идите в милицию, во все инстанции, вплоть до председателя правительства Дальневосточной республики Краснощёкова...

– Я привык быть исполнительным и строго выполнять приказы старших. Козлов приказал мне ни в коем случае не отлучаться от этих золотых мешков. От них зависит жизнь людей.

– Жизнь Императора вас не беспокоит? Вы бессердечный человек! Вы чёрствый и бездушный человек... Идите, товарищ Скворцов, я останусь с мешками. Клянусь, ни одного грамма не пропадёт! А может быть, вы, большевики, упрятали Императора?

– Не говорите чушь! Я уйду. Вы останетесь здесь. А кто будет рядом с Прохоровым?

– Кто? Налим. Он все равно ходит по моим пяткам.

– Нет, я не согласен. Лучше расскажите, чем занимался сегодня утром Прохоров.

* * *

– В семь часов я пришёл к нему. Он уже был опрятно одет и чисто побрит. В номере стоял запах семейного мыла «Виктория». Он пил чай и рисовал на оберточной бумаге от чая китайские иероглифы. Рисовал сверху вниз, начинал с правой стороны. На обратной стороне я прочёл «Чайная фирма В. Высоцкого». Настоящий чай... Высоцкий имеет акции, бандероль и штампель Сретенской развески номер восемьсот восемь.

Вся надпись обведена зеленой краской, бумага жёлтого цвета. Он предложил мне чаю. Я не отказался. Я пил чай, а он всё рисовал.

«Что это?» – спросил я его.

«Тренируюсь, дабы не забыть китайский язык», – ответил он мне.

Но у меня появилось подозрение, что писал он не только ради тренировки. На десяти листочках не было ни одной помарки. На последнем листочке он в конце, в левой стороне,

поставил точку. Я ему сказал, что я очень беспокоюсь из-за неустойчивого своего положения. Могут меня распознать – и тогда всё. Он на мои опасения ответил: «Сегодня в два часа зайдёте в электротеатр «Дон Отелло» и там вам дадут документы. Вы будете инструктор Военпура Крючков Иван Пименович».

«Кто мне даст документы?» – спросил я его.

«Вам, прапорщик, необязательно это знать. Главное, у вас будут хорошие документы. С ними вы беспрепятственно доедете до Москвы».

Мы вместе с ним дошли до городской площади, там растались. Было девять часов. Я поспешил к вам.

– А куда он дел чайные обёртки? – спросил я Михайлова.

– Он их сложил в ин-кварти и сунул в левый карман кителя. Они по размерам чуть больше кармана. Ему пришлось рукой гладить несколько раз по клапану кармана.

– Как у него настроение?

– Когда он рисовал, то чему-то самодовольно улыбался.

– Вы не заметили за собой слежку?

– Да вы что, Сергей, он мне полностью доверяет.

– Нет, не верит он вам, Юрий Павлович, совсем не верит. И я в этом убеждён. Он вас вчера отправил отдыхать, а сам почти всю ночь работал.

– Как так, прежде чем пойти отдохнуть, я ходил и смотрел в его номер? Он спал.

– Вчера он с полковником Муравьёвым проводил совещание. Затем был на вокзале. Где ваша финка?

– Ещё в Харбине её отобрал у меня Дуван. А что случилось?

– Вашей финкой убит Сосэки. Вам угрожает опасность. Вам необходимо прекратить встречаться с Прохоровым.

– Ерунда. Я никакого отношения не имел к Сосэки. Я его даже не знал. И когда я мог его убить? Я всё время на глазах у Прохорова. Из Харбина до Маньчжурии мы ехали в одном вагоне. В Маньчжурии я его оставлял дважды, и то не на долгое время. От Мациевской до Читы мы опять ехали с ним вместе. Ваша информация не отражает действительного положения. А я должен быть рядом с Прохоровым. Поясню, почему. Во-

первых, чайная этикетка – это его пароль в переписке с полковником Окадо. Несколько чистых бланков я должен у него взять. Во-вторых, он звонил по телефону двести пятьдесят три и назначил свидание в международном кафе-столовой «Бельгия», что находится на углу Иркутской и Александровской. Назначая свидание, он беседовал на французском языке. Налим его не знает.

Я достал фотографию и письмо жены.

– Почитайте, что вам из дома сообщают.

Михайлов взял фотографию и сел на стул. Нежно улыбаясь, смотрел и гладил фотографию. Письмо читал долго. С каждым предложением лицо менялось.

– Спасибо, товарищ Скворцов, я пошёл.

И он фотографию с письмом сунул в карман кителя.

– Верните назад, – приказал я.

Я в душе согласился с выводами Михайлова и решил его не задерживать. Действительно, подумал я, на каком основании могут подумать, что Михайлов убил Сосэки, когда Михайлов всё время был с Прохоровым? А мало ли финок? Что они, меченные, что ли?! И, конечно, Михайлова никто не заменит: ни Налим, ни Дуван, ни я. Все мы иностранцами не владеем. Михайлову на прощание посоветовал:

– Заметите за собой слежку, немедленно прекращайте работу и приходите к нам. Массажист – их человек.

* * *

Прошло полчаса, я услышал стук в ворота. Глянул в щель. Стояла девушка. Я открыл калитку, пропустил её. Она вошла с малым чемоданчиком, осмотрела меня. Я закрыл калитку. Она достала уголок открытки, протянула мне.

– Вы Наташа Быкова. Ян мне говорил о вас. Я смутно, но помню вас. Ночью тринадцатого декабря в городе Новониколаевске на улице Фабричной мы с Яном арестовывали Императора, купца Туркина и его жену. И вы были там...

– Ян здоров? – вырвалось у неё.

– Здоров. Проходите в дом.

Наташа открыла чемоданчик, достала завернутый в косынку альбом.

— Это передайте Ванде Павловне. Она должна не сегодня завтра побывать у вас. Советую вам поменять место жительства. Если не сегодня, то завтра обязательно.

Она прошла по кухне. Осмотрела себя. Села на лавку. Требовательно проговорила:

— Зовите хозяина фанзы.

Взглянул на неё с сомнением. Она улыбнулась:

— Мне ваши драгоценности не нужны, а вот на дорогу рублей пятьдесят серебром возьму.

Наташа осмотрела деда, улыбнулась.

— Я надеялась, дед Макар, с вами познакомиться ещё в прошлом году. Не получилось. Соберите мне подходящие вещи под крестьянку. Я должна переодеться.

Дед Макар поспешно ушёл. Скоро принес охапку блузок, юбок, косынь. Она быстро переделалась. Свой костюмчик сложила в чемоданчик. Скороговоркой произнесла:

— Мои вещи отвезёте в Новониколаевск. Меня не будет, передадите Яну. — Из одного платка связала узел, куда сложила несколько помятых бумажек, женское бельё. Повернулась к хозяину: — Деда Макар, прошу вас, запрягайте свою сивку и отвезите меня в сторону Могзона. Захватите хлеба, сала и чеснока.

Дед убежал. Она посмотрела на меня.

— Передайте Яну, пусть не волнуется. Они меня не поймают. Прибудут Рябой с Пулькой, передадут вам письмо. Ознакомьте с его содержанием только Ванду Павловну и Родственника. — Улыбнулась. — Попросите Ванду Павловну от моего имени, чтобы меня сопровождал Еван. Она знает, где я его буду ждать.

Я из своего баула достал горсть серебряных, из баула Козлова — три золотых пятирублевки. Она взяла.

* * *

Я начистил картошки с полведра и поставил варить в большом чугуне. На обед никто не пришёл. Я занавесил окна, вышел во двор, проверил засов на воротах, обошёл вокруг, за-

глядывая во все подсобные помещения. Просмотрел огород. В комнате из-под кровати достал первый попавшийся мешок, развязал, содержимое вывалил на кровать. Куча драгоценных вещей сияла разными цветами. На табуретку поставил чернильницу и положил амбарный журнал.

Я работал несколько часов. Развязывал мешок, высыпал всё, заносил слитки, драгоценности в амбарный журнал, ставил порядковый номер. Для каждого мешка в отдельности писал копию и оставлял в мешке. Очень часто прерывал работу. То мне казалось, что кто-то стучит, но вокруг было тихо. То задумывался над тем, где Козлов. Смеркалось. Я посмотрел в окно, солнце медленно пряталось за сопки. Не занёс в журнал только два полмешка.

Я вышел из дому. Темнело. Мне показалось, что кто-то из-за ворот в щель смотрит на меня. Я подошел к воротам и услышал удаляющиеся шаги. Кто бы это мог быть? И тут раздался подхриповатый голос Огонька: «А ты не трусь, не трусь, паря. Пойдём, я тебя яблочками угощу...»

Я вытащил засов. Огонёк прошёл во двор, крепко держа за руку мальчика лет четырнадцати. Они прошли в дом, а я постоял несколько минут возле ворот, прислушиваясь, не слышатся ли ещё какие шаги. Когда я зашёл в дом, ужаснулся. Пахло палёными волосами. Стеклянная лампа стояла на полу возле парня и хорошо освещала его лицо. Там, где должны быть волосы на голове и брови, тянулись красные линии. На голове островками торчали завитушки рыжих волос. Парень в страшном испуге тарасил на Огонька глаза и тараторил:

– Всё расскажу, всё, только не жгите...

Я подошёл к парню с намерением развязать ему руки и поднять.

Огонек крикнул:

– Начальник, не лезь. Эта падла заслужила смерти. Дай я с ним поговорю. Ну...

– Меня нанял мужчина из гостиницы «Гранд отель» из сорок седьмого номера.

– Что делать?

– Ходить за его дружкой по имени Юрий.

- Сколько дал?
- Два рубля серебром.
- Когда нанял?
- Сегодня утром.
- Ты ему уже докладывал?
- Да.
- О чём и где?

– В половине второго он мне сказал быть возле театра «Дон Отелло». Я пришёл туда. Он меня ждал. Я сказал, что дружок, после того как расстались на городской площади, пошёл через Читинку на Большой остров. Был там в доме по улице Сухотинской. Я номер этого дома забыл, вот сейчас прибежал узнать. Потом пошёл на Корсаковскую и зашёл в дом Валикова. Он меня переспросил: «В какой дом заходил?»

Я ему ответил: «В дом Валикова».

Он мне дал два рубля серебром и пообещал дать ещё пять, если я сегодня в двенадцать ночи в Соборном сквере расскажу, куда ходил его дружок после обеда.

«Зачем Михайлов ходил в дом Валикова?» – подумал я.

– И куда ходил после обеда его дружок? – спросил Огонёк.

– Я дождался дружка возле театра «Дон Отелло». Мне тот мужик сказал, что он будет к двум часам там. Дружок купил билет. Мы смотрели «Мои четыре года в Германии». Дружок всё время, пока крутили кино, крутил головой во все стороны.

Огонёк развязал забинтованную руку, из кармана брюк достал склянку, пальцем ковырнул мазь и провёл ею по ране. Я предложил заменить бинт. Он отказался. Заговорщически подмигнул мне, а в сторону пацана сказал:

– Заткни уши. Пока будешь жить, тебе наши разговоры не понадобятся, аотрежем уши, всё равноотрежем, тогда они и ангелам не нужны будут. – Огонёк приблизился и заговорил почти в лицо: – Начальник, я был на архиерейской даче в то время, когда Налиму служители бока мяли. Жалко было друга, но я делом занят был и отвлекаться никак не смел... – Огонёк расстегнул ремень брюк, вынул из-под рубахи папку голубого цвета. – Это моя дневная работа. Тут всё есть: и списки, и адресочки, и даже кое-какие телефоны.

Послышался стук в ворота. Я вышел.

– Это мы, начальник, – шепнул Налим.

Почему они меня окрестили начальником? Вместе с Налимом пришли Жираф и Ленский

– Где Еван и Дуван? – спросил я.

– Еван придёт через часок, а Дуван задержится, – ответил Жираф.

Налим первым вошёл в комнату и с порога крикнул.

– А этот шпик что здесь делает?

– Отчёт даёт, – ответил Огонёк, и лицо его засияло улыбке. – Он, шкура, сегодня мне за день так надоел, что я хотел его за углом прирезать.

– Как зовут тебя, гадина? – спросил Налим.

– Рыжим, – прогундосил слезливо парень.

– Рыжим, – передразнил его Налим. – Какого хрена лезешь в мужские дела?

– Я не знал...

– Хату надо менять, – предложил Огонёк.

– И всё из-за этого гада, – махнул рукой Налим. – У, Рыжий, зараза.

Налим ударил парня по лицу.

Тот упал на спину и, ожидая, что ещё будут бить, зажмурил глаза.

– Пожрать что есть? – спросил Ленский.

Я нарезал хлеба. Поставил чугунок на стол. Жираф вытащил из карманов два круга колбасы. Огонёк достал свою финку и стал резать колбасу на мелкие дольки.

– Шкета будем кормить? – спросил он меня.

– Надо, – ответил я и подошел к Рыжему. Он всхлипывал. Я развязал у него за спиной ремень, приподнял. Он весь трясся, как в лихорадке.

– Иди, вымойся и садись за стол.

Он моргал глазами и стоял на месте.

– Я тебе сказал: «Иди мойся», – повысил я голос и взял его за руку.

Он стал упираться.

Налим вышел из-за стола, подошёл к нам, размахнувшись, крикнул:

– Начальство надо слушаться!

И ударил, да так ловко, что парень оказался возле умывальника.

Я покачал головой, а Налим мне шепнул:

– Начальник, когда Рыжего не будет, вы мне всыпьте. Я сопротивляться не буду. – А в сторону Рыжего крикнул: – Ты что, гад, об штаны руки вытираешь, не по глазам полотенце?!

Я повернулся к Рыжему и увидел, как он отдёргнул руки от штанин.

Я улыбнулся. Налим сказал:

– Знаю я эту падлу. Сейчас сядет за стол и, не перекрестившись, начнёт жрать. – А Рыжему скомандовал: – За стол!

Парень подбежал к столу.

– Садись возле начальника, – предложил Рыжему Налим.

Все сели. Ленский уплетал за обе щеки. Жираф взял пластик колбаски, выковырял из него кусочек сала и сунул в рот. Рыжий начал креститься. Вначале засмеялся Огонёк, затем все. Смеялись долго, а парень хлопал глазами, молился да что-то приговаривал. От его головы противно пахло палеными волосами. Чугунок быстро опустел. Я посадил Рыжего чистить картошку, а сам пошёл в соседнюю комнату.

– Ты что делаешь, падла, народное добро изводишь?! – кричал на Рыжего Налим. – Надо чистить так картошку, чтобы через очистки можно было видеть твою шпионскую харю! Понял? Ты работай, а я пойду к начальству. Вернусь. Гляди!

* * *

Налим зашёл в комнату и сел рядом со мной на кровать.

– Вчера вечером после бани Прохоров попрощался с Михайловым в одиннадцать тридцать. Михайлов поехал на улицу Уссурийскую, а Прохоров вошёл в здание Военпура. Я зашёл в здание вокзала, купил пирожков, ел и ждал. Он всё не появлялся. Я осмотрел здание со всех сторон, запасный выход есть, но он закрыт. Поругал себя, что, по-видимому, когда заходил в вокзал, он ушёл. Но я действительно хотел жрать. Прошёл

городскую площадь, прогулялся по улице Корейской до собора. И тут его увидел. Он ехал в крытой двуколке. На улице Сретенской возле оптового магазина встретил полковника Муравьёва. Подвернулся мне тут один из косяка Сухорукова. Я его озадачил – разузнать всё от извозчиков, кто появился возле оптового магазина, а сам по Бульварной прохаживался. На всякий случай нанял для себя тарантас. Без пятнадцати час к оптовому магазину подъехала машина. Я через шофёра узнал, что тот какого-то Прохорова должен отвезти на Архиепископскую заимку. Я извозчику дал четыре медведя на лапу – и туда. Осмотрелся, нашёл их трапезную. Я так думал, если все владыки в трапезном зале, то и он туда придёт, и не ошибся. Кое-что со стола спёр – и под стол. Слышь, Огонёк, тебя я там вспомнил. Ох, и набил бы ты свою утробу там! Я ещё сейчас сыт, а хотя и подцепил немного: кусок осетрины, тарелку печёного омуля, шмат телятины и бутылку кагора.

Прибыл Прохоров как уполномоченный какого-то патриарха. Его все: «Господин полковник, господин полковник». Он их чихвостить, что они «не создали обстановку ненависти населения к коммунистам. Не подготовили своевременно своих кандидатов в выборные органы. Слабо взаимодействуют с подпольными организациями по вопросу присоединения Дальневосточной республики к Соединённым Штатам Америки. Недостаточно финансируют диверсионные группы на железной дороге, не обратились с воззванием к верующим, что если кто из мирян проголосует за первый номер, а под первым номером коммунисты, то будут всех от церкви отлучать и не исправлять их нужды». Они его заверили, что всё исправят. Я-то своевременно не подумал смыться из-под стола. Думал, он поест, попьёт, а он отказался. Заявил, что дел много. И ушёл. Пошли епископы его провожать, я вылез – и по стенке к двери, тут меня трое холуев сцапали. Хорошо, что Прохоров уже уехал.

Один как гаркнул: «А этот анархист что здесь делает?!»

Я обмяк. Грусть налегла. Честное слово, чуть даже слезу не пустил. Подумайте только, три мужика – один другого жирнее!

– Дёру надо было давать, – из-за двери посоветовал Огонёк.

– А куда? Двое держат, а третьего кувалдой не собьёшь.

«Ваша взяла, мужики, – говорю им. – Ведите меня в милицию. Я хотел вас обчистить, да вот Господь помешал». Меня двое повели в другую комнату. Дали мне несколько раз, я не сопротивлялся. Что ж, виноват, бейте. Наша грабительская жизнь такая... А жирный мужик с квадратной мордой говорит: «Не надо его бить. Он не вор. Он за нами следил. Он из ГПО». Я голову поднял и говорю: «Правильно, гражданин, я с ГПО. Бить меня не надо». Те двое отпустили меня. Я повернулся к ним спиной и стал смотреть в окно. Темнота. Машина с Прохоровым давно укатила. Архиерейские слуги за моей спиной совещались, а я смотрел и ругал себя последними словами. Финка в голенище, но её надо доставать. Но я и приказ помнил: холодное или другое оружие не применять. Вот смотрю и думаю. Возле стола красивые стулья. Это как понимать, холодное это оружие или нет? На столе хрустальная ваза. Это – сразу решил – к холодному оружию не относится. Она для красоты. «Нечего мне долго с вами чваниться, – говорю им, – пошли все в ГПО». А один служка, я его голос из тысячи узнаю, говорит елеин: «Ты, раб божий, повернись к нам ликом, а к стене задом. Мы с тобой говорить хотим». Не знаю, откуда у меня выплыло, но я им сварганил: «Вы, – говорю, – моё пролетарское сердце не испугаете вашими револьверами. Пролетариат врага не боится, и пуля его не берёт». – «Мало я вас таких вешал год назад», – это мне опять квадратолицый служка говорит. Я повернулся, смерил его презрительным взглядом, не торопясь подошёл ближе к столу и сел на стул. Те двое с револьверами стояли... «Ой, как люблю с буржуями беседовать, – произнёс я. – А вы, поповские холуи, посмотрите, я на одну берёзку три веревки повесил. Вы думаете, это для качелей, чтобы дети качались? Шиш с молоком, – и, конечно, показал дулю. Понимаю, начальник, некультурно, но зато верно. А им продолжаю: – Это я вас там под Троицу повесить собираюсь. Ну, хватит продолжать баланду травить! А в это время у меня так в животе разговорилось трюбуха, будто море разбушевало. Это из-за осетрины, омуля и телятины, не нашли они у меня внутри общего языка. Посидел я так с полминуты. Я молчу,

и они. Потом они начали меня оскорблять. Да, начальник, всё матом, матом... Только какой там мат! В десяти вариантах крутили три буквы – и всё. Выдохлись. Я им пустил очередь как надо. Урок преподнёс... Сразу живот успокоился, но в груди так закипело! Ах вы, гады рыхлые, посылать Налима из особого отряда! Но спокойно, с достоинством, вот таким голосом, начальник, как вы говорите, сказал им слова Императора, когда его в Петербурге судили в шестом году: «Я настолько вас не уважаю, господа, что мне будет стыдно в одном сортире с вами сидеть». Они засмеялись, но долго будут помнить свой смех. Наподдал я им за себя... А вот эти два револьвера...

Налим вытащил из кармана и положил на стол новенькие револьверы системы «Наган».

– Выводы?

– Какие выводы, начальник? Я тебе честное слово говорю, побить я их побил, но фамилии их не спросил. Прости на первый раз, а узнать я их узнаю из всей читинской своры. Они такие гладенькие, я им, чтобы не ошибиться, бил всем в одно место, у них у всех левые глаза вот такие, – Налим показал рукой, какие у них глаза. – Завтра я узнаю, как их кличут и всё, что надо. Пешком шёл с Архиерейской заимки. Устал. Пришёл в «Гранд отель», Прохоров спал. И я чуть вздремнул. В шесть утра он уже по коридору зашагал умываться. Пел песню о каком-то пастушке. Жилистый он, контра. Не хуже, как у меня всё тело в мышцах, и на правой лопатке шрам. Но мы ещё посмотрим, кто кого. В шесть тридцать у него были гости: один с густой соломенной бородой, а второй, Огонёк, спроси у Рыжего, как второго звали.

– Он говорит, что не знает, – откликнулся Огонёк.

– Прижги ему нижнее место, скажет.

– Он согласился сказать, – крикнул Огонёк. – Левый он, из засопочного поселка. Живёт за оврагом возле протоки.

– О, кадр! Ему ещё молоко материнское сосать, а он уже всех главарей знает.

– Огонёк, возьми его бескозырку и подай нам.

Послышались слёзы, потом крик:

– Дяденька Огонёк, не трогайте, они убьют меня!

– Не ной, гнида шпийёнская, если я или Налим тебя не убьём, век будешь жить.

Огонёк бросил нам в комнату бескозырку. Налим поднял картуз, полез в разорванную подкладку, оттуда достал помятый лист. Покрутил, посмотрел и крикнул:

– Жираф, помнишь, Ванда Павловна нам считалку придумала, когда Император был в Германии?

– Помню.

– Зайди, прочти. Я подзабыл малость.

Жираф вошёл, взял лист, пошамкал губами.

– Тут такое дело, – шепнул он, – надо читать без Рыжего.

– Я щас, – сказал Налим и вышел.

Вошёл он через несколько минут с улыбкой во весь рот.

– Что вы там натворили с Рыжим? – спросил я его.

– А ничё. Раздел догола и посадил в баню, связал руки. Голым он никуда не убежит.

На пороге появились Огонёк, Ленский. Жираф начал читать:

– Левый, падлой буду, прирежу, если не согласишься с предложением Шантреста. В долю не вхожу, весь куш твой. А тех, кого приговорили, туда им и дорога. Николка.

Все сели на пол. Огонёк достал папиросу, но прикуривать не стал.

– Кто что понял? – спросил Ленский.

– Давай, Налим, раскладывай цидулку, ты умнее нас, – попросил Жираф.

Налим закурил, заговорил тихо:

– Николок я знал много. Этот не из молодых. Написал считалкой Ванды Павловны. Посмотри, Жираф, над тройками точки стоят?

– Стоят, – ответил Жираф.

– Вот и я видел, что стоят. Это цидулка Николки Петербургского. Он мне однажды подобную цидулку писал, предлагал мужичка горбоносого в очках почистить. Как Матрёна моя говорит, сейчас не поспешишь, потом не захочешь. Дальше я так думаю: Николка согласился ехать в Москву вместе с Гурвичем.

– Но Гурвича нет в Чите. Он в Харбине, за замок спрятан, – сказал Ленский.

– Нет сегодня, будет завтра, японцам дважды два его освободить. Если они его смогли во Владивостоке из петли вырвать, то из Харбина – пустяк. Дальше, так думаю, – продолжал Налим, – что Левый дал согласие. Когда он выходил от Прохорова, морда была самодовольная. И что Николка прирежет Левого, если тот не согласится, в этом сомнения нет. Николка и без предупреждения может прирезать. Ему это как вошь среди пальцев раздавить. Николка вор, вор в большом авторитете. С мнением нашего Дувана, и то считаться не станет. Вот если Император, или Шастин из Москвы, или Орлик Полтавский, или Костя Гуторов... Мирза мог ему цыкнуть. Я так думаю: из всего, что мы имеем на сегодня здесь: Орлик в Сретенске, Мирза на восемьдесят шестом разъезде, Костя Гуторов здесь. Император канул. Я так думаю, исчез специально, чтобы нас пронюхать... За Орликом мы не поедem. Мирза болен. Остается Костя Гуторов. Явится Дуван – и пусть идёт. В отношении Левого у меня предложение простое: узнать, где живут родители, привести и напрямую – или, или... Не посчитается с родителями – в Ингоду, посчитается – предупредить. За Николкой Петербургским нужен глаз. Тут надо Евана... Ну как, согласны?

Налим спрашивал у всех, а я крутил бумажку.

– Я согласен, – сказал Огонёк, – но надо дожидаться Дувана. Время не потеряем, он должен вот-вот подойти.

Жираф закурил, поднялся, сходил на кухню, принёс пельницу, заговорил:

– Я не согласен – с родителями... Огонёк, ты повежливее с родителями. Где думаешь найти Левого?

– Рыжий покажет.

– Вы как, начальник? – обратился ко мне Налим. – Если даёте добро, время тянуть нельзя.

– Согласен, – сказал я, но подумал: «Левого отговорим, а остальных? Долго ли этому Николке под страхом смерти уговорить другого вора?»

Все вышли, кроме Налима. Налим загасил папиросу, побарабанил пальцами по столу:

– Рассказывать дальше?

Я кивнул.

* * *

– В семь часов к Прохорову пришёл Михайлов. Час были вдвоём. Вместе вышли. Попрошались он с Михайловым на городской площади и пошёл в здание Военпура. Там этот Рыжий возле Михайлова крутился, но в контакт не вступал. Через час Прохоров вышел и пошёл по Александровской. На улице Баргузинской свернул и пошёл вверх, на Ингодинской остановился, посмотрел по сторонам и зашёл в дом, что стоит на углу Красноярской. Домовладелец Ховин. Внизу лавка. Она принадлежит японским подданным Кону и Уэхари. Прохоров когда зашёл, японцы много раз ему низко поклонились. Он достал из кармана кителя листочки и передал Кону.

Возле мечети я встретился с Еваном и сказал ему, чтобы он поинтересовался, что за листочки, которые Прохоров передал японцам. Изъял их. Прохоров прошёл на Большую улицу, нанял извозчика и поехал к Соборной церкви. Я остановил машину и поехал следом. Возле отеля он свернул на улицу Корейскую. Вышел из пролетки на Коротковской возле торгового дома «Турченко и Кислов». Я с машины прочитал рекламу: «Больной выбор всевозможных колбасных изделий. Сало свиное, топлёное, паровое, перегонковое и внутреннее для питья. Балык осетровый. Омуль Селенговый. Приглашаем отведать, пальчики оближешь».

Прохоров зашёл в торговый дом, следом за ним Жираф. Откуда Жираф взялся, я не знаю! Сами спросите.

В час Прохоров вышел из торгового дома со свёртком и пошёл к театру «Дон Отелло». Там возле него крутилась миловидная женщина. В контакт не вступали, но каким-то образом свёрток Прохорова оказался у неё. Появился Михайлов. Прохоров поклонился женщине и, не замеченный Михайловым, ушёл. В это же время испарилась женщина. А на её месте

оказался этот Рыжий пацан. Я поспешил за Прохоровым. Он зашёл в «Гранд отель» и лёг спать. Всё.

— Где вы после трёх часов были? — спросил я Налима.

— Где? Вон там был, — Налим махнул вверх рукой. — Императора искал, вот где был, — зло сказал он, — а его нигде нет. Я, начальник, к жожакам ходил. Все свои дела за эту ночь они мне рассказали. Императора не видели. Не мог же, он, начальник, сквозь землю провалиться?

— Спасибо тебе, Налим, за работу. Иди, отдохни часочка два. Придёт Дуван, мы будем менять квартиру.

* * *

Жираф полусогнувшись прошёл через дверь. Бросил прядь чёрных волос назад, сел на подоконник.

— Я вам скажу слова Императора, — смуглое лицо стало грустным, — он говорил: «От привычек отвыкнем не сразу, а постепенно. Отвыкнем в карты играть до одури, привыкнем следить за картой мира, как шествует мировая революция». Вот как он говорил... Верные слова «как шествует мировая революция». — Он поставил под подбородок левую руку и указательным пальцем стал приглаживать редкие усы. — В торговом доме все обошлось благополучно. Турченко меня принял грузчиком с оплатой два рубля серебром в день и бесплатный стол. В гостях у него было одиннадцать мужиков, не считая наших родненьких. Я всех их запомнил. Думаю завтра прогуляться по городу и навести кое-какие справки. Вы не возражаете?

— Возражаю.

— Я ослышался? — спросил он меня, внимательно наблюдая за моими руками.

— Вы не ослышались. Я сказал, что возражаю против того, чтобы вы прогуливались по городу и наводили справки, — повышая голос и чеканя слова, сказал я. — И вот почему: вы очень заметный человек, за урной не спрячетесь, как это может Налим. Вы сделали большое дело. Без особой подготовки, по своей инициативе устроились на работу, возможно, в самое логово. Для нас важно знать, кто будет приходить в торговый

дом, о чём будет идти речь, какими силами они располагают. Справки о них наведут другие. Вы согласны со мной?

– Да, пожалуй, так будет лучше.

– Вот и прекрасно, – подвел я итог. – Только не надо мелочиться, – добавил я.

Он отошёл от подоконника, подкрутил фитиль лампы. Брови нахмурил, подбородок вытянулся.

– Вы что, обиделись? – спросил я.

– Не пойму я вас, или вы меня обидели, или я в чём-то провинился.

– Мне думается, что вы провинились, и вот в чём. Вы принесли колбасу. Вы за неё не заплатили. Взяли, бросили в ваш длинный карман и пошли. Не так ли?

– Да.

– Не надо этого делать. Вечером, когда будете собираться домой, попросите хозяина взвесить вам колбасы в счёт вашего будущего жалования. У врагов в авторитете нужно быть. Доверие зарабатывайте простотой и честностью. Он оставил вас одного, а сам до этого взял и пересчитал, сколько каких у него товаров. Возможно такое?

– Всё может быть.

– Исправьте завтра утром свои ошибки.

– Как?

– Просто. Придите на работу и скажите: «Хозяин, когда уходил вчера с работы, вы были заняты, я взвесил, два кольца колбасы, они вытянули на два фунта. Получите с меня деньги». В склад пошлёт, будьте внимательны. Глаза зря не пяльте. Не мне вас учить. Есть организация – должно быть и оружие...

* * *

Пришёл Еван, снял сапоги и босиком зашел в комнату, слегка поклонившись, спросил:

– Мне сейчас рассказывать или после, когда пожую чуть-чуть?

– Сейчас.

– Ну хорошо. Терпел день, потерплю немного ещё. А водяры оставили?

Я ничего не ответил.

— Что, меня за дурака считаете, я только в сенки вошёл, меня всего парами подняло. Нехорошо, начальник, обижать Евана.

— Не ной ты там, пьяница, всем поровну поделили, твоя доля под столом, — крикнул Налим.

— Это хорошо, по-нашему. Начну с этого купца, с Гордеева. Он, шельма, богато живёт. Налим, если ты завтра так часиков в двенадцать будешь свободным, подбегай на угол Албазинской и Бульварной, «на скачок» сбегает, а?

— Поменьше бухай, ты, где находишься?

— А начальник, калиф на час, неси-грузи его дело. Я о нём всё разузнал.

Я перебил их переключку:

— Мне скоро надо уходить. Пожалуйста, расскажите, что за день смогли узнать.

— Слушай, начальник, когда ты надумаешь тайно покидать хазку, говори. От нас ничего не скроешь. Мы всё видим и слышим. И не бойся. Золото пойдёт только голодающим.

— Гордеев Степан Кондратьевич, депутат народного собрания от деловой группы — главарь белогвардейской организации здесь, в Чите, а помощник у него полковник Васильев. Есть в организации и генерал по фамилии Лихарев. Членами руководства являются еще Буторин и Изобелин. Чем они занимаются? Всякой всячиной. Вербуют в свою организацию, проверяют завербованных, собирают оружие, составляют списки комиссаров: тех, кого первыми надо в расход пустить. Есть у них специальный маленький отряд, который готовится железную дорогу разбирать, паровозы портить, туннели и мосты взрывать. Они думают поднять восстание внутри республики. Большевиков долой! Гордеев переписывается с генералом Шильниковым, а тот живет в Маньчжурии.

Вот адресочки, где они живут. — Он передал мне лист. — Был в оптовом магазине на старом базаре по Сретенской. Встретил старого клиента. Ты, начальник, грузчиком работал на пристани? Обь — твоя река, а я в Перми по Каме катался. Кама — моя река, и все пароходы мои были. Бывало, поднимаюсь по трапу, а меня все — от матроса до капитана — приветствуют. Поло-

вину добычи на команду оставлял как проценты. А в конце восемнадцатого бежал из Перми. Виной тому – Бородулин Бенедикт Григорьевич. Палач моего прибыльного города Перми. Сколько же он, гадина, нас там перебил! Но и большевикам, и красноармейцам доставалось. И вот, выхожу я из оптового магазина, а навстречу мне он – Бенедикт Григорьевич. Я картуз на глаза – и вправо. И жду. И ты знаешь, Налим...

– Не глухой, слышу...

– Он ведь, гад, ползучая гадюка, здесь, в Дальневосточной республике, начальник Читинской милиции.

– Врёшь, Еван? Проверил? – Налим стоял возле дверей и серьёзно смотрел на Евана.

Я не помню, чтобы когда-нибудь у Налима был такой злой вид.

– И вот, я думаю, Налим, почто он, гадина, когда у белых был, нас, людей свободной профессии «Иванов» давил, как вшей, клопов. Гонялся за нами, ну ты помнишь... Вместе... А здесь? Прав был Валун, когда говорил, на каждую улицу, по косяку приходится... Захожу я к нему в кабинет...

– Ты был у него в кабинете? – перебил его Налим.

– Не разрывай канат... захожу и говорю: «Здравия желаю, гражданин Бородулин».

А он мне, стерва, руку подаёт и говорит: «Здорово, Еван! Здесь промышляешь?»

«Так точно», – отвечаю ему.

«Завтра утречком встретимся, – предлагает он мне. – Подходи к шести утра в Новоафонскую булочную. Дело есть»

Я поблагодарил его за приём и пообещал, что обязательно буду.

Принеси, Налим, что оставили, я выпью, – попросил Еван. Налим посмотрел на меня. Я кивнул головой.

Еван медленно тянул из стакана жидкость, руки дрожали. Я догадывался, что они у него дрожат не с похмелья, а от переживания.

– Если и в Совдепии такое встречу, меня никто не остановит, – продолжал Еван. – Ходил в баню Байбородина. Хорошо помылся, попарился, массажист мне кости помял. Он из бывших

«Иванов». Трепло. К белой сволочи приклеился за деньги. Заинтересовался я одной бумажечкой у него. Она в левом кармане халата была. Вот бумажечка. Помятая и мокренькая, так как я голый был. Он мне на животе мышцы пальчиками перебирает, старается, а я, Налим, у него в портмоне среди стада медведей* копаюсь. — Еван пригубился к стакану, продолжил: — Потом встретились с Налимом, он меня попросил у японцев взять жёлтенькие листочки. Я битый час потратил на это дело. Пока милицию нашёл, пока растолковал, что у японцев спирт и они им торгуют. У милиционеров был понятым. Милиционеры спирт искали, а я бумажки. Все оказались не в проигрыше. — Еван протянул мне жёлтенькие листочки.

* * *

Ленский сел за стол и с усердием стал выдавливать угри на лбу.

— Я, начальник, за этим блондином-красавчиком отказываюсь ходить.

Я вспылil.

— Да перестаньте вы все! Начальник, начальник...

— А как? — спросил Ленский и склонил голову.

— Называйте Сергеем или Скворцовым.

— Не можем... Запрещено... А кличку вам ещё не подобрали... Вот вы что-нибудь сделайте такое — и он стал чесать себе волос на макушке. — Ну как бы пустите в кого-нибудь из нас матом. Или вот у вас есть какое-нибудь любимое слово. Или посылать любите кого куда...

— Есть.

— Какое?

— Иди ты к чёрту! И давай о деле.

— О, это другое дело! Чёрт. Ха-ха. Огонёк, бутылка с тебя, с согласия начальника он будет Чёртом. Имей в виду, он первый произнёс, — кричал довольный Ленский, катаясь по полу, а Огонёк открыл дверь и с порога произнёс:

* Стада медведей — в Дальневосточной республике в ходу были 500-рублёвые кредитки жёлтого цвета с нарисованным медведем.

– И как это вы поймались, начальник? Мы с угристым только пять минут как поспорили. Я предлагал назвать вас Домовым, а он Чёртом... Что поделаешь! Чёрт, так Чёрт! И он посмотрел на меня так, будто в последний путь провожал.

Ленский перестал кататься, сел.

– Ты куда убёг, Огонёк? В Республике сухой закон... Давай, отправляйся. Через час я тебя жду с бутылкой.

– Завтра будет, – из соседней комнаты, ответил Огонёк. – Что-то рука ноет.

– Ты не вилай, как собака с голодовки. Завтра я тебе бутылку приволоку, если Чёрт разрешит, – и он подмигнул мне. – Блондин Муравьёв за ночь опух. Пил. Вышел из дому после того, как от него ушёл Михайлов. Спустился к Ингоде возле Лесной пристани, разделся – и в воду. Я ноги помочил. Вода, должен тебе сказать, Чёрт, как лёд холодная. Плавал долго. Потом пошёл через Кондинскую протоку мимо кирпичного завода и в Войсковую больницу. Там он, видно, спиртиком опохмелился. Выехал из ограды на тройке. А тут я стою.

«Куда тебе, мужик? – спросил меня. – Садись!» – предложил он мне. Я сел рядом с ним.

«Профессора права знаешь?» – спросил он у меня.

«Смотря какого», – ответил я.

«К примеру, Петра Васильевича?»

«Знаю», – ответил я.

«Так вот, передай ему, что в торговом доме Турченко и Кислова в час будет сбор читинской верхушки. Он поймёт. Я ведь тебя сразу узнал.

«Откуда?» – спросил я его.

«В поезде, когда профессор права подошёл к нашему купе, ты в коридоре стоял и на лбу угри выдавливал».

«Вот падла офицерская! Запомнил же!»

Мы по Московскому тракту проехали на улицу Ленскую. Там он отпустил извозчика и пошёл в сад. Я зашёл в зал ожидания вокзала. Имейте в виду, Чёрт, за вход на перрон отдал двадцать копеек серебром. Хотел через забор сигануть, да передумал... Нашёл Жирафа и отправил его в торговый дом. – Ленский замолчал и стал вновь выдавливать угри.

– Что, всё? – спросил его. – Мало.

Я подумал: наверное, тоже искал Императора... Он, видно, угадал мои мысли.

– Ездил в два села: в Антипиху и в Песчанку. Он однажды в разговоре вспоминал, что там жил его знакомый. Но бесполезно: его там нет.

Одиннадцать часов вечера. Появился Дуван. Бросил взгляд на Рыжего, скомандовал:

– Начальник, через пять минут Макарыч должен быть готов отвезти груз в новую хавиру. Огонёк, зааркань палёного мальчика – и от себя ни на шаг. Еван, мы уедем, ты часок-два посиди возле забора. Кто из чужаков появится – изувечь. Где вторая хавира знаешь?

– Да, – ответил Еван.

Глава четвёртая

Понедельник. 13 июня 1921года.

г. Чита.

Из архивного дела.

«Резиденту Никольско -Уссурийскому.

По делу Миганцева и другим делам в Петрограде арестован начальник Мовуза адмирал Зарубаев. Зарубаев сознался, что состоит в связи с врангельским резидентом Финляндии Бунаковым, которому доставлял сведения. Предшественник Зарубаева в этой организации был его непосредственный начальник по советской службе контр-адмирал Иноев. Иноев более двух лет назад командирован на Дальний Восток. Найдите способ вызвать в Новониколаевск и арестовать.

Артузов».

«Москва. Лично тов. Артузову.

На № 1515 сообщаю. Иноев Алфей Константинович занимал должность начальника Главпорта Морсил. Почти два года служил комиссаром Сучанского партизанского отряда. 2 июня с/г выехал в

Москву. Друзья «Родственников» заверили, что с Иноевым вступал в контакт воришка «Краснофаль». На 12 июня, по предварительной разработке, местонахождение «Краснофалья» не обнаружено. За Иноевым отправлен дедушка Хо.

Анюта».

Темнота. Идём, не имея ни малейшего представления куда. Мы все и наш груз в руках Макарыча.

Впереди нашей повозки чуть виднелись тени Дувана, На-лима, Ленского. За ним плетётся Макарыч, потягивая за узду лошадку. Ей тяжело. Груз немалый. За повозкой шли связанные между собой Огонёк и Рыжий. Огонёк просил Дувана развязать руки Рыжему, куда он убежит, но Дуван категорически отказал. Следом шёл я. Когда выехали из усадьбы Макарыча, Дуван приказал, именно приказал: «Чёрт, если Рыжий сделает малейшее движение вправо, не мешкая стреляй».

Я еле-еле в темноте увидел очертания ворот. Остановились. Из калитки вышел невысокого роста, сухой, обросший кустиками волос китаец. Низко поклонился.

– Кто Чёрт? – спросил он.

Я подошёл к нему. Протянул руку. Китаец подогнул на боку юбку, засучил рукава рубахи повыше локтя, будто подготовился к бою, смотрел на меня. Дуван проговорил:

– Ну, долго вы там будете стоять? У нас нервы не железные.

Я вспомнил, скороговоркой произнёс:

– Дедушка Хо передал вам привет.

Ворота распахнулись. Только мы заехали, ворота закрылись. Нас без лая, писка и ласки окружила пятёрка собак, а ко мне подошла женщина. Она тихо произнесла:

– Собачки, понюхайте, это наши друзья. И по местам. Охраняйте дом. – А в нашу сторону сказала: – Товарищи, следуйте за мной.

– А груз? – спросил я.

– Макарыч с Афанасием перенесут его в потайное место. Вам лучше отдохнуть.

Нас ввели в просторную кухню. По центру стоял большой стол, заставленный зеленью, мясными блюдами и хлебом. Жен-

щина, показывая на стол, в приказном порядке предложила:

— Быстро ешьте и укладывайтесь спать. — Она приоткрыла дверь с левой стороны. — Не обижайтесь, отдельных кроватей нет, нары. Рыжего я беру с собой. Ты, Рыжий, помнишь нашу собачку Бельчика? — сказала она в его сторону. — Он ждёт не дожждётся пощекотать твои бока.

— Тётя Тоня, у каждого своя работа. Вы меня нанимали? Я подвёл вас? Нет! Зачем перед мужиками меня какой-то собакой пугать? А не думаете, что завтра вам понадобится уговаривать меня узнать кое-что про Шаблинского?

— Хватит болтать. Следуй за мной! — крикнула хозяйка. И они вышли.

* * *

Сейчас мы живём на берегу Читинки. Конечно, это подальше от городской площади, от вокзала, но место мне понравилось. Старая низенькая китайская фанза с массой пристроек, в одной живём мы. Мужики шутят: раньше тюрьму стороной обходили, а сейчас по родненькой часы сверяем. Это всё потому, что от нашего нового местожительства, прежде чем попасть на вокзал, нужно пройти железнодорожное полотно, теребиловку, а дальше мимо тюрьмы. Наш хозяин, китаец Чжи, вступил в партию большевиков в городе Омске в девятнадцатом году. Воевал в пятой Красной армии, имеет именное оружие, которое вручал ему Василий Блюхер. В двадцатом году партия рекомендовала ему уйти в подполье и поселиться в Чите. Он купил эту фанзу и занялся огородничеством. Хозяин пригласил меня в свою половину.

— Вы давно знаете Императора? — спросил Чжи, подливая мне чаю.

— Всего неделю назад мы с ним познакомились. Правда, в девятнадцатом году встречались, но встреча была короткой.

— Извините меня, — вмешалась в разговор хозяйка, — а раньше чем занимались? Воровали?

— Я улыбнулся.

— Неужели я похож на жулика?

— Нет, но ваши друзья...

– Много лет я работал портовым грузчиков в Новониколаевске.

– Вот видишь, Афанасий, я права, у вас и фигура, и походка грузчика. А муж со мной не соглашался. Вы большевик?

– Большевик.

– У меня сегодня была встреча с товарищем Чень, – заговорил Чжи. – Он просит вас встретиться с ним в шесть утра возле будки Вильда.

– Кто такой товарищ Чень? – спросил я.

– Большевик. Всё, что я могу о нём сказать. Он просил извиниться перед вами за то, что встречу назначил в необычном месте. Но обстановка требует этого. Дальневосточная Республика – необычное государство. Совет министров поощряет спекуляцию, поощряет свободную торговлю... Председатель Совета министров имеет стремление к личной диктатуре. В правительстве каша. Министр юстиции – эсер, министр земледелия – социал-революционер, товарищ министра финансов – социал-демократ... Много, очень много в армии, в правительстве чуждых нам людей. Я бы сказал больше – бывших семёновских палачей. За каждым большевистским деятелем контрреволюционеры чётко следят. Они надеются буфер превратить в отдельный американский штат, и тогда вновь польётся кровь.

* * *

Мужики наскоро поели. Дуван попросил хозяйку привести Рыжего. Посадил его напротив себя.

– Ты меня помнишь, Краснофаль? – спросил Дуван и посмотрел Рыжему в глаза.

– Помню, дядя Дуван, – ответил Рыжий и опустил голову к столешнику.

– Я знаю, ты не по годам верен своему слову. Ты не просто раскрылся мужикам возле наших ворот. Я в прошлом году думал тебя привлечь к себе. Отступился, потому как узнал: ты немало гребёшь за свою работу. Ты знаешь наши правила: не разрешается идти с насильством к Краснофалю. Ты сегодня продашь наймодателя, завтра меня. Не будет веры. Этого

нельзя допускать. Знаю, ты у многих людей нанимался. Передавали, с Крашеным встречался. А он старше тебя на десяток годков. Какова цена твоего нынешнего нанимателя?

– Ребёнок, дядя Дуван.

– Ты догадываешься, что ногами вступил в лужу своей крови? Не можем мы приневолить раскрыться, но и отпустить нельзя. Сам пришёл. Чего-то не продумал твой заказчик.

– У меня, дядя Дуван, не было другого выхода.

– Поступим так: для нашей безопасности будешь у нас. Решишь бежать – убьём. Я в упокой души твоей в храме свечку поставлю. Матери отпишу, что нет у неё больше умного сына. Когда я интересовался тобой, один твой приятель из Владика, с кем ты на Мальцевском базаре промышлял, перед тем как на века закрыть карие глазки сказал: у тебя есть хозяйка. Охарактеризовал ведьмой-красавицей. Не скажешь ли её имя?

– Дядя Дуван, нет у меня хозяйки. Я сам себе хозяин.

– За что убил француза Кувье?

– Я, нет, да, – выпалил Рыжий.

– Я тебя, Краснофаль, не спрашиваю: ты, не ты? Я спрашиваю: за что?

– Он вздумал сдать меня в Госполитохранилище.

Последовали несколько минут молчания. Рыжий не поднимал головы. Дуван курил. Остальные мужики, в том числе и я, были ошарашены ответом Рыжего. Этот пацан убил француза за то, что тот собирался сдать его не в милицию, а в Госполитохранилище. Следовательно, не за кражу, а за что-то большое, политическое... Четырнадцатилетнего беспризорника!

Дуван заговорил тихо, сдержанно, будто спрашивал у закадычного друга:

– Краснофаль, ты удивительный малец. Я встречался с Левым. Он ждал тебя...

– Не надо об этом, дядя Дуван. Я дорожу своим именем, как и Крашеный. Знаю законы чести и порядочности... – Рыжий поднял голову, глаза вскинулись на Дувана не по-детски сосредоточенно и решительно. – Я понимаю, куда влип.

– Я, Краснофаль, тоже понятливый... Но...

– Не надо меня страшить, дядя Дуван. Придёт время, я поде-

люсь причиной, почему убрал с дороги Кувье. Не обижайтесь, но расскажу только Сергею Скворцову.

Воцарилось молчание. За то время, пока Рыжий был у нас, никто меня не называл Сергеем, а тем более Скворцовым, только Чёртом. Огонёк закатил глаза. Налим потревожил тишину вопросом, без всякого выражения:

– Где же ты родился, Рыжий?

Спокойным, самым обычным тоном Рыжий ответил:

– В деревне, дядя Налим.

Дуван ударил ладонью по столу. Резко повернулся в сторону Налима. Тот уткнулся в стол.

– Я принимаю твою клятву, Краснофаль. Политику по боку. Несколько житейских вопросов. Ты бывал в кафе-столовой «Бельгия»?

– Нет, – быстро ответил пацан.

– Она находится на углу улиц Иркутской и Александровской?

– Нет, дядя Дуван.

– Зал комфортабельно обставлен, имеются кабинеты с роялем. Кухня столовой находится под личным наблюдением хозяина и под непосредственным руководством известного кулинара китайца Го?

– Не знаю.

– Краснофаль, там играет квартет под руководством Стасс и при участии приехавшего из Новониколаевска скрипача-виртуоза Тонова?

– Дядя Дуван, что он вам передал? – спросил Рыжий и протянул руку вперёд.

– Записку передал, рыжая опалённая сволочь! Вот ответь мне на мелкие вопросы: откуда он знал, что я там буду, что я – Дуван, что ты у нас?

– Дядя Дуван, не утруждайте мозги. Запиской я сообщил ему, что у меня идёт всё по плану.

– Но не ты записку передал, а мне...

– Дядя Дуван, прочитайте записку!

Дуван нахмурился, полез в карман, достал помятый листок,

развернул, впился в него глазами и прочитал про себя. Рыжий спокойно попросил

– Дядя Дуван, прочтите вслух.

Дуван выжидательно молчал. Рыжий зажмурился. Лицо его дрогнуло. А Дуван всё колебался. Наконец, Дуван решился, начал читать.

– Чёрт, смотри в оба. Сегодня Еван украл из мешка, где драгоценности, подвеску.

Еван стоял у окна. Лицо расплылось в улыбке. Все с удивлением смотрели на него. Он своим взглядом показывал, что он доволен, что Дуван прочитал в записке, что все узнали о его краже. Я был удивлён: если в записке правда, то когда же Еван совершил эту кражу? Я постоянно находился в доме. Правда, Еван прибежал на минуту и тут же убежал. В доме были Налим, Огонёк. Да и я внимательно следил за Рыжим. Дуван нахмурился. Сквозь зубы начал:

– Еван, природа с твоим рождением истерзала твоё тело, а годы повредили разум...

– Не продолжай, Дуван. Мне ли изощряться в оправдании. Бородулин при встрече предложил найти большевика-покупателя, желающего знать, кто внедрён в их ряды с целью вредительства. Я ему ответил: «Есть такой. И небедный». Договорились встретиться через три часа. Горело у него дело. Он отправил в Кяхту экспедиторов за товаром. По пути их ограбили. Нужно срочно деньги. Час прошёл, я никого не почистил. Второй отчакал. Вот я тут и прибежал в хавиру. Чёрт не заметил. Как эта рыжая свинья усекла, я у него потом попытаю. Дуван, я о себе не думал, я об общем деле соображал.

– Где документы? – рывком спросил Дуван

– Смени гнев, Виктор Евсеевич. Документы у Чёрта сейчас в бауле, где он все наши заначки прячет. – Еван поднялся, медленно прошёл в комнату, вернулся и с поклоном передал стопку листов. – Эти документы стоят в пять раз больше, чем я отдал Бородулину. С другой стороны, я посчитал, что и для детей Забайкалья можно тысячную долю выделить из того, что мы грабанили в Харбине. Понимаешь, Дуван, когда эта белая падла взрывает мосты, убивает отцов, грабит Россию, лишает

кормильца, страдают дети. Готов пострадать, но с учётом содеянного для общего дела. А вещь-то ещё не занесена Чёртом в амбарный журнал...

– Мог бы ему сказать? – спокойно спросил Дуван.

– Конечно, но пока бы я ему доказывал, умолял, срок бы истёк. Ты что, не знаешь, какие большевики тугодумы? У них под носом Россию по частям растаскивают, а они размышляют, когда в Германии революционная ситуация появится. Дуван, давай, спроси у Рыжего, как он усёк, что я взял подвеску? Как он написал записку, когда всегда с ним Чёрт? Как и с кем он передал эту записку в кафе-столовую «Бельгия»? Как он узнал, что ты, Дуван, будешь там обедать?

– Отвечай, Краснофаль, – предложил Дуван.

У Рыжего появился взгляд, полный превосходства над нами. Он не скрывал гордости за свою проделанную работу. Дуван повторил вопрос. Рыжий ухмыльнулся.

– Я, дядя Дуван, на полу переписывал передовицу газеты.

– Что это за передовица? – наивно спросил Ленский.

– Это, дядя Петя, на первой странице редакционная статья, посвящённая главному событию сегодняшнего дня.

– У, Рыжий, тебя пора кастрировать, – вступил в разговор Налим. – Я пять лет назад встречал мужика умнее меня. Так я раздел его, полосонул по мошонке, выдал одно яичко, керосином облил, мошонку мукой обсыпал и отправил в евнуховское плавание...

– Налим! – рявкнул Дуван.

– Пока переписывал передовицу, – продолжил Рыжий, – написал и записку. А у вас, дядя Дуван, заметил привычку в левый карман пиджака рукой не лазить. Вот туда и сунул записку. А мой помощник-корёфан передал вам записку – чистый лист. И перед вашим выходом из кафе-столовой свою же записку изъясил. Я в воротах Макарыча имел две тайные закладки, через них давал задание своему помощнику.

– Откуда, рыжая сука, знаешь, что меня зовут Петром? – взревел Ленский.

– Дядя Петя, зачем ты кричишь? Сам же меня просил, чтобы я тебе показал, как пишется П-ё-т-р.

– А откуда знал, что я пойду в кафе-столовую «Бельгия»? – спросил Дуван.

– Дядя Дуван, вы недавно прибыли в Читу, а я раньше вас. Это любимое место главарей шаек, банд, независимых купцов. Там, в «Бельгии», делятся информацией, распределяют зоны влияния, подкупают власть имущих, дают право на дело, устанавливают курс...

– Хватит, Краснофаль! – крикнул Дуван. – Огонёк, можешь привязать себя к Рыжему. Упустишь, позволишь ему с кем-то пообщаться, кроме нас, передать что или оставить какую метку, на одной верёвке повесим обоих. – И тут впервые за время всего разговора с Рыжим Дуван вспомнил, что я есть, и спросил у меня: – Вы не против, Сергей?

Я кивнул головой.

Рыжего увели под наблюдение хозяйки Антонины Герасимовны. Я пожелал мужчинам немного отдохнуть. Напомнил Евану, что ему нужно в пять часов быть на встрече с Бородулиным. Огоньку с пяти утра быть на вокзале. Ленскому следить за Муравьёвым, Жирафу в семь быть в торговом доме Турченко и Кислова, Налиму наблюдать за Прохоровым.

Было пятнадцать минут первого. Я вышел во двор. Чжи сидел на завалинке. Он поднялся.

– Сергей, деда Макар на повозке ждёт вас. Вам надо спешить. На дорогу до дома Валикова вы потратите не менее получаса. Не беспокойтесь, у нас всё будет спокойно. Жена приготовит для мужчин завтрак.

Мы отправились на встречу с Муравьёвым. Полковник ждал нас. Сел в пролётку и быстро заговорил:

– Час назад мне приказали утром с адъютантом выехать в Красноярск. Там нас встретят. На пятницу, семнадцатое июля, там назначено совещание с участием представителей всего уезда. Прохоров меня предупредил, что совещание будет проводить Прохоров, но не он. Другой Прохоров. Он пояснил: «Иван Захарович, я вам верю. Совещание будет проводить мой двойник. Мы в пути до Москвы по необходимости будем пользоваться им. Он очень, очень похож на меня. Мой двоюродный брат».

Я прошу Петра Васильевича и вас не посылать за мной слежку. Надо отвести от меня все подозрения, если они имеются у Прохорова. Я постараюсь всё запомнить. Единственное прошу, дайте мне место, где бы я в Красноярске мог оставлять информацию, не встречаясь с вашими представителями.

Я ему сказал:

– Иван Захарович, на высоком левом берегу Енисея, в пятидесяти метрах от берегового уреза, в семидесяти метрах от городского сада, справа от здания электрической станции размещается будка Вильда. В любое время суток вы или ваш адъютант можете оставлять с северной стороны информацию. Не беспокойтесь, информация попадёт мне или Петру Васильевичу. Одно прошу: не называйте нас настоящими именами. Прохоров пусть будет Прошкой, а липовый – Профан. С ними женщина – Кэт, которая сопровождает липового Прохорова. Она в шифрах пусть будет Катериной.

Муравьёв спросил:

– Сергей, вы считаете, что адъютанту я могу что-то доверять?

– Мы вам верим, Иван Захарович. Почему бы и не поверить Побирайко? В мелочах, в мелочах: отнести, передать...

* * *

В четыре часа ночи проводил Евана на встречу с начальником милиции Бородулиным.

На улице возле калитки Еван таинственно шептал мне:

– Сергей, внимательно следи за Рыжим. То, что он сказал, как следил за Юркой, правда, а вот про Прохорова – нет. Он это говорил, потому что ему сказали это говорить, если его поймают. Не давал ему Прохоров серебряных. Нет их у Рыжего. Не нанимал его Прохоров следить за Михайловым. Рыжий не вступал в контакт с Прохоровым. Кто-то другой его нанял, другой рассчитался с ним. И не серебром, а золотом. Я у него в кальсонах нащупал золотую пятирублёвку. Я спал рядом с ним, от него пахло мылом «Виктория». Кальсоны первой свежести. А когда Налим в бане его раздел, удивился: где это видано, чтобы у беспризорника были чистые шея и ноги. Когда

уезжали от Макарыча, он замешкался у ворот. Огонёк его поторопил. А когда Огонёк взял его за руку и повёл, я проверил место, где Рыжий стоял. Нашёл строганую щепку. Там нацарапана цидулька. Прочитаешь, Рыжему ни слова. Не спугни.

Кто-то, думаю, затеял с нами большую игру. Чёрт, это не воры. И Дуван много что знает, но темнит.

Присмотрись к кителю Рыжего. Он сшит специально для него. Сукно офицерское. Посмотри ему в рот, на зубах пломбы японские. Где это видано, чтобы беспризорнику японцы лечили зубы? Без нас наведи шмон у Огонька. Огонёк взял у Рыжего не только носовой платок, а ещё что-то. Видать, очень ценное. Молчит Рыжий, молчит Огонёк. А в отряде особого назначения секретов не должно быть. Чёрт, вся надежда на тебя, не подведи. Рыжий умён, хитёр. Посмотри на его брюшину, она вся в мышцах.

* * *

Проводил Евана, сел на завалинку покурить, обдумать некоторые вещи. Вышел Огонёк, закурил, сел рядом. Прошу его с улыбкой, мягким голосом:

— Огонёк, расскажи что-нибудь о себе.

— Чёрт, ты думаешь, что говоришь? Мои родители давно умерли. Я свою жизнь за прошлые годы десятки раз переделывал. Думаешь, помню, что раньше говорил? Вот сейчас наговорю тебе небылицу, а пройдет время, наши тропки разойдутся: ты в кресло, я за решётку. Придешь с передачей, если придешь. Начну я тебе безвинность свою описывать, а ты думать: в Чите на фанзе у китайца несуразицу трепал и сейчас врёт. Пусть десяток лет баланду похлебают!

Нет, Чёрт, у меня жизни, которой я бы с тобой поделился. Вот помню, как бегал в речку Укропку пескарей ловить рваными отцовскими кальсонами. Запах помню, когда мать поджаривала рыбёшку, а потом молоком заливала. Ох и вкуснятина!

Чёрт, я не знаю, кто сделал меня негодяем. Уверен, сейчас он наслаждается жизнью, смеётся, а мне всё противно.

Сегодня мы заняты большим делом! А большим ли? Пройдёт несколько лет, и такие трепачи, как я, выставят нас суками.

Чёрт, не толкай политику. Ты, как и мы, ни черта не понимаешь, что мы делаем. Мы – подстраховщики, приманка. И я сегодня понял: от нас ничего не зависит. Меня одно успокаивает: золото, погребушки обещал в Совдепию отвезти. Отвезу.

Поделюсь одним сегодняшним наблюдением. Зашёл я закусить в столовую, в дом Георгиевского, это на улице Песчаной. Двое сидят за столом, курицу рвут. Потребовал я от них документы. Один Линцей, другой Маузаев. Взял у них всё, что посчитал для нашего дела нужным: валюту, золотые безделушки, документы. Выхожу. Подваливает к моему боку мужик. Наган в бок суёт и приказывает: «Огонёк, документы отнеси в дом и отдай хозяевам».

Я осмотрел: не наш, не вор. Вернулся в дом, отдал документы, извинился. Потом проверил, кто это мне, Огоньку, посмел в бок совать шмеля? Черт, это был начальник ГПО Николай Фёдорович Черных. Ты секёшь, за нами ходят, нас водят не просто шестёрки, а тузы. А я только начал постепенно вживаться в образ большевика, чувствовать какую-то ответственность. Ширма мы, ширма. Основное, главное чекисты взяли на себя, а нас с золотом приманкой посадили. И вот, этого Рыжего контру приманкой подбросили нам. Нас большевики подстраховывают. Я их благодарю. Согласен с ними, они лучше нас знают город, обстановку. А может, бояться, что мы золотишко растащим?

Налим час назад хотел повесить Рыжего, Жираф воспротивился. Басальга хитёр, много знает, умеет. Зачем его на смерть послали? Присмотрись: у него между большим пальцем на правой руке на рёбрах мозоли. Я такие мозоли встречал у японца Сосэки. Кто он? Я у Рыжего изъяс дамский платочек и кольцо. Кольцо не российское. Такого я не встречал. На внешней стороне отпечатка квадрата. Передаю тебе кольцо. А платочек пусть у меня остаётся. Уверен, Рыжий много что будет мне обещать за кольцо. Когда я кольцо у него из бескозырки вынул, он так побледнел, чуть сознание не потерял.

* * *

Прибежал Налим. С порога начал кричать:

— Чёрт, Чёрт, у нас беда. Юрку грохнули на улице Софийской, совсем рядом с Военпуром. Прохоров его. Он убежал. Я не стал его догонять. Быстро отвез Михайлова в больницу. Финка почти в сердце угодила. Я позвонил по телефону пятьсот. Взяла трубку какая-то баба. Я сказал, что Михайлов ранен. Приехал в больницу Блюхер. Он отправил меня к вам, а сам остался с врачами. Юрка хоть и дворянин, а мужик нормальный. Жалко.

Я проклинал себя, что послушался Михайлова и отпустил его. Я быстро оделся, сунул револьвер в карман. Налим мне поспешно говорил, извозчик при котором всё произошло, с ключей находится на улице Охотской. Его заарестовал Жираф. Я пошёл к выходу. Налим последовал за мной.

— Ты куда? — спросил его.

— С вами. Ведь ты не знаешь, где эта улица.

— Найду. Ты возвращайся к Прохорову. Тебе было приказано не оставлять его одного.

— Чёрт, Юрку ранили.

— Прохоров от меня не уйдёт.

— Приказываю: быть возле Прохорова!

Через пятнадцать минут я был на углу улиц Охотской и Селенгинской. Жираф сидел рядом с извозчиком и пел ему в полголоса песню про гранёный стаканчик. Увидел меня, умолк.

— Что ты, парень, замолчал? Давай дальше. Хорошо поёшь.

— Не могу. Начальство прибыло, — он проворно прыгнул с пролётки. Возле меня встал по стойке смирно и отрапортовал: — Извозчик, что надо, всё помнит, всё расскажет. Какие будут указания?

— Иди в дом Турченко и Кислова. Вечером поговорим.

— Я вас подожду...

— Не надо. Я буду беседовать долго.

— Гражданин начальник, предупреждаю: полчаса назад видел Непомнящего. А в магазин заходил Николка Петербургский...

— Не беспокойся. Все будет хорошо...

Он с неохотой пошел к железнодорожной насыпи. Я сел рядом с извозчиком.

– Поехали потихоньку в сторону сада Жуковского, – предложил извозчику, – и ты мне всё расскажешь, как и что случилось. Их разговоры.

– Да я это уже дважды рассказывал. Сперва тому, кручёному Паташонку, сейчас этому Жердлявому. Ну так, если уж надо... Можно и рассказать. Сели они, значит, ко мне возле дома Барда, это по улице Аргунской, номер пять. Вышли они из великобританской фирмы «Конаусская торговая компания Сибирь». Я на облучок, они за моей спиной, значит. Едем. Красавчик у него спрашивает: «Господин Михайлов, где мой фронтной подарок?»

Второй отвечает: «У меня на квартире, Аркадий Григорьевич».

А Красавчик зло ему: «Вы врёте, Юрий Павлович. Вот она...»

Я не насмелился повернуться посмотреть, что Красавчик ему показывал, но всё же глаза скосил, что-то блестело.

«Это ваша», – ответил тот, кого Красавчик называл Михайловым.

«Вот как! – закричал Красавчик. – А это чья?!»

«Неужели украли?» – удивлённым голосом спросил Михайлов.

Тот Красавчик жёстким, злым голосом сказал: «Не выкручивайтесь. Никто её у вас не воровал. На станции Хайлар этой финкой убили майора Сосэки. Знали вы такого?» – «Нет», – ответил голос Михайлова.

И тут началось барахтанье, а мы ехали как раз по Софийской. Я повернулся и увидел, как Красавчик с ножом в руках, а Михайлов за правую руку красавчика схватил, а тут Михайлову в грудь финка вонзилась. Откуда она прилетела – не знаю. У меня был бич в руках я им Красавчика и огрел. Мы как раз поравнялись с Марийским театром. Он-то, Красавчик, как артист, прыгнул с пролётки головой вниз. Я остановил лошадь, а он встал, как будто ничего не случилось – и бегом к вокзальной площади. Тогда ко мне подбежал неизвестный гражданин и скомандовал: «Давай, дед, в городскую больницу, и быстро».

Это был вот тот Паташонок вертлявый. Вот и всё.

– Где финка? – спросил я извозчика.
– Не могу знать, гражданин начальник, – ответил он мне, и я сразу понял, он врёт.
– Финку сейчас же отдашь мне, – властным голосом сказал я.
– У меня её нет, – произнёс не совсем утвердительно старик.
– Не темни, – на манер моих новых друзей сказал я старику.
– Ты меня, начальник, не пугай. Сейчас вот подвезу к улице Благовещенской и отдам тебя Николке. Он с тебя шкуру снимет.

И старик из-за пазухи армяка вытащил финку. Левой рукой он натянул вожжи. Лошадь остановилась.

– Иди, начальник, а то, как Красавчик того Михайлова, на тот свет отправлю.

– Дура лошадь, – обозвал я старика, – финка мне нужна как вещественное доказательство. Ладно, пусть финка с тобой остаётся, только ты с ней хлопот не оберёшься. Не сегодня так завтра Красавчик придёт к тебе. И он-то, будь уверен, будет действовать наверняка.

– Мне стоит шепнуть Николке, и все вы вместе с Красавчиком поплывёте трупам по Ингоде в Амур-батюшку.

Я опустил левую ногу на ступеньку, правой рукой, будто ища за что ухватиться, чуть нагнулся и вытащил из кармана кольт.

– Ну, а сейчас как решим с финкой? – спросил я извозчика, направляя дуло колта ему в грудь.

– Вижу, начальник, она вам действительно нужна. – Он взял и бросил её себе под ноги. Отцепись я левой рукой, он дёрнет вожжи, и я окажусь под колесом. Протянул бы правую руку, но у меня там кольт. Если я его уберу в карман, то получу сапогом в голову. А сапог здоровый, густо намазан дёгтем. Я ему приказал:

– Выходи!

– Ты что, начальник?

– Кому сказано, выходи!

Он бросил вожжи и стал слазить с пролётки.

– Сейчас второй час, – сказал я ему. Мы стояли как раз напротив трёхэтажного здания, где находилось правительство

ДВР. – Завтра в это же время твоя повозка будет стоять там, где мы с тобой встретились, на углу Охотской и Селенгинской. Это тебе, дед, будет наука, чтобы ты не сопротивлялся начальству и чтобы не угрожал и тем более не стращал нас какими-то Николками.

* * *

Я сел и погнал пролётку прямо по Александровской. Шёл дождь с градом. Меня немного морозило. На углу, где стоит здание Военпура, повернул направо и поехал по улице Софийской. Колёса звонко стучали по булыжнику. Я остановил лошадь. Где-то здесь исчез Император, здесь был ранен Михайлов. Пролётка стояла рядом со зданием Главкома, а по правую руку темнел высокий и красивый собор.

* * *

Ворота открыл Налим. Он взял лошадь за уздечку и повёл к конюшне, а сам в полголоса пел:

– Маруська до утра Сергея целовала,
Клялась до гроба верной быть ему.
А проводив, с рассветом убежала...

– Прекрати, – перебил я его. – Дай лошади овса – и быстро в дом.

– Что, время опять менять хавиру?

– Время отчёт давать, что ты натворил!

Налим бросил уздечку.

– Кобыла и без овса проживёт. Хозяин придёт и накормит. Давай, начальник, в тарантасе на воздухе посидим, я тебе всё и расскажу.

Завтракать Прохоров ходил в «Эрмитаж». Читинские буржуа считают этот ресторан лучшим. Обеды: а ля тени. Ужин: а ля карте.

Играл салонный секстет из лучших музыкальных сил Читы. Комфортабельно обставленные номера. Всё великолепно. За столиком он сидел не один. Вначале к нему подсел Шаблинский, а потом Домрачёв.

– Откуда знаешь пофамильно?

– Я потом, начальник, Прохорова передал Огоньку, а сам за Шаблинским и Домрачёвым прогулялся.

Прохоров заказал себе отбивную котлету с косточкой и пил чай с прозрачным ароматным липовым мёдом. Те двое выпили по стакану ярко-красного рубинового гранатового сока и всё. Говорили на французском языке. Я, начальник, не могу понять, что это за Дальневосточная республика? Знаешь, кто такой Домрачёв? Это бывший начальник уголовного розыска во времена Семёнова, а Шаблинский – агент контрразведки. Сейчас Шаблинский – сотрудник Государственной политической охраны, Домрачёв – инструктор инспекторского отдела Военпура, кандидат в члены РКП.

Прохоров передал Домрачёву записку, я её у него тяпнул, прочитал, а потом вернул назад. В записке было написано «Бр. Попандопуло, требую полного подчинения гр. Васильеву».

Подписана записка: «А. Урванцев».

Это кто такой, начальник, Урванцев?

– Прохоров, он же и Урванцев.

* * *

– У, гадюка! В три часа дня он появился на грандиозном бенефисе атлета и борца Фаворского. Ну и силён мужик! Он, как спички, ломал подковы, гнул железо, рвал цепи. А в конце представления боролся с быком и победил его. Долго они барахтались, а потом Фаворский изловчился, схватил быка за рога, крутанул – и бык готов, на лопатках, вот как. А Прохоров после бенефиса исчез. Я, знаешь, начальник, впервые такое вижу. Загляделся. Он как будто знал, что я рот разину, раз – и нету. Но я его нашёл, это у них называется Бель-мель. Как бы встреча артистов со зрителями.

Сидит он, посмеивается в кресле, а напротив него по стойке смирно стоит этот богатырь и чуть не плачет, а пот градом, а руки трясутся, и даже мышцы на ногах трясутся. Мне противно было смотреть на этого богатыря с заячьей душонкой, а великан стоит и просит: «Господин Аркадий Григорьевич, я артист, я на сцене могу делать трюки, гнуть, ломать, поднимать, но в жизни я с детства не убил даже воробья. Умоляю вас, не губите!»

Прохоров встал, подошёл к нему и правой ногой подцепил его. Богатырь бац – и упал, всё здание затряслось. Ловкий этот Прохоров! Он нагнулся над ним и говорит: «Ты сделаешь, что я сказал, Артур, иначе я тебя, как в детстве».

Я бы на месте богатыря схватил его за глотку и задушил, как мышонка. А он лежал и плакал. Вот и грандиозный бенефис! Мне надо, начальник, от него уходить на второй план. Он сегодня черепаху делал. Это по-нашему, а по-вашему, не знаю как.

Пришёл он на улицу Бульварную, покрутился, постоял несколько минут. Время было около пяти. И бегом побежал по Сретенской вверх, я побег по Иркутской вверх. Добежал он до улицы Хабаровской, а я уже там. Оглянулся он и свернул на улицу Иркутскую, я побёг вниз на Бульварную, пересёк Сретенскую – и к Якутской. Через две минуты он, голубчик, возле меня – и вниз на Уссурийскую устремился, я не стал за ним бегать, а вернулся на старое место, откуда он начал свою черепаху. Закурил. Через десять минут он ко мне подошел: «Здорово, – говорит, – быдла, что стоишь?» Я ему как промеж глаз в прыжке врезал! В своём ударе всю пролетарскую ненависть к нему выразил. Он за карман, я его по печёнке. Он носом по булыжникам. Обчистил я его, наган и финку взял. Вот она.

– Как же вы так могли, Налим, раскрыть себя, устроить драку?

Самому никак не верилось, что этот щупленький, худой, низенький Налим мог справиться с Прохоровым.

– Что он, подонок буржуазный, меня быдлой обозвал, не имеет он права оскорблять гражданина! Я не из стада безвольных. Я вон его сопровождаю, оберегаю... Не дай Бог, думаю, кто из какой шайки на него нападёт, так грудью бы защищал. А он охамел! Да и кто я, начальник, дурак какой, чтобы мне черепаху строить... Это больше всего меня обидело... И потом, должен был я отомстить за этого Фаворского. Мне его, как брата, было жалко, когда он лежал и ревел. Я бы его, будь моя воля, давно приколот.

Налим выложил пистолет и финку, носовой платок, пор-

тмоне, пачку египетских сигарет, очки, золотые часы, чистые бланки фирмы В. Высоцкого.

– Эти вещи нужно вернуть Прохорову.

– Верну только документы, – твёрдо сказал Налим.

Я понял, что спорить и приказывать бесполезно.

Он встал, из комнаты принёс мой баул, положил в него все вещи Прохорова. Кроме паспорта.

– Пошёл выполнять ваш приказ. Через час буду дома, – выходя проговорил Налим.

Не прошло и часа, вернулся Налим. Он поставил на стол кринку молока, выложил из мешка ляжку ветчины, связку вяленых омулей, десяток пампушек. С широкой улыбкой смотрел на меня.

– Это, Чёрт, я по пути купил. Прохоров лежит в номере. Его отхаживают двое. Один – его двоюродный брат, ты его не знаешь, и иностранная потаскуха Кэт. Решил, что на два-три дня я свободен. Видно здорово я ему печёнку потревожил. Цвет лица жёлтый, глаза бледные, подбородок трясётся. Я подбросил документы. – Налим ласково, с детской наивностью смотрел на меня. – Чёрт, я свободен. Если приказов на сегодня нет, разреши пообщаться с Рыжим.

– Тебя, где сидит Рыжий, собаки не пустят к нему.

– Я знаю. А ты хозяйке скажи, чтобы она Рыжего привела в нашу половину. Ну пойми, моя селезёнка чешется: откуда он, гад, такой умный? Дуван его знает. Хотел даже в нашу воровскую кодлу принять. Хозяйка его знает. И цидульки носит не простых воришек, а главарей? Так мне хочется узнать, кто его нанял к нам! И почему на кону ребёнок? Даю слово: бить его не буду. Весь разговор тебе передам.

Я согласился. Достал папиросу, закурил. Налим недовольным голосом прокричал:

– А ты, Чёрт, что расселся! Торопись! Скоро кто-то из мужиков вернётся, поговорить мне не дадут.

На громкий голос Налима вышла из своей половины хозяйка.

– Что шумите, собак пугаете?

Я обратился к ней:

– Антонина Герасимовна, приведите сюда Рыжего. Налим желает поговорить с ним.

– Сейчас, – согласилась хозяйка. – Только предупреждаю: Рыжего я знаю более двух лет. Он выходил победителем из самых сложных ситуаций. Я его нанимала дважды. Второй раз он ополовинил нашу партийную кассу. Взял за работу пятьдесят рублей. Я приведу его, но собаке Бельчику велю дежурить у дверей.

Солнышко пригрело меня. Я, сидя на завалинке, заснул. Проснулся от громких голосов. Тихо вошёл в дом.

* * *

Рыжий говорил:

– Последний фильм я, дядя Налим, смотрел под названием «Мои четыре года в Германии». Это картина по мемуарам американского посла Джемса Джерарди.

– Да что ты говоришь?!

– Верно, я говорю, дядя Налим, я её смотрел три раза и имею суждение об этой картине.

– Ну, шпик, ты далеко пойдёшь! Имеешь даже свои суждения... Рассказывай, рассказывай. И что там дальше?

– А там Вильгельм, такой толстый, хочет покорить все народы и быть владыкой мира.

– А ты?

– Нет, я не хочу, я не дурак.

– А что ты хочешь?

– Я хочу учиться... Там, в кино, показывают Гинденбурга, он пушки свои разворачивает и всё палит и палит... Вся суша в ямах, а Фон Тирциц корабли в разные стороны отправляет и всё, что в море попадается, топит. А Ботман снабжает армию, он самый богатый. У него и уголь, и нефть, и даже удушливый газ.

– Слушай, палёный, у тебя мозги не того... Ты как-то не так рассказываешь. Ладно, об этих немцах. Ты всё-таки скажи, а на кого ты хочешь учиться?

– Я... А вот там, в кино, есть Мольтке...

– Ты что, не понимаешь вопроса?

– Понимаю, дядя Налим, я и хочу вам рассказать, на кого я хочу учиться, а вы мне не даёте...

– Прекрати о Германии. Отвечай точно на вопрос: на кого ты хочешь учиться?

– В кино есть Мольтке...

Я услышал, как в кухне что-то полетело, Рыжий ойкнул и наступила тишина. Я вошёл в кухню посмотреть, что у них произошло. Возле порога сидел на полу Рыжий и прижимал к носу тряпку, а рядом с ним сидел Налим и, осматривая лицо Рыжего, приговаривал:

– Сам, дурачок, виноват. Зачем тебе сдались эти немцы? Лучше бы рассказал, кто куда пошёл, кто куда ушёл, а ты – то Вильгельм, то Гинденбург, то какой-то Фон. И ещё этот зараза Молька...

– Мольтке, дядя Налим, Мольтке.

– Убью!!! – взревел Налим и поднял с пола Рыжего.

– Прекрати, Налим, нельзя же так распускать себя! В чём-то он и провинился перед нами, но зачем по-зверски к ребёнку относиться?

– Я по-зверски? – отпустив Рыжего, произнёс Налим. – Это он надо мной издевается!

Чувствуя защиту, Рыжий пустил слезу и залепетал:

– Я не издеваюсь. Я правду говорю. Сами меня втравили, расскажи да расскажи, а потом бьёте!

– Налим, – предложил я, – иди в комнату, а ты, Рыжий вымой лицо и садись за стол.

Налим ушёл в комнату, но оттуда крикнул:

– Вы всё же, Чёрт, спросите его, кем он хочет быть!

Когда Рыжий умылся, причесал клоком оставшихся волос и сел за стол, я спросил:

– Так чем же тебя заинтересовал Мольтке?

– А он в Германии командует армией шпионов, а я хочу против него быть шпионом.

– Ты и так, рыжая падла, шпион! Тебе незачем учиться! – крикнул из комнаты Налим.

– Это вы так думаете, дядя Налим, а я по-другому думаю. Мне надо научиться так, как тот шатен, за которым вы ходили.

С японцем по-японски, с французом по-французски, с американцем по-английски. Или поднял вверх руки, потряс пальчиками, и дяденька, кто шёл к нам навстречу, хоть и далеко был от вас, дядя Налим, понял: подходить не стал.

– Кому это шатен подавал такие сигналы? – спросил Налим.

– Я его плохо рассмотрел. Вы помешали.

Я сел рядом с Рыжим и предложил ему рассказать о себе.

– Что вы, дядя Серёжа, сговорились? Дядя Налим больше часа меня пытал, сейчас вы. Ничего я вам не скажу.

Антонина Герасимовна отвела Рыжего в «узелище», Налим пошёл спать, я сидел на завалинке и размышлял. Двое суток в Чите, уже нет двоих – винил себя за Михайлова, беспокоился о судьбе Императора. И ещё этот Рыжий!

Я достал из кармана щепку, которую отдал мне Огонёк. На ней было нацарапано: «С-ЧК. И-нет». Я задумался, что же означают эти буквы? Мои тяжёлые мысли прервали шаги за воротами. Послышался мужской голос:

– Пулька, по описанию эти ворота. Стучим?

– Давай, – откликнулся второй голос.

По калитке ударили, видно пяткой ботинка. Я подал голос:

– Что стучишь?

– Слушай, мужик, нам надо Родственника. От Наташки-барахольщицы шмотки принесли.

Я отодвинул щеколду, открыл калитку. Собаки окружили пришельцев.

– Слушай, мужик, а Наташка нас не предупреждала в отношении собак. Убери их, – попросил оспатый мужчина. – Нам велено Чёрту передать письмо и альбом. Наташка заметила за нами слежку. Сама пошла на преследователей. Она умная. Решила: другого варианта не существует. Мы за собой преследователей не заметили. Всё чисто. Да убери ты собак! Нам долго балякать нет времени.

Я окликнул хозяйку.

Антонина Герасимовна осмотрела мужчин.

– Я с вами не встречалась. Кто вы есть?

Старший произнёс:

– Я – Рябой, а это мой друг Пулька. Мы прибыли из Владивостока.

– Сергей, идите в дом, а я на всякий случай оставлю собак побегать по усадьбе.

Мы вошли. Налим вскочил, приложил кулак ко рту и проговорил:

– Корефаны, порадуите Чёрта хорошими сообщениями. Рябой, не лучше ли вещи переложить в мешки? Удобнее...

– Да мы, Налим, когда в Хабаровске заметили слежку, хотели так и сделать. Но нам приказали вещи привезти по назначению не мятыми и не разбитыми.

Рыжий стоял у дверей комнаты и внимательно слушал. Рябой осмотрел его и прошипел:

– Ты нас не видел, слышишь, Краснофаль?

Младший, Пулька поднял и поставил на стол чемодан. Открыл его, поковырялся в вещах. Достал пакет и кожаный альбом. Краснофаль подался вперёд и тут же получил удар по шее, а дальше последовал от Рябого мат.

– ...Проткну орбиты!

Рыжий сжультался.

– Чёрт, – заговорил Пулька, – Наташка велела тебе все наши сомнения открыть. – Посмотрел на Рыжего. – Ты, Краснофаль, слушай. По пятам твоим идёт не одна смерть, а ещё дети её – смертишки... Усёк?.. Слушай, Чёрт, хозяин хавиры на улице Пекинской говорил, что контр-адмирал выехал в Москву второго июня. Зойка в Харбин отправилась седьмого июня. Мы прибыли десятого. Через три дня после её отъезда. А где ребёнок? – он вцепился глазами в Рыжего. – И тебя я спрашиваю, шпик, где ребёнок?

– Не знаю, дядя Рябой.

– В Харбине Император поручил Евану найти и взять золото и драгоценности, а мне найти семейный альбом. Я его нашёл в женской половине, в тумбочке. Я бегло пролистал его. На первой странице вставлено фото младенца месяцев шести-семи. Я его запомнил. В доме Зойки во Владике нашли альбом в тайнике в комнате прислуги... – Пулька раскрыл альбом. – Смотри, видишь фото младенца? Такой же мальчуган, что

и в альбоме Зубовых. Чёрт, даю голову на отсечение: это тот же самый карапуз. Делаю вывод: Зойка – мать мальчугана. Зубовы – родители её. А младенец – их внук. Встаёт вопрос: где отец? Зойка в Харбин поехала одна. Хозяин хавиры нас заверил, что плач ребёнка в доме прекратился с исчезновением контр-адмирала, то есть второго июня. Это всё передай Родственнику. – Пулька впился злыми глазами в Рыжего. – Чёрт, на кухне мы натолкнулись на несколько бутылок французского коньяка «Мортель». Взяли три. Давай договоримся: одну бутылку оставляем вам, одну мы с Пулькой используем в случае необходимости, одну отвезём в ЧК. Если это любимый коньяк хозяйки, ей за глаза одной бутылки. Мы бы могли одну по дороге опустошить, но эта глазастая Наташка видела.

Я сказал Пульке:

– Везите все три в Новониколаевск. Разрешаю одну бутылку в случае необходимости расходовать.

Пулька внимательно осмотрел меня.

– Слушай, Чёрт, мы до Читы добрались по липовым документам. А по Совдепии с ними не проедем. Наташка намекала, что ты нам дашь гарантийные документы и оружием обеспечишь. Ясное дело, в Новониколаевске передадим кому велите.

На бланке с печатью и подписями типографским шрифтом набрано:

«Удостоверение. Представитель сего, – я написал: – Стрелков Александр Александрович (Пулька) состоит вр. и. о. уполномоченным Особотделом Новониколаевской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

Удостоверение действительно до декабря двадцать первого года».

Такое же удостоверение написал Степанову Николаю Васильевичу (Рябой). Вручил каждому по браунингу. Я спросил их: нужны ли им деньги? Пулька засмеялся, а Рябой скривил губы:

– Ты что, Чёрт, не знаешь, кто мы?

Пулька повернулся к хозяйке:

– Наташка говорила, что вы имеете возможность помочь нам. Отвезите наши чемоданы на вокзал и занесите в вагон, в котором мы поедем.

* * *

Я раскрыл пакетик, вынул два листа, исписанных мелким почерком. Начал читать про себя.

«Папа, мама! В день нашего прибытия во Владивосток взяли Рябого и пошли в гости. Посетили квартиру Зои. Она родилась в 1886 году. До 1917 года жила в Москве и Японии. Рябой вспоминает, что встречал Зою на улице 1-я Морская и на Мальцевском базаре. Фото мужа не нашли. На обратной стороне одного фото есть надпись «Алфею присвоено звание контр-адмирала». Зоя выехала из Владивостока 7 июня 1921 года. Зоя в квартире на улице Пекинской оставила много хороших новых вещей. Я собрала в одном экземпляре необходимые вещи для Зои и её «предполагаемого мужа». Хозяин дома господин Хмыков заверил Пульку, что «предполагаемый муж» выехал из Владивостока второго июня.

Снятая засохшая глина на сапогах передана инженеру-геологу Артесу. После анализа он заявил, что глина по составу идентична глине окрестностей села Чугуевка.

Папа, новый комендант японских войск в Харбине Оонода приказал майору Саниму выехать с семьёй в Японию.

Папа, Дмитрий передумал ехать в США. Он предложил заинтересоваться и Кэт.

Мама, помнишь, я рассказывала тебе, что однажды на улице Пекинской познакомилась с контр-адмиралом по имени Алфей. А фамилия его Иноев. Когда мы выходили из ресторана, нас водил воришка Краснофаль. Я его не нанимала. Кто?

Мама, прости за самодеятельность, но в квартире я нашла тайник, а в нём ридикюль с драгоценностями. Их отправляю с Рябым и Пулькой.

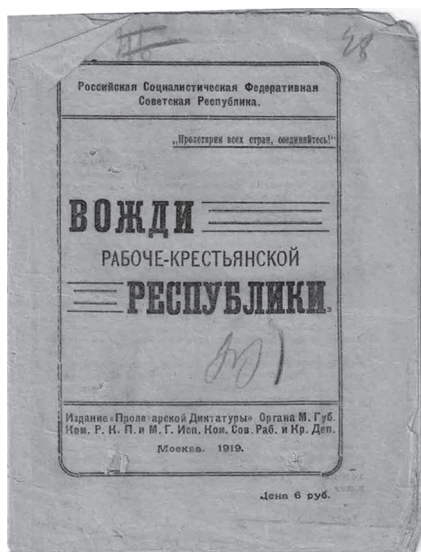
Мама, перед отъездом из Владивостока по собственной инициативе была с Пулькой в квартире Кэт. Кроме американской жвачки, в тайнике обнаружили тайнопись на английском и французском языках. Одно письмо на китайском языке,

подписанное иероглифом «Пять». Мама, Янчик передавал мне, что Кэт из Харбина ехала вместе с монахом Иеронимом.

Альбом Зои оставляю в Чите. Пока всё спокойно.

Н.»

Брошюра, изъятая у арестованной
Зои Зубовой-Саркуевой в июне
1921 г.

Глава пятая

Вторник, 14 июня 1921 года.
Город Чита.

К двум часам ночи я пришёл в сад Жуковского к статуе Аполлона. Ко мне подошла Ванда Павловна.

– Здравствуй, Сергей, – поздоровалась и спросила: Где Родственник?

– Не знаем.

– Как справляешься с друзьями Родственника?

– Прозвали Чёртом. Мы переехали в фанзу Чжи.

– Для успешного выполнения операции мы выделили своих товарищей, старых проверенных большевиков.

– Мужики обидятся. Огонёк докладывал, что за ним ходит Черных. Есть сведения, что в Госполитохране и Военпуре осело много бывших семёновцев, колчаковцев и каппелевцев. Документы в этой папке.

Я передал увесистый пакет Ванде Павловне.

— Что думаете делать с драгоценностями?

— Предлагал оставить здесь, но все категорически возразили. Только для голодающих Поволжья.

— Это создаст дополнительные трудности.

— Они согласны.

— Какие есть версии в отношении Родственника?

— Никаких. Сегодня в десять часов утра ранен Михайлов. Его ранил Прохоров.

— Кто такой Михайлов?

— Один из членов отряда. Он из бывших офицеров. Воевал вместе с Прохоровым на Германском фронте. Были друзьями.

— В какую больницу поместили?

— Наим отвёз его в городскую больницу.

— А как зовут Михайлова?

— Юрий Павлович.

— Что? — Ванда достала папиросу, закурила. — Не ожидала от мужа такой подлянки. Серёга, Юра — мой брат. Мы с ним не виделись более трёх лет... Серёжа, будь всегда начеку. Берегись Родственника. Мне, жене, строит подлянки...

— Зачем вы так, Ванда Павловна? Михайлов в шайке Дувана с марта этого года. И никакой подлянки Пётр Васильевич вам не строил.

— Дуван встречался на Еврейском кладбище с Костей Ленковым. Его интересовал Император. Ленков пообещал всю свою банду подключить к поиску. А мои люди вот что узнали. Одиннадцатого июня в десять часов вечера исчез не только Император, но и бандит Костя Гуторов и ещё один солдат, которого Император отпросил у главного политического инспектора Преображенского. Имя солдата Павел, фамилия Гогов. Поинтересуйтесь у мужиков, знал ли Император Гуторова и Гогова. Пока вы здесь, а особенно Прохоров, никаких арестов не будет. Конечно, кто затесался в РКП(б) и занимает определённые посты в армии или других организациях, нужно уже сейчас, но на это должны получить разрешение Дальбюро. На вокзал выделила специального человека, Прохоров может выкинуть такой финт, что весь наш труд пойдёт насмарку. Се-

годня в фанзе Чжи должны появиться Наташа, Рябой и Пулька.

– Ванда Павловна, Наташа уже была у нас. Она отправилась в Иркутск. Были и Рябой с Пулькой. Они передали письмо, которое написала Наташа, и альбом, что изъяли в доме Саркуевой. Вещи в двух чемоданах взяли с собой. Пообещали всё в целости сдать в Новониколаевскую ЧК. Ванда Павловна, у нас пополнение: появился молоденький вор по кличке Краснофаль.

Ванда Павловна ударила в ладоши.

– Сергей, ты принёс мне большую радость. Мои люди двое суток искали его по всему городу. Я даже в Москву сообщила, что Краснофалья найти не можем. Говоришь, сам пришёл?! У Кэп-Найфа сдают нервы.

Я передал содержание разговора между Дуваном и воришкой. Ванда Павловна закурила новую папиросу, проговорила:

– Значит, на вопрос: «Какова цена твоего нынешнего нанимателя?» – Краснофаль ответил: «Ребёнок, дядя Дуван». А Пульку интересует местоположение младенца.

– Да, – подтвердил я.

– Сергей, не упустите воришку. Разрешаю связать руки и ноги. Вернётся в фанзу, готовьтесь в дорогу. Не зря она, сучка, бросила свою правую руку на съедение...

– Вы о ком, Ванда Павловна?

– Я, Сергей, мыслю вслух.

Рассказал Ванде Павловне, что встречался с Муравьёвым и что ему приказано Прохоровым утром выехать в Красноярск. Передал, что я полковнику сообщил место закладки сообщений у будки Вильда. Высказал затруднения по информации, которую приносят мужчины, большинство на китайском языке. Передал даже мой разговор с мужиками, когда я обратился к ним за помощью, они все вспоминали какого-то Рамзеса.

Ванда Павловна предложила обратиться к Чжи.

* * *

Возле будки Вильда меня ждал мужчина среднего роста с плетёной корзиной. Обменялись паролем, он передал мне свёрток и, поклонившись, ушёл.

Дома я развернул свёрток и опять разочаровался. Несколько

листов были исписаны иероглифами. Возможно, в этих иероглифах ответ, где император. Но они для меня мертвы.

Я поспал часок. Меня разбудили шаги Евана. Он, видно, давно проснулся. Ходил по комнате, забросив свои мускулистые толстые руки за спину. Увидел, что я лежу с открытыми глазами, подошёл ко мне, сел.

– Не спишься, товарищ Сергей? – дружелюбно спросил он меня.

– От твоих шагов глухой проснётся, – ответил.

– Вы хоть что-нибудь знаете про Императора?

– Еван, мы в Чите живём двое с половиной суток, я за это время выходил на прогулку, когда меняли хату. Так кто больше знает: вы или я?

Я, видно, громко говорил. Все проснулись и подняли головы. Дуван достал сигарету «Каска», закурил.

– Вот сон я сегодня интересный видел, – произнёс я. – Могу рассказать.

– Только и осталось, сны слушать, – пустил реплику Дуван.

– А ты послушай, Виктор Евсеевич, глядишь, по сну кое-какие выводы сделаешь, – отчитал я. – Так вот. Приснилось мне, что нахожусь я в одиннадцать часов вечера на Еврейском кладбище.

Дуван бросил сигарету и прищурившись впился в меня взглядом.

– Ну, а дальше? – спросил Огонёк.

– Цыц, щенок! – крикнул на него Дуван.

– Досказывать сон или нет? – спросил я, поглядывая на Дувана.

– Рассказываете, рассказывайте, – попросил Налим и укрылся одеялом.

– Так вот. Приснилось мне, будто я нахожусь в одиннадцать часов на Еврейском кладбище. Тихо. Темно. Вокруг только одни могилы. И вдруг выходит из-за сосны стройный молодой мужчина и подходит ко мне.

«Ты кто будешь?» – спрашивает он меня.

«Я Чёрт», – отвечаю ему.

«А что звал?» – спрашивает меня без удивления, что я Чёртом представился.

«Да вот, – говорю, – такое дело, Императора не можем найти. Я слышал, у тебя много ребят, помоги».

Он мне говорит:

«А ещё Чёртом называешься!»

«Я не Чёрт, мне простительно, но я тоже не могу найти нашего главаря. В десять часов вечера двенадцатого июня пришёл к нашему Косте Гуторову какой-то солдат. Он, как рассказала Костина любовница, «выскочил в одних штанах, и до сих пор его нет».

– Хватит, – перебил меня Дуван.

– Нет, не хватит. Скажите, кто знал Пашку Гогова?

Дуван вскочил:

– Я знал.

– Откуда?

– По Петербургу. Он в сынах у Императора ходил. Но он давно завязал... Большой сон у вас был и уж очень конкретный...

– Слушайте. В восемь часов вечера мы приехали в Читу. Император пошёл в здание Военпура. Там беседовал он с Вайсом и Преображенским и ещё с солдатом Павлом Гоговым. Император просил, чтобы Преображенский отпустил с ним Павла. Они вышли без двадцати десять из здания. Костя Гуторов жил на улице Благовещенской в двух кварталах от Военпура. Предположим, что солдат, который зашёл за Костей, был Павел. Костя Гуторов знал Императора?

– Он так же, как и я, прошёл императорскую школу, – произнёс Дуван.

– Десять часов. Ещё светло. Выскакивает Костя, рядом Павел и Император. А после десяти исчезли. Все трое. Нет их в городе. Приказываю: Евану, Огоньку и Ленскому отправляться на поиски императора; Дувану быть возле Михайлова; Жирафу продолжать работать в магазине Турченко и Кислова; Налим остаётся дома. Прошу вас по пути поисков фиксировать всех главарей и их корифанов, кто может согласиться с предложением Николки Петербургского выехать в Москву. Мы можем

в любое время получить приказ покинуть Читу, позаботьтесь о продуктах питания.

* * *

В одиннадцать утра пришёл к нам Чжи. Он принёс свежую газету «Забайкальская правда».

Налим сел за стол, взял в руки газету и начал медленно читать:

«Тринадцатого июня, в понедельник, на улице Софийской ранен в грудь, в левую область желудка бывший колчаковский контрразведчик, дворянин Михайлов Юрий Павлович. Раненый Михайлов был отправлен в городскую больницу для оказания медицинской помощи, где вследствие тяжёлого ранения скончался. Убийца разыскивается».

Наступил вечер. Вернулся Огонёк, следом Ленский, Жираф. Дуван пришёл вместе с Еваном. Каждый складывал в бабий кут узлы, корзины. Я прошёл в маленькую комнату. Как и в прошлые вечера, был уверен: каждый из них сейчас начнёт припрятывать, что им удалось присвоить и что нужно спрятать, чтобы «этот Чёрт» не усёк. Первым в маленькую комнату вошёл Огонёк. Скороговоркой произнёс:

– У меня, Чёрт, новостей нет. День вхолостую пробежал. Ноги гудят.

Из кухни донёсся злой, требовательный голос. Дуван кричал:

– Еван, а ну зови всех немедленно в большую комнату!

Все зашли. Кто сел на нары, я к столу, Жираф на подоконник.

Дуван подошёл к двери закрыл створки.

– Все помните, что говорил Император, когда в Мациевской знакомил нас с Сергеем?

– Начальник на нас не в обиде, – сказал Жираф.

– Все так думают? – спросил Дуван и сморщил лоб.

Тишина.

– Я ещё раз спрашиваю, все помнят слова Императора?

И он вытащил финку.

– Я вас под своё крылышко собирал. Вам верил... Появил-

ся мой крёстный отец. Согласился меня и вас взять к себе. Мы перед ним никто, мы поклялись на озере... там, – Дуван махнул рукой, – что будем верно служить Императору. А что ж ты, падла, обчищаешь карманы, – пронзая Огонька, орал Дуван, – когда тебя об этом не просили?! Ты же, сука, нас на провал подставляешь и дело!

Огонёк, пятась, оказался в красном углу.

– Под Богом не прольёшь кровь, – взволнованным голосом произнёс Огонёк.

– У меня есть твоя клятва, а не Бог.

Дуван прыгнул и оказался в центре комнаты.

Огонёк, окаменев от ужаса, не смог сдвинуться с места или хотя бы выговорить слово.

Я вскочил и загородил Огонька.

– Уйди, начальник! – крикнул Дуван. – Наша клятва тебя не касается!

И он левой рукой хотел оттолкнуть меня. Я, как бы подчиняясь его силе, сделал полукруг, быстро схватил его за кисть правой руки, где была финка, и крутанул её за спину. Не выпуская его кисти, чуть наклонился, левой рукой подсёк ему ноги, приподнял и бросил на нары. Всё случилось так быстро, что мужики не сразу сообразили, кто лежит. Дуван уткнулся в подушку. Я понимал, ему было стыдно. Огонёк продолжал стоять в углу. Стояли и все мужики.

Я спокойно начал:

– Ты прав, Виктор Евсеевич, что я к вашей клятве не имею никакого отношения. Ты прав, что Огонька надо наказать! Но прошу тебя и прошу всех. Император выбрал меня своим заместителем. Он попросил вас подчиняться мне. Давайте не будем самовольничать. Виктор Евсеевич, ты не обижайся на меня, что я тебя так, но у нас уже нет двоих. Мы не знаем, где Император. Верить или нет сообщениям в газете о смерти Михайлова? И Огонёк со своими слабостями нам дорог. Не беда, что некоторые в своих отчётах кое-что скрывают. Они со своей колокольни решили, что так правильно. Сергей, или, как окрестил меня Ленский, Чёрт, ни черта в нашем деле не понимает. В их понятии, да и в какой-то степени в вашем по-

нятии, Виктор Евсеевич, я большевик, который умеет только митинги устраивать, речи толкать. А вы, Виктор Евсеевич, откройте мой баул и посмотрите, что там. Смелее, смелее...

Дуван поставил на стол баул, открыл.

– Это трофеи за два дня Огонька, Ленского, Евана и Налима.

– Чё? – произнёс Еван, почти сгорбившись.

– Тихо, мальчики, – сказал я, – тихо.

Дуван закрыл баул.

Я поднял финку, подал Дувану.

– Возьми, Виктор Евсеевич, только не надо больше таких сцен, не люблю. Как видите, – продолжал я, – не я начал этот разговор, а Дуван. Я лично ещё бы денёк повременил, чтобы точнее понять, каким вы меня дураком представляете. Еван, вот вы произнесли: «Чё?», а между прочим, вчера обчистили кого-то и присвоили десяток золотых пятирублёвок. У японцев захватили бутылку спирта. Вот эти ваши самовольные действия не надо квалифицировать, как «чё», а другим словом...

Ты, Петька Ленский, под расписку взял часы у Дувана. Сам решил: что я без рук, чтобы на мне ярмо висело – расписка. И возвращаешься ты домой, а тут мужик навстречу в длинном пальто. Горбатенький такой. Ты к нему: «Здорово, приятель. Тороплюсь на вокзал. Сколько времени?» Тот по доброте своей вытащил из жилетки часы и говорит тебе: «Я плохо вижу в темноте, гражданин, посмотрите сами». Вот ты и посмотрел. А чтобы он и тебя плохо видел, ты у него очки снял.

Ну, а сейчас твоя очередь, Огонёк. Ты вчера забыл рассказать мне, как на архиерейской даче серебряный крест с Библии случайно захватил с собой. А в доме по Уссурийской, номер четыре, пустил его как холодное оружие.

Виктор Евсеевич, золото и драгоценности в императорском саквояже. Молчите... С этой минуты я вам приказываю: прекратите самовольничать. Вы не способны скрыть истину в своих рассказах. Не беритесь. И помните, вы действительно являетесь членами особого отряда. Не позорьте имя... Я вас оставляю на часок. Без меня обмозгуйте все ваши делишки, и вы, Виктор Евсеевич, тоже, тоже... Я буду у хозяина. Ждите меня на ужин.

Я пошёл к хозяевам в их половину и тихо постучал. Чжи вышел в коридор. Я стал извиняться. Но он прервал меня:

– Не извиняйтесь и не стесняйтесь, в любое время я и моя жена готовы вам помочь.

– Нам надо где-то при свете посидеть.

Он повёл меня по коридору, открыл дверку шифоньера и предложил следовать за ним. Вниз шла лестница. Спустившись по лестнице, мы оказались в коридоре с двумя дверями. Чжи освещал дорогу лампой, открыл одну дверь и пригласил во-внутрь. Мы вошли в просторную комнату с большим столом по центру. Стены обиты голубым материалом, весь пол застелен ковром. Хозяин зажёл ещё одну десятилинейную лампу и предложил мне поудобнее садится в кресло.

Я подал ему листок, полученный мною вчера. Он расправил его и стал читать, медленно переводя:

– Прохоров получил информацию, что отца ограбили. Знает, что Сосэки убил Михайлов. Японский резидент Дзирохати следит за Муравьёвым.

Меня бросило в пот. Опоздал я с переводами. Если бы я раньше знал содержание этой информации, я не отпустил бы Михайлова.

Но не меньшая тревога охватила меня за Муравьёва. Я не видел, что за нами следят, а китаец даже называет конкретно имя резидента: Дзирохати.

– Что ещё нужно перевести? – спросил Чжи.

Я с большим волнением передал два листочка. Чжи осторожно их поправил, но сразу читать не стал. Он прошёл в угол к серванту, открыл дверцу достал чашку и на доньшко налил жидкости.

– Выпейте, Сергей Александрович, успокойтесь.

Я выпил, но вкуса не почувствовал.

– Слушайте, перевозжу дальше. «Шифр переписки Прохорова с Окадо Сан-Тиенской тайной организации. Мы вызвали старика Ден-куя из Могочи. Он родом из Хайфынского уезда. Если здоров, то приедет через сутки. Пусть Чжи встречает его как брата отца. Немедленно прекратите связь с Муравьёвым. С вами желает встретиться Василий Блюхер. Он придёт в фанзу

Чжи четырнадцатого июня в десять часов вечера. Прохоров отправил в Иркутск неизвестного нам резидента под шифром М-2. Для оперативности списки руководителей читинской контрреволюции переданы Василию Константиновичу.

Я невольно подумал: «Сколько же проделал работы китайский товарищ, кто они, эти неизвестные, которые, рискуя своей жизнью, помогают нам?»

Хозяин поторопил меня.

– Пойдёмте. Блюхер пунктуален.

Мы вышли на улицу. Хозяйка сидела на завалинке. По бокам – Василий Блюхер и Чень Ян. Поздоровались. Блюхер взял меня под руку и повёл к воротам. Он тихо заговорил:

– Сергей, ты не будешь возражать, если мы из твоих новых друзей кое-кого оставим в Чите?

– Почему вы спрашиваете меня?

– Впереди вас ждут большие трудности. Основная ваша задача – не допустить, чтобы главари заговора и исполнители просочились через Новониколаевск. Нам стало известно, что в городах Барабинске, Каинске, Омске, Ишиме и уездных центрах идёт интенсивный сбор антисоветских сил. В некоторых городах офицерье создаёт подпольные школы по подготовке диверсантов. Под Омском раскрыли такую школу по подготовке убийц. Инструкторами служили американские, английские и японские резиденты...

– Вы уже наметили, кого желаете оставить в Чите? – спросил я.

– В Дальневосточной республике в борьбе с бандитизмом просит оставить в Чите Дувана, Жирафа, Михайлова и Налима.

– Но Михайлов?

– Он живой. Рана несерьёзная. Его лечат в моей квартире.

– Я прошу вас Налима оставить в нашем отряде. Он смел, достаточно наблюдателен, и у него реакция зверя. Интересно, как бы посмотрел на это Родственник?

– Ваши рассуждения совпадают с его мнением...

– Не понял? – вырвалось у меня. – Где он?

– Вам всё объяснит Ванда Павловна. Так я прикажу, чтобы на Дувана Жирафа и Михайлова готовили документы? Обе-

регайте Краснофалю. Предупредите Огонька, Налима и Ленского, что они отвечают за него. Это приказ Родственника.

Перед ужином хозяйка привела к нам Рыжего. Она серьёзно начала:

— Чёрт, мы договорились с Краснофалем, что он не вздумает бежать и не попытается что-то сообщить нанимателю. Пусть будет с вами. Собаки бегают по усадьбе. Они никого не впустят и не выпустят. Вы, Сергей, сегодня спите. Завтра вас ждёт большая умственная нагрузка.

Из домашнего альбома Зои Григорьевны Саркуевой

Глава шестая

Среда, 15 июня 1921 г.

Город Чита.

Мужики возвращались в приподнятом настроении. Долго возились в сенях, заходили в дом и отворачивали от меня глаза. Я вначале подумал: «Поддали где-то», но принял. Ни от кого не пахло

— Скажите нам, Чёрт, мы сегодня будем есть?

— Спокойно, — ответил я им. — Есть нечего. Деньги, которые выделял нам Козлов, мы израсходовали.

– Ну, что я вам говорил! – улыбаясь крикнул Огонёк. – Петька, бутылка с тебя!

– Уже поздно, – ответил Ленский, но по его голосу почувствовал, что он доволен, что проиграл Огоньку. – Ладно, пошёл.

Ленский вышел. Никто не направился за ним, как обычно, закрыть калитку. Все сидели и украдкой посматривали на меня. Я расшифровывал третье письмо Прохорова. Три часа назад у хозяина в гостях был старый китаец со станции Могоча. Он передал шифр и дешифровку Сантиенской тайной организации. Прошла минута, вторая. Все сидят, Жираф взял со стены гитару и монотонно дёргал одним пальцем струну. Я не выдержал и крикнул в соседнюю комнату, где Еван лежал на полу и переписывал из газеты «Дальневосточный телеграф» передовицу:

– Еван, иди и закрой за Ленским двери!

Он вскочил, но на него так взглянул Дуван, что тот сгорбился и наклонился на косяк.

– Ты что, меня не понял? – спросил я.

– Понял, – протяжно произнёс он, – они не пускают...

– Тебя никто не держит.

– Да. Это вы так думаете...

Открылась дверь, и вбежал Ленский.

– Ну как, быстро, а?

Я повернулся к нему и сказал:

– Женщина с коридора быстрее куль муки занесёт, чем ты бутылку.

– Не вышло... Сейчас... Потом получится...

– А ты учись, – сказал я ему. – Вот выйди и занеси всё, что есть в сених, и поставь на стол, и нарежь, и разлей, и пригласи. Две минуты в твоём распоряжении.

Ленский выскочил из кухни.

– Да что, он мне не друг, чтоб я ему не помог! – крикнул Огонёк. – Такого не бывает! – и пошёл к шкафчику.

– А он меня однажды из ложечки кормил, когда я еле живым был, – произнёс Жираф, повесил гитару на гвоздь и побежал за Ленским.

Все как заворождённые вскочили, и стол был накрыт, водка разлита в стаканы, приятно пахло копчёностями.

– Просим вас, Сергей, время идёт, – с поклоном указав рукой на табуретку, пригласил Ленский.

И вдруг все гаркнули:

– С праздником вас, Сергей-большевик! Сегодня мы ни у кого и копейку не украли!

Задребезжали стекла в окнах.

Рыжий то и дело поглядывал на Налима. Тот, как отец, говорил:

– Можно, Рыжая сволочь! Ешь!

Рыжий осторожно брал куски окорока, медленно жевал. Возле Огонька скопилась целая гора костей: от кеты, омуля, иваси. Дуван уплетал охотничьи колбаски, Ленский и Еван драли гуся. Налим, словно сын Его величества, перебирал пальчиками цыплят табака, выбирая свои любимые места, сдирая шкурку. Только Жираф был равнодушен. Он взял из рук Евана гусиную печёнку, прожевал, проглотил и налил себе ещё в стакан водки.

– А у нас есть ваше любимое кушанье, – сказал Рыжий, поглядывая на Жирафа. – Принести?

– Живо! – скомандовал Налим. – Ещё раз забудешь, Огоньку отдам на четвертование. А сам закопаю.

Рыжий занёс крынку молока и пампушку.

– Спасибо, Рыжий, ты славный парень. Если Налим тебя особо будет «того», ты скажи мне...

Жираф выпил с полкрынки молока и съел всю пампушку.

Мне было стыдно за себя. Какая невнимательность! Рыжий лишь дважды сидел за общим столом, а подметил, что Жираф ест только молоко и лепешки, варёные на пару, а я... Сколько спрашивал: «Ты что, Жираф, не ешь?» – «Там наелся», – отвечал он мне.

– Кто-то стучится?! – полуутвердительно произнёс Дуван.

– Это, по-видимому, хозяин, – сказал я и, повышая голос, произнёс: – Войдите!

Вместе с Вандой Павловной вошёл Михайлов. Я вскочил, обнял его. Закрыв двери, и мы подошли к столу.

– Глянь, Дуван, падлой буду, Юрка! – закричал Ленский. Все вскочили.

– Юрка, друг! – крикнул Дуван и пошёл к нему. Рыжий отвернулся, уронил голову.

– Как же ты жив? – ехидно ухмыляясь, спросил Дуван. – Газета, и та писала, что ты скончался от полученной раны...

Ванда Павловна вошла, опёрлась на косяк.

– Это что за баба? – спросил Огонёк.

Я улыбнулся. Михайлов покраснел. Дуван крикнул:

– Цыть, ширмачи! Это жена Императора. Я её двадцать пять лет знаю. Наша коронная цидулка... * Прошу вас к столу, Ванда Павловна, – с поклоном пригласил Дуван.

Ванда Павловна поздоровалась и села за стол.

– Да, вот бы еще Императора... – протянул Огонёк и получил затрещину с правой руки от Дувана.

– Цыть, паскуда, что мелешь?! Не тебе здесь каркать...

Ванда Павловна обвела всех взглядом.

– Слышала от серьёзных «Иванов», вы тут бузу затевали. И промеж себя тайную мысль прокрутили. Большевиков обвиняли, Сергея... Думаю, не к добру всё это. Ты, Дуван, среди всех старший, разлей по стаканам. Я хочу посмотреть, у кого руки трясутся. Кто в этом деле от клятвы на Далайнарском озере отшатнулся?

Дуван разлил по стаканам.

– Вам, Ванда Павловна, налить? – спросил он.

– Налей. Давно с ширмачами водку стаканами не пила. Предлагаю тост: за здоровье Петра Васильевича Козлова. Темнить не буду. Его ранил Прохоров. Финка летела в сердце, да Император почуял её полёт...

Все, как очумелые, выпили.

Жираф вначале схватил кринку с молоком. Поставил, пустил матом Налима:

– Занялся рыжей куклой и за старшими не следишь!

Налим быстро наполнил стакан Жирафа и скорчил морду Рыжему, как бы угрожая, но лицо сияло. Дуван осушил весь стакан, поставил, обнял левой рукой Михайлова.

* Цыдула – письмо, написанное послание, записка.

– Привязался я к тебе, Юрка, – шепнул ему. – Хороший ты мужик, хоть и дворянин.

– И я всё время о тебе вспоминал, – произнёс так же тихо Михайлов.

– Правда? – спросил Дуван.

– Честное слово.

– А когда цветы нюхал, вспоминал?

– Так это ты мне цветы в дом Блюхера приносил? – спросил Михайлов.

– Я, а кто ж? Думаешь, этот следователь? Он знает только одно: почему не проверили, что за сборище было на Ингодинской в доме Горбунова? Почему не сходили в дом Барда и не изъяли на время фотографии Анжелики? Сколько раз говорил, чтобы за домом Труфанова следили? Дуван, должна быть причина, что Дуракова стала Франческетти?

Все засмеялись.

– Это правда! – произнёс Налим и умолк. На него смотрел Дуван.

– Ты, Антон Маркович, отложи гуся, – обратилась к Налиму Ванда Павловна. – Скажи при всех, сколько сегодня грабанул?

– Обстоятельства заставили, Ванда Павловна. Я узнал, что Гурвич списался с Николкой Петербургским. Я эту цидульку купил за сто золотых у Непомнящего. А валюту из мешков, как Еван, не пожелал взять. Вот и ходил на скачок. Так что руки у меня, Ванда Павловна, не трясутся. По-моему, я честно поступил.

– У кого грабанул? – спросил Дуван.

– А хрен его знает, что за мужик. Но что надрать меня надо, это правда. Нутром чуял: кое-кто меня усёк. Это были вы, Ванда Павловна?

– Нет.

Ванда Павловна поднялась, открыла сумочку, вынула сложенный лист, развернула и прочитала:

– *Удостоверение. Предъявитель сего Журавлев Виктор Евсеевич (Дуван) есть действительно заместитель командира Особого отряда, которому разрешается ношение и хранение как холодного, так и огнестрельного оружия. Холодное оружие*

– финка. Ручка покрыта позолотой. Огнестрельное оружие – автоматический пистолет «Браунинг» номер пятнадцать сорок три. Подписью и приложением печати удостоверяется. Вот тебе, Виктор Евсеевич, бумага, а вот браунинг.

Ванда Павловна достала из сумочки пистолет.

Все приподнялись и с восторгом и завистью смотрели на блестящее миниатюрное оружие.

– Спасибо, Ванда Павловна, но что-то не врубаюсь: от кого я это право получаю?

– От революции и народа, – твёрдо ответила Ванда Павловна.

По левую руку от меня сидел Рыжий. У него от слов Ванды Павловны открылся рот. Тонкая струйка слюны тянулась на рубашку.

Налим достал платок вытер ему рот и шепнул:

– Закрой котёл, а то кишки простудишь.

Рыжий закрыл рот, но безбровое лицо по-прежнему оставалось растерянным. Он жил с бандой, видел, что идёт борьба между Дуваном и Чёртом, но такое... Дуван – заместитель командира отряда, да ещё особого, да разрешается, да браунинг, да революция и народ...

– Налим? – спросил Еван, поднимая четвертную.

– Хватит, – остановил его Дуван. – Вы уже сыты, а гости есть хотят.

– Это верно. Я очень проголодалась, – сказала Ванда Павловна.

Огонёк закурил. Дуван поднял голову. Огонёк тут же загасил сигарету и бросил в лоханку.

Жирав снял с гвоздя гитару. Провёл по струнам большим пальцем.

– Песни революции не знаю, но вот эту слышал.

И он запел:

По ниве жизни конь крылатый
Волочит тяжко красный плуг,
За ним с трудом идёт оратай,
Коня и плуга верный друг.

Налим подвинулся ближе к Жираву и подпел басом:

За ним с трудом идёт оратай,
Коня и плуга верный друг.

Жираф подмигнул Евану.

Дымится пена под шлейю,
Земля упорна и суха,
Но под железною рукою
Рвут пашню гладко лемеха.

И вот уже трое: тенор, бас и баритон Евана пропели вторую часть куплета:

Храпит и гнётся конь упрямый,
Что шаг, то хвощ, то лебеда,
Но всё ж ложится прямо, прямо
За бороздою борозда.

Пели все. Пели красиво, с душой, с подъёмом, с наслаждением:

За ним с берестяным лукошком,
С боков отмеченным звездой,
Великий сеятель сторожо
Идёт нехоженой тропой.
Грозит им небо ежечасно
И мечет молнию-копье (стих. Иоаан),
И с криком злобным и опасным
Кружит над ними воронье.

Запел и я:

Но конь могучий и крылатый,
Сверкая пеной, все идёт,
И все упорнее оратай
Свой острый красный плуг ведёт.

– Браво, браво! – закричал Рыжий и захлопал в ладоши.

Жираф подбирал уже новую мелодию. Но Ванда Павловна остановила его:

– Леонид Александрович, давайте на несколько минут отложим гитару, поговорим о деле, а потом вам представится возможность петь хоть до утра.

– Ванда Павловна, можно я вас познакомлю с нашими друзьями, а то конфуз получается, – сказал Дуван.

– Что плетёшь, Дуван? – перебил его Жираф. – Какой кон-

фуз? Ты сам конфуз. Я действительно Леонид Александрович. Когда переходил границу, мечтал, что первыми меня назовут по настоящему моему имени дети... Вот вы назвали... Это всё равно хорошо. Спасибо...

Высокий тощий Жираф поднялся над столом и поклонился.

– Парень, мы пойдем в комнату о деле говорить, ты тут на столе, пожалуйста, наведи порядок, – попросил Налим Рыжего.

– Всё сделаю, дядя Налим, всё...

Перешли во вторую комнату, уселись на нарах.

– Кто мне скажет, когда уезжает из Читы Прохоров? – спросила Ванда Павловна.

– Приблизительно через два дня, – ответил я.

– Откуда такие сведения?

– При нашей встрече Муравьев передал, что Прохоров намерен ему, что покинет Читу дня через два.

– Это так сказали полковнику Муравьеву, а он передал вам? Полковник Муравьев уже уехал, а Прохоров уезжает утром.

– Как? – удивился я.

– Для вас в конце поезда подцепят специальных два вагона. Руководство решило: в одном вагоне поедет груз...

– Следовательно, и Сергей с ним, – сказал Огонёк.

– Правильно думаешь, Клим Гаврилович.

– О, вы – прорицательница! Поди, знаете, откуда я родом?

– Почему не знаю? По облику ты русский и говоришь на понятном языке. Значит, ты в России родился. И родина у тебя – Россия. Или я ошибаюсь? Может быть, ты из Африки? У тебя что-то нос набок смотрит, и, как дикарь, не бреешься, и губы красные...

Раздался оглушительный смех. Маленький худенький Налим катался по полу и кричал:

– Ой, умру! Огонёк – африканец!

– Огонёк сидел насупившись.

– Что, Огонёк, разрешаешь мне дальше вести разговор о деле? – спросила Ванда Павловна.

– Простите. Это у меня по-товарищески выскочило, – ответил Огонёк.

– Ну, и я по-товарищески тебе ответила, что дуться-то? Так

вот, мы предлагаем вам распределить свои силы так: в специальном вагоне с барахлом поедут Павел Гога, Сергей, Еван, Костя Гуторов, Рыжий, если берёте его с собой.

– Конечно с собой, что ж здесь его оставлять без присмотра? Вырастет каким-нибудь вором, – сказал Налим.

– Ванда Павловна, – обратился Дуван. – Я не ослышался, вы сказали, что вместе с Сергеем и другими поедет Пашка Гога?

– Да, – ответила Ванда Павловна.

– Он давно завязал! Пошёл на завод монтолить. Где вы его подцепили?

– Про Павла я вам чуть позже расскажу. Ленский и Огонёк поедут в другом специальном вагоне.

– Что за вагон? – спросил Дуван.

– Теплушка. По договору Дальневосточная республика должна передать Российской Федерации четырёх племенных жеребцов. Вы их и повезёте. Навалите на пол сена, под сено липовый груз.

– Я за главного конюха, – сказал Огонёк. – Давно с лошадьми не имел дела, – закончил он.

– С людьми не научился, – в тон ему добавил Ленский.

В это время послышался стук в сеную дверь. Рыжий открыл. Вошёл хозяин Чжи. Ванда Павловна вышла.

– Что случилось, Афанасий? – спросила она.

– Дзирахати взял билет до Красноярска. Поезд отправляется через час. Я взял билет до Красноярска. Товарняк, на котором поехала Наташа, может где-то в пути задержаться, и Дзирахати не только догонит её, ещё выполнит приказ... Ванда Павловна, что мне делать?

– Билет оставьте мне, а сами отправляйтесь следить за М-2, куда бы она ни поехала, вы следите за ней. Дуван! – крикнула Ванда Павловна.

– Я вас слушаю, – подскочил Дуван.

– Отправляйся с Афанасием Афанасьевичем, защищай его от неприятностей и помогай в деле. Когда Афанасий Афанасьевич отправится в Новониколаевск, ты, Виктор Евсеевич, останешься в Чите. Афанасий Афанасьевич тебя проинструк-

тирует, что ты должен будешь делать. Афанасий Афанасьевич, пожалуйста, садитесь за стол и поешьте. А я с мужиками выясню, что делать с Дзирахасти.

Ванда Павловна вернулась в большую комнату.

– Кто знает японца Дзирахасти? – спросила Ванда Павловна. Все молчали.

– Ещё раз спрашиваю: кто знает японца Дзирахасти?

Встал Еван.

– Ну, я знаю.

– Не ошибаешься?

– В Харбине на угольных складах он меня брал, когда я воровские шмутки толкал... Мы нашли общий язык. Половину добра я ему отдавал.

– Через час отправишься на вокзал и поедешь в Иркутск, найдёшь Дзирахасти и передашь его начальнику Иркутской ЧК Тресслеру. Но прежде чем Дзирахасти связать, посмотри за ним: нет ли у него интереса к молодой женщине и кто ещё крутится возле него? Прежде чем передать Тресслеру, выпытай у японца всё, что знает.

– Пардон, Ванда Павловна, – поднялся Жираф, – как любил говорить Император, отложим бога Бахуса на время, пропустил главное: где я буду ехать?

– Вы, Леонид Александрович? – переспросила Ванда Павловна.

– Да, я. И моя гитара, и мой неутомимый консультант по пению Юрий Михайлов.

– Я от имени правительства Дальневосточной республики, Главкома, Госполитохраны просила бы вас остаться здесь, в Чите, на недельку, а вместе с вами и Юрия Павловича.

– Что об этом скажут Сергей и заместитель командира отряда Дуван, то бишь Виктор Евсеевич? – спросил Жираф.

Я взял и потрепал его мягкий чуб.

– Ты, Жираф, лучше нас знаешь, что тебе необходимо ещё поработать в торговом доме Турченко и Кислова.

– Вопрос снимается с повестки дня. Я буду докладывать Юрию в два часа ночи в саду Жуковского, рядом со статуей знаменитого красавца Аполлона.

– Черти вы, – сказал я.

– Ты Чёрт, – парировал Дуван.

– Может быть, на сегодня достаточно комплиментов, – оставила нас Ванда Павловна. – Остался невыясненным ещё один вопрос. Сергей, приглашайте всех к столу. Там и лампа светлее горит, и кое-что на столе, наверное, есть.

Я поднялся с нар и пошёл в столовую. За мной вышли все.

Рыжий добросовестно поработал. Помимо мясных и рыбных блюд, по центру стола стояла четверть, наполненная светлой жидкостью. А вокруг неё уложены пучками редиска, репчатый лук, укроп и другая зелень.

– Откуда это? – спросил я.

Рыжий вытянулся, чётко начал:

– Товарищ командир отряда, это собственноручно мне вручила хозяйка фанзы Антонина Герасимовна.

– Я дала задание через ГПО, – начала Ванда Павловна, – передавать мне корреспонденцию, если будет такая, где адресатами являются Гуторов, Гогов и Козлов. Сегодня утром мне принесли письмо. Автор его Гогов Павел. Позвольте, я вам прочитаю.

«Здравствуй, мама. Здравствуй, моя старушка!

Пишу письмо из Читы. Я жив-здоров. А мой крёстный отец болен. Ты должна его помнить. Его зовут Пётр Васильевич.

Помнишь, на Троицу мы с тобой пошли в церковь святого Николая, что стоит на берегу Невки?

Помнишь, ты вышла из церкви, а он поздравил тебя с праздником и ещё сказал: «Поздравляю вас, Анна Сидоровна, с сыном. За ум взялся. Это хорошо».

А помнишь, когда мы пришли домой, то нас ожидал подарочек. На столе стояли две бутылки вина, кусок ветчины, четыреста рублей денег и записка.

«Паша, вор с тебя не получился, надеюсь и верю, рабочим будешь толковым. Император».

Вот, мама, одиннадцатого июня я стоял на посту в здании Военпура. Вдруг в восемь часов десять минут подходит ко мне Император. Я был рад, что его встретил. Он тоже. Я его,

конечно, не пустил: Устав – и всё. Пришёл начальник. Они с ним пошли в кабинет.

Потом Император пошёл к другому начальнику. А тут крутился один, Прохоров. Тоже большевик, я его знаю. Правда, я его целый месяц не видел. Потом, мама, меня Пётр Васильевич отпросил у начальства Преображенского, и я пошёл с ним.

Пошли мы по центральной улице. Она называется Софийской, а в стороне шёл этот начальник Прохоров, я его сразу приметил. Возле здания Главкома я отошёл в сторону. А когда вернулся, Император уже был...»

Ванда Павловна остановилась.

– Что был? Что? Читайте! – кричали все, в том числе и я.

– Ранен, – произнесла Ванда Павловна.

– Так он, значит, жив?! Император жив! Ур-р-а-а! – крикнул Налим.

– Дайте, я дочитаю письмо, – сказала Ванда Павловна.

– Читайте, читайте! – просили все хором.

– «Мама, падла та убежала, но не волнуйся: мы с Костей поклялись найти его. Правда, сейчас нам не до этого.

Я до этого в городе ни с кем не был знаком. Приходил ко мне раза два Костя Гуторов, ты его знаешь. «Костя в кепи и зуб золотой». Звал меня в свою шайку, но я ему прямо сказал, что давно с этим делом завязал и сам Император дал добро.

Здорово я испугался. Ведь Императора ранил большевик, начальник, а Пётр Васильевич еле дышал. Схватил я его – и к Косте. Хорошо, близко было. А Император шепчет мне: улица Зейская, дом Меньшикова, врач Морозова.

Костя врача Морозову привёз, и мы Императора отвезли в больницу. Там врач эта Морозова быстро ему рану зашила, и мы его отвезли за Курьинскую протоку в фанзу одного торговца».

– Кому я говорил проверить все китайские фанзы?! – крикнул Дуван.

Ленский уронил голову.

– Трое суток домашнего ареста, – махнул рукой Дуван.

– Дуван, я ведь всё проверил, – умоляюще произнёс Ленский. – Никто мне не сказал, что за Курьинской протокой есть фанзы.

– Не мешайте, – попросил я.

Ванда Павловна подошла к Налиму.

– Антон Маркович, Император тебе поручал Прохорова?

– Да.

– Как же получилось, что ты не уследил, дал возможность Прохорову ранить Императора?

– Ванда Павловна, тут что-то не то. Да, я видел, как вышли из здания Военпура Император и Гога. Спустя минуты две вышел Прохоров. Он к ним не приближался. Шёл от них метрах в пятидесяти. Возле здания Главкома Гога свернул налево, а Прохоров направо. Я шёл и наблюдал за Прохоровым. Он к Императору не подходил, финку не доставал, никаких движений не совершал. Ванда Павловна, клянусь своим животом, кто-то другой покушался на жизнь Императора. Кто это? Видно, очень хитрый, умный и бесшабашный. Если он видел Императора, Гогу, а потом видел Прохорова и, конечно, меня... он видел нас всех! Почему я не видел его? Где он мог прятаться? Разрешите мне остаться в Чите. Мне нужно побродить вокруг здания Главкома...

– Нет, Антон Маркович. Вас ждут большие дела в другом городе.

Ванда Павловна потянула Налима к дверям. Они вышли.

Через несколько минут Налим вернулся, схватил свой баул и потянул за собой Евана. Рыжий крутил головой. Пытался подняться, но Огонёк схватил его за руку:

– Краснофаль, сиди. Там без тебя разберутся.

Вернулась Ванда Павловна вместе с Еваном. Он достал свой баул и громко сказал:

– Други, мы с Налимом едем во Владивосток. Нужно кое-что проверить на улице Пушкина. – Он с каждым попрощался за руку. Рыжего даже обнял.

Ванда Павловна села за стол.

– Дуван, налей на посошок, – предложила она. – Сергей,

в вашем распоряжении полчаса на сбор вещей, погрузку. До свидания.

Выпила, бросила на стол «Забайкальскую газету» и вышла.

*Юрий Михайлов с младшим братом Михаилом. Май 1913 г.
Михаил – ученик первого класса Семипалатинской гимназии,
Юрий – ученик восьмого класса*

Глава седьмая
Четверг, 16 июня 1921 года.
В пути.

Из архивного дела

«Москва. ВЧК. Артузову.

Резидент Никольско-Уссурийский сообщает. Задание 86 выполнено. Афанасию Васильевичу Стужеву (Рамзес) объявлена благодарность. Вручен пропуск на въезд в Россию. Предложено вознаграждение.

Стужев от вознаграждения отказался. Пропуск принял. Но как стало известно, вместо России уехал в город Порт-Артур. По Лоухутанскому шоссе купил земли, а на Загородном проспекте дом Анюта».

Наш поезд стоял на станции Иркутск. В дверь постучались. Я открыл. Стояли Ванда Павловна и Еван.

Я помог Михайловой подняться в вагон, Еван поднял и поставил на пол две чем-то наполненные сумки и исчез. Михайлова велела закрыть двери. Раздвинула ширму, где лежал Пётр Васильевич, а рядом сидела Серафима.

– Здравствуйте, голубки. – Ванда улыбалась. – Прошу вас сердечные переживания оставить на время, пока я в вагоне. Серафима Власовна, я пришла с мужем проанализировать наши дальнейшие дела. Мы должны никого не выпустить из Новониколаевска. Всех – понимаешь, соперница? – всех арестовать. Дай мне несколько часов пообщаться, обмозговать, кого арестовывать, кого не трогать. У меня большие сомнения, что мы знаем главных исполнителей. Будь с нами, участвуй в наших рассуждениях. Есть у меня подозрение, что покушение спланировано не на одного вождя, а на многих... Не ради любопытства Саркуева держала брошюру «Вожди рабоче-крестьянской республики» с краткими биографиями Ленина-Ульянова, Троцкого-Бронштейна, Луначарского, Зиновьева-Радомыльского, Каменева-Розенфельда и вклеенным листом с биографией Сталина.

Ванда Павловна коснулась плеча Козлова. Он крикнул:

– Ванда, ты предала меня! Ты изменила мне ещё в девятьсот третьем году, а я в девятьсот шестом. Кто из нас заслуживает казни? Ты!

– Как ты можешь, Петя, такое говорить?! Кроме тебя у меня не было мужчины и не могло быть.

– Разве я сказал, что ты изменила мне, мужчине? У, продажная... Ты, Ванда, ушла в другое мировоззрение.

Серафима подала голос:

– У вас, что, высохли мозги? Вам не о чем больше говорить, как кто и когда потерял друг к другу чувства, верность? Враги задумали террористический акт, убить всех вождей пролетарской революции, а вы о себе...

Пётр Васильевич и Ванда повернулись к Серафиме и засмеялись. Ванда протянула ей руку:

– Серафима Власовна, мы будем дружить.

Она погладила по руке Петра Васильевича.

– Петя, я благодарю тебя за работу Рамзеса. Он великолепно справился с заданием.

Ванда Павловна достала из сумочки фотографию и подала в руки Петру Васильевичу со словами:

– Наташа видит в этой женщине сильную, коварную, умную и безжалостную вражину. Она даже высказала предположение, что Аркадий Прохоров и Кэп-Найф действуют по её наводке.

Пётр Васильевич посмотрел фотографию и передал мне. Я взял в руки фото и вскрикнул:

– Я эту женщину видел!

– Где? – одновременно спросили Пётр Васильевич и Ванда Павловна.

– На станции Мацевской, – ответил я. – Когда ждал вас, Пётр Васильевич.

– Вы не ошибаетесь, Сергей? – спросила Ванда Павловна.

– Да нет же. В зале ожидания она сидела напротив. Смотрела на меня, улыбалась. Что-то шептала кавалеру.

– Она была не одна? – допытывалась Ванда Павловна.

– Да. Справа сидел высокий мужчина с длинным носом. Я

обратил внимание на его руки. Они не уступали рукам Евана. Пальцы большие, толстые, каждая ладонь по ладню.

– В чём была одета?

– В синюю китайскую крестьянскую блузу, чёрную юбку. Талию обтягивал широкий чёрный пояс. Справа на поясе висела сумочка под вид ридикюля. Сумочка оттягивала чёрный пояс. Тёмно-каштановые волосы зачёсаны назад, перехвачены простой деревянной гребёнкой. Пока я сидел, она дважды поднималась, бросала взгляд на меня, показывая заинтересованность. Статная. Фигура безукоризненная. Лет так тридцать пять, не больше.

Я рассматривал фотографию женщины и всё больше утверждался, что на станции Мациевской видел её. Рябой и Пулька правы, они говорили, что хозяйка поехала в Харбин, но долго там задерживаться не будет. Отправится в Дальневосточную республику. Зачем она делала круг? Почему оказалась на станции Мациевской в тот же день, как и я, Родственник с мужиками и грузом? Она могла ехать в Читу в одном поезде с нами? Интересно, в каком вагоне она ехала? На этот вопрос мог бы ответить Дуван. Но мы его оставили в Чите. Кто её сопровождал? Тот великан?

Мои размышления перебила Ванда Павловна:

– Возможно, она, Серёжа, тебе показывала себя со всех сторон, чтобы ты увлёкся ею. И был её кавалером. Какой шанс упустил...

– Что вы говорите, Ванда Павловна! С меня никто не брал подписку не знакомиться с красавицами.

– А что?! Вон как ты её запомнил!

– Так я напротив неё сидел почти час.

– Дальше, – приказала Ванда Павловна мне.

– Больше ничего не могу сказать. Когда меня окликнули, я в спешке поднялся и последовал за мужчиной. Одно не соответствует: на фотографии брошка белая, а я видел из разноцветных камней.

– Эту фотографию нужно показать Евану, – предложил Пётр Васильевич. – А ты, Сергей, пока едем до Новониколаевска,

из вагона ни на шаг. В дверь приказываю не смотреть. Ванда, прошу, организуй охрану и слежку за Сергеем.

– Да что со мной может случиться? – высказал я.

– Серёжа, не вздумай ослушаться, – Пётр Васильевич перевёл взгляд на Ванду Павловну. – Ванда, я на эту бабу всего раз обратил внимание, когда командир партизанского отряда под станцией Могоча Ку Ма-чен высказал подозрение: что за кукла крутится вокруг купца Андрея? Но ты там, Ванда, должна была оберегать своего любимчика. Мы с тобой уже разошлись? Могу я тебя побить или нет? Серафима, если ты разрешишь, я первую жену побью. Такая недоработка!

Из-за перегородки послышался голос Рыжего:

– Тётя Ванда, можно мне посмотреть фотографию?

– Кто это? – спросила Ванда Павловна. – Шпик, Рыжий! Ну, заходи.

Рыжий вошёл, поклонился. Ванда Павловна подала ему фото.

Я вглядывался в лицо Рыжего. Он не был воришкой вчерашнего дня. Сидел на кукурках с ровной спиной и серьёзным выражением лица. Он рассматривал фотографию, а глаза думали. Зрачки бегали, замирали. Наталкивались на сопротивление, горели злостью, покрывались серой пеленой, искрились. Я смотрел в упор на Рыжего, старался не упустить, запомнить, а потом восстановить, истолковать в памяти игру его глаз. В них я не видел ни растерянности, ни тревоги.

Тишину разорвал голос Ванды Павловны:

– Ты что, Рыжий, намерен вечно смотреть на эту фотографию?..

Губы Рыжего что-то прошептали, но никто не понял. Его глаза потеряли блеск, затуманились. Он громче произнёс в тёмный угол вагона:

– Господь не осудит меня. Дела мои устремляются к спасению его...

– Рыжий, у тебя помутнели мозги, как только увидел красивую женщину, переродился в верующего, – с возмущением проговорила Ванда Павловна.

Он отдал фото Ванде Павловне и тихо, растягивая слова, заговорил:

— Эту даму я видел за последние дни несколько раз. Первый раз двенадцатого июня она вышла из вагона поезда, который прибыл из Мацеевской. Она была не одна. Её сопровождал молодой мужчина. Он нёс чемодан. Она осмотрела вокзальную площадь и кому-то кивнула.

Второй раз я видел её в тот же день возле красного трёхэтажного здания Военпура. Она сидела в кошёвке. Этот же парень сидел за кучера. Как только вышел шатен Прохоров, который потом меня нанял следить за Михайловым, а за шатеном старик с тросточкой и солдат, Прохоров пошёл за ними, кошёвка двинулась следом. Потом кошёвка повернула за угол Аргунской, и я её потерял. Прошло минуты две, и мне навстречу ехала та кошёвка, а в ней, помимо красивой дамы, сидел и шатен.

Третий раз я видел её в тот же день, когда она укладывалась спать. Её номер сорок шестой. Дверь рядом с номером шатена. Тётя Ванда, она очень богатая. Я заметил у неё на поясе чёрную сумку, набитую золотыми червонцами. Она её сняла с пояса и положила рядом с подушкой. Тётя Ванда, она телом такая красивая, не знаю, с кем и сравнить.

— Мальчик, ты ничего не путаешь?

— Тётя Ванда, я семь лет живу на улице. Всё вижу. Меня нанимали почти все главари шаек в Чите, Сретенске, Владивостоке, даже в Иркутске. Меня до того, как Огонёк подпалил, кликали будущим Крашеным. Я мог бы рассказать про ещё одну встречу с этой женщиной, но боюсь ошибиться. Это было полтора года назад на станции Могоча.

— Расскажи, — попросила Ванда Павловна.

— Но я тогда особо не рассматривал её. Это было в первых числах февраля двадцатого года на станции Могоча, ночью. Я лежал в зале ожидания возле голландки. Открывается дверь — и входит мужчина: высокий, стройный, красивый, в белом полушубке. Я подумал: откуда он? Поезд ни с востока, ни с запада не стучал. Прошло минут пять. Заходит ещё мужчина. Не китаец, не монгол, но узкоглазый. Он обращается ко мне: «Приёмыш Крашеного, ты свободен?»

Я кивнул. Он расстегнул длиннобортный монгольский халат, из кармана вынул золотую рублёвку и говорит: «Побегай вокруг вокзала, присмотрись: нет ли семёновцев или ещё кого?» Я взял рублёвку – и на улицу. Обошел всё вокруг, ни души. А за водокачкой решил опорожниться. И тут, глядь, женщина стоит. Я почти лёг в снег. Она, баба, увидела меня, подошла и звонким голосом предлагает: «Вставай, штаны подтяни, а то отморозишь всё».

Я поднялся. Осмотрел её красоту и робко говорю: «Извините. Приспичило».

Она спрашивает у меня: «Кто сейчас вошёл в зал ожидания?»

Я ей: «Красавчик и старик: не кореец, не китаец, не монгол, не бурят... непонятно, кто».

Я внимательно смотрел на её лицо. Удивился. Красивая, как королева, глаза большие, светлые, чистые. Мы стояли под фонарём. Я её всю запомнил. Она со мной разговаривала и раза два по чёрной сумочке, что висела на ремне на бедре, гладила.

Рыжий замолчал, поднялся с лавки.

– Ты, мальчик, не торопись, остановила его Ванда Павловна. – Я знаю Крашеного. И Пётр Васильевич его знает. Умный мужик. Вижу, замена растёт неплохая. Ну, дай Бог ему прожить лет до ста. А ты садись и расскажи нам, что дальше произошло на станции Могоча.

– Ничего интересного, – пожал плечами Рыжий. – Она меня ещё раз спросила: «На самом деле красивый мужчина?» Я ей ответил: «Красивый, как артист». Она мне сунула в руку бумажку и приказала: «Бумажку передай красавцу».

– Ты бумажку передал красавцу? – спросила Ванда Павловна.

– Да.

– А он что?

– Ничего. Он порвал бумажку на мелкие части и бросил в помойную лоханку, которая стояла у дверей.

– Ты прочитал записку?

– Прочитал. Она меня не предупреждала, чтобы я не проявлял любопытство.

– Ты помнишь, что там было написано?
– Плохо помню!
– Э, Рыжий, не быть тебе Крашеным с дырявой памятью.
– А что, сразу не быть! Да я его, Крашеного, один раз видел! А на бумажке было написано: «Андрей, не мешай мне работать. Я в твои купеческие дела не вмешиваюсь». И ещё угрожала: «Спрячу в клетку и заставлю себя любить». И ещё угроза: «Приду в купе. Унизишь отказом, оттолкнёшь – отравлю или убью». Всё.

Ванда Павловна достала из сумочки папиросы.

– Серафима Власовна, ты разрешишь мне покурить? Надо кое-что обмозговать. – Зажгла спичку, прикурила. – Я вот что думаю, Краснофаль. Мало ли молодых красивых женщин, готовых пофлиртовать, пообщаться. Её удивила его красота и пригожесть. Она же не была одета в монашку?

– Нет, – ответил Рыжий.

– Возможно, они уже встречались. А эту таинственность разыграла для того калмыка, который нанимал тебя обежать здание станции Могочи.

– Я так не думаю, – отреагировал Рыжий.

– Слушай, Рыжий, а возможно, она женщина лёгкого поведения. Ведь все знают, что у купцов с собой всегда достаточно золотых, вот и решила заманить его в кровать и обчистить.

– Она такого не позволит, – твёрдо сказал Рыжий. – Не позволит безрассудные увлечения, тем более ради денег.

– Вот ты зря ручаешься. Проститутки иногда идут на такие хитрости, что сатана – и тот не способен размотать их сети. Ты полагаешь, что она самостоятельная?

– Конечно, тётя Ванда. Она очень грамотная, интеллигентная и самостоятельная госпожа. Она имеет детей и достаток.

– О, Рыжий! Ты мудрец! Говоришь, как по писаному. Я в сомнении: не раздваивается ли твоя душа? Одно говоришь, другое в глубину мозга прячешь! Высказываешься медленно, обдумывая каждое слово. Тебя как бы оковали: вот это говори, вот этого не смей. Из твоего мозга сковали слиток. А тот, кто ковал, умудрён большим опытом. Всё умеет. Мне интересно

хоть разочек посмотреть на красавицу да и с красавцем рада познакомиться. Ты не знаешь, где он сейчас?

– Кто? Красавчик? – спросил Рыжий.

– Он, он.

– Непомнящий мне говорил, что купца Андрея видели в Харбине. А потом он исчез.

– Наверное, твоя красавица влюбилась в него и украла. У себя в доме умертвит, забальзамирует и будет держать в гостинном зале на мраморном постаменте под стеклом...

– Так не надо шутить, тётя Ванда. Мне этот красавчик тоже нравился.

– Так что ты, Рыжий, с ним не раз и не два встречался?

– Я много раз его пас. Да вы, тётя Ванда, его знаете, – выскочило у Рыжего. – Сами не раз встречались с ним на улице Невельского и в ресторане «Версаль».

– Имя его как? – вырвалось у Ванды Павловны.

– Да Андреем его зовут. Купец Андрей, а телохранитель у него Рябой.

Ванда Павловна внимательно смотрела на Петра Васильевича. Тот отвернул взгляд от неё и тихо прошептал:

– А я подумал на Семёновских холуев...

– Петя, это ещё не доказательство. Мало ли что может написать баба!

Она повернулась к Рыжему:

– Вернёмся к записке красавицы к красавцу. В бумажке была приписка, имя, число или какой-нибудь знак?

– Ничего не было.

– Куда потом пошла женщина?

– За багажной кладовой её дожидались сани.

– Что ещё помнишь?

– Она дала мне рублёвку и платочек – шёлковый, с цветочками по углам. Предложила рублёвку взять себе, а платочек передать красавчику.

– Ты передал?

– Нет. У меня в жизни не было такого платка.

Где он?

– Огонёк, то есть Клим Корнеевич, ещё в Чите у меня его отобрал, когда шмонил мои вещи.

– Как думаешь, она запомнила тебя?

– Думаю, да. У неё очень острый глаз.

Рыжий ушёл. Пётр Васильевич попросил раскурить ему трубку, а в мою сторону сказал:

– Как только появимся в Новониколаевске, ты, Серёжа, должен отправить к Андрею своего человека. Расспросить у него всё о женщине и защитить его.

– Не стоит. Этим займутся мои люди, – сказала Ванда Павловна.

Козлов размышлял:

– Меня волнуют вот какие обстоятельства: двенадцатого июня в десять вечера покушаются на мою жизнь. На следующий день, тринадцатого июня, покушаются на жизнь Михайлова. Четырнадцатого июня Наташа почувствовала, что её задумали убить. Подаёт знак Рябому и Пульке идти к Чжи, а сама, не дожидаясь остановки поезда, выпрыгивает из вагона и на глазах у Яна садится в вагон товарняка, который отправился в Иркутск. Кто же на меня с Юркой покушался, и от кого убегая Наташа так рисковала жизнью? Это человек, который знал нас. Кэп-Найф или кто другой?

Ванда Павловна закурила. Встала, прошлась по вагону.

– Что за волнения? – спросил Козлов.

– Через две-три минуты наш поезд отправится, а Евана нет. Что-то случилось. Что-то пошло не так. И я не могу выйти, и Рыжий не может, и Сергей.

Она посмотрела на Серафиму.

– Соперница, выручай.

– Ещё чего! – крикнул Козлов. – Серафима, сиди! Хватит, на Совдепию весь Дувановский бомонд работает.

– Серафима, выйди из вагона. Бегом пробеги к колоколу. Увидишь там мужчину, передай ему, что Евану надо верить. И возвращайся в вагон.

– Не пущу! – закричал Козлов.

Ванда Павловна раздвинула ворота, Серафима Власовна спрыгнула и побежала к центру перрона.

Вернулась Серафима. Быстро произнесла:

– Сейчас прибежит Еван. У него всё получилось.

Перед отправкой поезда появился Еван. От него пахло вином. Ванда набросилась на него:

– Еван, что за самовольствие?

Еван склонил голову.

– Я не виноват. Я начальнику ЧК сдал Дзирахати в одних кальсонах, а начальник мне налил стакан в благодарность. Я что, не мужик, чтобы мне подавали наполненный стакан, а я от него отворачивался?

– Расскажи, как прошло дело, – попросила Ванда Павловна.

– Девку ту, что вы просили прикрыть от японца, я увидел в Верхнеудинске. Я её до этого встречал. Она в Харбине иногда из себя барахольщицу играла. Подошёл и говорю: «Девка, ты Родственника знаешь?» Она мне: «Это мой папа, а маму зовут Вандой». Я у неё спрашиваю: «Где едет японец Дзирахати?» Она мне говорит: «Садился в пятый вагон». Я ей на прощание говорю: «Не бойсь. Я послан тебя закрывать».

Поспросил я проводника пятого вагона. Мужик понял, что с Еваном надо делать дела согласованно. Спрятал у себя в служебке. До того, как японец выйдет. А он до самой станции Байкал не выходил. Тут мне проводник сообщает, что японец вышел из вагона и под сорок третьей шпалой от семафора взял свёрток. Я бегом в его купе. И на верхнюю полку. Лежу, жду. Вот он зашёл, дверь закрыл и «почту» решил в чемоданчик, в тайник уложить. Тут я ему с верхней полки шепнул: «Дзирахати, раздевайсь».

Он вверх на потолок взгляд бросил, меня увидел. «О, Еван, – говорит он без страха. – Что, уже здесь работаешь?»

Я ему приказываю: «Дзирахати, не начнёшь раздеваться, пулю получишь».

Он сел на лавку, спокойно спрашивает: «Еван, тебе деньги нужны?» – «Угадал, – отвечаю, – и много». – «Они в чемодане. Бери». – «Там их мало».

Он достал из кармана портмоне и бросил на столик: «Всё,

что имею, Еван». Я говорю ему: «И этого мало. Снимай с себя всё. Мне нужна твоя одежонка». Он мне уже злым голосом: «Не наглей, Еван. Я у тебя всегда брал только половину».

Я спрыгнул с полки и ударил его. Он послушно снял костюм, брюки, рубашку. Свернулся в углу возле дверей. Тут, как я заранее договаривался, проводник постучал в дверь. Я разрешил войти. У двери стоял начальник Иркутской ЧК Тресслер. Я передал ему все документы японца. Из вещей, как вы мне велели, только брюки и рубаху. Всё.

— Еван, у тебя как с памятью? — зло спросила Ванда Павловна.

— Не жалуюсь, Ванда Павловна.

— Я же тебе велела узнать...

— Так я не могу, Ванда Павловна. Здесь ещё одна женщина. Как я могу всё говорить? И вон, Рыжий уши развесил.

— Ты без конкретизаций, куда давил, на что давил... Вопрос ему задавал?

— Обязательно. В первую очередь. Я его, как вы советовали, уложил, поддавил. Он орал так, что паровозный гудок заглушил. И ответил он: приказ убрать Наташу получил от Окадо. А приказ ему передал М-2. Моя вторая экзекуция над Дзирахахи из его пасти выдавила: «Молодая красивая женщина».

Ванда поднялась:

— Рыжий, быстро сюда! Ты не дурак и всё понял. В одном вагоне две власти. Большевицкая власть в моих руках, воровская — в руках Императора. Заверяем, никто тебя не тронет, если расскажешь всё. Я знаю, из предыдущего рассказа ты многое скрыл, перепутал. Ты слышал, что рассказал Еван. Японец, и тот не выдержал, сообщил, что молодая красивая женщина М-2. Если нам сейчас не поможешь, тебе в воровском мире доверия не будет, а от советской власти пятно на всю жизнь: ты в тринадцать лет добровольно вступил в карательный отряд генерала Левицкого. Участвовал в убийствах. Второго марта двадцать первого года в деревне Тарбачатой генерал погиб. Ты, отстреливаясь, ранил троих. Сам был ранен. Рыжий, кто тебя спас?

— Я не знаю, — ответил Рыжий.

– Не ври, всё ты знаешь. Тебя вытащил из боя Николай Измайлов, по приказу М-2. Видишь, я ничего от тебя не скрываю. Если на дополнительные вопросы ответишь, никогда ничего плохого о тебе не выплывет.

– Тётя Ванда, но ведь дети!

– Даём слово, что ничего с ними не случится.

– Мне ещё нет четырнадцати. Исполнится только девятого августа. А меня Огонёк жёг, как поросёнка. Налим трижды разбивал нос, верёвку на шею надевал, чтобы повесить на китайских воротах. Вы даёте слово, а когда Налим уходил, он шепнул: «Я тебя, Рыжий, всё равно прирежу». А по Дальнему Востоку все знают: Налим пообещал – Налим исполнил.

– Рыжий, у меня есть сын, у Петра Васильевича есть два сына, у Серафимы Власовны есть сын. Своими сыновьями клянёмся, детей твоей хозяйки и тебя будем защищать, как своих родненьких. Мы не способны нанести вред детям.

– Пусть слово своё скажет Сергей Скворцов, – произнёс Рыжий и повернулся в мою сторону.

Я поднялся.

– Краснофаль, от меня не всё зависит. Я простой следователь, но даю честное слово: в обиду детей твоей хозяйки и тебя не дам.

Рыжий перекрестился.

– Дайте мне подумать. – Он пристально посмотрел на Ванду Павловну, перевёл взгляд на лежащего Петра Васильевича, потом на меня. – Тётя Ванда, от кого вы узнали, что я воевал в отряде генерала Левицкого?

Ванда Павловна не задумываясь ответила:

– От американского офицера Стивенсона.

– Я вас всех прошу, не обижайте Андрейку. Я его очень-очень люблю.

– Краснофаль, как ты мог подумать об этом? Для меня Андрей дорог, как и мой сын. А Сергей воевал с ним в одном партизанском отряде.

– Тётя Ванда, я говорю не о большом Андрее, а о маленьком...

Наступила мёртвая тишина. Император приподнялся. Михайлова достала папиросу, закурила.

– Ты, ты, Рыжий, хочешь сказать, что Саркуева родила сына? Назвала его Андреем?

– Так это и случилось. Я в дом врача Римского носил фрукты, молоко... Всё, что приказывали. Покупал на китайском рынке...

– Краснофаль, где она родила мальчика? Когда?

– Тётя Ванда, простите меня, что я путал вас, говорил неправду. Я служу Зое Григорьевне почти три года. Она меня одела, лечила, деньги давала, чтобы я отправлял домой, маме...

– Сынок, отвечай на вопрос: где она родила сына?

– В доме у врача Римского.

– Когда?

– Седьмого ноября прошлого года.

– Имя ему?

– Так я же говорил: Андрейка!

– Где жил мальчик?

– Три месяца на улице Невельского, потом на Пекинской...

– Что замолчал? Где он сейчас?

– В Японии.

– Ты, Рыжий, опять финтишь!

– Тётя Ванда, он же мальчик! Ему исполнилось только семь месяцев! Он такой красивенький, а глазки голубые-голубые...

– Родная мать его не пожалела, увезла в чужую страну, отдала чужим людям, бросила. Сама связалась с нечистью. Задумала убийство... Я с тобой хочу поговорить как с женщиной.

– Я и так женщина!

– Мы через неделю, а то и раньше арестуем Саркуеву. Арестуем её мужа. Ты знаешь, как зовут мужа Зои Григорьевны?

– Андрей!

– Ты всё финтишь?

– Когда Зоя Григорьевна нянчила Андрейчика, она всегда приговаривала: «Сыночек, как ты похож на папу Андрейку».

– Рыжий, мне нужно знать, где мальчик!

– Я вам сказал: его отвезли в Японию.

– Отца Андрейчика отравили семёновские контрразведчики. Сейчас он болен...

– Я знаю об этом. Но я дал клятву. Она высказала мне опасение, что вы, Ванда Павловна, переиграете её. Особенно тогда, когда ей сообщили, что Рябой, Пулька и Наташка-бараньщица копались в её вещах во Владивостоке.

– А где её сын Григорий?

– Там же, в Японии. За ними ухаживают две женщины.

Рыжий поднялся, открыл полог, повернулся к нам.

– То, что мне разрешено было сказать, судя по вашей осведомлённости, я сказал. Я лучше смерть приму, чем буду знать, что такие, как Налим, изгаляются над Гришкой и Андрейчиком. Вы все – и моя хозяйка, и вы – забыли, что у каждого человека должно быть счастливое детство.

Ванда Павловна поднялась:

– Петя, я покидаю вас. Встретимся в Новониколаевске. Прощу тебя: возьми на себя «Иванов», а я Саркуеву. Она приведёт нас к Кэп-Найфу. Если ошибусь – позор на мою седую голову. В отношении Прохорова не волнуйся: за ним установлена двойная слежка. И липовый Прохоров под наблюдением, и Кэт. Муравьёва охраняет опытный чекист. – Она повернулась к Серафиме: – Прошу вас, Серафима Власовна, быть всегда рядом с Петей. И не возражать, если он пожелает куда-то пойти, с кем-то встретиться. Вы врач, отвечаете за его здоровье.

Она наклонилась, чтобы поцеловать Козлова. Он отклонил голову. Сердечно заговорил:

– Ванда, берегись этой стервы. Жену Аркадия Веру Викторовну Науменко убил не он, а она. Аркадий двадцать седьмого июня восемнадцатого года был в Москве. И место, где убита Вера, он не знает. Будь осторожна.

Глава восьмая

Поезд остановился на станции Красноярск. Ванда Павловна появилась в нашем вагоне. Она позвала Рыжего к нам за перегородку. Он вошел, поклонился. Спросил с тревогой:

– Я вам нужен?

Ванда Павловна долго, пристально смотрела на Рыжего, а он на неё.

– Краснофаль, – начала она, – я тебе верю. У меня появились трудности. Никто из нас не может выйти из вагона. Император слаб. Серафима Власовна ничего не знает в нашем деле, она врач. Сергей нелегал. Его никто не должен видеть с кем-нибудь из нас. Я под наблюдением твоей хозяйки. Еле убежала. А мне срочно нужно отнести корзину с информацией к водокачке. Всё просто: ты подходишь к дверям водокачки, оставляешь корзину и возвращаешься в вагон. Дорогой мой, даю слово: тебя никто не обидит. А на будущее заверяю: ты всегда будешь в почёте у воров.

Ванда Павловна вручила Рыжему корзину и велела мне открыть дверь вагона.

Рыжий убежал. Ванда Павловна обратилась к Козлову:

– Петя, я ухожу. Ты не будешь возражать, если я Павла отправлю наблюдать за Рыжим? Я уверена: Рыжий не вернётся. Слишком много он наплёл нам ерунды. Он немедленно начнёт искать контакты с хозяйкой.

– Не возражаю, – ответил Козлов. И тут же добавил: – Ванда, будь осторожна. Не забывай: в меня финку бросал не Прохоров и не Кэп-Найф. И брата твоего ранили не они.

* * *

В вагоне мы остались втроем: Император, Серафима и я. Признаюсь, без Рыжего я почувствовал себя спокойнее. Я придвинулся к Императору. Попросил:

– Пётр Васильевич, расскажите, что с вами случилось, после того как вы оставили нас в вагоне и отправились в Военпур?

Он долго молчал.

– Мне страшно за Ванду. И я не могу ей помочь. Серафима, когда я смогу встать на ноги, не боясь, что шов на грудиने разойдётся?

– Не менее чем через трое суток.

* * *

– Слушайте. Перед входом в здание Военпура с винтовкой в руках стоял плечистый солдат. Я вплотную подошёл к нему и, пристально всматриваясь в большие голубые глаза, полуслёпотом спросил: «Никак, Павлуша, ты?»

Солдат, не мигая, серьёзно ответил: «Я, Император».

Я улыбнулся краешком глаз и с иронией произнёс: «Поди, в большевиках ходишь?» – «В большевики ещё не приняли, но в Красной гвардии служу три года».

«Павлуша...» – ласково протянул я. Сел прямо на крыльцо. Вот оно как жизнь оборачивается. Простодушный, тихий и боязливый Павлик в Красной гвардии три года.

Какими-то обрывками стал вспоминать о Павлике.

* * *

– В девятьсот десятом году я две недели потратил на квартиру князя Телецкого. Неделью волочился за горничной, пока та не впустила меня в дом, неделю любовался да обшаривал комнаты. Краем уха услышал разговор, что на Ильин день все поедут отдыхать, а до Ильина дня осталось три дня.

«Прощай, голубушка Варварушка, еду я в Калугу, и надолго. Всю жизнь буду помнить, люблю страшнее смерти».

Только я ни в какую Калугу не поехал. Куда ближе двинулся, в воскресный день на ярмарку... Встал в стороне и давай глазами ощупывать ряды, руки, пальцы, толкотню и нагловатые лица... Глядь, юнец высокий круглолицый ладошку от пота обтирает и пальцы суёт в карман симпатичного франта в цилиндре... Вытянул руку, на пальце цепочка, а за цепочкой часы. Сунул в брюки – и в толкучку. Там потёрся – и к выходу... Проходит мимо меня, а я ему руку на плечо. Да басом: «За сколько продашь Картье Жерар Бэрне?»

Парня трясучка взяла. «Я, дяденька, ничего не брал, и нет

у меня никаких Картье Жираф бряне». Лицо его холодным потом покрылось.

«Ладно, щенок, не вали в штаны. Часы мне твои не нужны. Но в Ильин день с шести утра и до шести вечера будешь стоять у дома князя Телецкого. Я просыпаюсь в двенадцать дня, подъеду к тебе, ты должен ответить на следующие вопросы: сколько выехало человек из дому? В какую сторону уехали? Стой напротив дома, возле Никитовской лавки. Вот тебе червонец. Купи себе сегодня же чигреневые сапоги и сатиновую рубаху-косоворотку. А эти лохмотья выбрось».

Парень взял десять рублей, покрутил их в руке, сказал заикаясь: «Всё с-де-ла-ю. С-де-ла-ю».

Я повернулся и пошёл к извозчикам.

* * *

— Павлик работать самостоятельно мог только по мелочам. В крупных делах, когда за спиной чувствовал кого-то более решительного, сам действовал чётче, реакция срабатывала моментально. Иногда выделялся своей продуманной инициативой. Но к воровской жизни вплотную не приспособился. Иногда его называли трусом за потливость, дрожь и рассеянность. Он обижался, но ненадолго. Бывало, над ним надсмехались за неумение транжирить деньги. От злости он начинал кашлять и удалялся. Когда после дела собирались расслабиться с девками, Павел сидел в стороне, сцепив руки на животе. Его полное лицо при виде полуголых женщин с отвисшими грудями было растерянным. Над ним часто надсмехались. Любой, даже проститутки, могли оскорбить его грубо, с издёвкой намекая на его неспособность быть мужчиной и получать полное наслаждение. Но в деле его ценили. От него не ускользал ни один жест, ни одно движение участников, тем более опасные места. Я после первого задания брал его, но поручал только одну операцию: стоять в стороне и дыбить. В любое время года Павел стоял: дождь лил проливной, мороз сковывал железо, солнце пекло. Он стоял.

Павел меня любил. Я ему верил. Он никогда не напраши-

вался, бывало, даже и отказывался. «На что я вам, Император? Со мной больше волокиты», — часто говорил он мне.

Была у него мать. Она жила в Петербурге у Строгановского моста. Тихая старушка давно свыклась с тем, что её Паша часто живёт в большой квартире под неприятным словом «тюрьма», но никогда ему ничего не говорила. Только однажды она у него спросила, и то с опаской (это было после того, как я побывал у них в гостях): «Скажи, Паша, это товарищ прокурора?»

«Нет, мама, он вор». — «Вот не подумала бы. Такой интеллигентный, такой воспитанный, такой добрый».

Пить он совсем не пил. А вот покушать вкусно был большой любитель. Самое любимое блюдо — зажаренная утка. Когда я исчез из Петербурга и от меня не было ни слуху ни духу, он расстроился. Несколько дней не выходил на улицу. Затем пошёл на берег речки Карповки и долго смотрел на воду. Он и плакал, и не спал ночами, и ругал меня последними словами. Потом, на удивление всем, пошёл работать на Мальчевскую фабрику.

* * *

— Его забыли. Да и кому он был нужен? У каждого свой метод. На фабрике мастера им были довольны. Тихий, исполнительный, не скандальный. Народ не мутит. Работать научился быстро и хорошо. Однажды, за три дня до Троицы, его на Большой Невке встретил Дуван.

«Ты что, Паша, в пролетариат записался? — спросил Дуван. — Хочу пригласить на одно дело. Пустяк, но по частям разделю». — «Мне некогда, Дуван». — «Чем это ты занят?» — «Я работаю». — «Так это же вечером». — «И вечером я занят. Книги читаю». — «Книги? Какие книги?» — с удивлением спросил Дуван. «Разные. Вот, намерен прочитать «Рассказы о земле и небе», «О борьбе человека с природой», «Как жили люди в старину». — «Значит, не пойдёшь?» — «Нет».

«Император приказал!» — «Врёшь. Нет Императора. Нет его и не будет». — «Ну, это ты зря, Паша. Плохо тебе придётся. Он не прощает. Знай это».

Павел не пошёл. А на Троицу мать собралась в церковь

Святого Николая, ту, что стояла на берегу Невки. Паша повёл её. Пока мать в церкви отмаливала грехи и благодарила Бога, что сын её стал человеком и уже два года дома живёт, он сидел в беседке. Руки сцеплены. Взгляд беззаботный. И вдруг голос, из прошлого, такой знакомый.

«Здравствуй, Павлуша», – поприветствовал я его.

Он поднял глаза и обмер: перед ним стоял я в чёрном костюме, бабочке, шляпе-цилиндре. Взгляд, пронизывающий его.

«Я слышал, ты работаешь?» – спросил я без удивления. – «Да, да. Здравствуйте, Петр Васильевич». – «Нравится?» – «Я слесарем работаю. Хозяин даёт восемьдесят копеек в день. Нам с мамкой хватает». – «А за родного отца когда будешь мстить?»

Его отца убили в январе девятьсот пятого года по недоразумению.

«Так ведь можно по-разному, Император».

«Для тех, кто бережёт нервы, я не Император, а Пётр Васильевич. Запомни: Пётр Васильевич. Я слышал, к тебе приходил Дуван от меня и ты не пошёл. Это у тебя новая черта. И я приветствую её. Непослушание бывает полезным».

Подошла мать. «Здравствуйте», – проговорила и уткнула взгляд в землю.

Я взял её правую руку, сжал и бодрым, веселым голосом начал: «Здравствуй, Анна Сидоровна. Поздравляю вас с праздником и сыном. За ум взялся. Хорошо. Жаль, Анна Сидоровна, я не могу вот так взять и бросить. – Повернулся к Павлу и властно проговорил: – Кто бы ни пришёл к тебе от моего имени, не верь. И Дувану ты правильно не поверил. Меня не было в России. Я только что вернулся из Парижа».

Я сделал низкий поклон Анне Сидоровне, повернулся и ушёл.

Дома их ждал сюрприз. В их отсутствие я заставил их стол двумя бутылками вина, куском ветчины в четверть пуда. Оставил четыреста рублей денег и записку: «Вор из тебя не получился. Надеюсь, рабочим будешь толковым. Император».

* * *

– И вот, встреча в Чите. Часовой Военпура. У нас с ним со-

стоялся следующий разговор: «Слушай, Паша, пусти. Вот как надо». Я провёл рукой по горлу. «Не могу, Пётр Васильевич. Устав», – ответил он. «Ну что я буду у вас в Военпуре воровать: бумаги, лозунги, обращения к русским, китайцам, эвенкам, корейцам? Да на кой чёрт они мне нужны?» – «Вам не нужны, а люди их ждут. Это не бумажки, а обращение партии большевиков к народу, Пётр Васильевич». – «Чёрт толстопузый, ты пустишь меня к Вайсу или нет?» – «Без пропуска – нет». – «Да я тебя в две секунды уложу!»

Я решил попугать Павла, подняв трость. Павел быстро снял винтовку с плеча и наставил на меня: «Застрелю, Император».

«Кого это вы тут величаете Императором?» – поинтересовался круглолицый лысый во френче мужчина.

«Товарищ Вайс, тут гражданин хочет к вам пройти, а пропуска нет».

«Кто вы будете?» – властно произнёс Вайс.

«Вот документ», – я протянул красную тряпочку, что дала мне Ванда ещё во Владивостоке.

Вайс прочитал, шлепая губами: *«Постоянный пропуск товарищу Козлову. Сотруднику ВЧК разрешается свободный пропуск во все советские учреждения и ЧК во всякое время дня».*

«Прошу, проходите», – пригласил он меня в кабинет.

В кабинете Вайса я без обиняков сунул ему в руку фотографию Прохорова. Попросил: «Охарактеризуйте этого человека».

Вайс бегло глянул на фото, и, возвращая, равнодушно проговорил: «Ничего положительного и отрицательного сказать не смогу. Я его плохо знаю...»

Я был удивлён таким ответом: «Товарищ Вайс, вы работали с ним несколько месяцев в Русско-японской согласительной комиссии, он вам подчинялся, когда вы работали секретарём Министерства иностранных дел...»

«Ну и что? У меня таких подчинённых несколько десятков. Простите, я очень занят. Поговорите с товарищем Преображенским. Его кабинет на третьем этаже».

Он высокомерно протянул мне руку. Я был в гневе, но успокоил себя тем, что ещё, видно, неоднократно придётся встречаться с чиновниками, которые больше думают о своём

социальном положении и сохранении дружеских отношений, чем о деле...

Через пару минут я был в кабинете Преображенского. Он покрутил фотографию. Мягким, нежным голосом заговорил: «Это Прохоров. Аркадий Прохоров. Талантливый работник. Нужно обращение написать? Напишет. Причём так, что за душу берёт. Он единственный у нас с японцами, англичанами и французами разговаривает, как на своём языке. Странность одна есть – не сидит на месте. Я его узнал впервые, когда он работал в Объединённом штабе революционных войск. Затем узнал, что его взял к себе Лазо. Был он у него секретарём. Когда Лазо поехал в Хабаровск, взял его с собой. Там, в Хабаровске, он был председателем следственной комиссии, затем начальником контрразведки. Прошло немного времени, и я узнал, что Хабаровский исполком приказал ему выехать в распоряжение Военсовета в город Владивосток. – Преображенский задумался. – Постойте, постойте, вспомнил интересную деталь. Перед отъездом из Хабаровска он по приказанию Хабаровского исполкома был арестован и сидел двенадцать часов под арестом. Поинтересуйтесь, за что. Ведь должны были предъявить ему какие-то обвинения».

Я поблагодарил Преображенского.

От него последовал вопрос: «К слову, что он натворил?» – «Мелкая кража». – «Что? Кража? Нет, этого не может быть! Он не способен на такое. Он может большие дела делать. Очень большие». – «Что вы подразумеваете под этим?» – «Это моё личное мнение, я могу ошибиться. Деньги он любит. Это верно. Любит красиво одеваться. Но он очень умный, чтобы пойти на мелкую кражу. И всё же я затрудняюсь конкретно сказать, почему он может пойти на большее».

«А откуда он родом?» – спросил я.

«Откуда он родом? – переспросил Преображенский. – Из Могилёвской губернии, из города Рогачёва. Коммунист. Всю Германскую провоевал. В девятьсот семнадцатом приехал в Харбин в чине штабс-капитана».

«Это точно, что в чине штабс-капитана?» – «Позвольте, где же я узнал, что в чине штабс-капитана? Штабс-капитана...

вспомнил! Мы в восемнадцатом допрашивали полковника Муравьёва. Симпатичный офицер». – «Вы можете описать?» – «У меня хорошая память на внешность. Он выше среднего роста, хорошего, крепкого телосложения. Шатен. Лет около сорока, носил бороду и усы. Нос прямой, лицо чистое. И ещё особенность: что-то мне бросилось в глаза... Вот что. У него на подвижном веке – не то на правом, не то на левом – родинка величиной с просяное зёрнышко. И вот, когда Прохоров задал вопрос Муравьёву, полковник встал и сказал: «С каких это пор штабс-капитан русской армии задаёт вопросы полковнику и что-то на английском? Знаете, я успел выучить немецкий, французский, а вот до английского пока не дошёл». И произнёс какую-то фамилию».

«Какую? Это очень важно. Вспомните». – «Извините, не могу вспомнить. Я тогда не придавал этому значения». – «Не скажете, где сейчас полковник Муравьёв?» – «Как мне потом докладывал Аркадий Григорьевич, он расстрелян. М-да... Неужели мы ошиблись в Прохорове? А ей-богу, толковый работник».

Я вторично поблагодарил Преображенского и обратился к нему с просьбой: «Я выполняю важное задание ВЧК, и мне нужен помощник. Не можете ли вы приказать перевести солдата Павла Гогова к нам, в ВЧК?» – «Возражать не имею права».

Мы подошли к Павлу. Преображенский сказал: «Товарищ Гогов, согласно моему распоряжению вы переводитесь из Военпура в органы ВЧК. В хозяйственную часть сдайте винтовку, боеприпасы всё, что числится за вами. Поступаете в распоряжение гражданина Козлова».

* * *

– Мы вышли из здания. Прошли чуть больше квартала. И тут я интуитивно услышал, почувствовал чей-то выдох и писк, когда человек что-то бросает. Я резко повернулся влево и ощутил, как что-то обожгло мою грудь. Я упал. А мимо нас простучали колёса пролётки. Меня обдал запах французских духов. Молодец Паша, что не побежал за пролёткой, а быстро перевязал мою грудь. Тут я ему шепнул адрес Серафимы.

Спустя время возле нас оказался Костя Гуторов. Они отвезли меня за Купеческую протоку в фанзу китайца.

Я спросил:

– А где сейчас Костя Гуторов?

– Серёжа, не обижайся, что я не посоветовался с тобой. Не было возможности. Я отправил Гуторова и еще кое-кого следить за нашими подопечными. Посоветовал ему от моего имени предложить, вору Левому вернуться в Читу. Левый мой большой должник... Послушается. Кроме этого, поручил Гуторову и ещё кое-кому следить за иностранцами, кто направляется на запад. До нашего приезда в город его корефаны должны изучить обстановку, прощупать местных главарей, зафиксировать всех вновь прибывших из городов Востока «Иванов». И посадить всех иностранцев в подпол дома главарей нахаловских воров Матроса.

* * *

Поезд остановился. Я выглянул в окно. Мы прибыли на станцию Ачинск.

Спустя малое время услышали знакомые удары в дверь. Открыл. Стояла Ванда Павловна, а рядом Ян. Я подал руку Ванде Павловне, потом и Яну. Закрыл дверь.

Ванда Павловна вошла за перегородку и торопливо заговорила:

– Петя, у нас неприятность. Не знаю, печалиться или радоваться. Кэт и липовый Прохоров мертвы.

– Как это случилось? – спросил Козлов.

– Где-то среди наших произошло предательство. Записную книжку Кэт во время пути от Харбина до Маньчжурии на время подменил монах Иероним, а мы с Яном расшифровали. Иероним оригинал вернул на место. Я ещё в Маньчжурии через Дальневосточный телеграф передала содержание в Новониколаевск Павлуновскому, а второй экземпляр передала в сводный секретный отдел Военпура. По-видимому, кто-то узнал, что записная книжка побывала в наших руках.

Рядом с Кэт и липовым Прохоровым находились наши три сотрудника-наблюдателя. Подопечные по пути от Иркутска до

Красноярска ни с кем в контакт не входили. Ни с кем, кроме проводника, не общались. Из Красноярска выехали... Ян, расскажи, что случилось дальше, ты был очевидцем, – попросила Ванда Павловна.

Ян сел рядом с Козловым:

– Пётр Васильевич, – начал Ян, – есть мой недосмотр. Когда выехали из Красноярска, у нас в вагоне появился новый проводник. Он объявил своё появление тем, что нашего проводника перевели в другой вагон. Кэт заказала чай. Им принесли. Они в приподнятом настроении пили чай, смеялись. А спустя минут пять я заметил: вначале Кэт стала задыхаться, хватать воздух, следом и липовый. Кто-то побежал за проводником. Но он исчез. Врача в вагоне не оказалось. Прибежал старший по поезду. Здесь, в Ачинске, их сняли и передали милиции. Пётр Васильевич, я помогал выносить Кэт из вагона. На бедре под юбкой, в панталонах, я не нащупал записную книжку. Часа за два до трагедии Кэт проводила рукой по бедру, показывая, что книжка на месте, а тут исчезла.

– Ян, до того как проводник подал им чай, кто проходил мимо Кэт? Кто хотя бы на секунду останавливался возле них? – спросил Козлов.

– Один беспризорник – опалённый, в матросском кителе...

Ванда Павловна перебила Яна:

– Петя, мой план с Краснофалем начинает действовать. Рыжий оставил возле дверей водокачки корзину и поспешил в здание почты. Там телеграфист передал ему пакет и узел с вещами и провиантом. Рыжий не раздумывая вошёл в тот вагон, где ехали Кэт и липовый. – Михайлова повернулась ко мне: – Серёжа, смотри в оба. Закрой плотно окна на замки с левой стороны. Сегодня должны появиться у вас любопытные. Что скажешь, Петя?

– Ванда, не печалься. Ты молодец! Сдают нервы у Кэп-Найфа. И не думай о предательстве. Ты же в присутствии Рыжего специально говорила о липовом Прохорове?

– Да.

– И что ты хочешь! Сама спровоцировала на решительные меры противников, а сейчас говоришь о печали, о радости.

Материалы, что имела Кэт, у вас, в ЧК. Это важнее всего. Конечно, хорошо бы за ними проследить и знать их агентов по всей Сибири, а возможно, Уралу. Меня больше волнует вопрос: где сейчас находится М-2?

– Не знаю. Мои люди и твои ребята из Иркутска проверяют все пассажирские поезда, все товарняки. Зафиксировали среди пассажиров воров – Николку Петербургского, Непомнящего, Гурвича, Ленкова, Вареника... М-2 нигде не засветилась.

– А что молчишь про Кэп-Найфа?

– Налим ему изрядно подорвал здоровье. По телеграфу мне передали, что он находится в Чите. Мужа Зои никто не встречал, нигде его нет. Я думаю, он давно в Новониколаевске. Несколько минут назад Паша сообщил мне, что мимо него прошла древняя старушка. От неё пахло мылом «Виктория», и ноги были в чулках. Она прохаживалась по перрону. За ней следят. Я ещё девятого июня пригласила мать Андрея в Сибирь. Сейчас она здесь, в Ачинске, на вокзале. Ждёт сигнала отправиться попутчицей с Саркуевой. Неужели эта стерва, Зойка, нас проведёт?

– Не нас, Ванда, а тебя. Мои ребята что им поручено выполняют. – Козлов посмотрел на Яна. – Что молчишь, страдалец? Не вини себя в смерти Кэт. В Ачинске китайцев много?

– Точно не знаю, но сотен пять наберётся.

– Вот и организуй на время привокзальную торговлю в лотках, на повозках. Сам подключись. Уйдёшь от нас, дай клич, чтобы китайцы заволокли вокзальную площадь.

– Я М-2 не знаю.

– Не согласен, Ян, с тобой. Ты должен её знать.

– Петя, я поручила Дедушке Хо быть рядом с Саркуевой. Но от него пока никаких сообщений...

– Терпение, Ванда! Ян, если Ванда не против того, чтобы ты остался здесь, в Ачинске, то прошу тебя, поторопись. Зоя прожила во Владивостоке несколько лет. Жила на улицах Пушкина, Невельского, Пекинской... Молодая, красивая. Она привыкла, чтобы кто-то был рядом с ней. Нет Кювье, нет Рыжего. Сейчас рядом с ней брат Аркадий. Ты, Ян, когда-то спас меня от смерти, сейчас спасай нас с Вандой от позора. Серёжа,

выпускай Яна на волю. И не забудь мать Андрея посадить в то купе, где будут ехать М-2 с братом... Ещё день-другой – Прохоров оклемается. Покинет Читу. А вы в Ачинске его ждёте. Возможно, и с сестрой. И ты, Ванда, отправляйся к матери Андрея. Подготовь ей легенду и обязательно с конкретным сыном, и пусть она напомним попутчикам его особенности. Пусть льёт слёзы, что её сын находится в предсмертном состоянии...

Ванда Павловна поднялась, поцеловала Козлова в лоб.

– Петя, я тебя за многое благодарю.

Я чувствовал себя неважно. Женщина плетёт сети, рискует жизнью. Козлов ранен, но держит в голове всех своих корифеев, контролирует, кто и как должен выполнять его задания. Я сижу, изучаю стены вагона, бью мух и мечтаю, как бы быстрее добраться до дома.

Из архивного дела

«Отчет М 86/ К.

На станции Ачинск я села в третий вагон. Возмущалась. Пришлось на билет потратить почти все деньги. В купе находились двое. Мужчина лет тридцати, шатен, и женщина старше его лет на пять. Мужчина помог мне засунуть под сиденье торбу. Женщина мило улыбалась. Познакомились. Она назвала себя Зоей. Мужчина представился как Аркадий. Женщина поинтересовалась, куда я направляюсь. Я, согласно разработанной инструкции, чётко по пунктам пустилась в плач. И сквозь слёзы рассказала, что сын мой, порезанный бандитами, находится в Омской больнице. Женщина спросила, сколько мне лет. Я ответила: «Шестьдесят шесть». Она взглядом выразила сомнение в моей искренности. Высказала несколько комплиментов в мой адрес. Я, чтобы поддержать эту тему, по инструкции, сказала: «Эх, Зоя, видели бы вы моего сына, вот он у нас вырос в настоящего красавца. Девуцы нашей слободы все по нему сума сходят. Он у меня умный, торговлей занимается»

Она спросила у меня имя сына. Я ответила: «Родила я его в день озими в наливе, четвертого июля. Батюшка наш Иоанн окрестил его Андреем».

Женщина бросила на меня острый злой взгляд, тут же посмотрела на попутчика и правой рукой, пальчиками, пробарабанила по шляпке. Мужчина поднялся и вышел из купе. Женщина придвинулась

ко мне. Заговорила с волнением в голосе: «Знакомась, вы называли себя Авдотьей Максимовой...»

Я перебила её: «Да, мы Максимовы. Я-то Авдотья Семёновна, а мой муж, Сергей Поликарпович. Сынок Андрей Сергеевич».

Вошёл Аркадий. Зоя, не глядя на него, прошипела: «Не мешайте нам шептаться». И опять пальчиками провела по шапочке, будто что-то втирала. Взяла мою руку, погладила, спросила: «Дома с хозяйством остался Сергей Поликарпович?»

«Он у меня умер два месяца назад, – ответила я и заплакала. Потом добавила: – Только сороковины отметила по мужу – тут на сына пришла бумага. В бумаге написали, что сомневаются: Андрей ли это? Бандиты его так изувечили, что живого места нет...»

Зоя спросила меня: «Как же вы его узнаете?»

На что я ей ответила: «По шраму под коленкой я его узнаю. Ему было восемь годочков, гулял он на улице, а соседский волкодав сорвался с цепи – и на Андрюшку. Вырвал он у него кусок мяса на правой ноге ниже коленки».

Зоя соскочила, рывком открыла купейную дверь. В дверях стоял Аркадий. Она приказала ему: «Собери вещи. Мы выходим на ближайшей остановке». И опять я заметила, как она быстро перебирала пальчиками по шапочке.

Они вышли на станции Боготол.

Перед отправлением поезда Аркадий вернулся в вагон. Лёг на лавку. Он попросил у меня чего-нибудь от печёночных колик. Я предложила сходить к проводнику. Он попросил меня. Он действительно страдал от боли. Всё лицо пожелтело. Я вышла из купе. Меня взял в оборот вор Пашка. Он сказал: «Мать, мне поручено твоего попутчика передать на обработку Гутору. Я получил задание остаться в Ачинске и найти сестру Аркадия. Мать, помоги Косте Гутору довезти Аркадия до Новониколаевска».

В купе мы вошли вместе с Костей. Аркадий увидел его и потерял сознание. Потом, когда пришёл в себя, пояснил нам, что он обознался. Он подумал, что вошёл вор по кличке Налим. Аркадий всю дорогу лежал. Я, чем могла, ему помогала. Разговоров «по делу» мы избегали. На станции Тайга к нам в вагон приходил, как мне потом рассказывал Костя, вор Левый*. Костя от имени Козлова велел ему вернуться в Читу.

* Вор Левый за кражи в конце 1921 года был казнён на площади города Харбина.

По приезде на станцию Новониколаевск мы с Костей передали Аркадия Прохорова сотрудникам ЧК. Костя Гуторов ушёл. Заявил: «Император поручил кое-что проверить».

Глава девятая

Город Новониколаевск встретил нас колокольным звоном. Православные отмечали Троицу. (В 1921 году её отмечали 19 июня.)

Загнали наши два вагона на военную платформу. Мы слышали, как Огонёк командовал людьми, выгружая жеребцов. До нас доходили резкие ругательства, ржание лошадей.

Наконец, зачастили удары по нашему вагону. Я открыл двери. На меня смотрел полномочный представитель Объединённого государственного управления по Сибири Иван Петрович Павлуновский. Он улыбался. В стороне от него стояли Огонёк, Ленский и сотрудники ЧК.

Тот же трап, по которому перегружали лошадей из вагона, поставили к нам. Иван Петрович сказал:

— Товарищ Скворцов, вам необходимо сейчас быть в здании ЧК. Не беспокойтесь, груз перевезём в надёжное место. Клим Корнилович Огнёв и Пётр Артемьевич Новиков — командиры сменных отрядов по охране груза. Поезжайте. А с остальными пассажирами познакомимся без вас.

С военной платформы привезли в помещение ЧК. Меня встретил помощник начальника ЧК Яков Громов.

— Мы решили, Сергей Александрович, кроме вас, Ванды Павловны и Родственника, никого не привлекать к расследованию дела о подготовке к террористическому акту против вождей пролетариата. Уже сутки находится под арестом Гурвич. Приступайте к допросу.

Я прочитал документы Гурвича, которые отняли у него во время ареста, приказал привести арестованного. Было

двенадцать часов девятнадцатого июня. Попросил его сесть и представиться.

Он оглядел меня.

– По документам я Степан Сергеевич Котиков из города Читы. Работник Военпура. Командированный в Москву на учёбу. Я, начальник, был бы не в обиде, если бы меня арестовали ваши сотрудники. Время тяжёлое. Врагов Совдепии много. А меня кто оглоушил? Кто связал? Рябой и молокосос Пулька. Такое не прощается. В Военпуре работал охранником. Работал хорошо. Меня командировали в Москву на учёбу.

– А мне кажется, вы, гражданин Котиков, в Москве уже учились.

– Ошибочка. То, что в Москве бывал, это факт. А чтобы учиться...

– Неужели забыли два года учёбы у Владыки?

Гурвич осмотрел мои руки, пальцы.

– Вижу, гражданин следовательно, у вас сильные руки.

Я без наводящих вопросов спросил:

– Гражданин Котиков, когда вы впервые стали работать на японскую разведку?

Он поднял руки вверх, подмигнул мне:

– Все эти Окадо, Боллы, Роджерсы, Эрнсты и белые шантресты лично мне никто. Аванс, что я от них получал, мою душу не радует. Нет его у меня. – Он закрутил козью ножку, прикурил. Затянулся. – Отвечаю, начальник, на вопрос: ещё в восемнадцатом году во Владивостоке. Они меня поймали на одном серьёзном деле, ну и предложили. Дело замяли. Я переехал в Харбин.

– Гражданин Гурвич, вы перечислили ряд имен: Болл, Эрст, Роджерс, Окадо. Расскажите, кто такие?

– Чекист, я пока в ящик не собираюсь...

– Какую работу выполняли для японцев? – спросил я.

– Пустяки. Кого ограбить, кого убить...

– Платили?

– Зачем? Я им за Владивосток был благодарен.

– Кто и когда вам предложил ехать в Москву?

– Тут такое дело. На одной встрече с полковником Окадо –

это было утром пятого июня – японец спросил у меня, кто был мог пойти на большое дело. Я спросил: «А что стоит дело?»

Он ответил: «Десять тысяч фунтов стерлингов». – «Зачем кого-то искать? Я готов», – сказал я.

И мы договорились, что седьмого вечером я отправляюсь в Маньчжурию. Но днём меня сцапала китайская милиция и обвинила в краже драгоценностей у полковника Клементьева. Какая-то сука всё как по полочкам разложила. У меня в кармане при обыске нашли даже мундштук полковника. Ох, не жить тому, кто это подбросил...

– А сами не догадывались?

– Восьмого отсидел. Несколько раз требовал полковника Окадо, да он был в отъезде. Девятого меня освободили. Окадо намекал на Императора. Но это выдумка. Я Владыку уважал...

– Вас готовили на террористический акт?

– Что меня готовить? И кто будет готовить? Стреляю я без промаха, с финкой работаю универсально. Меня не надо готовить. Я этих вождей-жидов...

– Гражданин Гурвич-Котиков, вы же сами по национальности еврей...

– Гражданин начальник, вожди рабоче-крестьянской республики торгаши, фарисеи и книжники, а я себя отношу к пролетариату.

– С Левым, Ленковым, Николкой Петербургским знакомы?

– А кто их не знает? Мне такие глупые вопросы задавать не надо. Всё понял. Скрывать мне невыгодно ничего. Понял, чем пахнет.

– Где и с кем вы должны были встретиться в Москве?

– Не спеши, начальник. Я должен здесь, в Новониколаевске, кое с кем встретиться. Суки продажные Рябой и Пулька поспешили меня вывести из строя. А мои наёмники этот вариант продумали.

Думаю, эту карусель придумал Алтын. Он на это умён. Приехали мы с Ленковым в этот, будь он проклят, город. Первым из вагона вышел я. Следом Костя Ленков. Я увидел Рябого. С радостью протягиваю ему руку, говорю: «Крапчатый, привет!» А он меня по казану кулачищем, а молокосос Пулька мои

руки назад и ремнём стянул. Я успел бросить взгляд на вагон и вижу, Ленков бросил свой чемодан – и под вагон. Меня эти суки Рябой и Пулька в повозку бросили. И вот в эту тюрягу отдали. Я чист перед Совдепией. А что творил на Востоке, в Дальневосточной республике, отправляйте туды. Там разберутся. А Крапчатому и Пульке не жить. Продались они вам. – Задержанный побарабанил пальцами по столу. – Так вот, начальник, я должен двадцать третьего июня быть в Закаменском районе, в доме Вареника. Он выдаст мне новые документы и инструкцию. – Он скривил губы. – Я знаю, Император мёртв. Мне сообщил об этом Прохоров ещё в Чите. Мужик прожил славную жизнь! Поторопились вы с моим арестом. У Вареника я должен с Николкой Петербургским встретиться. Где? Вареник должен сказать. После найти Непомнящего и ехать вместе с ним в Москву. В городе Омске к нам прилепится мадам Кэт.

А теперь о Москве. О Москве не было ни слова. Мы – Николка, Непомнящий, Ленков, Вареник и я – должны встретиться в Петрограде на Волховском кладбище возле могилы писателя Венгерова. Когда? Прохоров сказал, что время встречи нам скажет в городе Омске мадам Кэт. Вот и всё.

Не забудьте записать в протоколе, что Рябой и Пулька присвоили аванс, который мне выдал Прохоров. Деньги немалые, пять тысяч стерлингов.

Я шёл вниз по Красному проспекту, думал о М-2, Кэп-Найфе. Одновременно всплыли в памяти годы детства, юношества. Вспомнил, как восторгался голосом Анастасии Вальцевой. Она давала концерт в саду Альгамбра. Перед глазами выросла Вера Фёдоровна Комиссаржевская. Ванда Павловна чем-то походит на неё. Подумал: будут у нас свободные минуты, надо попросить её что-нибудь спеть. Опять вспомнил, как с большим трудом доставал билеты на Миланскую оперу под управлением братьев Гонсалес. Мне посчастливилось послушать «Трубадура», «Травиату».

Кино крутили в зданиях под вывесками «Москва», «Заря», «Иллюзион», «Модерн».

Остановил свои воспоминания. О театре ли сейчас думать?

Не можем никак пустить на полную мощность завод «Труд». Без зерна еле дышат мельницы Туркина и Луканина. Без сырья стоят конфетные фабрики Николаева и Титова. Колбасные заводы Черноярского и Верблюдова закрыты. Кажется, совсем недавно в городе муку мололи четыре паровых и одиннадцать водяных мельниц, работали десять маслобойных заводов, двенадцать прядильных предприятий, обжигали кирпич двадцать пять кирпичных заводов. Всё, всё надо восстанавливать, а тут бандитизм, заговоры, убийства, вредительство.

Я поспешил домой, на улицу Инскую. Иду, в душе смеюсь. Согласно решению томского губернатора, на этой улице решили открыть дома терпимости. Определили: для города достаточно семи. Но полицмейстер Висман и его сотрудники не ограничились цифрой семь. Через год открыли ещё 108 незарегистрированных борделей. С каждого незарегистрированного дома терпимости брали по триста рублей в месяц. И девиц отпускали только в трактир Чиндорина. Совладельцем был Висман. От проституции первый наш городской начальник полиции положил в банк 120 тысяч рублей. Наступил 1917 год. В декабре Висман снял с себя саблю, форму, надел демисезонное пальто и вышел на площадь к Торговому корпусу, заорал: «Да здравствует свобода!»

Мне перегородил дорогу Огонёк.

— Слушай, Чёрт, — начал он говорить, размахивая забинтованной рукой, — я сейчас встречался с Кэт и липовым Прохоровым. Так что то, что говорили нам об их смерти в Ачинске, — липа.

Я остановил его речь:

— Огонёк, успокойся. Объясни, как ты оказался здесь? Тебе с Ленским приказали охранять драгоценности.

— Всё верно, Чёрт. Всё барахло перевезли в подвал Сибревкома. Нам дали в помощники шесть человек. Договорились: двенадцать часов Ленский дежурит, двенадцать я. Я пошёл продуктов подкупить. Ну и заодно с мадам на улице Инской вспомнить, что я ещё мужчина... А мне за тем поворотом — на встречу Кэт. Я её узнал. Меня же Император посылал пропасти монаха Иеронима., когда он уезжал из Харбина с Библией. А

я Кэт по прошлым встречам помню. Она во Владике с иностранцами вошкалась и в Харбине...

Я за тем поворотом к ней: «Здравствуй, красавица Кэт!»

Она испугалась нашей встречи, глаза расширила и молчит. А мужик, который с ней шёл, её оттолкнул – и на меня с финкой.

Я ему говорю: «Мужик, ты чё? Я знакомую встретил. Мы во Владике встречались. Я к ней ничего не имею. И к тебе. Твоя баба, пусть твоей и будет. Чё меня финкой стращать? Мне неприятности в новом городе не нужны...»

Он, дурак, давай вокруг меня финкой махать. А у меня всё же левая рука побаливает. Пришлось ногами его сбить. А баба та сбежала. Он поднялся и тоже убёг.

Чёрт, голову на отрез отдаю – это та баба с которой монах Иероним уезжал из Харбина. Чёрт, найди Иеронима и передай ему, что его краля тут, в Ново-николаевске, а то Император подумает, что Огонёк трепло».

*Воскресенский кладбищенский храм,
г. Новоиколаевск*

Глава десятая

Пётр Васильевич вошёл в кабинет, который мне выделили для допросов.

– Как самочувствие? – спросил я.

– Почти что оклемался. Грудина побаливает, но Серафима заверяет: пройдёт. Второй день на ногах.

– Садитесь поудобнее на диван.

Ян нажал кнопку.

Вошёл солдат.

– Приведите штабс-капитана Побирайко, – приказал.

– Здравствуйте, штабс-капитан, садитесь, – предложил я.

– Что сидеть, Серёжа. Два года прослужил вхолостую. Как денщик сапоги ему драил, а он ни на Запад, ни к Семёнову, ни к Унгерну. Семёнов его звал, Унгерн предлагал должность начальника штаба, я его обрабатывал, а он всё свое: в Россию... Вот и приехали... Сейчас я его в камере довожу до белой горячки.

– Вот это зря. Не он тебя выбирал, а мы его. Ошибочка получилась. Может быть, и к лучшему...

Штабс-капитан посмотрел на диван. Пригляделся.

– Простите, Пётр Васильевич, не узнал. Здравствуйте. Как самочувствие?

– Спасибо. Отличное.

– Ох, и переволновался я, когда вы к Окадо в кабинет лезли! Не надо было так рисковать.

– Для Ванды Наташа дороже дочери.

– А приказ ЧК?

– Никакого приказа не знаю. Я не ваш работник. А восемьдесят шестое задание выполнено.

– Кем?

– Рамзес исполнил работу. Только не ваш приказ, а мою просьбу.

– Пётр Васильевич, вы меня простите, но я мог убить Прохорова и Муравьёва в любое время. Я знал, что мне не удаст-

ся разузнать всё. Муравьёв с самого начала в судьбе своей карьеры играл пассивную роль. Генерал Самойлов и японцы выделили Прохорову Муравьёва только потому, что он был у всех в авторитете, с его именем связаны большие победы в Германской войне. Его знали лично многие, кто остался в России и готов в любую минуту со словами «Браво!» душить большевиков. Где сейчас Андрей, Пётр Васильевич?

– В Омской психбольнице. Врачи ничего утешительного не обещают. Пришлось поместить в отдельную палату. Говорит...

– Вы уж меня простите, Пётр Васильевич, что я вам мораль читаю, но впереди у нас с вами ещё много работы. Скажите, зачем вы связались с этим золотом в Харбине? Вас сейчас нельзя направлять на Восток. А кому, как не вам, там работать? Из-за вас придётся перебрасывать и Яна.

– У меня всё внутри кипело, когда видел, как кучка прохвостов сотни ящиков с золотом вывозит из страны. Я понимал: это мелочь в отношении основной задачи, но не нашёл в себе сил сдержать себя.

– Штабс-капитан! – попросил я. – Тихон Петрович, прошу вас, хватит нагружать Петра Васильевича. Врач второй день разрешил ему ходить.

– Надо было сразу сказать. Нечего в прятки играть. А то «спасибо, отлично». В целом, Пётр Васильевич, вы поработали очень хорошо, а ваши старые знакомые молодцы. А я очень плохо.

– Вначале наговорили короб неприятностей, потом «очень хорошо», – буркнул Козлов.

– С легендой нашего побега из Новониколаевска Ванда Павловна нас познакомила. Иван Захарович высказал несколько замечаний. Он очень хотел бы повидать дочь. Догадался, что наша запланированная командировка не кратковременная. Серёжа, и вы, Пётр Васильевич, поместите Муравьёва в доме по улице Переселенческой, напротив дома, где живёт его дочь Ольга. Но никаких прямых контактов! Дайте ему со стороны полюбоваться, как без родителей она похорошела. Сама справляется с домом и ведёт хозяйство. Я попрошу его, чтобы он написал несколько писем к дочери. Я уверен: в этот раз план

Артузова и Михайловой сработает. – Он повернулся к Козлову: – Пётр Васильевич, из ваших ширмачей я в восторге от монаха Иеронима и его жены Мары. Не будете возражать, если адресатом в переписке между отцом и дочкой послужит Мара?

– Нет возражения, но есть предложение, – шутя произнёс Козлов. –

Меня познакомил Иван Петрович с будущей вашей работой в Германии. Я хорошо знаю Германию и немцев. Не одно дело проворачивал с «Гансами». Не заметите, как зашифрованная переписка заинтересует почтальона, полицейского, простого гражданина. Предлагаю следующий вариант: появится Мара, сфотографируете её в обнимку с полковником Муравьёвым. А на обратной стороне фотографии полковник своей рукой напишет: «Милая Мара, я тебе доверяю свою любовь». Это будет паролем для будущих встреч, работы. Мария Вячеславовна вне подозрения. Дочь рабочего, жена профессора Томского университета, ныне вдова, учащаяся Томского рабочего факультета. По уголовным делам не привлекалась. С ЧК не сотрудничала. Интересуется только историей Сибири.

Поднялся Побирайко:

– Ну что, Серёжа, зови солдат. В обед подсыпьте в баланду Муравьёву порошок, пусть подришет, и переведите в лазарет с диагнозом «дизентерия». А меня оставьте вместе с Прохоровым. Дайте полковнику возможность со стороны полюбоваться дочкой.

Часовые увели штабс-капитана.

* * *

На пороге стоял Прохоров. Подтянутый. Стройный.

Император лёг на диван и повернулся к стене.

– Вам плохо? – спросил я.

– Нет, – не своим голосом ответил Козлов, – мне хорошо. Я немного вздремну.

– Проходите, гражданин Прохоров, садитесь, – предложил я. – Мне передали ваше заявление. Вы жалуетесь на то, что вас держат уже двое суток, и никакого вам обвинения не предъявляют, и никакого следствия не ведут. И вы не догады-

ваете даже, почему вас арестовали. Я правильно изложил суть вашего заявления?

– Да. Все основные вопросы, поставленные мной в заявлении, вы указали. С кем имею честь разговаривать?

– Военный следователь по Сибири Сергей Александрович Скворцов.

Прохоров встал, сделал поклон.

– Инструктор инспекторского отдела Военного политического управления Дальневосточной республики Аркадий Григорьевич Прохоров.

– Вы садитесь, садитесь, пожалуйста, курите, – и я подошел к Прохорову пачку папирос.

– Благодарю вас.

Прохоров взял пачку, выбил большим пальцем левой руки папиросу. Я зажег спичку и поднес к его папиросе. Прохоров затянулся.

– Хороший табак. Ростовский. Сами набиваете?

– Да, вечерами от безделья.

Прохоров забросил ногу на ногу.

– А у нас в Забайкалье столько работы, что совсем спать не приходится.

– Согласен с вами, Аркадий Григорьевич, работы много. Так эту работу вы сами придумываете. Если бы не придумывали, то сидели бы с отцом Григорием в его кабинете и спокойно дочитывали бы любимый роман Харитона или пошли бы в ресторан «Фантазия» и танцевали с мадам Линдой тустеп. Мне рассказывали, вы хорошо танцуете этот танец?

– Да возможно, вы и правы со стороны обывателя. Но я большевик, и пока есть силы, которые пытаются помешать становлению нового пролетарского государства, любовный роман Харитона будет лежать недочитанным.

– Я поинтересуюсь, есть ли в нашей библиотеке этот роман, Аркадий Григорьевич, и если есть, прикажу принести вам в камеру. Пока время есть, дочитаете. В романе умело выкручивался из любой ситуации главный герой, подучитесь.

– Сергей Александрович, это какой-то намёк?

– Да-да, намёк...

- Мне можно идти в камеру и ждать Харитона?
- А как с вопросами, которые вы поставили в вашем заявлении?
- Решим после прочтения романа.
- Так не пойдёт, Аркадий Григорьевич. Надо мной тоже начальство есть. И оно меня спросит: «Почему безвинный Аркадий Григорьевич Прохоров сидит в ЧК в камере под усиленным конвоем и читает роман?» Что я отвечу?
- Безвинный Аркадий Григорьевич, ответите вы им, решил отдохнуть.
- Но меня спросят: «Разве мало было времени у гражданина-большевика Прохорова отдохнуть? Он пятнадцатого мая командирован в Москву на курсы. А прибыл в Новониколаевск двадцать первого июня».
- Он ездил навестить родных.
- Почему он из Читы, после того как навестил родных в Харбине, ехал до города Новониколаевска семнадцать суток?
- Ничего удивительного. Транспорт работает откровенно. Пассажиров много.
- Зачем ему нужно было красть в Чите у вора Налима золотую пятирублевку, когда отец – один из самых богатых людей Харбина – имеет сотни тысяч?
- Правильно поставлен вопрос и логически верно дан ответ. Я вижу, мне не нужно будет присутствовать здесь, когда вы будете за меня оправдываться, – сказал Прохоров, и на его лице появилось подобие улыбки.
- Но есть вопросы, Аркадий Григорьевич, на которые я не смогу ответить без вашей помощи. Точнее, смогу, но для вас мои ответы покажутся неверными.
- Смотря какие вопросы? – спокойно спросил Прохоров и без разрешения достал папиросу.
- К примеру, один из них такой. По каким мотивам большевик Прохоров убил Юрия Павловича Михайлова?
- По причине того, что Юрий Павлович Михайлов, бывший поручик, бывший колчаковец, агент и имел цель нанести колоссальный экономический ущерб молодому государству, давал клятву взорвать мост через Енисей.

– Это слова.

– Нет. В народно-революционном суде города Читы имеется дело за номером П – сто сорок один, где хранится донесение, написанное собственноручно Михайловым на имя Семёнова. Мои показания и протоколы допросов лиц, с кем служил Михайлов в таких городах, как Каинск, Бийск, Кобдо. И даже по Харбину.

– Каким числом датировано донесение на имя Семёнова?

– Двенадцатым июня.

– Время?

– Одиннадцать часов тридцать минут.

– Это точно? Документы не нужно запрашивать из Читы?
– спросил я.

– У меня достаточно хорошо развита память. Это точно.

– Ровно в одиннадцать часов тридцать минут вы расстались с Михайловым на городской площади. В одиннадцать сорок вы вошли в здание Военпура.

– В одиннадцать сорок одну, Сергей Александрович. Мои часы идут точно.

– Это не принципиально. Важно другое: когда же писал Михайлов и почему он поставил время одиннадцать тридцать?

– По-видимому, с 8 до 11 утра. Да, это так и было. Он был у меня в сорок седьмом номере «Гранд отеля» и писал, но я тогда не обратил внимания, что он писал, я занимался самообразованием.

– Вы вспоминали китайский язык?

– Да, Сергей Александрович.

– Интересно, почему вы решили потренировать себя в китайском языке в счёте? Это ведь самая простая часть речи.

– Когда систематически сталкиваешься, то все просто. А если перерыв три года, лучше всего для восстановления в памяти начинать с простого усвоения и идти к более сложному.

– В области методики я с вами согласен. Но давайте на минуту вспомним хотя бы несколько цифр из того, что вы писали.

– Для моей памяти, хотя я и горжусь ею, будет не под силу.

– Я вам кое-что напому. Согласны?

– Это простая трата времени, Сергей Александрович.

Михайлов не знал китайского языка, тем более он больше интересовался этикеткой.

– Возможно, вы и правы, что Михайлов не знал китайского языка. Я спорить не могу. Но вот ваши первые цифры: ши, и, сы, ши, цзю, сы, у, и, ши, сань, ба, эр, сань, ци, цзю, си... переведем на русский язык. Получается: десять, один, четыре, десять, девять, четыре, пять, один, десять, три, восемь, два, три, семь, девять, четыре...

– Вижу, у Михайлова была великолепная память, а у вас неплохое южное произношение, но у китайцев выше ценится северный диалект. Будет у вас свободное время, приходите в камеру, я быстро вас научу разговаривать и на северном диалекте.

– Спасибо, Аркадий Григорьевич, спасибо. Непременно воспользуюсь вашим предложением. Даже сейчас готов у вас проконсультироваться. Есть ли какая-нибудь закономерность в расположении следующих чисел: тридцать, восемнадцать, пятьдесят один, тринадцать, сорок, восемнадцать, семьдесят, сто, четырнадцать, шестьдесят три, девяносто четыре, тысяча?

– Не вижу никакой закономерности. Правда, после тридцати идёт восемнадцать и затем после сорока восемнадцать, но это случайность.

– Да, да, Аркадий Григорьевич, случайность. Если бы вы были полковником, то написали бы: пятьдесят один, девяносто четыре, четыреста, тридцать, девяносто четыре, тысяча, семьдесят, тринадцать, тридцать.

– Вижу, Сергей Александрович, у вас есть основания держать меня в камере. Честно сказать, я сам долго переживал, после того как убил Юрия Павловича. Талантливый был человек!

– Сами всё напишите, Аркадий Григорьевич, или нужно стенографистку приглашать?

– А что много писать? Михайлова убил я. Признаюсь. Готов сейчас даже на чистом бланке расписаться. Но ведь и его, если бы он был жив, то необходимо по человеческим законам судить. На совести Михайлова убийство майора Сосэки. Причина моего убийства – месть за друзей.

– Хороши у вас были друзья, Аркадий Григорьевич!

– Друзей не выбирают, Сергей Александрович.

– Поддай мне водички, Серёжа, – попросил Пётр Васильевич. Я налил из графина в стакан воды, поднес Императору.

– Знаешь, слушаю я этого оболтуса и раздваиваюсь. С одной стороны, ненавижу до смерти, а с другой – нравится он мне. В прошлые годы не задумываясь в ученики бы взял. Ты продолжай, продолжай, Сергей Александрович.

– А мы уже закончили беседу, – сказал Прохоров.

– Что-то ты, Прохоров, торопишься в камеру. Здесь тебе такая привилегия! Папиросы из донского табака, тренировка китайского языка, свежий воздух, а ты всё в камеру торопишься. Ты, бывало, в камере всю ночь напролёт мог рассказывать побасёнки, – сказал Император и лёг опять на диван, – а здесь поговорить с нами по душам не хочешь.

– По нашим совдеповским законам, когда ведётся допрос, необходимо обвиняемого познакомить с работниками, которые будут вести следствие: главный следователь или следователь по особо важным делам, кто будет помогать ему. Нехорошо, если мы введём в практику буржуазный уголовный процессуальный порядок. Какой прок будет, если любой прохожий придёт и спросит: «Ты что делал ночью, когда тебя со стороны караулил Иноземцев?» – закончил Прохоров.

– Ты имеешь в виду надзирателя Маньчжурской тюрьмы? – уточнил Император.

– Благодарю вас. Мне ясно, и вы небезучастны к моей судьбе.

– У, падла хитрая, – улыбнувшись одними глазами, сказал Император.

– Только попрошу без грубости. Я человек, возможно, по вашим понятиям и безнравственный, но пошлости и грубости никогда не допускал.

– И даже про себя? – спросил Император.

– Да, – ответил Прохоров.

– Неужели ты матом не послал мужика, который тебя облапал в вагоне поезда Владивосток – Харбин? И не послал матом, когда Налим бил тебя по печёнке? – повернувшись лицом к спине Прохорова, спросил Козлов.

– Неужели со мной разговаривает покойник Пётр Василье-

вич, иначе говоря, резидент К? – спросил Прохоров, круто повернулся на стуле и посмотрел на Петра Васильевича. – Да, да, это вы... Слава Богу, когда поведёте расстреливать, хоть в отношении вас не будет угрызений совести.

– Отпусти его, Серёжа, в камеру, я вижу, он начинает дурачиться, – предложил мне Козлов.

– Я, наоборот, хотел бы в вашем обществе побыть...

Пётр Васильевич поднялся, сел на диван.

– В таком случае, Аркаша, расскажи мне, кто скрывается под Ё сиси Кэп-Найф? – попросил Козлов.

Прохоров встал.

– У меня исчезло желание общаться с вами. Ещё малое время, но желаю подышать воздухом.

– Аркадий, тебе самого себя не жалко, что в расцвете сил оказался не нужен ни отцу, ни матери, ни сестре, ни обществу? – спросил Козлов.

– С судьбой не поиграешь! – ответил Прохоров.

– Сергей Александрович, – обратился Козлов ко мне, – я предлагаю зафиксировать в протоколе, что в следующем допросе Прохоров начнёт фигурировать как Зубов. Под своей настоящей фамилией. К протоколу приложим копию свидетельства о рождении Зубова Аркадия Григорьевича, которое мне прислали друзья из Могилёвской губернии. Приложим документы действительного Прохорова. Проведём встречу с ним. Он прибыл вчера из города Москвы. Приложим фотографии из семейного альбома Зубовых. В деле будет несколько твоих писем, Зубов, которые ты писал матери с фронта. А чтобы ты не дурачился, там, в деле, будут все твои донесения полковнику Окадо и ещё кое-кому... не копии, а действительные этикетки фирмы В. Высоцкого с твоими донесениями, твоей рукой написанные. Ну ладно, в Михайлова ты пустил финку, решил убить его за друга Сосэки. А меня за что?

– Пётр Васильевич, когда мне приказали убить вас, я отказался. Я сопоставил многое и пришёл к выводу, что после расставания в доме князя Львова первого июня вы слишком часто оказывались в выигрыше. Полковника Окадо вы обвели вокруг пальца. Я не дурак, понял, что вы у Окадо украли, кроме

шкатулки, и документы. Когда я предложил Окадо убить вас, он запретил. В Иркутске мне передали, что отец ограблен. Вы здесь сказали про альбом. В Красноярске я узнал, что вы украли семейный альбом. После этого сообщения пришёл к выводу, что затея иностранцев под вашим колпаком. В Чите меня бил Налим. Жестоко избил. А на прощание, когда я был уже почти трупом, поднял мою голову и пробасил: «Прохоров, если Император не найдётся, я тебя оставлю живым, но трупом». Пётр Васильевич, я в вас финку не бросал.

– Кто тебе давал приказ убить меня?

– В вашем заведении есть уши.

– На фронте, под Кишинёвом, к вам приезжал контр-адмирал. Он?

– Нет. Пётр Васильевич, не тратьте время. После того что я вытерпел от Налима, мне не страшны никакие допросы. Признаюсь, меня как мальчишку арестовали. Проводил сестру в темноту, вошёл в купе, а на меня смотрит и улыбается Гуторов, я на время потерял сознание. Мне показалось, что перед моими глазами стоял не Гуторов, а Налим. И что Гуторов-Налим мне приказывал, я, как под гипнозом, выполнял.

– Аркадий, последний маленький нюанс. Однажды вы передали Сосэки клочок бумажки и устно сказали: «Передайте, что Кэп-Найф просил у меня свидания с Зоей». Из ваших слов появляется сомнение, что вы являетесь Кэп-Найфом. Не вы, а другой Кэп-Найф просил свидания с Зоей. Зоя ваша сестра, а её муж контр-адмирал, который приезжал к вам на фронт под Кишинёв. И который ранил вас. Муж просит свидание с женой, вашей сестрой. У кого? У вас просит свидание? Но вы не проявляете самостоятельности. Вы обращаетесь к вышестоящему главе вашего концерна. У меня предположение: а не сестра ли Зоя должна дать согласие на свидание с мужем? Не её ли вы боитесь больше Налима?

Прохоров встал.

– Пётр Васильевич, ни мы, ни вы не гарантированы в работе от предателей. Но то, что вы желаете от меня услышать, это выше предательства. Благодарю вас за беседу. Прошу приказать отвести меня в камеру.

Вечером того дня мы с Иваном Петровичем и Петром Васильевичем провожали Муравьёва и Побирайко в Москву. Нам было приказано забыть полковника и его адъютанта.

Аркадий Прохоров при аресте

Фотографии Аркадия Зубова, сделанные в здании Новониколаевской ЧК в июле 1921 г.

Глава одиннадцатая
Среда, 22 июня 1921 г.,
г. Новониколаевск.

Ночь. Я рисовал чёртиков и о чём только не думал, а больше всего о том, кто же этот М-2. Заснул за столом. Видел сон. Иду по тёмной улице города Читы, а вдали – то удаляясь, то приближаясь – маячит белая фигура Аполлона. В какой-то миг Аполлон оказался совсем рядом и неожиданно человеческим голосом шепнул: «Дедушка Хо уехал лыбачить на озеро Далай-нол».

Проснулся, нащупав на столе спички, чиркнул, осветил стол, увидел лист с чёртиками. Почувствовал горечь во рту. Зажёг фитиль лампы, вставил стекло и посмотрел на ходики – была половина шестого. Вскочил, на ходу схватив револьвер, побежал к дверям. Ксения проснулась и с тревогой в голосе спросила:

– Что ж это за работа, Серёжа, если ты дома уже три дня, а ни разу не спал по-человечески?

– Ничего, дорогая, посплю, – ответил с порога и выбежал.

Третье утро подряд я шёл в «Сосновый сад». Там с левой стороны размещалась обнесённая штaketником психометрическая будка Вильда. И третье утро с северной стороны в двух метрах от забора маленькой лопаткой рыхлил землю и искал гильзу шестнадцатого калибра. Но гильзы не было. Несколько раз обошёл северную сторону будки, которая была обита сеткой, и решил идти в здание ЧК. Неожиданно вспомнил, что Ванда Павловна просила быть в среду в пять часов утра на встрече возле Николаевской часовни.

По Красному (с 1920 года) проспекту побежал к часовне. Глумился над собой за невероятно огромную недоработку. Глумился над памятью своей. И Ванда Павловна за последние два дня в Новониколаевске не напомнила мне, возможно, и у неё из памяти вышибло. А возможно, Ванда Павловна поблагодарила уже их, и они поехали выполнять новые задания

или разъехались по домам. Кто они? Возможно, кто-то один. Но такую информацию, что давали по пути от Читы до Ново-николаевска, один человек собрать не может.

Подбежал к часовне, достал часы, было без пяти шесть. Со стороны торгового корпуса подъехал всадник. Это был солдат с винтовкой за плечом.

– Вы Сергей Скворцов? – спросил он.

– Да.

– Садитесь. Нам надо срочно ехать к Чернышевскому спуску. Там умирает человек.

Я запрыгнул на коня.

Внизу Чернышевского спуска на берегу Оби стояло несколько солдат, а на песке лежал в чёрной рубаше с закрытыми глазами китаец. Недалеко валялась плетёная корзина.

Я спрыгнул с лошади и подбежал к нему.

– Товарищ, я Сергей Скворцов, вы слышите, товарищ!

Китаец приоткрыл глаза и прошептал:

– Солдаты уходи...

Я махнул рукой на окружающих его солдат и они отошли от нас.

– А где Дедушка Хо? Он большой мастер вязать корзины? – произнес я пароль.

– Боль-шой, – с трудом выговорил китаец. – Дедушка Хо уехал на либалку... Эм дв-ва ма-дам-м... Кол-зи-на... – и его глаза так и остались открытыми.

Я склонился над ним, поцеловал в лоб. Страхнув слезу, достал удостоверение и, показывая его, приказал:

– Срочно найдите подводу и отвезите убитого вместе с корзиной к зданию ЧК. Никого к нему не подпускайте. Старший отвечает. Кто из вас лучше расскажет, что здесь произошло?

Солдат, который подъехал к часовне, подошёл ко мне. Начал:

– Я могу всё рассказать. Я первый увидел. А вы ищите подводу! – приказал он остальным. – Мы из шестьдесят второго полка, в двенадцать часов ночи приступили к патрулированию. Всю ночь с седла не сходили, а под утро решили спуститься к Оби и освежиться. Стало светать. Мы спускались к берегу,

когда заметили драку. Я приказал всем: «В седло!» – и мы поскакали. Подъезжая ближе, увидели, что дерутся пять человек. Один отбивается, а четверо с ножами его в полном смысле режут. Мы выстрелили в воздух, и четвёрка бросилась бежать к лесозаводу. Я соскочил с лошади, чтобы помочь этому, кто умер, а другие за теми поскакали. Но они прошмыгнули через забор, а там штабеля леса, и они ушли.

Я наклонился над китайцем, он прошептал: «Товарищ, спешу на Николаевскую площадь к часовне. Там должен быть сотрудник ЧК Сергей Скворцов. Веди быстрее сюда».

Вот я и поехал за вами.

* * *

В здании ЧК, несмотря на ранний час, Иван Петрович был в кабинете. Вызвали врача, он при нас раздел китайца, на его теле насчитал семь ножевых ран. Одели в чистую солдатскую гимнастёрку, брюки-галифе, на голову – кепку. Приступили к тщательному изучению вещей и корзины. В корзине была пустая бутылка, заткнутая газетной пробкой, кусочек хлеба со спичечную коробку и старый халат. Просмотрев куртку, брюки, сандалии и рубашку, мы были разочарованы. Ничего.

Но почему он сказал: «Ко-л-зи-на»? Значит, всё-таки в ней что-то должно быть. Мы внимательно осмотрели её. Эх, корзина-путешественница! Где-то в ней скрывался тайник, но где? Мы внимательно осмотрели бутылку на свет – всё естественно. Иван Петрович предложил мне расплести корзину.

Я стал разбирать. Иван Петрович развернул газетную пробку, сел к столу и стал внимательно выписывать отдельные буквы. Я разобрал всю корзину. Лежал ворох сплюсненной соломы, две изогнутые бамбуковые ручки и четыре шёлковых нитки соломенного цвета.

– Всё разобрали, – сказал я, – а собрать – не соберём.

– Придётся, – уверенно проговорил Иван Петрович.

– Что? – удивлённо спросил я.

– Корзина должна быть отправлена по адресу Троицкосавск Ли-Цын-Сам, – прочитал Иван Петрович на клочке газетной пробки.

– Но как мы её соберём? – в отчаянии пробормотал я.

Вспомнил Чень Яна. Он бы помог нам разгадать тайну корзины. Но он неизвестно где. Выполняет задание Ванды Павловны. Я усиленно начал вспоминать китайцев, которые проживали в нашем городе и кому можно доверять.

* * *

Первые китайцы в нашем городе появились, когда прокладывали Транссибирскую железную дорогу. Потом член городской управы Захаров в городе Харбине завербовал более сотни китайцев на внутригородские работы.

Следом за ними пошли в город и по уезду китайцы-торгаши с лотками разных товаров.

По переписи 1897 года на территории Западносибирского края проживала сорок одна тысяча китайцев. А женщин-китайок – только две тысячи. Вот почему отец Яна Яо решил переехать из Нарыма в Новониколаевск, «подобрать» для Яна жену-китайку, а для дочек мужей-китайцев. В связи с дефицитом невест-китайок появились смешанные браки. Муж-китаец, русская жена.

Уже в 1910 году в Забайкальской области подобных семей было более двух тысяч, в Нерчинской – более одной тысячи, Читинской – 500, в Новониколаевске – 400.

По отчёту уполномоченного Министерства иностранных дел, на 1 сентября 1910 года в Сибири проживали сто двадцать тысяч китайцев.

В связи со строительством Мурманской железной дороги и других объектов миграция китайцев по территории России выросла в несколько раз. По некоторым данным, китайцев, проживающих в России, перед революцией насчитывалось более миллиона человек.

Китайцы в большинстве своём с радостью восприняли Октябрьскую революцию. В пятой Красной армии каждый десятый солдат был китайцем. В составе только Интернациональных частей Красной армии Советской республики, не говоря о партизанском движении, мужественно сражались свыше сорока тысяч китайцев.

Я вспомнил Сун-Фу. На улице Максима Горького, в доме номер двадцать один, размещалась знаменитая прачечная. Она принимала в стирку и чистку бельё. Заказы выполнялись в двадцать четыре часа. Вспомнил его жену Анну Васильевну. Работая до революции в подполье, я часто пользовался услугами Сун-Фу, а мы его называли Семёном Фёдоровичем.

Отправили нарочного.

Сун-Фу посмотрел на кучу соломы, покачал головой. Недовольным голосом произнёс:

– Что хотел пеледать Жен, ваша, капитана, уничтожил. Ой, плохо, плохо.

Мы поняли, что совершили непоправимое. Но хорошо, что осторожно разбирали и ни одну соломинку не поломали.

Сун-Фу предложил нам:

– Зови солдат военной казармы Тин Вин-Фун. Он тоже из пловинции Фуцзянь деревни Цин-Цин.

Отправили нарочного в военные казармы срочно привести Тин Вин-Фуна. Опять я мысленно поругал себя. Почему раньше не вспомнил Тина?

В апреле 1920 года я отвечал за первые выборы в Новониколаевский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Вспомнил три весенних дня: двадцать шестое, двадцать седьмое и двадцать восьмое апреля. В помещении цирка шли дебаты, полемика, слышались яркие выступления, зачитывали громкие петиции.

Шли первые выборы в городской совет после изгнания Колчака и установления советской власти. От рабочих коллективов были выбраны депутаты: Михаил Антонов, Виктор Казанцев, Пётр Карасёв, Степан Понькин. От новониколаевской Российской коммунистической партии (большевиков) депутатом избрали китайца-коммуниста Тин Вин-Фуна.

Я его рекомендовал в депутаты. Он был принят в партию на Украине. С боями прошёл всю Центральную часть России, Урал, Сибирь. У нас, в Новониколаевске, кроме выполнения функции командира батальона, возглавлял Союз китайских рабочих Сибири.

Сун-Фу разложил соломинки по отдельным кучкам и проворно стал плести нами разобранную корзину. Собрав основу, он посмотрел на меня и на Ивана Петровича, спросил:

– Ваш дуй?

– Что дуй? Ничего мы не дули.

Сун взял тростниковый прутик ручки и дунул в неё. Из неё выскочил тонкий рулончик, он положил его на стол и дунул во второй прутик. И оттуда вылетел рулончик. Он продул ободок – и он оказался начинён тонкой бумажкой.

– Ваша плохо работай. Так нельзя, – отчитал он нас.

Да мы и сами понимали, что натворили что-то в поспешности.

Тин Вин-Фун появился скоро. Он осмотрел собранную торговцем корзину и сказал:

– Жен передаёт, что Император должен бояться, – потом он стал тыкать на отдельные соломинки, кричать на Сун-Фу и всё время показывал на правую крышку. В конце концов, Сун-Фу ударил себя по коленкам и быстро стал разбирать корзину. Разложив по кучкам, сложил руки на груди и замер, как мумия. Тин склонился к кучкам, придвинул их ближе к себе и, закрыв глаза, стал быстро собирать корзину.

Даже шёлковые нитки в иголочные отверстия он вдевал и связывал, не открывая глаз. Потом поднялся, взял в руки корзину и, поворачивая её в одном направлении, кричал на Суна. Сун опустил руки и с виноватым видом склонил голову...

Тин сказал в нашу сторону:

– Жен передаёт: Император должен бояться Николая – Николян, Никико. М-2 женщина, Новониколаевск приедет двадцать четвёртого. Ян, Андрей, Сергей. Анюта её знают. Зубов болен. Тиф.

– Ясно! Спасибо, товарищи, – Иван Петрович поднялся со стула, обнял Тина, а потом и Суна. – Жен погиб. Мы его похороним на городском кладбище. Передайте своим товарищам, что мы от всего сердца благодарим всех, кто уважал и уважает дедушку Хо.

– Ещё не надо благодарить. – Произнёс Тин. – Жен нам при-

казал работать. Корзину мы берём. Будем работать за Жена. Приготовьте удостоверение, что Сун Фёдор сотрудник ЧК. Он должен сегодня выехать в Омск. Гоу просит помощи.

* * *

Три сотрудника ЧК собирались опустить гроб с телом Жен в могилу. Из-за берёзы вышла Ванда Павловна, а с ней заместитель начальника ЧК Яков Громов. Гробовщики опустили гроб в могилу. Взялись за лопаты. Иван Петрович посмотрел в сторону гробовщиков и тихо произнёс:

– Товарищи, вы свободны. Мы сами закопаем могилу. Через полчаса вернётесь и соберёте инструмент.

Мы взялись за лопаты. Ванда Павловна подошла к Павлуновскому.

– Иван Петрович, вы не будете возражать, если я скажу несколько траурных слов про Фёдора?

Он кивнул. Она подтянула чёрную косынку:

– В гробу лежит мой хороший помощник. Он последние полтора года выполнял мои задания. Его фамилия Жен, а имя Фу-Чен. Я его называла Фёдором. Впервые я его встретила в Перми в тяжёлое для большевиков время. Он по моей просьбе собрал в городе китайцев-добровольцев – огородников, сапожников, торговцев – и повёл в бой против белых. Жен из Китая, провинции Фуцзянь, деревни Цин-Цин. И бойцы в его отряде были его земляками. Когда в одном из боёв на верхотурском направлении случилось так, что на поле сражения сошлись красноармейская рота и белогвардейское подразделение, на той и на другой стороне китайцы, Жен слышал китайскую речь. Он не побоялся, что его убьют, поднялся из окопа и закричал: «Китай, брат! Моя Жен из Фуцзянь! Иди к нам! Каша есть, чемча есть! Кушать будем!»

Всё вражеское подразделение без единого выстрела перешло на сторону Советов. После боя выяснилось, что белогвардейское командование насильно мобилизовало китайцев, проживающих в Сибири, и отправило на фронт.

Жен всегда проявлял стойкость, храбрость; быстро разбирался в обстановке и проявлял необычно быструю реакцию. В

боях перед городом Омском он командовал полком из китайцев-добровольцев. Там, в Омске, был принят в партию, ранен. После излечения я попросила командование командировать его в мой отряд. За боевые подвиги он награждён орденом Боевого Красного Знамени.

Товарищи! Перед боевыми действиями за город Омск по рекомендациям моей и других в партию большевиков приняли тысячу пятьсот китайцев. Стали коммунистами два командира отрядов: Лю Лян- Куй и Коя Хан- Фун. Прославленные бойцы красной армии Фа-Вен-до, Жуон Вин-Тин, Лю Бин освободили от колчаковцев город Новониколаевск и погибли.

Мы хороним Жен, Дедушку Хо, а Дедушку Хо прикрывал от неприятностей Чун Сы-Он. Если на Чернышевском спуске его не оказалось рядом с Жен, значит, и он погиб.

Товарищи, мы хороним не безымянного солдата нашей партии, а прославленного воина-интернационалиста!

* * *

Я коротко рассказал Ванде Павловне о ночном происшествии. Не забыл сказать и последние слова, что «Дедушка Хо уехал на либалку. Эм дв-ва ма-дам-м», передал и слова Тин-Вин-Фуны: «М-2, женщина. В Новониколаевск приедет двадцать четвёртого. Ян, я, Андрей, Анюта знают её».

Михайлова схватила меня за руку и повела с кладбища. На ходу крикнула:

– Иван Петрович, у нас срочные дела!

Мы сидели у нас в комнате по улице Инской. Ванда Павловна, размышляя, предложила мне:

– Серёжа, говори по слогам, что успел сказать Жен и что расшифровали в корзине Тин и Сун.

Я начал:

– Первое – Жен сказал: «Дедушка Хо уехал на рыбалку».

– Это, Серёжа, надо понимать, что Дедушка Хо убит. У Жен и есть подпольная кличка Дедушка Хо. Пусть земля ему будет пухом. Ещё живой, но уже похоронил себя.

– Дальше Жен произнёс членораздельно: «Эм дв-ва ма-дам. Кол-зи-на».

– Настоящий боец! Он набрался сил сказать, что М-2 мадам. То есть в нашем понятии женщина. Жен выражает сомнение, а вдруг да мы не прочитаем его послание в корзине. Предлагает нам искать всё в корзине. Теперь проанализируем, что расшифровал в корзине Тин.

– Ванда Павловна, первыми словами Тина были: «Жен передаёт».

– Видишь, какой умница Дедушка Хо. Он этими двумя словами заверяет нас, что информация не подлежит сомнению. Всё точно. Дальше...

– Тин сказал: «Император должен бояться Никола – Николян, Никита».

– Это, Серёжа, Никола Петроградский. Я знаю его давно. Чтобы мы не перепутали с каким-то другим Николаем, Дедушка Хо написал «Николян, Никита». Николая Петроградского называла Николя его подружка, воровка Варька толстогрудая. А Никита – это крещёное имя Николая Петроградского. Для незнающих людей – это набор имён. А для меня всё ясно. Дедушка Хо позаботился и о том, чтобы кто-то из Николаев случайно не попал в подозреваемые.

Ксюша принесла чай, сухариков. Ванда Павловна кивком поблагодарила, попросила:

– Ксения Ивановна, а нет ли у тебя кусочка свиного сала? Я уже третьи сутки не сплю. Мозги затвердели.

– Сала нет, – ответила Ксюша, – а вот солёная селёдка имеется. Утром по карточкам получила.

– Принеси маленький кусочек.

Я продолжил передавать, что говорил Тин.

– Ванда Павловна, Тин одним предложением сказал: «М-2 женщина, В Новониколаевск приедет двадцать четвёртого».

– У нас с тобой, Серёжа, чуть больше суток, чтобы встретить неизвестную М-2.

– Дальше Тин перечислил имена, – продолжал я. – Он назвал: Ян, Андрей, Сергей, добавил: и Анюта знают её.

– Загадка. Ян только ночью должен вернуться из Минусинска, если у него всё получится. Андрей в Омске. Надеяться на него, что он узнает женщину, нет уверенности. Он болен. Серё-

жа, Дедушка Хо называет следующим тебя. У меня сомнения. Ты не был ни во Владивостоке, ни в Харбине. В Чите днём не выходил из хазки. А может быть, тайно с кем познакомился?

– Не шутите, Ванда Павловна. На кухне Ксюша. Она всё слышит.

– По пути я запрещаю тебе выходить из вагона...

– Ванда Павловна, а не та ли женщина в шапочке с брошкой из разноцветных камней, которая посматривала на меня на станции Мацевской?

– Вот и я подозреваю, что это она.

– Дедушка Хо написал и имя – Анюта...

– Сколько я за свою жизнь знала женщин?! Серёжа, остановимся на твоей красавице. Что ещё сказал Тин?

– Зубов болен. Тиф. Но я, Ванда Павловна, этому сообщению не верю. Мы вчера с Петром Васильевичем допрашивали его. Он здоров.

– Серёжа, ты не будешь возражать, если я у тебя отдохну часа два-три? Продумаю кое-что. А ты иди к Петру Васильевичу. Поднимай его, в каком бы состоянии он ни был. Ищите монаха Иеронима. Он мне очень нужен. Документы, которые Пётр Васильевич изъясил у полковника Ондо, переписывал Иероним. В тех документах есть и «Донесение М-2». По запросу Москвы документы, привезённые Иеронимом, Иван Петрович отправил в ВЧК. А копии, снятые Иеронимом и Козловым, – одна в Харбине, другая отправлена в Шанхай. Понимаешь, мне очень недостаёт сейчас и здесь Иеронима. Я его знаю давно. У него уникальная память. Он восстановит в памяти всё донесение М-2. Ксения Ивановна! – крикнула Ванда Павловна. – Что ты такая невнимательная? Кусочек селёдки принесла, а стаканчик водки забыла? У меня голова трещит, а думать надо!

Из уголовного дела 161/15.

Протокол от 22 июня 1921 года,

г. Новониколаевск

«Следователь: Гражданин Зубов, расскажите о себе для протокола.

Зубов: Я, Зубов Аркадий Григорьевич, родился четырнадцатого

августа тысяча восемьсот девяносто третьего года в городе Рогачёв Могилёвской губернии.

Отец, Зубов Григорий Яковлевич, в первые годы двадцатого века переехал в город Харбин. Коммерсант. Я участник мировой войны. После ранения и свершения Февральской революции вернулся с германского фронта в Харбин, где жил с отцом.

В восемнадцатом году был мобилизован Хорватом в охранную стражу. Но через месяц освобождён. Жил на иждивении родителей, изучал английский и японский языки.

После свержения Розанова в Приморье приехал в Никольск с выселенными за пределы Маньчжурии ответственными партийными работниками.

Из Никольска выехал во Владивосток, где стал работать в Объединённом оперативном штабе революционных войск. Затем секретарём Лазо. Ездил с ним в Хабаровск. В Хабаровске был назначен председателем следственной комиссии и начальником контрразведки. Затем, по приказу, выехал в распоряжение Военсовета в город Владивосток.

Во Владивостоке работал в Военконтроле, а затем, после японского переворота, в апреле двадцатого года работал инспектором областной милиции, а затем секретарём председателя Японо-русской соглашательной комиссии.

В первых числах сентября двадцатого года на несколько дней ездил в Харбин к родителям.

Из Харбина выехал с группой студентов, отправляющихся в Советскую Россию. С ними приехал в Читу, где тогда ещё правил Семёнов.

Двадцать второго октября двадцатого года частями Народно-революционной армии была взята Чита. По взятии Читы командирован штабом партизанских отрядов (Южный Акинский тракт) в город Читу в штаб командующего войсками для информации.

Также был назначен в распоряжение начальника дивизии Попова, вместе с которым выехал в командировку в Иркутск.

В феврале двадцать первого года распоряжением начальника политотдела Облжсeldора был переведён в Военпур. Там и работал до середины июня этого года инструктором инспекторского отдела. В мае месяце сего года получил командировку на учёбу в Москву на курсы красных командиров.

Следователь: Гражданин Зубов, расскажите о семье.

Зубов: Отец мой, Григорий Яковлевич, из мещан Могилёвской

губернии. Окончил московскую гимназию. Там, в Москве, повенчался с будущей моей матерью Варварой Константиновной Саркуевой. Её родители – московские дворяне. У родителей имеется дочь, имя её Зоя. Моя жена Вера убита семёновцами в восемнадцатом году.

Следователь: Где живёт сестра Зоя?

Зубов: После окончания Московского медицинского института вышла замуж за лейтенанта морского ведомства Алфея Иноева и проживает в Москве.

Следователь: Зоя Григорьевна имеет детей?

Зубов: Имеет сына Григория. Он родился в девятьсот восьмом году, двадцатого апреля.

Следователь: Где?

Зубов: В Москве.

Следователь: Где сейчас проживает Григорий Алфеевич?

Зубов: Ах вот что вас интересует! Он живёт в Москве у родителей Алфея Иноева.

Следователь: Когда вы, гражданин Зубов, в последний раз встречались с сестрой и где?

Зубов: В декабре семнадцатого, после демобилизации из армии. Несколько дней гостевал в доме Иноевых в Москве.

Следователь: У нас имеются свидетельские показания что вы, гражданин Зубов, встречались с сестрой и шурином первого июня двадцать первого года в городе Владивостоке.

Зубов: Гражданин следователь, повторите ещё раз ваше имя и отчество.

Следователь: Сергей Александрович.

Зубов: Никаких свидетельских показаний у вас нет. Это ваша выдумка. Моя сестра Зоя Григорьевна действительно в настоящее время проживает в Москве.

Следователь: Гражданин Зубов, вы вынуждаете меня уличить вас во лжи. В Иркутске при проверке документов вы находились в пятом вагоне, а сестра Зоя в третьем. На станции Кача вы договорились с пассажиром из третьего вагона и поменялись местами. До станции Боготол вы ехали в одном вагоне, в одном купе.

Зубов: Гражданин следователь, у меня очень болит печень.

Следователь /в сторону конвоира/: – Пригласите врача.»

Глава двенадцатая

Четверг, 23 июня 1921 г.

В двенадцать часов дня я был в доме учителей Козловых. Жена умершего Николая Козлова Степанида набросилась на меня:

– Серёжа, что за нравственность! Что этот старый вор придумал? В дом привёл женщину. Представил её врачом, а она его лечит, по комнате, где он лежит, ходит в одной рубашке.

– Степанида, успокойся. Ванда Павловна им разрешила...

– Ты что говоришь? Ещё большевик! А Ванда Павловна мне подруженька! Вы что, с этой революцией с ума посходили? Серёжа, скажи этой врачихе, чтобы она Петю только лечила, а не гладила, не целовала. А лучше пересели её из нашего дома. Как я буду оправдываться перед Вандочкой?

Входная дверь резко открылась. На пороге стояла Ванда Павловна.

– За что это ты, Степанида, собираешься оправдываться?

– А там, там... В гостевой спальне... Петя с врачом...

– Голубки, – крикнула Ванда Павловна, – быстро выходите! Зоя сбежала от чекистов на станции Боготол. Не время лечиться. А ты, Степанида, не брюзжи. Мы с Петей разошлись. Я его поменяла на работу, а он меня на регентшу.

– Ванда, что плетёшь? – в расстроенных чувствах произнесла Степанида.

В зал вошли Пётр Васильевич и Серафима Власовна. Серафима Власовна заявила:

– Я как врач запрещаю Петру Васильевичу ходить. От резких движений руками, наклонов шов может разойтись...

Ванда Павловна, не обращая внимания на слова Серафимы Власовны, говорила:

– Петя, у меня большая неприятность! Работники, которым я поручила сопровождение Кэт и липового Аркадия, оказались непрофессионалами. Отравлены не Кэт и липовый Прохоров. Ачинские сотрудники признали в женщине знаменитую Енисейскую проститутку Веронику, а в мужчине бывшего

надзирателя Владимирского централа Петрова по кличке Бульдог. Где Кэт?! Где липовый Прохоров?! Где Кэп-Найф?! Где хозяйка Краснофала?!

– Что ты кричишь, Ванда? У меня всё в ажуре. Каждый из завербованных «Иванов» – под пристальным надзором. Тебе что, мало? На нарах сидят вор Гурвич, штабс-капитан Прохоров, вор Левый.

– Петя, не до шуток! Нужно срочно найти Иеронима. Он, только он вступал в контакт с Кэт. Меня меньше беспокоит хозяйка, больше Кэт. Найдёте Иеронима, немедленно отправляйте ко мне. Долго ли главарям заговора найти десяток уголовников, обеспечить деньгами, поставить цель... У нас есть описание Зои, её фото. Но Кэт и липового Аркадия никто не знает. Эта сучка, Зойка, подсунула липовых, и мы клюнули. Петя, почему отравили Кэт и липового в Ачинске? Кто отравил? А возможно, в том же вагоне ехала настоящая Кэт, но мы не знаем, как она выглядит. Возможно, мои работники сидели рядом с ней. Я прихожу к выводу, что Кэт не просто почтальон. Ну что ты молчишь?

Я вмешался в разговор:

– Ванда Павловна, я вчера на улице Инской встретился с Огоньком. Он мне рассказывал, что встречал Кэт в городе с мужчиной. Кэт испугалась встречи с Огоньком, а липовый бросился на него с финкой. Они от него убежали.

Козлов ударил в ладоши:

– Ну, трепушка Огонёк, молодец! Да, я его отправлял проводить Иеронима из Харбина. Запомнил он Кэт. Это хорошо. А ты что ж, военный следователь, нам не рассказал об этой встрече?

– Я подумал, что Огонёк ошибся, фантазирует...

– Запомни, Сергей, вор только перед прокурором да лагерным начальством фантазирует, а в бытовом общении правдив, как ангел.

* * *

Мы вошли в храм Александра Невского.

– Помнишь, где я стоял в Крестовоздвиженском храме в

Нарыме? – спросил Пётр Васильевич у Серафимы Власовны.

– Всегда по левой стороне.

– Вот и сейчас я пойду и встану, а ты поднимись на клирос и помоги певцам.

– Ты шутишь, Петя?

– Нет, дорогая моя, я хочу этого. Я много лет мечтал...

– Смешно, я уже не помню когда пела.

– Пожалуйста, Серафимушка, пожалуйста...

– Если б я знала! И Михайлова хороша! Разыграла трагедию. Все у неё разбежались! Иеронима нужно найти. А где твой монах?

– Пока я его не вижу, но уверен, придёт. Мы договаривались с ним встретиться здесь.

– Ладно, я поднимусь на клирос, но ты стой на месте, чтобы я видела и не волновалась.

– Даю слово.

Серафима поднялась на клирос, и сразу же из двух десятков голосов различили красивый голос. И Козлов вздохнул всей грудью. Я был очарован голосом.

Прихожане, услышав необыкновенный по красоте голос, повернулись к клиросу, а в святом алтаре, в щёлке между двумя створками дверей я увидел глаз, он тут же исчез. Ворота распахнулись, вышел благочинный Николай. Мы с ним были знакомы. Он, взмахнув руками, с радостью крикнул:

– Се-ра-фи-ма, ду-шень-ка!..

Он подошёл к лестнице, которая вела вверх, к клиросу, но тут ему перегородил дорогу Пётр Васильевич:

– Ваше высокоблагословление, не мешайте петь Серафиме, дайте дослушать!

Священник впился глазами в Козлова:

– Им-пе-ра-тор? Вы?

– Не кричите и не удивляйтесь. Дайте послушать.

Благочинный подал руку Петру Васильевичу и наклонившись шёпотом произнёс:

– С трепетной радостью буду ждать вас с Серафимой Власовной в моих апартаментах.

– Месяца через два, не раньше. А сейчас, благочинный, отойдите, у меня здесь дело.

– Если окаянного монаха Иеронима ждёте, то не дождётесь.

– Где он?

– В храме не могу об этом разбойнике говорить.

– Он жив?

– Живой.

– Ну, слава Богу. Я вас подожду в саду, – произнёс Козлов.

– После окончания службы.

– Сейчас, отец Николай! Иначе разнесу храм!

Серафима, не найдя Петра Васильевича на том месте, где оставила, обежала взглядом весь храм и расстроившись стала спускаться по лестнице. Увидев и узнав Никольского, она вежливо поздоровалась. Благочинный протянул ей руку. Пётр Васильевич легко опустил её своей рукой и резко сказал:

– Благочинный, не надо. Мы вас ждём в саду.

В саду они сели на скамейку. Серафима посчитала пульс и недовольная покачала головой:

– Сейчас же пойдём домой.

– А что так?

– Пульс участился.

– Не выдумывай, Серафимушка, пульс у меня в норме. Ещё раз пощупай, убедись.

Она взяла его руку, прижала к щеке.

– Какой же ты Император, если пятнадцать лет не мог меня найти?

– А зачем я тебя бы искал, сама сбежала.

– Так и не искал?

– Нет.

– Бессовестный, как ты можешь мне врать? А что ты делал во Франции в Сорбонском университете в феврале седьмого года в морге, где лежал труп старика?

– Хватит. Значит, девичья фамилия твоей матери Данеева. Вот ты меня не искала, это точно.

– Ничего не точно. Я стала искать тебя, как только Иван Яковлевич Жулин рассказал мне всю правду и про Базина, и про Алфея. Я в Чите оказалась неслучайно. Когда я обратилась

за помощью к Ивану Яковлевичу, он через Дзержинского узнал, что ты на Дальнем Востоке. Они не сказали, где именно. Но пообещали: если я буду жить в Чите, то устроят со мной встречу. А встреча вот как получилась!

– Ну, голубочки, нашли всё-таки друг друга. Ну, здравствуйте!

Благочинный обнял и расцеловал в щёки Петра Васильевича, а потом Серафиму.

– Я буду с вами разговаривать, Пётр Васильевич, только тогда, когда получу от Серафимы Власовны добро на регентство всего на одно богослужение. Через два дня в нашем храме проведёт службу его преосвященство. Я хотел бы удивить его. Он большой ценитель душевного церковного пения.

– Где монах Иероним? – резко спросил Император.

– Да ничего с ним не случилось. Отмаливает свои старые грехи.

– Какие ещё старые грехи? Здесь раньше он не был.

– Это вы так думаете, а вот протоиерей Ропов, бывший настоятель Казанской церкви, по-другому. В девятьсот одиннадцатом году в ночь на четырнадцатое сентября ваш монах совершил кражу в Богородицы Казанской церкви. Когда он погнул решётку и вынул раму в правом приделе, протоиерея мучила зубная боль, и он проходил мимо. Услышав шум, он подошёл к храму. В это время монах откинул крючок у первой наружной двери. Тут его протоиерей и застал. Тут и получил настоятель удар по голове,

Храм Казанской Божьей Матери в Закаменском районе, г. Новониколаевск

отчего потерял сознание. Монах проник в святой алтарь, отсюда в ризницу. Отперев отмычкой дверцы шкафа, он взял братскую шкатулку с деньгами и вынес. Обчистив шкатулку, он её положил перед протоиереем, а сам исчез.

На Троицу девятнадцатого июня протоиерей Василий (Ропов) вёл вместе со мной службу, сейчас он по состоянию здоровья за штатом, и вдруг побледнел и говорит, что в храме тот разбойник, кто его храм в одиннадцатом году обворовал. После службы за ним проследили и взяли. Покаялся он, разбойник, перед братией, а что нам оставалось делать? Простили мы ему его грех, но наложили епитимию: два месяца без пропусков грехи отмаливать.

— Так почему я его не вижу?

— А почему он будет здесь? Где воровал, там и кается. В Богородицы Казанской церкви он.

— Спасибо. Мы пошли.

— Да постой же ты, окаянный. Ты же не сказал мне: отпустишь на день Серафиму Власовну в храм?

— Отпущу, и сам приду, и сына приведу, и монах Иероним будет со мной, и «Иванов» с десятком захвачу. Я из твоего храма сделаю прокатную базу.

— Сына завёл, а ума нет. Мне наш владыка Григорий предлагает в храме Дом безбожника сотворить.

— Что?

— А вот то.

— Он случайно не большевик?

— Богом клянусь, большевик, и от нас всех требует, чтобы мы в партию вступили.

— Много ты потерял, отец Николай, много... Надо бы тебе вступить в партию большевиков ещё в Нарыме.

— Разбойник ты, Император, но как устроишься, приходи, посидим за картишками. Есть милые партнёры. Некоторые члены ревкома неплохо в мизере разбираются.

— Он же большевик!

— Тебе какая разница, чьи карманы чистить?

— На советские играть отказываюсь.

– А мы на них и не играем. Мы на фантики.
– После обговорим. Мы пошли. Всего тебе, благочинный.
– А куда вы пошли?
– К Казанской церкви, к Иерониму.
– Его там нет.
– Что ты мне... А где он?
– На даче братии картошку пропалывает.
– Ну, Николай, и эксплуататор же ты!
– Ошибаешься, Петя. Я его к своей даче на пушечный выстрел не подпущу.

* * *

Прибыли мы на дачу православной общины. Иероним с недоверием осмотрел меня, не протянул руку к благочинному для благословения, к Императору подкатился и с возмущением заговорил:

– Да чтоб они провалились с этой епитимией и с дачей. Что учудили, прохвосты! Все мои документы отобрали, а в городе военное положение, на каждом углу документы требуют. К Марии телеграмму отправил, так они – гады, прохвосты, дурман и опиум пролетариата! – перехватили телеграмму. Под арестом я нахожусь! Им клятвенно обещал: отпустите, в десять раз больше принесу, чем взял у этой Богородицы Казанской... Предупреждал тебя ещё в Харбине: увидят, поймают – уничтожат.

– Но ты же живой, Иероним. Спасибо, что выполнил мою просьбу. Познакомься, моя жена Серафима Власовна.

Монах посмотрел на Серафиму оценивающе и спросил:

– Поёте?

– Пою, – ответила Серафима.

– Это пройдёт. Рыдать будете.

– Я уже рыдала.

– И что, опять поёте?

– Пою.

– Тогда по мне. Монах Иероним, в быту, Иоанн Гаврилович Плетнёв.

– Серафима Власовна Морозова.

Иероним закричал:

– Освободите меня из плена народных эксплуататоров! Дайте волю простому труженнику России! Волю!

– Не ори, Иероним, вмешался благочинный. Откуда бомбу взял, что подложил под пол в зале?

– Так и знал: не верующие вы, а шпионы, нутром чуял: есть ещё где-то точка наблюдения. И не ошибся. Поторапливайся, благочинный, скоро дачу братии разнесёт в щепки. Документы – на стол. Не то...

Монах посмотрел на часы.

– Пётр Васильевич, Серафима Власовна и вы... Кто вы? – Он посмотрел на меня. – Пойдёмте.

Мы отошли шагов на двадцать от дачи. Иероним поторапливал нас:

– Пройдёмте подальше. Ещё. Ещё.

– Куда ты нас ведёшь? – спросил Император.

– Дело тут такое, Пётр Васильевич... Нет-нет, Серафима Власовна, не садитесь на эту скамейку, надо бы ещё метров на двадцать в сторонку. А который час?

– Иероним, твои условия? – спросил отец Николай.

– Значит, я не ошибся. И с потолка следили! Шпионы! Как я вас ненавижу! Документы мои вернуть! Сто рублей золотом вернуть!

– Эта дача не стоит столько.

– Вопрос, благочинный, не в ста рублях, а в будущем следствии. Откуда взяли то, другое... Я тут ни при чём...

– Документы и сто рублей золотом. Получите! – произнёс благочинный.

– Деньги отдадите Петру Васильевичу и документы. Я побежал, а то осталось чуть больше пяти минут!

Монах побежал к даче.

– За что такая роскошь, благочинный? – спросил Император.

– Сукин сын откуда-то взял бомбу и подсунул под пол в зале.

Монах выскочил, держа в руках чёрный квадратный предмет. Он подошёл и протянул благочинному:

– Вот она, бомба. Держите. Всё в порядке.

И тут сильный взрыв оглушил нас. Серафима упала. Пётр Васильевич подбежал к ней:

– Жива, дорогая?

– Жива, жива, просто от грохота упала.

Поднялись монах и благочинный. Монах, потирая ушибленную ногу, протянул:

– Ну и ну! Знать, не только я бомбу подкладывал, а ещё кто-то? Моя вот, целенькая.

– Благочинный, извини нас, но мы не должны здесь быть. Подъедет милиция – и начнётся. И вам не советую здесь оставаться. Быстро в лес, а там что-нибудь придумаем, – предложил Козлов.

Он углубился в бор. Серафима остановилась.

– А в доме кто-то ещё был?

Благочинный ответил:

– Нет. Сторож отпросился в город, как только я ему сказал, что в двенадцать часов будут у меня здесь гости.

– Сказал, кто будет? – спросил Пётр Васильевич.

– Да, сказал. Старый друг монаха и его жена.

Выйдя на дорогу, мы наняли извозчика и отправили благочинного в город. Я предложил Козлову и монаха отправить с ним. Ванда Павловна ждёт Иеронима. Но Козлов воспротивился.

– Кое-что выясним, тогда и отпустим, – А в сторону благочинного предложил: – В ваших интересах, отец Николай, молчать, что мы были с вами. Ещё будут говорить: благочинный с разбойниками связан. А я по старой дружбе вас очень уважаю.

– А что мы будем делать? – спросил я у Петра Васильевича.

– Вернёмся на дачу.

– Мне тоже интересно вернуться на дачу, – подал голос Иероним. – Дело приобретает скверный характер. Бомбу подложил не сторож, а тот, кто за мной следил с потолка, но кто он был и зачем ему нужна моя жизнь?

– До пристани далеко? – спросил Пётр Васильевич.

– Напрямую, лесом, с версту будет, – ответил Иероним.

И тут Император приказал:

– Быстро на пристань! Едем в город! Серёжа, Кэп-Найф начинает и против нас действовать!

* * *

На пароходе пассажиров было немного. Мы прошли на корму. Козлов спросил монаха:

— Иероним, ты много дней бродил по улицам Новониколаевска?

— Только два дня.

— Вспомни, что ты говорил, когда тебя схватили верующие.

— Вначале отрицал всё, а потом сознался.

— Это было после того как отдал Библию в ЧК?

— Конечно. Я как приехал, нанял извозчика — и на Николаевский проспект. Часа два ждал, пока Иван Петрович появится. Он на заседании Сиббюро был. Он пригласил меня в кабинет. Я рассказал ему всё. Привет передал от вас, разрезал обложку Библии и передал картотеку. Он мне предложил свои услуги в документах, деньгах, пропуске, но я отказался и ушёл.

— Кто был в кабинете, когда ты беседовал с Павлуновским?

— Один мужик дважды заходил, чтобы что-то подписать, и больше никто.

— Ты узнал бы его?

— Обязательно.

— Он заходил, когда Библия была у тебя?

— Нет. Она лежала слева от Ивана Петровича, а под ней листы.

— Мог ли прочитать мужчина, на верхнем листке что написано?

— Сомневаюсь! Первый раз, когда он вошёл, пристально посмотрел на меня, я это заметил и сдвинул Библию к себе так, что листы закрыл. Второй раз он вошёл, когда Иван Петрович расписывался в каких-то документах. Тот мужчина надел очки и опять посмотрел на Библию.

— Тебя он, конечно, запомнил?

— О, ещё как! Я когда вышел из кабинета, он меня провожал до парадной двери и всё благодарил за работу.

— Разве ему Иван Петрович что-нибудь говорил, о том, что ты привёз?

— Нет. Он при мне вызвал начальника регистрационного отдела и передал ему, строго предупредив о секретности.

- Ты вышел из здания ЧК и куда пошёл?
- Пётр Васильевич, а справа нас кто-то внимательно осматривает, – проговорил Иероним.
- Я тоже чувствую. Серафима, поднимись и подойди к правому борту, – предложил Император, – запомни того, кто нас осматривает. Вообще всех, кто едет. Так куда ты пошёл?
- Император повторил свой вопрос Иерониму.
- Я нанял извозчика и поехал на Телеграфную. На почтамте дал телеграмму Марии, что, если она меня ещё по-прежнему любит, то жду в Новониколаевске двадцатого июня в соборе Александра Невского.
- Это об этой телеграмме ты говорил, что изъяли?
- Нет, Пётр Васильевич, о другой телеграмме. Когда они меня поймали и немного побили, привезли сюда, на дачу. Охраняли они меня крепко. Но одно дело – охрана, а другое – слежка. Я быстро заметил, что за мной следят, и чтобы убедиться, что их интересует не монах-разбойник, а кто-то другой, состряпал телеграмму ложную и через одного беспризорника отправил. Через день в беседе со мной сторож сказал: «Будь его воля, он бы меня на первом суку повесил вместе с Марией».
- Вернёмся к тому моменту, когда тебя били. Ты ругался?
- Нет.
- Угрожал?
- Прости, Пётр Васильевич, угрожал.
- Восстанови все свои слова.
- Что восстанавливать? Когда они мне морду расквасили, я им крикнул: «Подождите, вернётся Император! Ох, и попляшете вы!»
- Ясно. Утопить тебя мало, зараза монастырская! Трепач карцерный... Сергей, что будем делать?
- Работать, – ответил я.
- Иероним, набей морду тому негодяю, который всю спину мне продырявил.
- Иду с превеликим желанием исполнять ваш приказ, – ответил Иероним.
- Перестаньте, – возмутился я, – вы что? Не хватает нам ещё и драку устраивать!

– А что он, падла нахальная... – возмущённо говорил Козлов.

Серафима села рядом с Петром Васильевичем. Наклонила голову ему на плечо, произнесла:

– Я того мужика, что смотрит на нас, уже где-то встречала. Давно, но встречала.

– Так что он, падла, на нас смотрит, а не на тебя? Иди, монах, пройдишь.

Монах прошёлся по пароходу, спустился вниз, вернулся назад.

– По виду из «Иванов», но мне не знаком. Не встречались.

– Зови!

– Не стоит, Пётр Васильевич, – сказал я.

– Нас, Сергей, целая армия. Весь пароход разнесём.

А Серафиме предложил:

– Серафимушка, поднимись к капитану и брось несколько тайных взглядов на того, кто желает просквозить нас.

* * *

Монах подошёл к мужику, который смотрел на воду, но руку держал в кармане. До нас донёсся голос Иеронима:

– Мужик, шпайку оставь в покое. Пойдём, с тобой патрон хочет поговорить.

– Ты, Иероним, давно знаешь патрона?

– Слушай, мужик, резона нет артачиться, глянь на капитанский мостик. Оттуда легко тебя продырявить.

Мужик посмотрел на капитанский мостик, где с капитаном мило беседовала о чём-то Серафима.

– Пошли, – махнув головой, произнёс мужик.

– Шпайку сбрось мне в левый карман.

– Я не легавый.

– Не щекоти нервы, ты мне чертовски надоел. Ну...

Я увидел, как мужик вытащил браунинг и опустил в карман монаха.

Они подошли. Мужик склонил голову и тихо произнёс:

– Здравствуй, Император!

Пётр Васильевич поднялся.

– Здравствуй, здравствуй, Вареник. – Подал ему руку. – Что-то ты мне всю спину пробуравил, а подойти не насмелился...

– Мне передавали...

– Так это было давно. Садись рядышком, поговорим.

– Я пойду пройдусь, Император, а вы спросите его, откуда он знает моё имя и меня, – проговорил Иероним. – По делам друг о друге, ясно, знаем, а видеться не приходилось.

Монах ушёл. Пётр Васильевич сел и потянул за собой Вареника.

– Что, молчать будем?

– Я лучше встану, – высказался Вареник.

– Сиди, – властным голосом произнёс Пётр Васильевич. – С кем работаешь?

– Есть всякая шантрапа.

– Сменил профессию?

– Нет. Всё по-старому.

– Откуда возвращаешься?

– Тут, на даче... На одно дело нанимали.

– Много дали?

– Мелочь. Да и дело гроша не стоит.

– Получилось дело-то?

– Да сам, видно, слышал, грохнуло ничего.

– Что, сам на это дело пошёл?

– Клиент настырный был.

– Почему был?

– Не люблю я свидетелей, он там остался.

– Уверен?

– Так я его жидкое тело на ту адскую машину и положил.

– Ты не крути головой и не смотри на моего друга. Этот мужик Мирзу заменил. Откуда имя Иеронима знаешь?

– Клиент показывал.

– Чем он в немилость попал к клиенту?

– Заверял, что монах чекистам продан.

– Когда он сказал тебе, чтобы машинку подложить?

– Договорённость была четыре дня назад. А сегодня в одиннадцать он подъехал ко мне на кошёвке и повёз.

– В какое время он подъехал?

- Я сказал: в одиннадцать.
- Вспомни точнее...
- Ну, без десяти или без пяти минут одиннадцать, точно не помню.
- За что же ты его-то?
- Так он, гад, меня провести решил. Чтобы я с этой самой бомбой и дачей на куски разлетелся.
- Ты знал, что я был там?
- Нет. То, что Иероним был там, я знал. Вас не видел. А вот Иеронима видел, когда он забежал в дом. Он выскочил, тогда я и взорвал её...
- Что за бомба?
- Не знаю, раньше с такими не работал. С виду маленькая, квадратная. Когда монах побежал в дачу, мы были уже там. Он мне сунул бомбу в руки, вставил взрыватель и сказал: «Я пойду, выйду из дома и спрячусь за сосну, как только махну тебе, ты положи бомбу – и бегом ко мне. Через пять минут она взорвётся». Я сообразил, если я отпущу взрыватель, она взорвётся. Я левой рукой держал бомбу, а правой достал пистолет и в упор в спину под лопатку выстрелил в него. Он упал. Я осторожно подложил под него бомбу с зажатым взрывателем и вышел. Я подумал, что монах услышал выстрел. Прибежит, перевернёт клиента – и готово! Но он выбежал с такой же чёрной штукой. Я пошёл проверить, а оказывается, бомба под клиентом целёхонькая. Тогда я тут же нашёл верёвку, привязал к ноге клиента и вышел на улицу за сосну. Потянул за верёвку – и дачу разнесло.
- Хазка есть?
- Есть в Буграх, рядом с храмом.
- Вареник, почему не взорвал бомбу, когда мы все были там?
- Так меня наняли на смерть монаха. А тут вижу: вы и благочинный...
- Мы с тобой, Вареник, последний раз встречались во Владивостоке. Я тебя приглашал в «Очко». Ты отказался. Заявил, что своё дело ведёшь. А как здесь оказался? Бросил своё дело? А где твоя красавица-моргалка Ленка?
- То, что предложили сейчас, дело прибыльное. Мы уже в

Закаменском районе домик приобрели. Думаем с Ленкой пожить в своё удовольствие.

– А хавира в Буграх, рядом с храмом?

– Это, Император, для встреч.

– Кто о ней знает из твоих дружков?

– Все.

– Мы последними пассажирами сели на пароход. Кто ещё садился?

– Только я один.

– Спрашивали о взрыве?

– Капитан спрашивал. Да я ему сказал, что всё время на пристани ждал пароход. Там недалеко воинская часть расположена, возможно, учение какое-нибудь.

Император повернулся ко мне:

– Сергей, бери монаха – и быстро к выходу.

Пароход причалил к Чернышевской пристани. Мы пошли, но я услышал, как Пётр Васильевич говорил:

– Тебе, Вареник, долго придётся сидеть бездела. По своей глупости попал ты в прескверную историю.

– Мы встречались с клиентом наедине, – ответил Вареник.

– Не думаю, – услышал я последние слова Козлова.

* * *

Мы с Иеронимом появились в доме Жернакова на улице Кабинетской (Советской), где находилась нелегальная квартира для оперативной работы ЧК. Ванда Павловна не скрывала радости от встречи с монахом. Она обняла его, посадила рядом с собой, велела принести чай. Мне предложила пройти в отдельную комнату и написать отчёт. Я уже выходил, когда она спросила меня, где я оставил Петра Васильевича. Я сказал, что Вареник повёл их в свою хазку. Козлов задумал от Вареника узнать, кого из воров Новониколаевска обработали в выполнении террористических планов.

В отчёте я писал:

Из архивного дела.

«Случай на даче благочинного утверждает меня в том, что нас ждали и подготовили взрыв с целью уничтожить нас. Пока

Вареник будет с Козловым, необходимо тщательно проверить присутствующих прихожан в соборе Александра Невского в те часы, когда мы были там. Установить наблюдение над работником ЧК, который приходил к Павлуновскому в тот день, когда Иероним передавал ему Библию. Проверить капитана судна. Выяснить, почему он причалил строго по расписанию, а отчалил с задержкой на двадцать минут? Откуда бомбы как у Вареника, так и у Иеронима? Кого заинтересовали слова монаха, когда его били прихожане возле собора Александра Невского: «Подождите, вернётся Император! Ох, и попляшете вы!» Кто был сторожем дачи и где он сейчас? С кем имел знакомства? Дайте в «Советской Сибири» заметку: «Угрозыск сообщает, что двадцать третьего июня неизвестные лица ограбили дачу православной братии и сожгли её. Граждан, знающих что-либо или видевших это, просим сообщить в Угрозыск. В обломках дачи найден обгоревший труп». Нужно срочно привезти Юрия Михайлова из города Читы. Во время колчаковщины он работал при контрразведке в Каинске, начальником сводного отдела в Новониколаевске, а потом в Бийске. Михайлова поместить в камеру, где находился Побирайко. Охрану за Михайловым в ночное время поручить Побирайко».

Я отдал отчёт Ванде Павловне. Она бегло прочитала и попросила:

– Вы, Сергей Александрович, много лет прожили в Новониколаевске, имеете друзей. Иеронима надо поселить недалеко от здания ЧК.

Я сразу же вспомнил Кондрата Смыкова, с которым мы несколько лет проработали грузчиками и одно время были организаторами забастовки.

– Есть, Ванда Павловна, рядом со Старо-Базарной площадью на Воронцовском спуске живёт хороший товарищ.

– Иван Гаврилович, – Михайлова впервые обратилась так к Иерониму, – идите с Сергеем Александровичем и живите там. Снимите бороду, усы, побрейте голову, попросите купить светский костюм. И больше чтобы я вас не видела в этом чёрном халате! Вы Иван Гаврилович Плетнёв. Когда оденетесь, гуляйте по городу, ходите в кино, прогуливайтесь по паркам. Тебя не надо предупреждать об осторожности и опасности. Но любого, кого ты встретишь из знакомых, запоминай. Знаком-

ства не заводи. Ищи Кэт и липового. По пути скажи Сергею Александровичу адрес Марии. А вы, Сергей, дайте телеграмму от имени Плетнёва, что срочно ждёте её на Воронцовской. Вам, Сергей, негоже прятаться. Я буду здесь. Если возникнет что-то срочное, звоните по номеру сто два.

* * *

В ЧК уже знали, что бомбой разнесена в пух и прах дача православной братии и что по чистой случайности погиб только сторож, а мог бы и сам благочинный.

У меня всё время крутились мысли над одним и тем же вопросом: кого хотели убить на даче благочинного? Иеронима? Но за что? И кто? Если за кражи из храмов в прошлом, то они наложили на него епитимию, посадили под домашний арест, отобрали более трёх миллионов рублей. Если за то, что он выполнил какое-то поручение Петра Васильевича, то кто об этом знал? Я не знал и не спрашивал Козлова. В разговоре Козлова с Иеронимом картотека не упоминалась. Он её передал в день приезда в Новониколаевск лично Ивану Петровичу. Решил поговорить с Иваном Петровичем и узнать, кто заходил к нему в кабинет, когда там был Иероним.

В четыре часа ко мне в кабинет вошёл уставший Иван Петрович и сел на диван.

— Чертовщина получается, да и только. Сейчас мне звонили из Уголрозыска, ими арестован сторож дачи. Он был переодет и ехал на вокзал. Его узнал благочинный и сообщил в милицию. Кого убил Вареник?

— Я немного погодя схожу, если вы не возражаете, в Уголрозыск и допрошу сторожа. А вас прошу, Иван Петрович, вспомнить, кто из сотрудников ЧК заходил к вам, когда у вас в кабинете был Иероним?

— Дважды заходил сотрудник Пантелеев. Работает у нас несколько месяцев, член партии с двадцатого года. Помню, он приносил документы на подпись. Грамотный, исполнительный, в оперативной работе показал себя хорошо. Жалоб нет.

— И все же прошу вас, дайте задание тщательно проверить его личное дело. Установить за ним слежку. Если вы не будете

возражать, то вне территории ЧК можно бы послать наблюдать за Пантелеевым грузчика порта Кондрата Смыкова. Опыта он не имеет, но предан нашему делу и умён.

— Поручайте. Как вы думаете, Сергей, кого всё-таки хотели убить на даче благочинного? И кто убил?

— Я думаю, что хотели убить нас всех. И в первую очередь Петра Васильевича. Для Монаха не нужна была бомба. Благочинному я верю. Он тут ни при чём. И никому он не говорил, что поедет на дачу. Узнали о том, что мы едем на дачу, в соборе. Значит, был человек, который ждал Петра Васильевича и хорошо знал его в лицо. Пётр Васильевич ещё в Харбине сбрил усы, бородку. За последние дни похудел. С Серафимой его в городе никто не видел. Ни с кем он в Новониколаевске в контакт не вступал. Из тех мужиков, с кем я работал в Чите, всем верю. О том, что в Чите искали Императора, знали все читинские жулики, но о том, что он остался жив — единицы. И все они у меня вне подозрения. Вареник не знал, что вместе с благочинным приехали и мы. Возле дачи вели разговор только Иероним и благочинный. Кого вместо сторожа убил Вареник? Не знаю. Сейчас пойду в Уголпрозыск. Надеюсь там кое-что выяснить. Волнуюсь за жизнь Козлова.

* * *

В Уголпрозыске шёл допрос сторожа. Он с первых дней строительства железнодорожного моста через Обь нанялся в разнорабочие, после строительства моста был путевым осматрщиком. Имел маленький домик на Зырянской улице. В 1915 году при осмотре состояния пути от 3330 км по 3335 км ревизором обнаружен один слабо забитый костыль. Осматрщика немедленно уволили. Так как он был набожным и часто посещал собор, настоятель храма Александра Невского Николай (Завадовский) предложил ему быть сторожем общинной дачи. На даче была отгорожена маленькая комната с отдельным входом, поставлена печь. Там он и жил со старухой. Когда на дачу привезли Иеронима, старуха уехала к себе на Зырянскую и больше не появлялась.

В день взрыва сторожа на даче не было. Он получил запи-

ску будто бы от благочинного, чтобы тот тайно от Иеронима приехал в город и отправился в Алексеевскую волость, договорился о заготовке дров для собора. Бумагу ему прочитал мужчина, по описанию очень похожий на Вареника. Старуха была возле милиции, и когда её пригласил следователь, подтвердила, что муж её приехал домой в двенадцатом часу и велел собрать всё необходимое на дорогу. Но вечером не поехал, так как пришёл друг, Михаил Козляков, и они ходили рыбачить на Каменскую мельницу. Старуха ничего не знала о взрыве, но сказала, что мужу посоветовали лучше всего закупить дрова в деревне Михайловке и найти там крестьянина Гордейко, который будет его ждать.

– Нехорошо, граждане, подвожу я человека. Он вот, поди, ждёт меня, а меня нет. И в обиде будет благочинный, протоирей Николай.

– Как же вы оставили, однако, монаха Иеронима без присмотра? – спросил я сторожа.

– Почему без присмотра? За ним смотрел верующий из Богородицы Казанской церкви Степан Каллистратович. Я ведь за монахом смотрел, чтобы он ничего не украл.

– Значит, вы оставили на даче двух человек?

– Я думаю, что, кроме монаха, вокруг дома крутились ещё двое. Степан Каллистратович жил днём постоянно на чердаке, а ночью спал в беседке. Часто утром он мне отдавал свежих язей, стерлядок. Я варил ему уху. Он очень любит рыбу. Сам он не ловил, это я точно знаю, а откуда брал рыбу? Этого третьего я ни разу не видел. Но то, что он был, я чувствовал. Мы с Иеронимом целыми днями в саду работали. А монах Иероним – наблюдательный человек, не зря все книги перечитал. И часто говорил мне: «Ферапонт, у тебя спина чешется?» – «Нет», – отвечал я ему. «А у меня чешется – опять басурман смотрит прямо под лопатку».

Я-то знал, что Степан Каллистратович на чердаке. Значит, кто-то другой ещё был.

Сторожа Ферапонта оставили в камере Уголпрозыска, мы с начальником договорились, что завтра вместе со сторожем

отправятся двое милиционеров в деревню Михайловку и допросят крестьянина Гордейко.

* * *

В это время, как мне потом рассказал Пётр Васильевич, в Буграх на хазку Вареника пожаловали трое сотрудников милиции и застали Козлова спящим на тахте. Случилось так, что через два часа после моего ухода из милиции привели туда же, в кабинет к начальнику Уголрозыска, Козлова. За хазкой Вареника была установлена слежка, и милиционер, который следил, увидел, как зашла группа, отправился сообщить. Он съездил за подмогой, но арестовали только Козлова.

На том же пароходе, на котором мы ехали с дачи, перевезли Козлова с левого берега на правый и доставили в милицию.

Я на минуту забежал в ЧК, чтобы потом сходить к Смыкову и узнать, как монах, но тут меня вызвал Иван Петрович и приказал срочно ехать в милицию, освободить из-под ареста Петра Васильевича.

Когда я вошёл в кабинет начальника Уголрозыска, он допрашивал Козлова. Пётр Васильевич повернулся ко мне, подмигнул и попросил:

– Гражданин начальник, просьба есть. Мне бы от сердца что выпить, ноет, будь оно проклято.

– Такому старому, седому и больному надо бы дома сидеть, а не грабежами заниматься! – спокойно проговорил начальник городской милиции Донат Нестерович Павловский.

Я достал склянку, подошёл к Петру Васильевичу и вытянул пробку. Он протянул мне ладонь. Высыпав в рот порошок, запил водой, отклонился на стул.

– Случайность, Чёрт. – Он произнёс слово «чёрт» с выражением и обращением, будто к конкретному чёрту. – Но лучшего не придумаешь. Сколько людей поглядели на старого вора – кошмар.

– Заговорил – значит, лучше стало. А вот и давай, говори, кто ты есть? – обратился к Петру Васильевичу начальник. – А то всё плохо, плохо. Знаем мы вас, симулянтов.

– Не могу я сейчас, гражданин начальник, действительно плохо мне.

– Прикажете его отвести в камеру к сторожу, – посоветовал я начальнику, – а я там с ними поговорю.

– Сергей Александрович, они по разному делу, – сказал Донат Нестерович. – Сторож-то за взрыв, а этот, потому как в хате разбойника Вареника был. Докладывали, там была и женщина. Да вот сбежала. Одного только взяли.

Я зашёл в камеру, где сидели Козлов и сторож. Пётр Васильевич, недовольный моим появлением, приказным голосом проговорил:

– Чёрт, поспеши на улицу Белинского. Серафима там. Заставь её вспомнить всех, кто мог видеть нас в саду возле храма, когда мы общались с благочинным.

* * *

Серафима вспомнила наш разговор в саду храма и о том, что мы поедем на дачу:

– На одной скамейке сидели трое. В центре протоиерей, слева вы, справа Петя. Я сидела на скамейке напротив. Если кто проходил за мной, вы обязательно бы увидели. Рядом с нами никого не было. Только однажды прошёл мимо нас прихожанин, посмотрел на меня с лёгким недоумением и, не останавливаясь, исчез. Но куда он исчез? Почему я его не видела потом? Если бы он спустился в сторону железнодорожного полотна, я бы его видела. Пойди он в калитку, в сторону базара на Вознесенскую улицу, и тут он был бы как на ладони. Значит, он спрятался за какой-то сосной. Как он выглядел? Почему я на него посмотрела? Почему я уловила его лёгкое недоумение? Как оно выразалось, это недоумение? Лёгкое недоумение появилось у него, когда наши взгляды встретились, а до этого он шёл с некоторой улыбкой. А если точнее, то улыбка выражала определённую радость. Чему радовался прохожий? И почему резко изменился взгляд? Вспомнила. Я тогда сравнила его нижнюю губу с губой нашего врача в Чите – Феликса. Нижняя губа у него была сосулькой. И ещё что-то необычное бросилось мне в глаза. Одежда? Нет. Причёска? Да, причёска. Соломенная чёлка покрывала полностью лоб и

брови. Он, только он, мог услышать разговор. Остаётся выяснить, почему он на меня посмотрел с недоумением...

Броского на мне ничего не было. Сидела я спокойно и только изредка посматривала на Петю. Где-то мы с ним встречались? Определённо встречались! Его лёгкое недоумение появилось от того, что он не ожидал увидеть меня. Тогда получается, что Петю и тебя, Сергей, он ждал. Больше ничего не помню.

Я человека по описанию Серафимы Власовны встречал. Это было в поезде. Пётр Васильевич назвал его Валуном. Его чёлка прикрывала лоб и брови. И нижняя губа сосулькой. Тогда Пётр Васильевич велел липовых контролёров сбросить перед мостом через Онон.

* * *

Утром, вернувшись в ЧК, я вызвал на допрос Побирайко. Спросил:

— Как отдыхается?

— Прескверно. Вчера вечером Тюменцев возле дверей камеры номер пять ударил Зубова и с силой швырнул его в камеру, так что он упал. Никто из них и словом не обмолвился. Но необычно то, что после того как Тюменцев закрыл на камере замок, долго ползал по полу и что-то искал. Во время отсутствия Зубова я нашёл в камере записку. Переписал её. Вот вам копия. Это по вашей части, Сергей Александрович.

Я взял клочок бумаги и увидел столбиком китайские цифры. Побирайко увели в камеру, а я долго возился с цифрами, вспоминая, как в Чите промаялся с расшифровкой донесения Прохорова полковнику Окадо. Часа через три я положил на стол Ивана Петровича расшифрованный текст: клиент информировал Зубова, что «Всё идёт по плану. Через двое суток, как только появится М-2, Тюменцев с официальной бумагой препроводит Зубова из здания ЧК к Воронцовскому спуску. Там Зубов сядет на пролётку, его отвезут по Телеграфной в Плющиху, в дом агента Байкала».

— Что будем делать с Тюменцевым? — спросил Иван Петрович. — Мне он чертовски надоел.

Я предложил никаких мер не принимать, пока не раскроем и не арестуем всех, кто связан с заговором.

Иероним прогуливался по многим улицам Новониколаевска и на перекрёстке Обского проспекта (Комсомольского) и Красноярской встретился с главарём нахаловской шайки по кличке Матрос.

Матрос остановился и остановил монаха:

– Не поговорить ли нам кое о чём, Иероним?

– Я тебе, Матрос, никогда дороги не закрывал. Верно?

– Верно!

– А если верно, то посторонись.

– Мне передавали, что тебе слуги Бога помяли бока.

– Но, как видишь, я прекрасно выгляжу.

– Пойдём, посидим, дело есть.

– Посидеть не прочь, но времени нет.

– Ты когда в последний раз видел Императора?

– Сегодня.

– Где?

– На Николаевском проспекте трое милиционеров его связанного вели.

– Куда?

– Из милиции в ЧК.

– И ты думаешь, что он сейчас там?

– Уверен.

– Пойдём, посмотрим.

– Пойдём.

– И ни...

– Слушай, Матрос, я ведь его школу прошёл.

Они подошли к зданию ЧК.

– Войдём? – предложил Иероним.

– Ты что, сдурел?

– Ничуть. Сынок я ему. Да и ты почти что... А родственникам разрешается. Иероним подошёл к часовым.

– Здесь, начальник, наш родственник Пётр Васильевич Козлов, мы с Матросом хотим повидать его.

– Сейчас как раз время приёма, но я должен разрешение спросить. Как о вас доложить?

– Монах и Матрос из Нахаловки, – ответил Иероним.

Спустя несколько минут вернулся часовой и крикнул:

– Варфоломей, пропускай их, им разрешают.

Матрос в нерешительности стоял. Монах посмотрел на него с ехидцей и прищурился:

– Смелей, брат, радость какая – отца родненького посмотрим.

И пошёл первым. На втором этаже их встретил я.

– Вы, граждане, на свидание с гражданином Козловым?

– Да, – ответил монах, – если можно.

– Идите за мной. Только извините, простая формальность, на время оружие передайте мне.

Монах расстегнул костюм и из-под ремня вытащил два револьвера.

Я передал револьверы часовому, но всё так же в упор смотрел на Иеронима.

–Что?

– Финку из-под мышки достаньте, пожалуйста.

– Так это разве оружие? – ухмыльнулся Иероним.

– Вы, брат Матрос? – обратился я к главе Нахаловской шайки.

Матрос медленно, нехотя достал браунинг из кармана брюк и финку из голенища.

– Проходите, мы гражданина Козлова сейчас приведём.

Монах с Матросом вошли в просторный кабинет, где по центру стоял стол, с левой стороны диван, а справа ряд стульев. Я оставил их вдвоём.

– Плакали наши шпайки... – протянул Матрос.

– Не скажи, Матрос, у них такого закона нет – конфисковать, если сам пришёл. Ну, что мы стоим? Пойдём, сядем на диванчик.

– Николка Петербургский с Непомнящим и Бакалейщиком вчера совещание проводили, говорили, что Император легавым сдался, – тихо проговорил Матрос.

– Николка? Как? Он здесь, а не в Харбине?

– Он был не в Харбине, а в Чите.

– Матрос, ты меня исправляешь?! Не грызи!

– На совещании он сам говорил.

– Я точно знаю. Он сидел в тюрьме города Харбина. Его обвиняли в краже золота.

Дверь открылась. Вошёл Император, а следом двое часовых и я.

– Здорово, – Пётр Васильевич протянул руку Иерониму. – Как отдохнул?

– Да ничего. Вот, брата по пути встретил, – ответил монах.

– А, Матрос! Привет, сынок, привет...

Повернувшись в мою сторону, Козлов попросил:

– Часовых отпусти, начальник.

И, не дожидаясь, пока выйдут часовые, набросился на Иеронима:

– Ты что припёрся? Ты получил задание...

– Да я-то, я-то, вот он дорогу перекрыл и давай мне байку точить, что Император легавым сдался. И сказал ему об этом будто Непомнящий.

– Непомнящий? Так вот чья работа с бомбами! Где он? – спросил Козлов у Матроса.

– Не поинтересовался. Несколько дней назад он приходил с Николкой Петербургским, Бакалейщиком, Ситником, Костей Гутором.

* * *

Из архивного дела.

Вот о чём рассказал Матрос под запись стенографистки.

«В Нахаловке, на улице Нобеля, собрался бомонд новониколаевских главарей. Из приезжих были Николка Петербургский, Непомнящий, бакалейщик Сотников, Костя Гуторов, Вареник, Топтун, Фёдор Шастин, Байкал. Говорил Бакалейщик:

– Мы собрали вас всего по одному вопросу. Знаменитый вор по кличке Император, а раньше у него были клички Интеллигент, Владыка, Старик, перешёл к большевикам. У него большой опыт и большие знакомства. ЧК поручила ему вылавливать главарей и совершать самосуд. Так он предал всю шайку «Очко» во Владивостоке. Из шайки остался в живых только один Рябой, и тот под страхом смерти завязал. В Харбине честная компания под руководством всем вам известного Дувана, его любимого ученика, в полном

составе уничтожена. Остался в живых только Рамзес, который смог убежать в порт Дальний.

На всём пути от Владивостока до Новониколаевска трупы. В Чите он даже своих бывших близких друзей – Пашу Гогова, Костю Гуторова – велел уничтожить.

Костя кивал головой. Говорил:

– Чудом убежал... А Пашу Гогова зарезали на станции Беркульской.

Продолжил Бакалейщик:

– Пока остался один Орлик, который бежал в Сретенск. Так в Дальневосточной республике на всём его пути трупы... Надо с ним кончать. На днях он прибыл в Новониколаевск. У меня всё.

Потом говорил я, Матрос.

– Что-то не пойму, – заговорил я, – какой резон Бакалейщику лить слёзы о судьбе воров. Перешёл так перешёл, не он первый, не он последний.

Николка Петербургский перебил меня:

– Ты думаешь, что говоришь? Не он первый, не он последний! – крикнул Николка. – А я один, и он один! – показал на Непомнящего. – И я не желаю, чтобы мои кости гнили раньше старой рухляди с громким именем!

– Не кипятись, Николка, – заговорил Топтун, – Матрос прав. Какой интерес Бакалейщику о нас беспокоиться? Неувязочка получается. Ты что ж, думаешь, мы дурачок, и не знаем, кем ЧК занимается? Нами занимается Угрозыск, а если Император в ЧК, так он там белыми занимается. И то, что ты перечислил по дороге трупы, это ты сказку говоришь.

– Не сказку, среди нас находится тот, кто был очевидцем.

– Ты имеешь в виду Непомнящего? Так он с детства трепач.

– Матрос! – крикнул Непомнящий.

– Ну-ну, успокойся, иностранец, работал в Чите – там бы и оставался. А мы тут без тебя справляемся.

– Так я до вас приехал, чтобы предупредить вас, жизни ваши спасти.

– Мы Императора знаем десятки лет, каждый работал с ним и знает его. Ты лучше скажи, за что обиду держишь? Где-то он тебя в порядок привёл, а ты своё? Что молчишь, говори! Денька через два-три узнаем, но тебе несдобровать, за вонючку. Слово даю при всех, язык снесу твой трепотной, собака!

– Я так далеко мотанул не ради того, чтобы меня честные люди

сукой признали. Но пусть будет по-твоему, язык я сам себе снесу, если что трепанул лишнего. Первого июня во Владивостоке «Очко» существовало, в ночь на второе после встречи с ним на Светланке остались только Рябой и Чижик. Шестого июня Император был в хате у Дувана в Харбине. Утром седьмого его видели с ребятами Дувана на кладбище. После этого остался только Рамзес. Император был в Иркутске на Адмиралтейской, а двадцать первого исчезли Белуга и Гундосый. Всё.

Говорил я:

– Слушай, Непомнящий, а слово исчезнуть, как меня учили в гимназии, не одно и то же, что сказал Бакалейщик. Он напирал на слово «уничтожил», а ты «исчезли» «Исчезли» – это скрылись, не обязательно пропали. Правда, в иных положениях можно вместо «пропал» говорить погиб. Дело тёмное. Я в нём не участвую. Хата эта не моей территории, и, как любил говорить Император, аудиенции крышка».

– Я тоже в вашем деле не участник, – высказался Топтун.

– Своим отказом себе могилу роете, – сказал Бакалейщик.

– Ты мужик смелый. Это видно по тому, что такое дело затеял. Предупреждаем: до тех пор, пока наш путешественник не вернётся из Читы, кто что задумает против Императора, пощады не будет.

Бакалейщик, Непомнящий, Николка, Валун, Вареник и Костя Гуторов ушли вместе».

Пётр Васильевич спросил у Матроса:

– Бакалейщика знаешь?

– Нет.

– Иероним, Бакалейщика найди как можно быстрее. А тебе, Матрос, скажу: правильно ты сделал, что не пошёл против меня. Все мужики, каких называли, живы, здоровы и хорошо действуют.

– Сергей Александрович! – обратился Пётр Васильевич. – Моего сына Матроса познакомь с донесениями Рябого, Дувана, всех, кого считаешь возможным. Пусть убедится, что все они живы. А ты, Иероним, марш на работу! Прости сынок Матросик, болен я, полежать хочу. Верните ему браунинг и финку. Монах, не найдёшь кралю, которую в вагоне лобызал, моя бывшая жена из тебя мумию сотворит.

Стенографистка ушла, следом и Иеромонах. Матрос приблизился к Козлову. Он зашептал:

– Мне надо, Император, сказать кое-что только вам...

– Говори. Чёрту я доверяю всё.

– Мой подвал от иностранцев превратился в галльон. От них вонь пошла во все комнаты. Вчера вечером Костя Гуторов привёл ещё одного, ламу Замбу. Утром мы провели с ними беседу. Они заверили нас: сколько проживут на белом свете, о России ни одного слова плохого не скажут. Поклялись: о заговорах против российских вождей забудут на века вечные. Костя просит совета. Он предлагает ламу отпустить. Лама Замба готов рассказать о плане всего заговора и передать чекистам вещь, которая является для Саркуевой паролем в общении с иностранными резидентами. Владыка, иностранцев и пальцем не трогали. Я им в подпол опустил бутылку спирта и солёную горбушу. Костя предлагает отпустить американца Стивенсона. Он при утреннем допросе тайно от остальных сказал такие слова: «Передайте привет Блису». А мы знаем: ты жил под этой кличкой в Америке. Приказывай владыка, что с чужестранцами делать. Но мы с Костей просим за ламу. Отпусти его. Жизнь непредсказуема, а вдруг да нам он ещё понадобится! С таким умом, как у ламы, в мире свободных корифанов единицы.

Козлов долго молчал. Раскурил трубку. По очереди смотрел то на меня, то на Матроса. Махнул правой рукой.

– С темнотой англичанина Болла, немца Эрста, и японца Кикудзе отвезите в тюрьму, на улицу Александровскую. Там их встретят. Стивенсона оставь у себя. Приведи его в порядок. Стол приготовь. Мы с Чёртом на часочек заскочим. Ламе прикажи, чтобы он на бумагу занес все беседы с М-2, весь план, который он разработал по указанию М-2. Что скроет или напутает он, вы как поручители несёте полную ответственность. Матросик, не в моих полномочиях отпустить ламу. Давай попросим Чёрта. – Козлов взял мою правую руку, приложил к своей груди. – Сергей, – он склонил голову, – Серёжа, ламе Замбе сорок лет. Он вор с пятнадцати лет. И за двадцать пять лет у него не было ни одного привода в полицию. Я его умом

пользовался много раз. Я уверен в нем, он всё напишет, всё раскроет. Догадываюсь: хозяйка красотой своей зачернила его мозги. А в том, что лама красивых баб любит, я убеждался много раз. Предлагаю: отпускаем Замбу на все четыре стороны. Его писанину ты передаешь Ванде, как будто тебе передал неизвестный и исчез.

Я твердым голосом произнёс:

– Отпускаем.

* * *

Я пригласил на допрос Прохорова. Он вошёл в кабинет с улыбкой на устах и, поздоровавшись, по-барски сел на стул.

– Хорошо отдохнули? – просил я.

– Превосходно, Сергей Александрович.

– Жалобы есть?

– На что жаловаться? Кормят хорошо, камера прохладная. Постель мягкая.

– Что вы не поделили вчера вечером с конвоиром?

– Ума не приложу, за что он мне по уху врезал.

– Так уж невиновны?

– Я его обозвал дылдой и матюгнулся немножко. Конечно, виноват. Когда встречу, извинюсь.

– Боюсь, что вы его больше не встретите.

– Как? – взволнованно просил Прохоров.

– А вот так, уволен он с должности за недозволенное обращение с арестованным.

– Уволен за то, что мне по уху врезал?

– Именно за это, Аркадий Григорьевич.

– Жаль мужика. А что это мы с вами вдвоём сегодня? Где уважаемый Пётр Васильевич, милая секретарша?

– Милая секретарша находится под арестом. Её обвиняют в разглашении государственной тайны. А разгласили её первым вы.

– Я? – он вновь принял позу довольного человека.

– Вы, Аркадий Григорьевич, на позапрошлом допросе, когда я впервые появился в этой комнате, произнесли фразу

«дважды погибший не воскреснет». Эта фраза стала известна из уст секретарши одному человеку, а тот передал другому клиенту. — Я слово «клиент» произнёс чётко. — И вас, я так думаю, Аркадий Григорьевич, решили убрать. Чтобы вы, не дай бог, что-нибудь ещё не лягнули. К примеру, про идею: если умно пользоваться ворами, то они не меньше вреда принесут большевикам, чем мы.

— Бред какой-то, Сергей Александрович.

— И Болла тоже бред? И Эрнст?

— Вы их не возьмёте. Операция подготовлена универсально.

И Прохоров, расстегнув рубашку, левой рукой почесал под мышкой.

Я поймал движение Прохорова и рывком поднялся.

— Давно чешется?

— Что чешусь? Да при чём тут чешусь? Позавчера в баню водили. Это просто так.

Я вызвал конвоира.

— Немедленно вызовите врача из заразной.

Прохоров побледнел:

— Что вы всполошились, Сергей Александрович?

— Надзиратель Тюменцев во время колчаковщины служил в Каинской контрразведке. Ваш знакомый фронтовой друг Юрий Михайлов ещё в Харбине рассказывал Петру Васильевичу, что Тюменцев отправил многих на тот свет не выстрелами и не верёвками, а заражёнными тифом вшами. Он собирал их с покойников в отдельные склянки и потом подбрасывал своим жертвам. Да, Аркадий Григорьевич, клиент не посчитался ни с вашими заслугами, ни с богатством вашего отца. Сегодня мы их арестуем: и Бола, и Эрнста, несмотря на то, что вы заверяли меня, что мы их не возьмём. Болла хорошо помнит Наташа. Как вы знаете, она первого июня с ним гуляла по Светланке, а Яшка-дурак помнит его по ресторану «Русь» и выстрелам в Сморгча. А Эрнст — это мне знакомый тип. Итак, остаётся Клиент. Кто он?

— Подождём врача?

— Подождём.

Врач, пощупав пульс, посмотрев зрачки, язык, твёрдо сказал:

– Немедленно в больницу! Тиф!

– Этого я не ожидал, – тихо произнёс Прохоров, поправляя рубашку.

Я выписал пропуск и подал солдату:

– Возьмите у дежурного ещё одного конвоира и вместе с врачом отведите в шестую городскую больницу. Идите.

Прохоров поднялся, но с места не сдвинулся.

– Идите, Аркадий Григорьевич, время дорого.

– Подождите меня за дверью, – сказал он в сторону конвоира.

Врач и часовой вышли.

– Клиент, Пётр Васильевич, это бакалейщик Сотников Ефим Данилович. Проживает по Мочищенской улице, дом номер четыре.

– Кто такой Кэп-Найф?

– Мужчина.

Я достал из кармана фотографию и подал её Прохорову.

– Этот?

Прохоров улыбнулся.

– Он.

– Зачем врёте? Контр-адмирал совсем не похож на вашего двойника.

– Я пойду, Сергей Александрович, но прошу вас: нигде в протоколах не должна быть зарегистрирована наша беседа. Я вам про контр-адмирала ничего не говорил. Слышите? Не говорил. И у нас с вами беседы о нём не было. Вы о нём ничего не знаете. Я вас прошу, Пётр Васильевич, не зна-е-те.

– Где он может быть сейчас?

– Здесь, в ЧК, – шёпотом ответил Прохоров и пошёл к выходу.

– Аркадий Григорьевич, я вас задержу только на несколько секунд. Где в настоящее время находится ваша сестра?

– Не знаю. Об этом знает только она сама. Если поймаете, в чём я сомневаюсь, попросите от моего имени Налима угостить её...

Из архивного дела

«Мариинское ЧК сообщает:

На станции Бериккульская поднят убитый в грудь мужчина лет сорока. На нём солдатская гимнастерка, сапоги. По документам: солдат караульной службы Военпура Дальневосточной республики Гогов Павел».

Глава тринадцатая

Пятница, 24 июня 1921 года,
г. Новониколаевск

С восходом солнца в пятницу, 24 июня, мы на станции Новониколаевск встречали поезд Красноярск – Новониколаевск. Наступал необычный день, необычная пятница.

Из вагона выходила женщина в черной шапочке, на которой брошь переливалась разноцветными камушками. Она уткнулась в меня взором и в растерянности раздвинула губы. Я вспомнил: это была та женщина, которая улыбалась мне в зале ожидания на станции Мациевской. Я затушевался. Голос Ванды Павловны вернул меня в реальность. И я схватил красавицу за обе руки. А Ванда Павловна резко, быстро расстегнула у женщины пояс и сорвала с него черную сумку. Женщина с усилием улыбнулась и попросила:

– Мужик, мне больно. – А в сторону Михайловой произнесла: – Сударыня, откуда вы этого громилу взяли? На вора не похож. Господи, что за порядки в Совдепии: хватают безвинную безоружную женщину, выламывают руки.

Она затрясла головой.

– Помогите! – закричала задержанная. – Спасите! Убивают! Ванда Павловна схватила женщину за глотку:

– Молчи, баба! Придушу, как котёнка. Пойдёшь сама или мертвяком в машину бросим.

Женщина кивнула головой. Михайлова приказала мне:

– Неси в машину. Начнёт упираться, волоком тащи. Будет орать – бей по зубам, не церемонься. Запишит – ломай нос. Заорёт – ломай скулы. Ей больше красота не понадобится.

Пересекли вокзальную площадь. Сели в машину. Задержанная уставилась на меня волчьим взглядом, сквозь зубы прошипела:

– Я с тобой ещё рассчитаюсь, Скворцов.

Мы с Яном ввели Саркуеву через железную калитку в усадьбу двухэтажного дома.

Дом стоял на углу улиц Воронцовской (Свердлова) и Кабинетской (Советской) и до июня двадцатого года был в собственности Николая Евграфовича Жернакова, а после национализации перешёл в нелегальное ведомство Новониколаевской ЧК. Усадьба и хоромы по всем показателям подходили для тайной работы: встреч, допросов, спокойной и уединённой разработки оперативных дел. Вся усадьба была огорожена от внешнего мира высоким забором из горбыля, внутри работала автономная электростанция, которая обеспечивала электроэнергией основную резиденцию ЧК, Сибревком, телефонную станцию и другие советские учреждения. Внутри здания круглосуточно работал телеграф.

* * *

Саркуеву проводили на второй этаж в отдельную комнату с железными решётками на окнах и двумя дверьми – внутренними железными и внешними деревянными. В комнате по правую сторону размещалась железная кровать, в центре – круглый стол с двумя стульями. С левой стороны в углу стояла тумбочка с табуреткой. Следом за женщиной вошли мы: я, Ванда Павловна и Ян. Ванда Павловна предложила, задержанной:

– Гражданка, прошу вас сесть к столу. Будем знакомиться. Я – Ванда Павловна Михайлова, сотрудник ЧК. Это, – она показала на меня, – Сергей Александрович Скворцов, следовательно военной разведки, а это, – она показала на Яна, – Ян Яович, на долгое время ваш телохранитель. Мы вас задержали, так как к нам поступило заявление, что вы на станции Мариинской совершили кражу у граждан Степанова Николая Васильевича и

Стрелкова Александра Александровича двух чемоданов вещей. Вещи при вашем задержании найдены в купе, в котором вы ехали, и находятся в этом помещении. Итак: ваша фамилия, имя и отчество?

– Если я совершила кражу, то этим должен заниматься уголовный розыск. Причем тут ЧК?

– Вещи, украденные вами, представляют государственную тайну. Итак, повторяю вопрос: фамилия, имя, отчество?

– Саркуева Зоя Григорьевна.

– Откуда родом?

– Родилась в Москве в тысяча восемьсот восемьдесят шестом году.

– Откуда прибыли?

– Из города Владивостока.

– Замужем?

– Да. Муж – член партии большевиков с тысяча девятьсот пятого года.

– Он Саркуев?

– Нет. Он Иноев Алфей Константинович.

– Куда вы направляетесь?

– Мы последние три года жили во Владивостоке. Муж служил комиссаром в партизанском отряде. Месяц назад его командировали в Москву на учёбу.

– Почему не поехали вместе с мужем?

– В городе Владивостоке я занималась преподавательской деятельностью и по контракту должна была окончить учебный год.

– Где сейчас находится муж?

– Вероятнее всего, в Москве. Он выехал из Владивостока второго июня.

– Где живут ваши родители?

– Они живут в Харбине. Отец занимается мелкой торговлей.

– У родителей есть ещё дети?

– Нет.

– Что заставило вас совершить кражу у граждан Степанова и Стрелкова?

– Это абсурд и клевета. Я не совершала кражу.

– В каком учебном заведении вы работали преподавателем и какую дисциплину вели?

– Я работала во Владивостокском университете. Преподавала японский язык.

– Вы знаете японский язык?

– В девятьсот одиннадцатом году родители направили меня в Японию, в университет города Саппоро. Училась на историческом факультете.

– В двадцать пять лет отправили учиться? Не поздно ли?

– Я до этого окончила Московский медицинский институт. А отец отправил меня учиться в Японию, так как у него наладились хорошие торговые отношения с японским купечеством. Он посчитал, что для семьи будет прибыльно, если кто-то из членов семьи будет вести переговоры и оформлять договоры на японском языке.

Ванда Павловна обратилась к Яну:

– Ян Яович, принесите чемодан, украденный гражданкой Саркуевой у гражданина Степанова.

* * *

Михайлова открыла чемодан. Стала вынимать женские вещи и складывать на стол. Саркуева взглядом сопровождала вещи с чуть заметной улыбкой. Когда Ванда Павловна достала из чемодана ночную рубашку, Саркуева поднялась.

– Следователь Михайлова, хватит скоморошничать. Я благодарю Николая Васильевича Степанова, что он помог мне привезти мои же вещи. При встрече я его отблагодарю. В воровском мире его случайно не Рябым кличут?

– Так эти вещи ваши? – как бы с большим удивлением спросила Михайлова.

– Мои, мои, Ванда Павловна.

– Если так, то предлагаю вам выбрать чистое бельё, кофточку, юбочку и отправиться в сопровождении Яна Яовича вниз, на первый этаж принять ванну. Пока будете мыться, обдумайте своё положение и слушайтесь вашего телохранителя. Он, как и вы, не любит непослушных.

Саркуева с наивной улыбкой спросила:

– Почему меня будет охранять китаец? Что, в Новониколаевском ЧК нет достойного русского чекиста, с кем бы я могла обменяться фразой-другой о моём положении?

Ванда Павловна по-доброму улыбнулась, села на кровать рядом с Саркуевой.

– Зоя Григорьевна, я всё предусмотрела. В будущем не удивляйтесь: все ваши капризы исполнятся на высшем уровне согласно вашему купеческому статусу. А то, что вас приказано охранять Яну Яовичу, так это для вашего блага. Он, как никто другой, знает ваши житейские запросы.

Саркуева пристально посмотрела на Михайлову.

– У меня мозги почернели от того, что я ошиблась. Недовольна собой до печёночных коликов. – Отвела взгляд в сторону. – Будь женщиной, дай малое время поразмыслить над моим положением.

– Согласна. Оставляю вас на несколько минут в одиночестве. Мне тоже нужно собраться с мыслями: в каком порядке провести нашу протокольную беседу.

Ванда Павловна глянула в мою сторону, подмигнула.

– Сергей Александрович, сходите к Ивану Петровичу и передайте ему, что мы нашли общий язык с задержанной.

Я вышел.

* * *

Возле парадного входа в основную резиденцию ЧК, который находился на углу улиц Николаевского (Красного) проспекта и Воронцовской (Свердлова), шёл разговор на повышенных тонах. Женщина лет двадцати пяти – тридцати совала часовым пачку бумаг и требовала пропустить её к представителю ВЧК по Сибири Павлуновскому. Я подошёл и попросил представиться. Она, уткнувшись в меня взглядом больших серых глаз, шепеляво проговорила:

– Я секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) из города Ташкента. Моя фамилия Ванаг. Мне срочно нужно поговорить с Иваном Петровичем.

Я предложил женщине следовать за мной. В кабинете она подошла к столу и протянула Павлуновскому документы. Иван

Петрович положил документы на стол, даже не взглянув на них, протянул через стол правую руку.

– Мне документы не нужны. Я вас помню, Фиса Александровна. Мы с вами встречались в городе Златоусте. Вы там работали секретарём политбюро ВЧК.

– Да, – ответила Ванаг.

Павлуновский вышел из-за стола, подал документы Ванаг. Пригласил пройти к дивану.

– Иван Петрович, мне сидеть особо некогда. С полчаса назад ваши работники арестовали женщину...

Павлуновский поднял ладонь правой руки, повернулся в мою сторону.

– Товарищ Скворцов, всё прошло успешно? – спросил он.

– Да, – ответил я. – Особый отряд занят проверкой документов на привокзальной площади и прихожан Даниловского храма. Задержанная держит себя спокойно.

Павлуновский склонился к Ванаг.

– Если вы, Фиса Александровна, не будете возражать, пройдёмте в другое помещение и побеседуем в тишине. Да, наши сотрудники арестовали на вокзале женщину...

Павлуновский вызвал секретаря и приказал подать машину к парадному подъезду.

Машина поехала по Николаевскому проспекту, свернула налево, на Асинкритовскую (Рабочую, потом Чаплыгина), опять свернула налево на Кабинетскую (Советскую), снова налево – на Гудимовскую (Коммунистическую). Павлуновский приказал шофёру остановиться.

– Костя, – предложил он шофёру, – поезжай в контору. Мы пройдемся пешочком.

* * *

Павлуновский и Ванаг поднялись на второй этаж. Дежурный сообщил, что Михайлова с товарищами находятся в четвёртой комнате, задержанная в третьей. Из телеграфной комнаты вышел связист, с поклоном произнёс:

– Из Москвы телефонограмма Анюте.

– Мы будем в четвёртой комнате. Минут через десять несите.

В четвёртой комнате сидели Ванда Павловна и Ян. Они

разбирали вещи из второго чемодана, которые привезли Рябой и Пулька. При нашем появлении поднялись. Павлуновский прикрыл дверь, проговорил:

– Принимайте гостей. Я вам привёл товарища, который пришёл сказать, что вы арестовали хорошего человека.

– Мы никого не арестовывали, – недовольным голосом проговорила Ванда Павловна, оглядела женщину. – А вы кто будете?

– Я Фиса Александровна Ванаг. А арестовали вы мою знакомую.

– Где это было? – спросила Михайлова и пригласила женщину сесть.

– Вы арестовали её на вокзале.

– Как фамилия вашей знакомой?

– Не знаю. Я встречалась с ней год назад, в июне двадцатого года, под городом Чита, на старом ключе, между Сухой падьёю и речкой Читинкой, за кирпичными сараями.

– Фиса Александровна, кратко расскажите о себе.

– Ванда Павловна, я её знаю, работал с ней на Урале... – произнёс Павлуновский.

– Иван Петрович, и я должна кое-что знать, – жёстко произнесла Ванда Павловна.

– Я родилась под Челябинском. С четырнадцати лет работала на чугунно-литейном заводе в городе Златоусте. С девятнадцатого года – член партии большевиков. Двадцать шестого мая девятнадцатого года была арестована, избита. При допросе выбили все зубы. Судима колчаковским военным судом. Приговорили к пяти годам тюрьмы.

В июне девятнадцатого привезли в Читу. А через год, в июне двадцатого года, меня и Максимова... имени не помню... повезли на расстрел. Сопровождали нас два казака, прапорщик и шофёр, который вёл машину. За кирпичными сараями машину остановила миловидная, хорошо одетая, с рыже-бурой косой женщина. Та, которую вы арестовали на вокзале. Она, как циркачка, откуда-то из сумки, которая висела на правом бедре, вынимала финки и бросала в стражников. Прапорщика и двух казаков убила финками, а шофёру приказала выйти из

машины и застрелила из браунинга. Нам с Максимовым велела сесть в машину. Максимова приказала сесть рядом с ней, а мне сзади. Нам руки не развязывала. Машину она повела в сторону Старого тракта. Проехали мы примерно с версту, она остановила машину, разрежала верёвку на моих руках, дала золотую пятирублёвку и сказала: «Живи, беззубая!»

– Фиса Александровна, вы всё же видели её один раз, ваши нервы были на взводе. Вы действительно уверены, что это она? – спросила Михайлова.

– Вы кто? – спросила с вызовом Ванаг.

– Михайлова.

– Вы, товарищ Михайлова, присмотритесь к её внешности. Под левым глазом у неё белое пятнышко, еле заметное. Повидимому, когда-то ей делали операцию. Что-то вырезали: или родинку, или фурункул. В остальном на лице всё совершенно. Настолько правильные черты, что у меня, когда мы ехали в машине, были мысли, что лицо её будто лепили. А стан?! Год назад её животик чуть натягивал юбочку. Я тогда подумала: а не беременна ли она?

– Фиса Александровна, вы сказали, что, кроме вас, на расстрел везли ещё Максимова. Кто такой?

– Я его совсем не знала. Когда нас, нескольких женщин, вывели из Бадмаевских камер, мужчины-арестанты уже стояли. Начальник уголовного розыска при Семёнове Домрачёв* по бумажке, что была в его руках, выкрикнул: «Ванаг, в машину! Максимов, в машину!»

– Как он выглядел? – спросила Ванда Павловна.

– Он не из рабочих. Одет был в хороший чёрный костюм, под пиджаком шёлковая жёлтая рубашка. Руки интеллигентные. Лицом красив. Волосы на голове чёрные, чуб густой, волнистый. На лице никакого изъяна. Нам связали руки, посадили в машину и повезли.

– Пока ехали, вы о чём-нибудь разговаривали с Максимовым? – спросила Ванда Павловна.

– Нет, но я заметила одну деталь. Когда красавица рас-

* Домрачёва в 1921 г. судили в Чите. Дали 20 лет.

правилась с охраной и велела мне сесть в машину, помогла сесть на переднее место и Максиму. Когда он сел, она как бы случайно дотронулась до его локтя и мягко спросила: «Вам удобно?» Именно «вам» и именно «удобно».

– Что с вами произошло дальше?

– Я уже говорила. Мы проехали с версту. Она остановила машину, обозвала меня беззубой, разрежала верёвки на моих руках и вручила мне золотую пятирублёвку. А мне действительно при попытке ещё двадцатого июля девятнадцатого года выбили и вырвали все зубы. Так что, товарищ Михайлова, прошу в следственном деле зафиксировать, что красавица актриса, рискуя своей жизнью, спасла двоих.

Иван Петрович подал голос:

– Ванда Павловна, а почему бы сейчас не показать Ванаг задержанную?

– Хорошо, идёте, – Ванда Павловна поднялась и недовольным голосом добавила: – Я в голове прокрутила другой вариант... После одного-двух допросов...

– Ванда Павловна, Фиса Александровна у нас в командировке. Она занимает большой пост в Среднеазиатском политбюро ЦК ВКП(б). Да и я имею сомнения, не ошибается ли товарищ Ванаг?

Ванда Павловна повернулась в мою сторону.

– Сергей, вели Яну открыть камеру. Предложи Саркуевой снять чёрную шапочку и распустить свои каштановые волосы. Из соседней комнаты фотограф пусть сделает несколько фотографий.

Я вошёл в комнату. Саркуева смотрела в окно. Протянула:

– А, Скворцов пожаловал... Желаете пригласить меня на обеденный банкет?

– Только попрошу вас снять шляпку и привести в порядок причёску, – предложил я.

– Я и так хороша, Серёжа. Ты не находишь? Но если ты просишь, я отказать не могу.

Она сняла чёрную шапочку с брошью из цветных камней и положила на кровать.

В это время в комнату вошла Ванда Павловна, следом Иван Петрович и Фиса Александровна. Саркуева бросила пронзительный взгляд на Ванаг, села на кровать рядом с шапочкой. Обхватила руками голову.

– Ну, Ванда, ты и работаешь! И где ты, дворянская дочка, училась?!

– Зоя Григорьевна, я университетов не кончала, за границей не обучалась...

– Не дуйся, мы с тобой уже не гимназистки, – Саркуева поднялась, подошла к Фисе Александровне. – Мне от тебя, Ванаг, ничего не нужно. Я тебя тогда спасла по случайности. И не убила не по жалости. В глазах Красавчика не хотелось выглядеть кровожадной стервой. – Повернулась к Павлуновскому, улыбнулась, протянула правую руку. – А вы, значит, Иван Петрович. Неплохие кадры имеете, но и я не лыком шита. Посмотрю, что предъявят ваши первоклассные работники против меня.

Павлуновский машинально протянул руку и совершил рукопожатие. Ванда Павловна, отвернувшись, проговорила:

– Вы, пожалуйста, не обнимайтесь. Как мне передавал Рябой, эта красавица при входе в ресторан «Версаль» встретила карманника Свистуна и за то, что тот из её карманчика вынул рублёвку, тут же, при его корефанах, обняла и придушила.

Иван Петрович отёр правую ладонь о штанину.

– Если я, Ванда Павловна, буду вспоминать дела резидента по Сибири и Дальнему Востоку, то кому больше придётся отмаживать грехи: мне или тебе? Господь Бог, и тот засомневается...

Мы вышли проводить Ванаг.

У меня имелся вопрос к Ванаг. И когда Ванда Павловна пожимала руку Ванаг со словами «Понадобитесь, мы вас найдем», я спросил:

– Фиса Александровна, когда Домрачёв вас и Максимова приказал посадить в машину, он вас назвал только по фамилиям?

– Нет. Вспомнила! Он меня назвал Фисой, а Максимова Андреем.

* * *

Мы вернулись в комнату номер три. Иван Петрович вежливо спросил у Саркуевой:

– Зоя Григорьевна, вы не будете возражать, если я как вещественное доказательство велю изъять у вас шапочку?

– Возражаю. То есть не возражаю при одном условии: брошь оставляете при мне. Там в одном камешке порошок, противоядие тому, которым отравили Андрея. Я хотела бы сама развести и дать ему выпить. А явок и паролей с резидентами Америки, Англии и Японии в шапочке нет. Всё, что там было, я уничтожила.

Павлуновский откланялся.

– Я бы с великим удовольствием пообщался с вами, но у меня очень много работы, – уходя проговорил он.

В приёмной телеграфист подал в руки Ивану Петровичу бумагу.

Из личного дела.

«Резиденту Никольско-Уссурийскому.

...Если вы убеждены, что информация «К-Н» полезна, разрешаем устроить встречу с Андреем. Ограничьте до минимума контакты с «К-Н». Вся ответственность по работе с «К-Н» ложится на вас».

* * *

Мы с Вандой Павловной сидели в комнате номер четыре. Она грызла сухарь, запивая водой. Предложила мне. Я отказался. Она была чуть навеселе.

– Серёжа, вы с Императором молодцы, что быстро нашли Иеронима. Он много восстановил в памяти из «Донесения М-2». Мы сейчас можем вести допрос с большим количеством фактов из её плодотворной деятельности. Но меня беспокоит явка возле храма Александра Невского. Что-то полковник Быков напутал, сообщая Императору места явочных встреч резидентов. Он сказал, что мать Наташи была похоронена на кладбище при храме Александра Невского. С девятьсот пятого года при нём не хоронят простых смертных. За последние пятнадцать лет похоронили только несколько священников

и знаменитых горожан, которые своими делами прославили город. Нет её могилы и на Воскресенском кладбище. Оно закрыто для похорон с девятьсот пятнадцатого года. Проверили и новое кладбище возле Успенского храма. И там нет её могилы.

Сегодня, Серёжа, пятница. В этот день с пятнадцати до семнадцати часов встреча резидентов. А где? В нашем распоряжении три часа. Бери Иеронима и Козлова и отправляйтесь в Воскресенский храм. Там служит протодиакон Акакий (Соболев). Наблюдательный человек. Мне передавали, что он помнит в лицо, кто из посторонних посещает храм. Пусть Козлов разговорит служителей, а потом оставит Иеронима в храме. На время. На часочек. А клиру скажет, что на долгое время. Они не выдержат присутствия в своём храме Иеронима. Они что-то предпримут? В любом случае, Серёжа, ты должен в пятнадцать часов быть в храме Александра Невского. Я на всякий случай пошлю работников на левый берег: на Кривощёковское и Бугринское кладбища.

* * *

В сторожке Воскресенского храма мы сидели на лавках. Справа Козлов, монах Иероним и я, а напротив настоятель храма Александр (Поспелов), протоиерей Трифон (Шостак), протодиакон Акакий (Соболев).

Козлов спрашивал:

– Скажите, отцы любезные, нет ли на вашем кладбище могилки, где покоится раба божия Римма Александровна Быкова? Её хоронили в девятнадцатом году.

Пастыри переглянулись. Отец Александр мягким голосом начал:

– В девятнадцатом году горожан хоронили на новом Успенском (Берёзовая роща) кладбище. На нашем кладбище по решению городской управы не хоронили.

Отец Александр повернулся в сторону отца Трифона. У него появилось мимолётное замешательство. Он, не ожидая вопроса, баритоном сказал:

– Не только не хоронили, но и не подхоранивали. Можем предъявить все журналы.

– И я не совершал требуемое таинство, – начал Акакий, посмотрел в сторону отца Александра. Тот глазами мигнул. Акакий продолжил: – Примерно недели две назад уже интересовались, где покойтся раба Божия Римма Быкова...

– Кто интересовался? – резко спросил Козлов.

– Мужчина лет пятидесяти. Я его не запомнил. Он, видно, не имеет привычки смотреть на человека, с кем разговаривает.

– Он ходил по кладбищу?

– Долго ходил. Несколько часов.

– Отец Акакий, нам очень важно знать, возможно, он ещё к кому-то из усопших проявлял интерес?

Акакий опять посмотрел на отца Александра. Отец Александр склонил голову. Акакий перекрестился.

– Это было в пятницу, десятого июня...

Я подумал: мы в пятницу были в Мациевской. Прохоров тоже. Знать, кто-то уже был в городе и ходил на явку.

Акакий продолжил:

– Мужчина поинтересовался ещё и могилой инженера Черепанова. Я спросил имя инженера. Он затруднился ответить. На нашем кладбище много захоронено Черепановых. Из кладбищенских ворот он вышел в сторону тюрьмы не один. Его сопровождала женщина.

– Не можете ли вы сказать, кто она?

В разговор вступил отец Александр:

– Мы не желаем неприятностей с властью большевиков. Если вы заинтересованы в тонкостях посещения тем мужчиной кладбища, значит, дело серьёзное. С мужчиной ушла с кладбища Мария Тимофеевна Козодоева. Добропорядочная прихожанка прихода Александра Невского.

Козлов приподнялся.

– Я доволен вашей откровенностью, – по-приятельски проговорил он. – Вот это чадо господнее, – Козлов показал ладонью на Иеронима, – монах Иероним с сегодняшнего дня служит у вас псаломщиком. Поручайте всю работу, какая требуется. Владыке Софронию скажите, что вам посоветовал принять в штаты Иеронима Император, в миру Петр Козлов. Жалованье Иерониму буду платить я.

Иероним медленно поднялся, сложил на груди руки, проговорил чуть ли не со слезами:

– Вла-ды-ка...

– Не беспокойтесь, я встречу матушку Марию и обеспечу тебе защиту.

* * *

Вот что рассказал мне Иероним вечером. Когда он остался с клиром храма, отец Александр предложил поесть постного супчика. За трапезой настоятель, глядя в глаза Иеронима, заговорил:

– Иероним, чадо господнее, давай договоримся в отсутствие преступника Императора: ты нам даёшь слово, что ни один храм в Новониколаевском граде не обворуешь, покинешь нашу обитель. Не нужен нам такой псаломщик. Мы тебе скажем правду.

– Отец Александр, а если случится провал? Он же меня на тот свет отправит! И вам достанется.

– Не будет, антихрист, провала. Мы тебе слово даём. Крест на себя накладываем.

– Хорошо, отцы! И я на себя крест накладываю. – Иероним перекрестился. – Даю слово православного: ни одного храма в граде Новониколаевске не побеспокою и не разорю.

И тогда Акакий поведал Иерониму, что он был свидетелем, как в пятницу, семнадцатого июня, возле храма Александра Невского на надгробную плиту инженера Черепанова неизвестные люди клали по два цветка. И именно в пятницу, в пятнадцать тридцать... А один из них в синодик записывал имя «Римма». И посоветовали они Иерониму спешить к храму Александра Невского, влиться в массу прихожан и быть очевидцем, что говорят они истину.

* * *

А в это время в доме учителя Николая Козлова Наташа Быкова насадала на Петра Васильевича:

– Пётр Васильевич, прошу вас, поверьте мне, папа не обманул вас! Явочное место возле церкви Александра Невского.

– Дочка, где же похоронена твоя мать?

– Пётр Васильевич! Отец не обманул вас. Встречи резидентов Японии проходят возле надгробной плиты инженера Черепанова. Эта явка действует безотказно уже больше двух лет. Надо спешить, уже четырнадцать часов. А время встреч – с пятнадцати ноль-ноль. А мама моя похоронена на татарском кладбище в Закаменском районе. Она татарка из рода чат.

– Мы пойдём все втроём, – предложил Пётр Васильевич.

* * *

Пётр Васильевич, Серафима Власовна и Наташа стояли в храме возле левого прихода святого Георгия, молились и часто посматривали в окно. Я находился рядом.

Серафима Власовна толкнула в бок Козлова и скороговоркой шепнула:

– Петя, посмотри внимательно в окно. Там на одной плите сидит мужчина с цветами. Видишь?

– Вижу, – ответил Козлов.

– Это Алфей!

– Какой ещё Алфей?

– Петя, тот, которого в шестом году порезал Николка Петербургский в Нарыме.

Козлов схватил за руку Серафиму.

– Душенька, действительно он. Пойдём...

В это время из левых дверей алтаря вышел Иероним. Накладывая на себя крест, кланяясь и пятась, приблизился к Козлову и зашептал:

– Раб божий Пётр, этого мужчину я нигде не видел. Он от моего появления в тревогу не войдёт. А когда нужен будешь, я подниму обе руки. Мужчину на плите беру на себя, а кто придёт к нему, вы...

Было без десяти минут четыре. К Алфею подошёл работник ЧК Фёдор Абрамович Пантелеев, произнёс:

– М-2 арестована на вокзале. Её увезли в здание ЧК. Уходите!

Иероним поднял руки и совершил глубокий поклон.

Козлов быстро вышел из храма и, направляясь к калитке,

зацепил мужчину тростью. Тот упал. Козлов поставил трость на грудь мужчины.

– Не вздумай пошевелиться. Моя трость проткнёт твою грудь.

Дежуривший возле церкви чекист поспешил к Козлову. Он связал Пантелеева и повёл вверх по Красному проспекту в здание ЧК.

А Иероним мячиком крутился возле Алфея и надгробной плиты, не давая Алфею выйти на тропинку. Иероним, держа в руке финку, крутил ею и говорил:

– Мужик, я тебя не знаю. Мне нужны деньги. А ты, вижу, богат! Вижу. На помощь к тебе никто не придёт. Мне нужен и твой костюмчик. Не портной ли Саул из Харбина его шил? Посмотри на мой пиджак. Видишь, манера одного мастера? Да, и мне шил костюм Саул. – Стоило только Алфею опустить правую руку, Иероним оказался совсем рядом с Алфеем и финку приставил к его лицу. – Мужик, лучше подними руки. Я не любитель финку пускать по глотке, а вот по лику люблю...

Мы с Козловым подошли к надгробию могилы Черепанова.

– Отец Иероним, – сказал Козлов, – проверь карманы гражданина. Возможно, он кроме денег имеет и оружие.

Алфей смотрел то на Козлова, то на меня, а Иероним проворно вынимал у него всё, что тот имел, и складывал на мраморную плиту. Браунинг, который он достал из внутреннего кармана френча, Иоанн положил себе в карман брюк.

Алфея увели в здание ЧК.

* * *

Через два года, когда я работал в Ойротии, мне вор по кличке Матрос сообщил, что в то время, когда арестовали Алфея, за оградой стоял Николка Петербургский и внимательно наблюдал за тем, как «монах» Иероним угрожает контр-адмиралу. Он долго думал: пойти на выручку контр-адмиралу или нет. Но как только увидел, что к Иноеву приближается Император и я, Николка перекрестился, похвалил себя, что выдержал время и не вышел поспешно на встречу с контр-адмиралом. Хвалил себя и за то, что аванс, полученный от Прохорова, ему, Ни-

колке, не нужно отрабатывать. Заказчика нет. А то, что жизнь контр-адмирала закатилась, Николка не сомневался. Через несколько часов он ехал на запад. Потом бежал в Прибалтику. В конце двадцать четвертого года оказался в Германии.

Пятница и огорчила нас. Дом Вавренюка в Закаменском районе оказался пуст. Хазка его в Буграх, напротив храма Николая Чудотворца, пуста.

Не застали сотрудники ЧК и клиента по улице Мочищенской, в доме номер четыре. Бежал бакалейщик Сотников.

* * *

Иван Петрович попросил Императора вести допрос Иноева. Он долго отказывался, но Иван Петрович настоял на своём. Мне приказал писать протокол.

Ввели Иноева.

– Ну что, Кэп-Найф, – начал Козлов. – Будем знакомиться? Иноев посмотрел по сторонам и спросил:

– Вы к кому обращаетесь?

– К вам, Кэп-Найф, к вам.

– Прекратите эту чушь! Прекратите самоуправство! За что вы схватили меня и несколько часов продержали в камере? За мои заслуги перед революцией?

– Утвердительно заверяю: вы заработали не тюрьму, а пулю. И вы её получите.

– Вы не смеее со мной так разговаривать! Дайте лист бумаги, и я немедленно напишу жалобу на вас самому председателю ВЦИК Михаилу Ивановичу Калинин.

– Лист – пожалуйста. Ручку? Нет, ручки вам не стоит давать, у вас своя есть. Пишите. – Пётр Васильевич пододвинул Пятакову чистый лист бумаги. – А вообще-то, не стоит вам писать жалобу товарищу Калинин. Я бы на вашем месте написал императору Японии и начал бы так: «Ё сиси Кэп-Найф жалуется вам на то, что и слава, и удовольствия, и богатство лопнули, как мыльный пузырь. Нет жены Зои и неизвестно, где дети».

– Вы сумасшедший фантазёр, бандит без рода и имени...

– Не врите себе, Кэп-Найф, – перебил его Пётр Васильевич.

— Имя моё вам известно и род мой известен. Заявляю вам со знанием дела, что как бы тяжело Козловым ни жилось, как бы трудно ни служилось в царской армии, они предателями и изменниками России никогда не были... Вы это знаете... А род Пятаковых полон убийц, изменников России. К ним относитесь и вы.

— Я Иноев, гражданин следователь, Иноев. И никакого отношения к роду дворян Пятаковых не имею.

— Алфеюшка, прекрати капризничать, а то сниму поясok и напощаю по пятнистой попе.

Пятаков резко вскочил, опёрся руками о стол и впился глазами в Петра Васильевича. Он долго, пристально изучал его лицо и вдруг захохотал.

— Да, товарищ Козлов, я царь Павел.

— А я царь Пётр, а Софья — моя сестра, над которой вы, молодой лейтенант, решили надсмеяться в конце мая восемьсот восемьдесят шестого года. За что и получили десяток дробинok в попу.

— Хватит! — резко перебил Козлова Иноев. — Запишите в протокол и передайте Ревтрибуналу, что я действительно Алфей Константинович Пятаков. И ещё запишите: за то, что поменял фамилию и с девятьсот шестого года служил партии большевиков, последние четыре года своей жизни отдал революции, из них два с половиной года воевал в партизанском отряде... Запишите: за это не судят.

— Наконец-то, Алфеюшка, узнал меня! Вот какие сюрпризы преподносит жизнь...

— Узнал, Петя, и рад. В юношеские годы мы повздорили, а сейчас вместе революцию защищаем. Думаю, ты на меня не в обиде за Софью. Чего не бывает в юношестве!

— Ну, а если личность наносит вред пролетарскому государству, как тут быть?

— Я, Петя, к таким не отношусь.

Пётр Васильевич обернулся ко мне, подмигнув, предложил:

— Сергей Александрович, запишите в протокол, что встреча состоялась. Но возгласы радости быстро прекратились. Козлов Пётр Васильевич приступил к допросу по документам контр-

адмирала Алфея Константиновича Иноева. Вопрос первый: за что вы, гражданин Иноев, приказали убить Алексея Журавлёва и Ляня?

– Я, Пётр Васильевич, этих людей не знал.

Пётр Васильевич достал из саквояжа лист бумаги жёлтого цвета, обёрточную бумагу чайной фирмы Высоцкого. Я сразу её вспомнил. На такой бумаге Прохоров писал донесение полковнику Окадо в Чите 12 июня.

– Разрешите вам зачитать, гражданин Иноев, ваш приказ.

Пятаков, он же Иноев рывком бросил взгляд на обёрточный лист и отвернулся.

– Так что, читать? – переспросил Пётр Васильевич.

– Читайте.

– Уберите Журавлёва и Ляня. Приёмный сын.

– Что? Как? Меня предал Окадо? Не поверю! А ещё есть у вас подобные листочки?

– Много.

– Прошу вас, зачитайте ещё одну!

Пётр Васильевич достал целую пачку помятых обёрточных листов, как карты сделал их веером, наугад достал одну и стал читать:

– Кэп-Найф вызывает Окадо, – Пётр Васильевич посмотрел на Пятакова. – Ещё читать?

– Достаточно.

– Повторяю вопрос: за что вы приказали убить Алексея Журавлёва и Ляня?

– Журавлёв узнал меня. В шестнадцатом году я с инспекцией ездил в Кронштадт, в лабораторию Попова. Я должен был проверить ход работы радиостанции. Там слесарем работал Журавлёв.

– А Ляня?

– В двадцатом году в одном из боёв я был ранен. В лазарете мы с Чжи лежали рядом. Однажды, это было под вечер, Лянь пришёл навестить друга и предупредил его в отношении шкатулки. Они не догадывались, что я знаю китайский язык, и поэтому открыто вели разговор. В конце марта этого года я

увидел Журавлёва вместе с Лянем в нашем партизанском отряде. Такие встречи больше были не желательны.

– Кто убил Чжи?

– Не знаю. По-видимому, кто-то из ваших друзей.

– Точнее: Гурвич, Непомнящий или Николка?

– Все.

– И вы.

– Жаль, значит, он всё же успел кое-что сказать... Я устал, Император, прикажите меня отвести в камеру. Я хочу спать.

– Хорошо. На сегодня допрос окончен. Сергей Александрович, пригласите часовых.

Я встал и пошёл к дверям, а в это время услышал:

– Алфей, ты любил Зою?

– Да, Петя!

– Она здесь. Ты, пожалуйста, ничего не предпринимай ночью, утром я устрою тебе свидание с ней.

– Пойми, Император, я в девятьсот пятом не струсил, нет. Выбор-то был один: умрёшь – и она умрёт, будешь работать – и она будет жива. Я свою любовь, как хлебную карточку, получал: когда в месяц раз, а когда и меньше.

– Знаю.

– Но одного ты не знаешь, – Иноев-Пятаков посмотрел на часы, – если я не выйду через пятнадцать минут из здания ЧК без сопровождающих и не появлюсь на Воронцовском мосту, твоя Серафима и твой сын в доме брата Николая Козлова будут убиты.

Пётр Васильевич медленно поднялся.

Я обомлел.

В открытую дверь вошли двое часовых.

– Арестованного увести в камеру, – приказал Козлов.

– Пётр Васильевич! – крикнул я.

– Увести в камеру, – повторил он и взялся за левую сторону груди.

– Вы не сможете предотвратить беды! – крикнул Пятаков.

– Я кому приказал увести арестованного? Закройте дверь. Скворцов, останьтесь. Как ты думаешь, шантаж или действительно вышли на Серафиму?

– Думаю, что действительно. Арестовали вы его в четыре часа. Контакта за целый день у него не было. Видно, заранее они всё спланировали.

В кабинет вошёл Иван Петрович и с порога спросил:

– А что это вы, голубчики, такие пасмурные? Кэп-Найф вас чем-то огорчил?

– Да он тут такое сказал, что я готов был в ту же минуту отпустить его, – сказал я.

– Но, вижу, не отпустили. И правильно сделали. Серафима Власовна ещё утром переехала на другую квартиру. Когда арестовывали Саркуеву, позвонил мне Петя и говорит: «Дядя Ваня, это я, Петя. За нашим домом установили слежку. Маму Симу огородами вывел на улицу Телеграфную, а потом на Петербургскую, так как на Телеграфной в пролётке сидит страшный дядька. Нас вы найдёте на улице Московской, в доме сто двадцать. Выручайте. Шарют по домам». Я отправил туда отряд. Арестованы четверо. Знакомиться будем чуть позже.

* * *

Прошло два часа. Мы приказали привести Иноева на допрос.

Пётр Васильевич предложил ему закурить. Иноев осмотрел Петра Васильевича, меня, и тихо заговорил:

– А что вы так спокойны? Что, мои люди не расправились с Серафимой и её сыном?

– Не будем скрывать, Иноев, Непомнящий не выполнил ваш приказ. Но у меня сомнения: а ваш ли приказ? Он клянётся и божится, что приказ на убийство Морозовой и её сына получил ещё в поезде. Нет ли у вас желания пояснить нам, кто этот неизвестный, который обладает полномочиями приказывать ворам убивать безвинных людей?

– Не знаю, – спокойно ответил Иноев. – Мало ли что может натрепать вор?

– От кого узнали, что Морозова и её сын останутся на улице Белинского?

– От одного из сотрудников этого заведения.

– От Пантелеева?

– Да. Ему было приказано подготовить дом для вашего жилья.

– Кем?

– Вашим начальством ещё пятнадцатого июня.

– Я обещал вам, гражданин Иноев, свидание с Саркуевой. Готов выполнить своё обещание. – Пётр Васильевич подвинулся ко мне. – Товарищ Скворцов, прошу вас, приведите Зою Саркуеву.

– Не надо! – закричал Пятаков. – Не надо! Отведите меня в камеру.

– Мы обязаны вас отправить в Москву. Это ваша последняя возможность встретиться с женой. Сын Григорий тоже здесь. И...

– Я никого не хочу видеть. – Он стиснул руками голову. – Доигрался...

– Ладно, товарищ Скворцов, прикажите отвести Пятакова в камеру.

* * *

Поздно ночью прибыл вестовой. Меня срочно требовали в ЧК. Когда я вошёл в кабинет Ивана Петровича, там была в сборе вся коллегия. На диване сидел, понутив голову, Пётр Васильевич.

– Товарищ Скворцов, расскажите коллегии, как проходил допрос Пятакова вчера вечером.

Я рассказал и спросил:

– А что случилось?

– Пятаков повесился на табуретке, – резко ответил Павлуновский. – А ваша вина в том, что вы не оформили протокол.

– Мы его не допрашивали, – ответил я.

– Это не меняет дела. От имени коллегии вам объявлен выговор.

– Да при чём тут Сергей Скворцов, виноват я. Я! Чувствовал, что он это сделает, – вмешался в разговор Пётр Васильевич, – не было в нём, стервятнике, с детства ни порядочности, ни благодарности. Лгал, предавал, убивал, ненавидел людей – и

всё это непонятно, ради чего. Подонком он был, подонком и сдох. Хотя бы три буквы написал, чудовище!

Пётр Васильевич медленно повалился на бок. Вызвали врача, и его отвезли в больницу.

Утром мне принесли и положили на стол вещи Пятакова: замшевый кошелек с накидным замочком, часы, портмоне с единственным документом – фотографией жены и сына, десяток чистых обёрточных этикеток чайной компании В. Высоцкого. Помня ночной выговор, я занёс все вещи в протокол и, сложив в отдельную папочку, положил в сейф. Но тут же меня бросило в дрожь. А где ручка? Пётр Васильевич говорил о ручке... Я немедленно вызвал всех сотрудников, кто так или иначе соприкасался с трупом и вещами Пятакова. Грубо потребовал:

– Письменную ручку – на стол!

– Так из-за этого шум? Вот она, у меня, – фамильярно заявил врач. – Я её взял писать акты...

– Вы арестованы, – сказал я.

Часовым приказал врача увести в камеру, всех отпустить, а сам стал внимательно изучать ручку. Отвернув колпачок, я увидел внутри, на стержне, обмотанную нитками бумажку. Я вынул стержень, развернул клочок жёлтой этикетки, которая вся была исписана иероглифами.

* * *

Я поехал в железнодорожную больницу. Обогнув баню, заметил в сторонке Петю. Он подбежал ко мне и отрапортовал:

– За время моей караульной службы палатой номер восемь, где лежит Пётр Васильевич, никто не интересовался!

– Кто должен интересоваться и что это за караульная служба? – строго спросил я.

– Это мы решили с мамой. Шесть часов караулю я, шесть часов мама. А интересоваться могут, ну, те...

Я командным голосом приказал:

– Боец Красной гвардии Пётр Петрович, пост возле больницы отменяется! Вы свободны!

– Слушаюсь! А что, всех сцапали?

– Всех. – Но это было далеко от действительности.

В палате я застал одну Серафиму Власовну.

– А где Пётр Васильевич? – удивлённый его отсутствием, спросил я.

– Ушёл звонить в ЧК по сто первому номеру. Он считает, что ЧК обязана поблагодарить Матроса за революционную бдительность.

Через несколько минут вернулся из кабинета главного врача Козлов. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

– Позвольте порадовать вас, Сергей Александрович: вы получили отпуск на сутки. А потом вас ждёт Ванда Павловна.

Я достал бумажку, что нашёл в авторучке Пятакова, и передал Козлову. Он предложил Серафиме Власовне погулять с Петей.

Козлов развернул листок и прочитал вслух: «Как я вас всех ненавижу. Полковник Окадо остался в дураках. Шкатулка, что увезли в Японию, – копия. Её сделал отец Чжи, а оригинал вы не найдёте. Резидент К, покажи место Зое, где меня закопают. Она стерва, но я её любил».

Не дали мне отдохнуть. В час ночи в наш пятистенок пожаловал Кондрат Смыков. Он был навеселе. Бормотал:

– Прости, Сергей. Это всё монах, как вы его называете... Иро-ним... Он пьяный с бабой Кэт в моей горнице монашёнка лепят... Какой стыд! А она... эта Кэт... мужику, с которым пришла, приказала: «Сиди за столом, пей с хозяином спирт и никого не пускай в наши апартаменты». И ещё кричала: «Милый Иеронимчик, перед смертью не грешно и удовольствие получить! Мой босс Болл растворился в урмане воров... Видела, видела, как англичанина окружили «Иваны»... И потерялся Болл».

Монах мне велел тебя привести. Только он просил, чтобы ты не торопился...

* * *

Но и после, когда мы отвезли Кэт и липового Прохорова в здание ЧК, не дали мне отдохнуть. Утром приказано было вместе с Вандой Павловной продолжать допрос Саркуевой.

Она нас встретила с улыбкой.

— Зоя Григорьевна, что можете рассказать про брата Аркадия? — спросила Михайлова.

— Мы с ним идейные противники. Он большевик, а я монархистка. Ум имеет отца, а по характеру — служанка Елизавета. После того как он вернулся с фронта я с ним не общалась. Тюфяк.

— А у нас есть факты, что вы регулярно поддерживали связь с Аркадием и часто давали разнообразные задания вплоть до приказов убить, то есть убить.

— Мне надо подумать о том, что ты сказала. Я бы попросила, если это возможно, отложить мои рассуждения о моих заданиях и приказах брату до момента, когда я выясню, какими фактами вы располагаете. Всё же это мой брат.

— Согласна. Мы не торопимся. Для вас приготовили ванну.

* * *

Прошёл час. Вошёл Ян и доложил, что Саркуева приняла ванну, переделалась, попила чаю и спокойно посматривает в окно, напевая какую-то мелодию.

— Спокойна? — спросила Ванда Павловна.

— Чересчур спокойна. В шутливом тоне выразила неудовольствие, что Рябой и Пулька не захватили её любимое мыло. У меня спрашивала, знаю ли я Наташу Быкову. Я ответил, что знаю.

— Ты, Ян Яович, отдохни. Мы пойдём беседовать с Саркуевой. Напротив стоит дом Сафонова. Он пустует. Посели там кого-нибудь на несколько дней, пусть за нашими окнами посматривают. Если Ванаг и Пантелеев заметили, как мы задерживали Саркуеву, возможно и ещё кое-кто...

Мы вошли в комнату под номером три. Саркуева стояла возле окна.

Я сел к тумбочке и приготовился писать протокол. Саркуева подошла к столу, села и как бы сама себе проговорила:

— Разочарована я в мужиках. Ничего нельзя им доверить: то смалодушничают, то ума не хватит, то что-нибудь перепутают. Вы, Ванда Павловна, согласны с моей оценкой мужчин?

– Нет, – ответила Михайлова, – в большинстве мужчины серьёзные, решительные, здравомыслящие и исполнительные. Не мужчины виноваты, что в вашем окружении попадались слабохарактерные... Зоя Григорьевна, мой первый вопрос. Несколько часов назад вы на мой вопрос «У родителей ещё есть дети?» ответили: «Нет». Я вас спрашивала, что можете рассказать про брата Аркадия. Вы изменили своему первому ответу и назвали его тюфяком.

Саркуева посмотрела на меня, подмигнула.

– Ванда Павловна, несколько часов назад, отвечая на вопрос, не подумала, и у меня очень болели руки. Да, брат у меня есть. Мы с ним идейные противники. Он большевик... Я об этом уже говорила.

Ванда Павловна, не бросайтесь мыльными обвинениями. Да, я разочарована. Вы слишком много знаете обо мне, коль разработали эту комбинацию с моими вещами и арестом. Вижу, вы обложили меня. И Яшку-дурачка специально привезли из Владивостока. И Скворцова подбросили на станции Мациевской. И сама Ванда допрос ведёт. Для меня это честь. Сожалею, что тебя, Ванда Павловна, не убила во Владивостоке в ресторане «Русь». Помнишь вечер, когда китайский коммерсант Чень танцевал с Наташей Быковой? Я поняла тогда, что ты неслучайно в ресторане. Ты их оберегала от неприятностей. Они тебе дороги. Я задала себе вопрос: почему жене вора дороги китайский купец и сумасбродная девка – большевистский «почтальон»? В тот вечер мои мысли плыли по неузнаваемому руслу. Я представила, что Император заинтересован капиталами китайца. На второй же день выяснила: у Ченя больших капиталов нет. Для меня прояснилась связь Наташи с тобой. Да, я пожалела, что не прирезала тебя возле парадного входа в ресторан «Русь». Меня погубила беспечность. Я смеялась над тобой, женой вора, транжиркой денег, любительницей ресторанов. А однажды, когда шайка «Очко» гуляла в ресторане «Версаль», ты велела Рябому налить всем по фужеру водки и первая выпила. А потом ещё пошла с Чижиком танцевать «Ту степь». На такие проделки резидент никогда не пойдёт. И я тебя выбросила из рядов противников. Меня подвела интуиция.

Ты, Ванда Павловна, удивлена моей откровенностью. Такова жизнь. Выкинуть меня, расстрелять твой орган не позволит. Такие специалисты по Японии нужны не только в Совдепии. Я себя не рекламирую, как американцы жвачку. Такая персона, как я, нужна вам. Немного рискну, пощекочу ваши нервы. Вы неучи. Думаю то, что вы успешно сорвали замысел теракта, не ваша заслуга, а резидента К. В ванной, отмывая вагонную грязь, я пришла и к третьей причине своего провала. Это сердечная привязанность...

* * *

— Кто такой Кэп-Найф?

— Это мой венчанный муж. Я прожила с ним четырнадцать лет. И как ни странно, не привыкла к нему. И сына родила от него, а муж оставался мне чужим. Знаешь, Ванда Павловна, за всю зрелую жизнь я дважды совершила недозволенные, антиправственные поступки. Поддалась чувствам. Отключила разум. И говорю откровенно, если бы ещё один раз подвернулся такой момент, я, возможно, постаралась бы специально отключить разум. И не на одну ночь, а на месяц... И ни перед кем бы не оправдывалась. Вот тут я убила бы любого, кто потревожил наше блаженство или посмел бы обидеть его...

— Вы, Зоя Григорьевна, имеете в виду купца Андрея?

Саркуева поднялась, лицо покрылось пятнами, глаза помутнели, нос вытянулся, подбородок опустился.

— Вы и это знаете? — произнесла она загробным голосом.

— И вы же его отравили, — глядя в глаза Саркуевой, чётко произнесла Ванда Павловна.

Саркуева стукнула кулаком об стол:

— Ванда Павловна, с этим не шутят! И твоя вина есть в том, что Андрея отравили семёновские контрразведчики Богалей и Сурин. Да, приказ отравить Максимова, а не Андрея, отдавала я. Но я не знала, что ты так хитро замаскировала Максимова под Андрея. Я знала вора — купца Андрея. Неоднократно встречала его. В ресторане «Версаль» пила с ним шампанское, танцевала. Позволяла ему провожать меня... Мне ни один ре-

зидент даже не намекнул, что вор-купец – ещё и доверенный николаевско-уссурийского резидента большевиков.

Ты, Ванда Павловна, виновата. Видела, что он мне небезразличен. А тут первого июня американский резидент сообщил, что большевик Максимов имеет прямую связь с Москвой, Петербургом, Новониколаевском. За три года моей тесной работы против большевиков я ни разу не получала информацию о каком-то Максимове. А мне необходимо было уже отправляться в путь. Я приказала отравить Максимова, передать японской контрразведке. И чтобы они выпытали у него шифры, дешифровки, места, откуда идёт информация. Повторяю: я не знала, что Андрей и Максимов – одно лицо. Узнала, когда была уже в Харбине. И мне передали, что Богалей и Сурин отравили большевика и вора, купца Андрея...

А я мечтала, много раз мечтала ещё раз-два пообщаться с Андреем... Пока не совершу то, что задумала.

– Сожалею, Зоя Григорьевна, мечта останется...

Вошёл Иван Петрович. Мы встали. Саркуева тоже поднялась. Павлуновский по-доброму поздоровался, с улыбкой произнёс:

– Завидую вам, товарищ Скворцов. Вы находитесь в окружении самых красивых женщин Сибири. – Он подошёл к Саркуевой. – У вас имеются жалобы на следователей?

– Жалоб нет, – твёрдо ответила она.

– Тогда на сегодня допрос закончен. Товарищ Скворцов, уведите Саркуеву в её камеру и передайте под надзор Алексею Алексеевичу.

Саркуева подняла подбородок.

– А вы, Иван Петрович, не желаете задать мне хоть мало-значительный вопрос?

Павлуновский подмигнул Саркуевой.

– Потом, Зоя Григорьевна, потом. У нас найдётся время ещё пообщаться. Идите с радостью. Мне сообщили из Омской психиатрической больницы, что противоядие Сань-Тиенской тайной организации положительно подействовало на Андрея...

Саркуева стояла, хлопала глазами:

– Не поверю, что в чрезвычайке работают люди с челове-

ческими лицами. Если это правда – благодарю. В долгу не останусь. – Она повернулась в мою сторону. – Скворцов, води в камеру, а то от радости запрыгаю.

Она засмеялась.

* * *

На следующий день продолжался допрос Саркуевой.

– Ванда Павловна, мы женщины. Можем оказать друг другу взаимовыгодную помощь. Я много прокрутила вариантов, если вы, большевики, раскроете меня. Я романтик. В городе Каинске работает ваш сын Пётр Петрович. Вы с ним очень давно не встречались. А жаль! Симпатичный мужчина. У моего резидента Романенко имеется досье на вашего сына. Так что особо не копай яму своему Петеньке...

– Ну что ж, видно, мы в этом деле обе романтики. Зоя Григорьевна, когда ваш муж был переведен в город Владивосток, вы до Новониколаевска ехали втроём. А из Новониколаевска вдвоём. Потеряли одного человечка. А я его нашла. Показать фотографию Гриши?

Долго длилась тишина. Глаза Саркуевой покрылись пеленой слёз.

– Показывай.

Ванда Павловна подала Зое Григорьевне фото. Попрятельски произнесла:

– Вам знаком этот мальчик? А какая вышивка на воротнике и на груди! Я думаю, вышивку эту вы делали в минуты отдыха. Не правда ли, миленький мальчик? Смею заметить, у него есть некоторые черты, схожие с Алфеем...

– И когда вы взяли в орбиту своих действий моего сына? – спросила Саркуева.

– Как только узнала, что жена контр-адмирала устроила непонятную игру с моим посланцем в одном из партизанских отрядов. У меня к вам прямой женский вопрос: куда девали ребёнка, зачатого от Андрея?

– Вы что, Ванда Павловна, ведьма?

– Я, Зоя Григорьевна, женщина. И из практики знаю: если молодая женщина идёт на всё, чтобы взять в объятия муж-

чину, рискует своей жизнью и творит невероятное... Весь организм пылает для появления желательного потомства. Это естественно. Где от Андрея дитя? Я это спрашиваю не ради любопытства. Для меня Андрей как сын, и я отвечаю за него перед его матерью. Вдруг, да ты, монархистка, выкинешь что-нибудь такое, за что мне придётся тебя убить! Я должна знать, где сын Андрея. Сегодня я тебе признаюсь: как только ты перестала ходить в «Версаль», Рябой должен был знать все твои городские прогулки. Ты провела его и ещё кое-кого... Спрашиваю: куда девала ребёночка от Андрея?

– А я спрашиваю: где мой сын Гриша?

– Жив-здоров. Вчера его перевезла в другой дом. Находится под наблюдением Краснофала. Ты его должна помнить. На станции Могоча ты его нанимала, чтобы выманить Андрея из помещения станции.

– Так же иносказательно говорю и я: мой младший сынок одет, сыт. За ним приглядывают две женщины, имеющие университетское образование. До него тебе, Ванда Павловна, не добраться.

– Время покажет, Зоя Григорьевна.

Михайлова поднялась и покинула комнату.

* * *

– Зоя Григорьевна, в прошлый раз я вас спрашивала, кто такой Кэп-Найф. Вы ответили: «Мой муж». А кто зашифрован под Ё сиси Кэп-Найф?

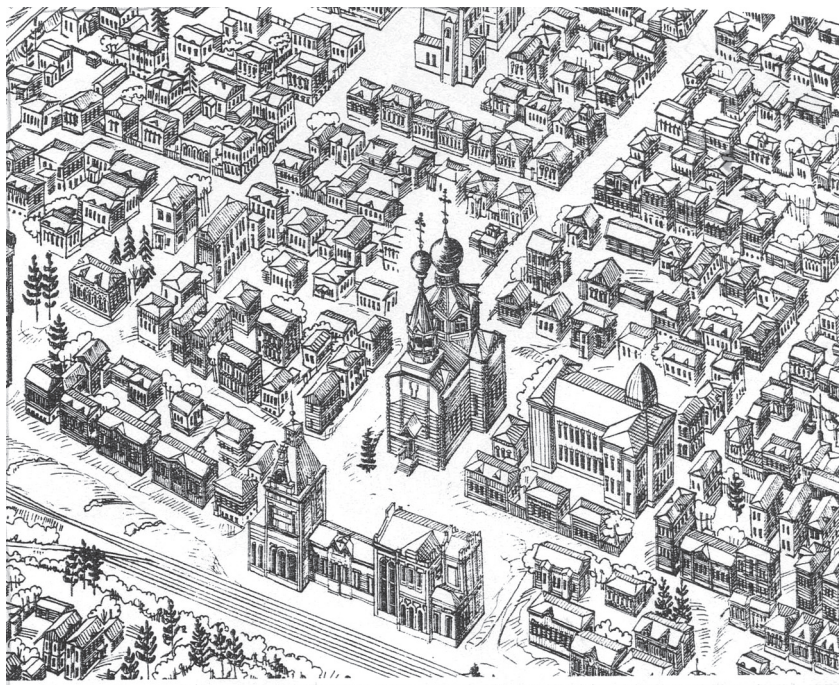
– Мой муж, Алфей Константинович Иноев, и мой брат, Аркадий Григорьевич Зубов.

– А вы?

– А я над ними главная Ё сиси Кэп-Найф. Ну какой разведке придёт в голову искать под псевдонимом приёмного сына женщину из богатой семьи с классическим образованием?

* * *

– Приехала я в Японию, и на офицеров военной разведки произвела впечатление. В совершенстве владею восточными и европейскими языками, циркачка с холодным оружием. И

*На переднем плане – станция Новониколаевск,
где в 1921 году задержали Зою Григорьевну Саркуеву*

стреляю я, Ванда Павловна, не хуже твоей хваленной Наташи Быковой.

– Зоя Григорьевна, как я знаю, нигде ваши дороги не соприкасались с Быковой. Откуда в вашей интонации злость на Наташу?

– Она, эта сумасбродная девчонка, однажды в ресторане «Версаль» увела у меня из-под носа Андрея. А я уже приказала приготовить номер...

– Можно вас попросить: напомните, когда это было.

– Четвёртого апреля двадцатого года.

– Зоя Григорьевна, это я разбила ваши счастливые ожидания. Мне нужно было срочно отправить Андрея в Никольск-Уссурийск к командующему Булгакову-Бельскому и предупредить его о готовящемся выступлении японцев по всему Приморскому краю. Ваши друзья-японцы, несмотря

на успешную работу Русско-японской согласительной комиссии, где по договору должны были эвакуировать свои войска из Хабаровска до Спасска включительно. Вместо мира и обещания придерживаться нейтралитета и не выступать, ваши друзья нагло нарушили все пункты соглашения. Четвертого апреля я узнала о планах японцев и предупредила всех, кого успела. Андрея отправила в Хабаровск. В связи с тем, что вы назвали Наташу Быкову, у меня к вам вопрос: не давали ли вы поручения своим холуям за последние две недели убрать Наташу?

Фиса Александровна Ванаг

— И вы не можете её найти! Мои резиденты потеряли её в Чите.

— Зоя Григорьевна, вы махровая монархистка, мне ясно. А по вере вы кто?

— Мне на эту чушь времени не нашлось. — Сидела, улыбалась — ни волнения, ни беспокойства.

Я видел: Ванду Павловну удивляла её выдержка.

— Зоя Григорьевна, я поражаюсь вашему самообладанию. Напоминаю: на вашей совести несколько трупов.

— Ванда Павловна, я принижать себя и свои дела не собираюсь. И вы не докажете ни одного моего преступления, если только я самолично не признаю их.

— Я уполномочена от имени ЧК предложить вам сотрудничать.

— Предположим, я соглашусь. И что, каждый день мне придётся общаться с вами? А вы не думаете, что мне противно будет общение с людьми, которые разрушили суть моей жизни, мои планы?

– С момента, когда мы начнём с вами работать, у вас появится новое понятие своего предназначения. Я вас приглашаю в работу во имя России, независимо от того, какой строй. Вы становитесь нужной не для японцев и других иностранцев, а для русских.

– Ванда Павловна, вам не надоело швыряться лозунгами? На Дальнем Востоке японцы, американцы, французы, англичане, немцы грабят Россию, внутри России вожди, евреи разожгли междоусобную бойню. Я с вами работать не собираюсь. Считайте, что Саркуева-Зубова выбрала себе пулю.

– Ну и получите пулю, – вырвалось у Михайловой.

– Догадываюсь, вы бы рады от меня избавиться.

* * *

В комнату под номером три вошёл Налим в сером костюме в полоску и белой рубашке. Лицо сияло. Саркуева вскочила:

– Налим, ты здесь?

Он сморщил нос.

– Простите, мадам, я с вами не знаком.

– Не финти, Налим! Не ты ли в Харбине обчистил карманы Кувье, а в Чите избил Аркадия?

– Ещё раз простите, мадам. Вы ошиблись. Я, кроме Ново-николаевска, нигде не бывал.

Саркуева поднялась, подошла вплотную к Налиму и, словно собака, стала обнюхивать его костюм, руки.

– Мадам, что вы делаете? Мне неудобно-с...

– Скажи, что ты сделал с сыночками?

– Кто это такие?

Саркуева смотрела звериным взглядом на Налима. Он повернулся в сторону Михайловой и чётким голосом произнёс:

– Товарищ Михайлова, всё исполнил, как приказывали. Поместил в доме Сафронова...

Ванда Павловна поднялась, подошла к Налиму, подала руку:

– Спасибо, дорогой Антон Маркович. Вам двое суток достаточно, чтобы отдохнуть? – Ванда Павловна открыла сумочку, достала маленький листок, протянула Налиму. – Вам заказан номер в гостинице «Сиббюро»...

– Премного благодарен. На отдых мне хватит и суток. Хазку имею вблизи Дома учителя. Если что срочное появится, Бычиха знает, где меня найти.

Налим поклонился, подмигнул мне и вышел.

Саркуева продолжала стоять.

Ванда Павловна предложила:

– Садитесь, Зоя Григорьевна. Вы ошиблись в отношении этого мужчины. Налим по моему заданию работает во Владивостоке.

– Ванда Павловна, – грубо, чётко произнесла Саркуева, – давай договоримся: ты мать, и я мать. Сердце матери трудно обмануть.

– Принимаю предложение. Как только поймаем резидента Романенко, я предоставлю вам возможность покормить материнским молочком Андрейку. Так, кажется, вы назвали второго сына? Продолжим допрос: Зоя Григорьевна, вы случайно не знаете, кто убил жену вашего брата Веру?

– Почему не знаю? Я убила. Она, дура, сказала отцу, что я связалась с японцами. А отец считал и считает, что Россия должна иметь свой путь развития. Он болен патриотизмом. Для него русский человек должен всегда оставаться верен России. Я не желала лишаться финансовой поддержки отца. А чтобы Вера больше не балаболила, я её и убила, не доезжая станции Мулин, двадцать седьмого июля восемнадцатого года. Она сама виновата. Невестка пожелала быть ближе к материальным благам, чем дочь. И вот уже три года праху её.

* * *

Ванда Павловна срочно уехала в город Каинск. Допрос Саркуевой поручили мне. Саркуева размышляла:

– Сергей, русская женщина не может по своему желанию строить свою жизнь. Она должна всегда приспосабливаться к мужу, родителям. Меня от всего этого тошнило. И на поклонников я смотрела как на своих будущих притеснителей. А зачем он мне? Жутко трудно русской женщине быть самостоятельной и жить, как она желает, по своим представлениям! У меня заранее появлялись мурашки, что он, муж, будет мной

командовать — от постели до затрат на украшения. И когда в третий раз возле нашего дома в Саппоро появился военнопленный Алфей, я сказала ему: ты будешь моим мужем, если согласишься на полную мою самостоятельность.

Чем больше я слушал её, тем больше мной овладевали чувства раздвоенности. С одной стороны, идейный враг, убийца, а с другой... Да и кофта, которая обтягивала её круглую крепкую грудь... И голос звучал звонко, твердо. Она продолжала размышлять:

— Выбрали первую Государственную думу. Вблизи и издали смотрела на депутатов. Сергей, что за сброд толстопузых широкозадых мужичков! Они, бледнолицые, привели революционеров к власти.

* * *

— Каждый день моей жизни неизменно содержал элементы риска; бодрил, молодил, радовал. Я не жила вслепую. — Она подняла глаза, взгляд встретился с моим. — Сергей, куда убежала Ванда Павловна? Поселок Майма далеко от Новониколаевска? Ну что ты сидишь как истукан? Хоть одним словом порадууй меня. Эх, зря я тебя в Мациевской не убила! А как чесалась правая ладонь! Ну скажи, кто меня перехитрил? Ванда Павловна? Она слишком примитивна. Император? Нет. Вор хоть и хитер, но продумать все, сопоставляя незначительные факты, неспособен. Тебя я в расчет не беру. Молод.

— Я ничего не знаю про поселок Майма, — ответил на её вопрос. — А вот где сейчас находится Ванда Павловна, мне разрешено сказать вам, если у вас появиться интерес. Она поехала в город Каинск арестовывать резидента Романенко. Он, кажется, должен был вас сопровождать до Челябинска. А если вы не собираетесь в Москву, зачем без дела будет штаны протирать.

* * *

— Ты в прошлый раз спрашивал про Алфея, мужа моего. В моих глазах он слегка смешон. Должна признаться: молодым

лейтенантом он был привлекателен. Я в некотором замешательстве, приступая к основной проблеме моей откровенности. О супруге. Я пыталась сама найти его. Искала. И наткнулась на него. Молод. Симпатичен. Молодой лейтенант... Долго спорила сама с собой, правильно ли я поступаю, без любви соблазняя мужчину. Японцы одобрили мой выбор. Я в прошлом и сейчас не лишена гордости за свой ум и физическую подготовку. Я первая русская женщина, допущенная до святого святых, в систему подготовки военных разведчиков Японии. Я многие годы использовала ум, интуицию, знания, приобретённые в индивидуальной школе. И если сейчас, в тридцать лет, я способна, как девчонка, влюбиться, прихожу к выводу: годы напряжённой работы не уничтожили в моей душе и сердце умение переживать и плакать пламенем необычного восторга – встреч, объятий, ласки.

А муж Алфей слюняй. Мне надоело его шпынять, подсказывать, вести, приказывать... О, балаболить он способен! Наизусть знает Каутского, Ленина, наделён ораторским искусством, выглядит превосходно. Особенно когда в контр-адмиральской форме... А вот разгадывать людей, втягивать их в свою орбиту жизни, улавливать их мысли не способен.

Серёжа, Ё сиси Кэп-Найф – это я и есть. Ванда права в своих догадках.

В девятьсот тринадцатом году, когда Россия достигла невероятных успехов в экономическом развитии, я не радовалась. Пришла к выводу: скоро наступит крах. Успех России испугает развитые страны. Они начнут плести возможные и невозможные интриги, чтобы остановить Россию в её стремлении обойти Америку, Англию, Германию, Японию. Они задумали уничтожить Россию. Какими силами? Внешними и внутренними.

В том, тринадцатом, году одни поехали за океан, в Америку, другие в Европу, а я в Японии жила. Одни уезжают с целью изменить социальный строй России. Кричат о конституции, равенстве, свободе, о правах человека. А я живу в чужой стране, чтобы познать страну, которая никогда не успокоится, поглядывая на соседку, где много земли, много богатства

и мало порядка. Я не изменила России. Я сказала себе: всё, что можно познать в Японии, познай. Кто тебе пригодится в дальнейшем — окружи своим вниманием, обласкай, очаруй, признай другом. Как только начало расти чрево, выехала в Россию. Я сына Гришеньку родила в Москве.

Наносила ли я ущерб России до революции? Конечно. А уж после, когда наступил хаос, тем более.

* * *

Я размышлял: что задумала Ванда Павловна? Не блефует ли Саркуева, заявляя, что в одном из камешков в её брошке находится противоядие Сан-Тиенской тайной организации? Ванда Павловна не насмелилась разодрать брошь, попытаться раскрыть цветные камешки, найти порошок, дать выпить Андрею. Иван Петрович говорил о том, что Андрей идёт на поправку. Это неправда. Несколько раз напоминал Ванде Павловне о фотографии Саркуевой в шапочке с белой брошью. А я её видел в Мацеевской в шапочке с чёрной брошью. Где белая? В ридикюле её нет. В двух чемоданах, что привезли Пулька и Рябой, её нет. Я высказал предположение, что она белую брошь передала брату Аркадию. Но у него её не нашли. Тут же вспомнил про ламу, которого я по просьбе Козлова велел отпустить.

Ванда Павловна думала совсем о другом. Она решила в Омск отправить мать Андрея. Здесь, в Новониколаевске, а может быть, и раньше у неё появился и другой план: больного Андрея будут лечить мать и женщина, которая любит его. Коллегия ЧК решила: в одном поезде поедут Козлов с драгоценностями, что мы привезли из Читы, и мы с Саркуевой. Пётр Васильевич взял себе в помощники Огонька и Ленского. Саркуеву сопровождать будем я, Ян и Авдотья Семёновна. Инструкция заверила нас с Яном: «Не бойтесь Авдотью Семёновну оставлять один на один с Саркуевой. Она бывала во многих сложнейших операциях и выходила победительницей. Одна просьба: следите, чтобы Саркуева даже случайно не пересеклась с Рыжим. Он что-то скрыл от нас о своих прошлых делах с Саркуевой».

Что скрывать, у меня было хорошее настроение. Золото и драгоценности ночью перевезли из подвала Сибревкома на военную платформу и там погрузили в специальный вагон.

Зубов-Прохоров-Урватенко находился в спецтюрьме ЧК. Козлов доволен ходом допросов. Зубов не отрицает свою контрреволюционную деятельность и роль в теракте. Кэп-Найф-Пятаков повесился. Его жена Саркуева арестована. Даёт показания. Согласна помочь вылечить Андрея. Иностранные представители разведок находятся в тюрьме «до выяснения личности».

Большинство друзей Родственника, с кем я познакомился на станции Мацевской, выполняли и выполняют поручения. Дракон и Жираф остались в Чите. Еван справился с заданием, Налим отдыхает. Рябой и Пулька, с которыми я встречался в Чите, смогли привезти два чемодана вещей в Новониколаевск и сдать в ЧК. Правда, потом они исчезли. Но привезённые ими альбомы и вещи дали нам возможность доказательно обвинять Саркуеву, а ей не позволили отрицать свою связь с иностранными резидентами и антибольшевистскую деятельность.

Перед поездкой в Омск я передал протоколы допросов Саркуевой Ивану Петровичу. Он мне до начала допросов приказал с протоколами никого не знакомить. И даже Родственника. Конечно, он узнает, что мы получили из Москвы разрешение работать с Саркуевой. Но для неё Императора в живых нет. Попросил быть готовым защитить Авдотью Семёновну и Андрея. Ещё он сказал, что в доме Сафронова, который стоял через дорогу напротив дома Жернакова, живут дети Саркуевой. Я, неопытный работник в органах, и то понимал, какую ценность представляет для ЧК Саркуева. Женщина общалась с резидентами Америки, Англии, Франции, Германии и Японии. Она может многое рассказать о методике подготовки, оперативном сыске, скрытой временной и долговременной работе. Ей удавалось почти восемь лет работать и не раскрыть себя. Её истинное лицо знал только полковник Окадо. Она умело выставляла мужа как Кэп-Найфа, брата как Кэп-Найфа, умудрялась давать брату и мужу задания, проверять выпол-

*Григорий Алфеевич Пятаков,
г. Новониколаевск, 1921 г.*

нение, подстраховывать, а самой оставаться в стороне. Иван Петрович предложил уговорить Гоу и его супругу не покидать Россию.

Июнь, 26. Воскресенье.

* * *

Рано утром в бывший дом Жернакова пожаловали гости – Иван Петрович и пятидесятилетняя женщина. Женщина поразила нас с Яном своей красотой. Павлуновский представил женщину:

– Познакомьтесь, Авдотья Семёновна Максимова.

Женщина слегка поклонилась. Внимательно осмотрела меня, потом Яна. Руки не подала. Чеканя слова, проговорила:

– Меня вкратце проинформировали, кто вы есть. Надеюсь, мы найдём общий язык в выполнении задания. Я из Петрограда. Работаю в органах с восемнадцатого года. Вдова. Мой муж Сергей Поликарпович погиб в марте, подавляя Крондштатское восстание.

Она села к столу, достала папиросу. Я поспешно поставил на стол пепельницу, зажег спичку. Дал прикурить. Ян вышел. Женщина затянулась и, выпуская дым, продолжила:

– Товарищ Скворцов, всё, что нужно знать о тебе, мне рассказали. Я привыкла работать одна, но тут дело серьёзное, попрошу к советам седой женщины прислушиваться. Я привыкла слушать людей, ценить их откровенность, насколько позволяет наша работа. Я малограмотная. И на будущее про-

шу не смеяться над моими каракулями. — Ян принес чайник и поднос с сухариками. Максимова продолжила: — Я просила и вас, Ян, командировать с нами, но Иван Петрович считает, что вы здесь незаменимы. Но я уверена, что мы еще с вами поработаем. А сейчас, Ян Яович, поезжайте на вокзал. Если заметите что-то необычное, дайте нам знак: поднимите вверх обе руки. Первой привезут Саркуеву. Проводят в купе. Дадим ей время обжиться. Потом подъедем мы. Внимательно следи за её руками, пальчиками. Когда она поднимет правую руку и пальчиками начнёт будто поправлять шляпку, когда играет пальчиками, словно играет на пианино, предупреждает: не подходите, опасно; предлагает: выйдите. Когда втирает пальчиками брошку, предупреждает: идёт наблюдение. Я эти её движения уловила, когда вместе с ней ехала в поезде и когда она стояла на перроне.

Ян ушёл.

Иван Петрович обнял Авдотью Семёновну:

— Я уверен, всё пройдет хорошо. Сыну от меня передайте большой привет.

— Почему вы не устроили мне встречу с Анютой?

— Её нет в городе. Она выполняет очень опасное задание.

На время дом Жернакова останется без узицы.

* * *

Мы с Авдотьей Семёновной вошли в купе. Саркуева стояла и смотрела в окно. Я тихо произнес:

— Здравствуйте, Зоя Григорьевна.

Она не повернулась и не ответила на приветствие. Максимова подмигнула мне и звонко, игриво спросила:

— Сережа, а ты не забыл и на меня прихватить табачку?

Саркуева резко повернулась от окна, впилась взглядом в Авдотью Семёновну и с волнением в голосе спросила:

— Вы кто? — Перевела взгляд в мою сторону. — Сергей, это кто? Она не может быть работником ЧК. Такие прекрасные чистые и честные глаза, такая добрая улыбка... Вы кто?

Максимова улыбалась, привлекая Саркуеву сесть рядом с ней на лавку.

– Мне, сударыня, стеснительно слышать о себе похвальные слова: работник ЧК, не работник ЧК, они к нашей общей цели не имеют отношения.

Саркуева рывком сняла шляпку и бросила её на лавку. Рыжие волосы рассыпались по плечам.

– О, вот это дело другое, – продолжила Максимова. – Вот вы действительно прекрасны. Так вот, Зоя Григорьевна, вы уже знакомы с Сергеем Александровичем, а я познакомилась с ним час назад. Мне предложили быть его провожатой.

– А вы на самом деле Авдотья Семеновна Максимова или это всё выдумка?

– Зоя Григорьевна, Андрей мой сын. По батюшке Сергеевич...

– Сергей Александрович, зачем придумали этот жестокий спектакль?

За несколько дней общения Саркуева впервые назвала меня по имени и отчеству. Я молчал. Она вновь повторила вопрос. Сжала ладони в один кулак. Максимова придвинулась к Саркуевой и взяла её сжатый кулак в свои руки. На лице Авдотьи Семёновны заиграла обворожительная улыбка:

– Миленькая Зоенька, а что ты так взволновалась? Не рада нашей вторичной встрече? Не желаешь мне помочь излечить сына? Я вот подумала: от моего Андрея и от тебя пойдут такие красивые ребятки... А может быть, уже пошли? Вчера меня возили за Каменку. Познакомили с Гришей. Я его попросила, чтобы он тебе письмо написал. Будешь читать?

– Не верю! – крикнула Саркуева. – Это всё Анютины проделки! Где было видано, чтобы в России спекулировали детишками?

– А для меня, гражданка Саркуева, все способы хороши, лишь бы кровинка моя была здоровой. Мне кажется и для вас, гражданка, наступило время и о моём сыне подумать, и о своих. Я в хитростях тайной войны небольшой специалист. Научилась читать-то в пятьдесят лет. Повздорил Андрейка с отцом. Ушёл в заводское общежитие. Дом опустел. Вот я и стала в свободное время буквы складывать и в смысл предложений вникать. Потом взяла под руку своего муженька – и

к сыну в отряд. Вы уж, Зоя Григорьевна, простите старуху, если что не так скажу. В органы меня взяли, потому что, когда доверяют какое дело и разрешают самой принимать способы распознать истину, я в голове копаюсь. Сопоставляю. Сравниваю и прихожу к нужному результату. Сергея обвинять не смей! Никакого спектакля нет. Ты где была в пятницу, десятого июня? Что молчишь? Говори!

– На станции Мациевской.

– Вот-вот. На станции Мациевской. А я в этот день поздно вечером получила командировку в город Новониколаевск. А сына моего Андрейку, как мне недавно передали, в тот день через границу вблизи города Кобдо чужие люди как бы на себе несли. Ты, Зоя, следишь за моими словами? Вы его отравили, а кто-то, зная, что для матери сын – это все, проявил заботу, чтобы я приехала и была рядом с ним. С умирающим сыном.

– Не говорите так! От того яда, что ему дали, не умирают... Его можно вылечить.

– Так давай, Зоя Григорьевна, и попробуем вылечить. Мне тут кое-кто говорил, что вы однажды уже спасли моего сына от смерти, так как питаете к нему чувства. Я сомневаюсь. Вы, как мне рассказывали, имеете два университета, транснациональную спецшколу. Общаетесь на пяти языках с иностранцами. Мой Андрюшка даже гимназию не оканчивал. При заводе воскресную школу посещал – и всё. Время покажет. Возможно, я ошибаюсь. – Максимова нежно погладила пальцы Саркуевой. – У твоего сына Григория твои руки. Умным будет и понятливым, как мать. – Авдотья Семёновна сбросила улыбку с лица, отвернулась от Саркуевой. – Приедем в Омск, пойдём в госпиталь. Я не хочу, чтобы возле нас крутился десяток мужчин. Хватит одного Сергея. Надумаешь бежать, скажи мне. Я тебе сразу голову сверну – за Андрея и за остальных. Не скажешь, а в сторону шагнешь или какой финт решишь выбросить... В Японии тебя многому научили... Предупреждаю: невестка мне косоротая и слепая не нужна. А ты такой будешь, если не послушаешься меня. – Авдотья Семёновна повернулась в мою сторону. – Сергей Александрович, принеси кипяточку. Пора пообедать. Зоя утвердила себя, что с такой львицей, как

Авдотья, ей не справиться. А вот когда я буду её свекровью, она из меня начнет лапти плести. Это может и не свершиться...

*Алфей Константинович Пятаков.
В день ареста. Июнь 1921 г.*

Глава четырнадцатая

В полдень 23 июля 1921 года мы с Петром Васильевичем вернулись из Омска в Новониколаевск. В кармане пиджака лежал свёрнутый вдвое листок. Это был документ о том, что золото в слитках и драгоценности переданы филиалу Российского банка.

На вокзале Козлов купил у мальчишки газету «Советская Сибирь» двухдневной

давности. Наняли извозчика и поехали в сторону городской больницы.

Пётр Васильевич, раскрыв газету, прочитал: «Угрозыск сообщает.

В магазине на углу Каменского проспекта задержана молодая воровка – Ольга Муравьёва. Она украла три пары калош».

Козлов побледнел, а меня бросило в жар. Ольга Муравьёва – дочь полковника Ивана Захаровича Муравьёва. Этого не может быть!

В кабинете главного врача городской больницы нам вручили акт № 138. В нём было зафиксировано: «1921 года июля 21 дня, я – заведующий больницей 6-й городской Сафонов, в присутствии дежурного по корпусу надзирателя ИТД тов. Тюменцева констатировали смерть арестованного, числящегося Г. Р. Три-

Визировано по <u>Июня</u> 1921 г.	
Секретарь <u>[подпись]</u>	
Визировано по _____ 192 г.	
Секретарь _____	
Визировано по _____ 192 г.	
Секретарь _____	
Визировано по _____ 192 г.	
Секретарь _____	
Визировано по _____ 192 г.	
Секретарь _____	

Р. С. Ф. С. Р.

НОВО-НИКОЛАЕВСКАЯ

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

ПО БОРЬБЕ

С КОНТР-РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Личность и собственноручную подпись тов. Пантелеева свидетелствую.

Председатель [подпись]

№ 6148

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего тов. ПАНТЕЛЕЕВ Фёдор Абрамович состоит бриг. уполном. работ. Н. Николаевской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

Председатель [подпись]

Секретарь [подпись]

1921 г.

Удостоверение действительно при ежемесячном изгравации.

Тел. «Д.С.» № 3983.

*Удостоверение Фёдора Абрамовича Пантелеева, изъятное при аресте.
Июнь 1921 г.*

буналом Зубова Аркадия Григорьевича от возвратного тифа. Зубов поступил в больницу 28 июня с. г. и умер 21 июля с. г. Подписи...»

Пётр Васильевич спросил у Сафонова:

- Как умер Аркадий Григорьевич?
- Спокойно, – ответил врач.
- Высказывал какие-нибудь пожелания?

– Неоднократно просил пригласить вас к нему в палату, но вы отсутствовали.

– Что велел передать мне гражданин Зубов?

– Вам – ничего. А вот какому-то Императору просил передать письмо.

– Вы, гражданин Сафонов, давали подписку о неразглашении тайн, связанных с деятельностью ЧК. Так вот, под вашу ответственность сообщаю, я и есть Император.

Сафонов открыл сейф, достал лист.

– Позвольте, гражданин Козлов, предупредить вас. Письмо прошло санобработку только прошедшей ночью.

Пётр Васильевич взял лист, а я почувствовал сильную боль в сердце. «Господи, – подумал я, – ты, Аркадий, внёс в моё сердце боль. И всё же жаль, что ты умер».

Козлов осторожно сел на диван, раскрыл лист.

«Император!

Мне осталось жить несколько дней. Смерти я не боюсь. Хочу жить, хочу дышать летним воздухом, видеть твои спокойные пронзительные глаза. Но не твою шантрапу, особенно Налима.

В Иркутске Фукуда передал мне, что отца ограбили.

В Красноярске я получил известие, что моя мать попала в больницу из-за исчезновения семейного альбома.

Я знаю, это твоя работа.

Верни матери альбом – это всё, что осталось у неё от сына и дочери.

Твой враг и в могиле Аркадий».

* * *

Заканчивался двадцать третий год. Я продолжал учиться в Москве. Наша группа готовилась сдать экзамен по философии Гегеля. В аудитории, а мы учились в университетском корпусе, сидели одетыми в шинели. Согревали себя, отплясывая непонятные танцы, устраивая шуточные бои, борьбу, выкрикивая теоретические выкладки.

В один из предновогодних дней меня вызвали к начальнику курсов. С моим появлением на меня набросился мужчина

в полушубке, в белых чёсанках, в руке он держал большой кожаный портфель. Его голубые глаза бегали по моему лицу, будто выискивая на нём какие-то тайные письма. На вид ему было лет тридцать. Он орал:

– Чёрт кучерявый! Я на поиски тебя потратил неделю! Ты представляешь, что это значит при моей занятости?

– Зачем меня искать? – недовольным голосом оттолкнул от себя незнакомца. – Я вас не знаю...

– А я тебя знаю! Пока искал, всё о тебе разузнал. Даже то, что ты сам о себе не знаешь.

Я повернулся к начальнику:

– Объясните, что это значит. – А незнакомцу приказал: – Да отпустите вы меня! Что за панибратство...

Начальник улыбался.

– Товарищ Скворцов, он – посланец Василия Блюхера. У него к вам особое поручение.

Незнакомец взял меня под руку и повёл из кабинета. Мы вышли на Манежную площадь. Голубоглазый погладил меня по шинельке.

– Плохо вас, партийных, одевают. Можно и туберкулёз подхватить. Пойдём, Сергей, в ресторан. Я тебя накормлю и согрею.

Я не скрывал злость. Пусть он и от Блюхера, но так бесцеремонно вести себя при начальнике... Ответил на предложение:

– У меня нет денег, ходить по ресторанам...

– Чёрт, о деньгах не беспокойся. У меня их в достатке.

У меня учащённо забилося сердце. Он дважды назвал меня Чёртом. Так меня звали в Чите воры. Я пристально осмотрел мужчину. Попросил:

– Снимите шапку.

Он снял, вытянул лицо в мою сторону. Открыл рот.

– Ты меня не знаешь. Мы с тобой не встречались. Я тебе должен передать записку от Жирафа. Ты такого знал?

Я заулыбался. По предложению Ванды Павловны 15 июня мы оставили его в Чите с целью, чтобы он внедрился в банду Орлика. После того июня прошло почти два с половиной года, и никто мне не напоминал о нём.

- Что с ним? – спросил я
– Он общается с родителями в преисподней.
Я снял шапчонку.
– Чёрт, пойдём в ресторан.

* * *

Он не смотрел на меня. Официанту буркнул:
– Хоть одно блюдо не понравится, расчёт из твоего кармана.
Я заметил: из-за одного столика поднялся мужчина и загородил дорогу официанту. Наклонился к нему. Официант побледнел. Несколько раз поклонился и убежал на кухню.
Незнакомец открыл портфель, достал пакет. С поклоном подал мне.
– Чёрт, пока мужик накрывает стол, почитай. Не торопись. Я заказал жареных карасей. Ты, знаю, их любишь.

* * *

Я раскрыл пакет. Вынул исписанный лист, две вырезки из газет. Развернул первый лист.
«Чёрт, не знаю, кем ты сейчас служишь, поэтому обращаюсь к тебе, как раньше. Я скоро сыграю в ящик. Так вот, когда тебя ещё не было у нас, состоялся бомонд на Далай-Норском озере. Я в тот день утопил корефана Ваську Крота. Перед тем как ему захлебнуться, он просил меня. Так просил: «Жираф, в поясе моём много побрякушек. Ты всё отдай в общий котёл, но одну вещь, браслет, не отдавай. Возьми на время себе. А когда появишься в России, побывай у матери моей в Сызрани. Упади перед ней на колени. И попроси от моего имени прощения. Купи ей избёнку.*

Они с отцом всю жизнь прожили в съёмных комнатухах. И не забудь сказать: «От сына».

Чёрт, я Кроту пообещал. А выполняя задания Ванды Павловны, за последние полтора года не смог покинуть Читу. С поручением Ванды Павловны справился, а вот по делу Крота – нет. Мог Крашеный исполнить, что просил Крот. Но мать

* Бомонд (фр. *besimonde*) – высший свет, избранное аристократическое общество.

увидит его, глянет в его глаза и поймёт, что Васька её вором сдох. А вот если ты, Чёрт, появишься в Сызрани, без ирамов, без купоросных накладок, во френче и кожанке, она тебе поверит, Крот христианином умер. Знаешь, какую радость принесёшь! А зовут её Нина Ильинична. Фамилия Коноплёва.

И в городе Лысково побывайте, на родине Евана. Мать зовут Ольга Назаровна. Крашеному разрешено говорить ей правду о тебе, о Ванде Павловне. А больше про Евана.

Я верю, Чёрт, ты мою просьбу исполнишь! Крашенный тебя будет сопровождать. И ещё кое-что... Ты не торопись от Нины Ильиничны уезжать. Дом купите, обстановку. Легенду о нас расскажи, как мы у буржуев экспроприировали золото, как в Чите за ними бегали. Расскажи о наших мамках: моей, Налима, Огонька, Петьки Ленского, Евана. Мы о наших мамках тебе много говорили...

Ты уж выполни мою просьбу. Мы тебе верили. Одного с камушками и слитками оставляли!

Чёрт, я у Орлика служил, потом у Кости Ленкова. Был у них правой рукой. Ленков все связи свои мне раскрыл. Однажды он мне рассказал: «Краснофаль служил и М-2, и К-Н. Встретишь Рыжего, не раздумывая придуши. Налим раскусил его. Хотел повесить у китайца на заборе, да я не дал. Пожалел, малец же. Виню себя за мягкотелость. Я посылал Михайлова в Новониколаевск. Он выяснил. Рыжий – это Антонов Дмитрий Семёнович. Родился в 1907 году. Мать Татьяна Карповна. Отец Семён Васильевич. Ты понял меня...

Последнюю черту в моей жизни прочертил Костя Ленков. От вас он убежал из Новониколаевска, а в Чите меня изрешил. С Крашеным посылаю вырезки из газет «Дальневосточная правда» и «Забайкальский рабочий».

Чёрт, Крашеному верь, как и нам. Понадобится помощь, обращай к нему. Он всё знает, всё может.

Прощай, Чёрт».

«Дальневосточная правда» писала:

«В три часа дня внимание публики было привлечено к необычному зрелищу. По Софийской улице ехал извозчик, кото-

рый сидел рядом с пассажиром и крепко держал его. Улучив удобный момент, неизвестный пассажир нагнулся, вытащил из кармана револьвер и в упор выстрелил в голову извозчика. Поравнявшись с Мариинским театром, пассажир сбросил тяжело раненного в голову извозчика, а сам помчался во весь карьер по направлению к вокзальной площади.

Часть публики, солдаты и милиционеры погнались за неизвестным, который, отстреливаясь, гнал лошадь, во всю мочь. Видя, что его настигают, пассажир соскочил с пролётки и пытался перепрыгнуть через забор, но один из милиционеров выстрелом из винтовки ранил его в руку. Преступник был задержан и препровождён в Госполитохрану.

Неизвестный пассажир оказался известным преступником с богатым уголовным прошлым, НЕПОМНЯЩИМ, который в июне сбежал из Читы и вот появился вновь.

При атамане Семёнове он был в тюрьме, но атаман его отпустил, и он поступил добровольцем в особый Маньчжурский отряд».

** * **

Вырезка из газеты «Забайкальский рабочий» под громким названием «Банда Кости Ленкова получила по заслугам» сообщала:

«Банда К. Ленкова насчитывала около ста человек.

Первым организатором был Гурвич, а после его исчезновения в середине 1921 года (предполагали, что он с награбленным добром бежал в Маньчжурию) банду возглавил Константин Ленков. Бывший партизан. Анархист по своим взглядам, лично храбрый. Ленков сумел превратить банду в полувоенную организацию и, демагогически используя лозунг «экспроприации буржуазии», смог даже завоевать симпатии со стороны части мелкобуржуазного населения города. Это затруднило борьбу с ленковщиной. Особая опасность состояла в том, что банда действовала не где-нибудь в лесах, а в самой столице Чите.

На счету у ленковцев имелось немало кровавых преступлений. И среди них убийство 10 мая 1922 года на 33-м километре

Витимского тракта члена Дальбюро ЦК ВКП(б), члена партии с 1908 года Петра Фёдоровича Анохина и управляющего делами Дальневосточной контрольной комиссии Дмитрия Васильевича Крылова.

Борьба с бандой была длительной и тяжёлой. Имея своих агентов в милиции и даже в Госполитохране, Ленков мог длительное время уходить от наказания. В одной из операций против бандитов 19 мая 1922 года погиб начальник Читинского уголовного розыска Дмитрий Иванович Фоменко.

Трудящиеся ДВР напрягали все силы для нанесения последнего удара по белогвардейцам, засевшим под защитой японских штыков в Приморье, и политическая обстановка требовала незамедлительной ликвидации бандитизма в тылу. К выполнению этой важной задачи была привлечена Госполитохрана, которой в тот период руководил член партии с 1917 года Бельский. В результате принятых энергичных мер большинство членов банды арестованы. Одновременно была сделана попытка склонить Ленкова к добровольной сдаче, однако она закончилась неудачно.

Во время встречи вечером 22 мая 1922 года Ленков попытался расправиться с представителем Госполитохраны Леонидом Александровичем Ковровым (кличка Жираф), но в завязавшей перестрелке был убит.

1 октября 1922 года в Чите начался открытый суд, перед которым предстали 73 бандита. Их судило особое присутствие Высшего кассационного суда ДВР в составе председателя Е. М. Матвеева, членов А. А. Мадеко и Л. Н. Берсенева. Суд продолжался 25 дней, и 25 октября 1922 года, в день освобождения от белогвардейцев и интервентов Владивостока, был вынесен приговор. 29 были приговорены к расстрелу, но десяти из них заменили расстрел двадцатилетним тюремным заключением».

*10 мая 1978 года,
г. Новосибирск
(магнитофонная запись)*

— Ты, мужик, от меня многих рассказов не жди. Ты спрашиваешь, был ли я знаком с мужиками: Огоньком, Петькой Ленским, Дуваном, Чёртом, Михайловым, Жирафом, Налимом, Родственником? Многих перечислил. Никого я из этого списка не помню. Вот один крутится в голове. Это, говоришь, с двадцать первого года? Я тебе не скрываю, у меня с памятью плохо. Не помню, ходил ли я вчера по-большому. Ха. Ха. В феврале сорок пятого я ранен в Кенигсберге в голову. Зачем это тебе нужно? Интересуешься судьбами людей? Покрыл бы я тебя матом, да как-то неприлично выглядеть буду, мужика в годах и седого облаял!

** * **

— Налим, Налим... Я любитель рыбалки. А из налима ущица вкусна. Я рыбу выбрасываю собакам. Он, сука, Налим, издевался надо мной и ещё на позор выставил. И вся моя жизнь пошла не по желательному для меня руслу. Ох, и вертлявый, юркий, скользкий он гад! Меж камушками ляжет, замрёт. Его нащупаешь, под жабры хват, да его нет.

** * **

— Да, я по документам Антонов Дмитрий Семёнович, родился в девятьсот седьмом году, тута, в деревне Малая Кривощёкова. Этого Налим не знал. И упустил меня. А мне стыдно перед хозяйкой появляться. Я на долгие годы залёг в тину.

В июне двадцать первого года приехал я из Читы в Ново-николаевск, навестил дом Козодоевых. Порадовался. Младенец Андрейка здоров, аукает, улыбается. Гришка, тоже сын хозяйки, мой ровесник, книжки читает.

** * **

Пошла Козодоева на базар, я с детишками остался. Спустия

малое время слышу стук в дверь. Я открыл дверь и оказался в мешке. Когда Козодоева появилась и развязала мешок, детей уже тю-тю. Я весь город объездил, обошел... Он, скользник, хитрее меня оказался.

** * **

– Правильно ты говоришь: отец мой Семен Васильевич на приисках купца Радюкова работал. Был такой купец в нашем городе. Имел несколько золотых приисков.

Отец мой гонщиком мантолил, где промывали золото. Во время отвоза на отвал промытой гальки его лошадь испугалась и бросилась под откос с таратайкой. Отец попал под лошадь. Начали его бить припадки.

Были у меня младшие братья и сестра. Мать моя как на старшего из детей навалила на меня все домашние дела и уход за отцом. А на себя взяла заботу, где бы что достать, заработать и нас всех накормить. Надоела мне эта голодная каторга, и бежал я в вольное плавание, на лёгкие хлеба. Побывал в Красноярске, Иркутске, Чите, Хабаровске. С такими беспризорниками, как я, знакомства заводил. Учился у них премудростям воровского дела.

Во Владивосток прибыл мастером. Басальчата прозвищем наградили – Краснофаль. Заметила меня одна красивая сударыня. Наняла курьером. Интересная жизнь полилась. Обязательства пустяковые. Один раз в месяц ходить на Мальцевский базар, покупать всякие фрукты, овощи у одного и того же продавца. А по пятницам должен в сквере Восточного института возле правых ворот брать из тайника записочки. Все свободное время я должен был учиться. Не письму и счёту, а владению оружием, навыкам борьбы. Часто хозяйка отправляла меня в путешествие по Дальнему Востоку. Она меня кормила, одевала, давала деньги, которые я отправлял в деревню Малая Кривощёкова. Что скрывать: иногда я сопровождал её в путешествиях. Служил телохранителем, но невидимым. Я жил в радостях. Одно время был у неё муж, контр-адмирал, незаметно исчез. Через год я его встретил в Сучанском партизанском отряде.

*Вошкалась она ещё с одним мужчиной. Красавец ей под-
стать! Думаю, от него она родила мальчонку Андрея. Ох, как
я младенца полюбил! С рук не выпускал. Мыл, пеленал. При-
езжает домой контр-адмирал. Срочно собирается в дорогу.
Хозяйка мне велит сопровождать его до города Новониколаев-
ска. Там не задерживаться. Приказывает мне возвращаться
на восток, но не в город Владивосток, а остановиться в Чите.
И сообщает адреса, пароли.*

*Появляется женщина со смешной фамилией Козодоева.
И мы отправились: контр-адмирал, Гриша, я и Козодоева, у
неё на руках Андрюшка. Они остановились в городе Новони-
колаевске на улице Спасской (Спартака). Мне не разрешили
даже чаю попить, велели спешить на вокзал и с первым же
поездом ехать в Читу. Пока ехал до Читы, глаза не просыхали.
Никого я больше так не любил. И жена была, и дети, внуков
имею, стыдно признаваться, такого наплыва чувств, как к
Андрейке, в жизни больше не переживал.*

*Приехал в Читу. Нашел хозяйку. А она будто ума лишилась.
Совсем не отдыхает и мне спать не разрешает. Её телох-
ранитель, француз Кувье, решил в Харбин сбежать, уехал на
тот свет. Мне приказывает в одну шайку воров внедриться.
Я знал многие читинские «косяки», а она приказывает следить
за одним Паташонком, и куда он приведёт, там остаться.
Она мне говорила, говорила, голова моя от многомыслия
потемнела. Говорю ей: «Не справлюсь». Она мне: «Не спра-
вишься, погибнет Андрейка». А я тебе уже говорил о любви
своей к нему.*

*В шайке Чёрта я сразу усёк: меня раскусил Налим. Успел
хозяйке две записки оставить в условленном месте. И всё.
Бежать не удалось. Отправились они на запад, меня взяли с
собой. Порадовался, Налима отправили во Владивосток.*

*Едем, значит, на запад. На станции Иркутск поезд остано-
вился. Долго стоим. Приходят к нам в вагон Ванда Павловна и
Еван. Двери вагона открыты нараспашку, есть возможность
бежать. Для меня хватило бы нескольких секунд спрыгнуть с
вагона и раствориться в толпе привокзальных пассажиров,
но у меня инструкция хозяйки: узнать от чекистов всё, что*

знают о ней. И до Красноярска не проявлять попытки к побегу.

Ванда Павловна ведёт разговор с Императором, смеётся. Говорят о какой-то фотографии. Чекист Сергей говорит, что видел эту женщину на станции Мацневской. Я подаю голос из-за ширмы: «Тётя Ванда, можно мне посмотреть фотографию?» Она приглашает меня за их перегородку. Подают в руки фотографию, а на ней моя хозяйка. Сейчас мне нечего скрывать. Никто меня за мои воспоминания не осудит. Прошли годы. Я кровью искупил свою вину перед Страной Советов.

Говорю им, что встречал эту красавицу в Новониколаевске. Они уши развесили. Правду не говорю. А правда основная в том, что я хозяйкой с восемнадцатого года был приласкан, одет, обут, ежемесячно отправлял в деревню деньжата, чтобы мать хоть как-то кормила моих братьев и сестру.

На улице Александровской во Владивостоке хозяйка имела дом. Там жили муж с женой. Ты слышал когда-нибудь про дядю Кондрата и тётю Лену? Нет. А по документам они значились Вавренюк. Набожные. Каждую пятницу в храм ходили. Именно в пятницу. Кондрат ходил в церковь Успения Пресвятой Богородицы, а Лена в церковь Николая Чудотворца. Я у них и жил. Учили они меня. Чему? Всему. И как справляться с детьми, стрелять, писать тайные письма... Многому меня учили и японцы Сосэки и Дзирахахи.

Алексей, хозяйка не запрещала мне воискаться с воришками, быть у них своим. Одно запрещала: с кем бы то ни было разговаривать о ней, её муже и детях.

Когда мы с законным мужем хозяйки и детишками поехали в Новониколаевск, и Вавренюки поехали с нами, только в соседнем вагоне.

Купили дом, в Закаменском районе, на улице Петербургской. Этот дом и сейчас стоит. Там жили Вавренюки. Я там одну ночь переночевал.

* * *

В городе Красноярске тётка Ванда велела мне выйти из вагона и под колоколом оставить корзину. Я обрадовался.

Отнёс корзину и на товарняке бежал от Ванды и Императора, поспешил в город Новониколаевск. Прибыл, обрадовался. Слежки нет. Появился в доме Козодоевой. Радости моей не было предела. Андрейку жулькал. Ушла Козодоева на базар...

Долгие годы не знал, кто меня посадил в мешок, кто украл Андрейку и Гришку.

Три дня я ездил и бродил по городу – без толку. И вдруг на Чернышевском спуске за штабелем леса усек низенького шустроного Налима. Он следил за мной. Я испугался. Ведь он ещё в Чите хотел меня повесить. Там Жираф встал в мою защиту. Я бросился в воду и поплыл на левый берег. Не знал Налим, что я с шести лет среди моих ровесников лучшим пловцом значился. Плыл, поворачивал голову на правый берег, смотрел на силуэт Налима. Он кричал, бегая по берегу, махал руками.

** * **

– Больше года на улице не выходил. Кого я боялся? Хозяйку. Знал её хорошо. Не задумываясь за сыновей прикончит. Боялся и «Иванов», особенно Налима. Хотя много раз мечтал, как я с ним расправляюсь. Дня не проходило, чтобы я не отрабатывал приёмы, каким меня учили Сасэки и Дзирахаати. Я молодой, всё понимал. Ещё в Чите, в шайке Чёрта, понял: одни чекисты в воров играют, вторые вору к чекистам приспосабливаются.

** * **

– Когда ехали в товарняке, усек: баба Ванда Павловна их командир. Все её слушались. Она всё знала. Оказывается, давно присматривалась к моей хозяйке. Прошли годы. Ты по документам много что знаешь. А о моих отношениях к Хозяйке ты нигде не прочитаешь. Второй мамкой её признавал. Она мне за неполных три года жизни столько дала, что хватило на многие годы. Когда узнал, что мой учитель Сасэки убит, плакал. Я далек был от политики. И сейчас стараюсь не влезать в дебри очковтирателей. На каком-то допросе меня спрашивали: «Твоя хозяйка была монархистка, анархистка, эсерка, социал-революционерка???» Я им отвечал: «Красивой, умной бабой онаставляла себя». В этом был свидетель... А что у неё в голове крутилось, не знаю. И

боялся спрашивать. Кувье поинтересовался её планами. Она его, как муху, шлёпнула.

** * **

Где-то через год постепенно начал выходить на улицу. Братьев и сестру надо было кормить. Мне исполнилось пятнадцать лет. Пошёл работать на береговую лесопилку. Вспомнил Яику-дурачка из Владика. Жестами общался с напарниками. Страх сопровождал меня повсюду. Вину чувствовал перед хозяйкой. Детей её не уберег. Боялся встретиться и с чекистами-ворами. Хорошо, если в каталажку отведут.

** * **

— Привезли на лесопильный завод зарплату. Я ничего не предпринимал, не желал в концлагере оказаться. И вдруг шум, гам, беготня. Прямо из горбыльной конуры, где размещалась временная касса и откуда выдавали зарплату, исчезли кассир и деньги. Милиция сцапала меня. Обвинили, что я наводчик. В тюрьме я узнал, кассир объявился, вновь на работу вышел и деньги все нашлись. А меня не выпустили. Отбухал я в Липнёвском лагере три года.

Прошёл десяток лет, и я узнал, кто мне эту подлянку устроил. Ты его, паскудника, знаешь. Он мне всю жизнь исковеркал. А ещё герой!

** * **

— Исполнился мне двадцать один год. Ходила ко мне Варька Киселёва. Оставалась ночевать. Мать говорит: «Сынок, ты много путешествовал, в тюрьме побывал. Ты что, переродился? Не венчанный, а с женщиной спишь. Я поставила бражку, она к субботе подойдёт. Собирай друзей. Батюшка Дмитрий тайно придёт, обвенчает вас». Я не возражал. Жалко мать. С отцом много лет промаялась.

С женой мне повезло. Много раз благодарил мать. Варька родила мне двух пацанов.

** * **

— В тридцать пятом году вызывают меня в Кировское

районное отделение НКВД. Предлагают, чтобы я пошёл к ним на работу. Я отказывался. Валил на то, что малограмотный, был судим и водку по праздникам пью. Много говорил. В углу сидел низенький мужик. Я в его сторону бросал несколько раз взгляд. Да он никакой реакции. Начальнику надоело слушать мои отказы, он обращается к Паташонку: «Хватит. Надоело. Вам он нужен, вот и агитируйте». Подошёл Паташонок. Я аж вскочил. Он, паскудник, говорит: «Я тебя, рыжая сука, за то, что ты убежал от меня на Чернышевском спуске, готов кастрировать прямо здесь, в отделении милиции. Но отложу на время. Твой природный дар сыщика нужен». Подает клочок бумажки и басит: «По этому адресу завтра в восемь утра появишься. Проваливай!»

* * *

– Сейчас что только не говорят про тридцатые годы! Всё врут. Первое время я работал на транспорте. Не проходило и недели, чтобы враги не совершали диверсии: Тайшет, Инская, Барабинск, Минусинск... Приходилось ездить по всему Западно-Сибирскому краю.

Перебросили на золотые прииски. Понимаешь, в тридцать шестом – тридцать седьмом годах из-за вредительства почти полностью вывели из строя прииски Первомайский, Центральный, Алтайский, Салаирский, Беркульский, Змеиногогорский, Келебасский, Педасский, Усинский... Это только по нашей Сибири.

Потом работал на вновь строящихся заводах, фабриках. Много, много вредили повсюду.

А хорошая жизнь пробивала себе дорогу. В тридцать восьмом году в магазинах было почти всё. Я сладкоежка. Люблю конфетки, шоколад. Даже в маленьких ларьках продавали конфеты «Чио-Чио-сан» по девятнадцать рублей за килограмм, конфеты «Аида» на полтора рубля дешевле. Пачка шоколада «Дерби» стоила три рубля.

Зайдёшь в магазин – чего только нет! И колбасы, и рыба, и вина. В рыбные дни по проспекту Сталина (Ленина), Красному проспекту продавали из бочек солёную селедку, кету, из

ящичков копчёные балыки, из ванн свежую рыбу, икру. Поверь мне, благополучная жизнь народа в конце тридцатых годов немалую роль сыграла в победе над фашизмом. Высоко ценился и труд. Сколько замечательных людей взрастили за те годы! За одним стахановцем тянулись сотни. Перекрывались все трудовые нормы. И это тоже сыграло в годы войны. Мой сын Пашика пошёл на «Сибсельмаш» в тринадцать лет. Через три месяца работы научился выполнять нормы, а ещё через два – перевыполнять их на сто процентов. Кто его этому научил? Стахановцы предвоенных лет.

* * *

– Это было пятнадцатого июля тридцать девятого года. Иду я по улице Серебренниковской, а из клуба Дзержинского выходит толпа мужчин. Я присел от удивленного. В сторонке от мужчин идут под ручку две женщины. Одну я сразу узнал. Хозяйка. Пригляделся – и вторую узнал. В девятнадцатом году посылала меня хозяйка следить в Чите за домом Бадмаева, где содержались в тюрьме большевики. Её интересовало, когда вывезут на расстрел купца Андрея, её любовничка, и куда повезут. Не уверен, но мой любимчик Андрейка от него. А его повезли не одного. Вместе с ним повезли и женщину. Вот её я признал во второй женщине. Тогда я не ошибся. Значит, с Андреем хозяйка спасла и эту круглолицую.

Спустя малое время узнал, что обе женщины работают в школе разведки. Ох, как я тогда хотел учиться в этой школе! Мне было тогда только тридцать два года.

* * *

– Началась война. В июле меня мобилизовали и отправили в особый отряд НКВД, в город Омск. Учился до конца октября. Учеба давалась легко. Я всегда поддерживал форму и навыки, чему меня учили Саниму, Дзирахати и хозяйка. В первых числах ноября меня зачислили в действующую армию оперативным работником отдела контрразведки. Не жди от меня рассказов, что были за задания и как я их выполнял. Хватит того, что сам иногда просыпаюсь от кошмаров, что творил на

войне. Свой природный дар на фронте использовал сполна. Воевал на Северном, Западном, 3-м Белорусском, в контрразведке «Смерш 45-47». Первую медаль получил за оборону Москвы. Потом было много. Первым орденом награждён Военным советом 31-й армии. Получил орден Отечественной войны 1-й степени. 3-м Белорусским фронтом награжден орденом Красного Знамени. Так хотелось встретить на передовой Налима! Мечтал раскрасить его морду, как он мою в Чите. Не сошлись наши дорожки на передовой. В феврале сорок пятого был ранен. Вернулся домой.

* * *

— Коряво, но правду тебе рассказал. А остальные мне до фени. Они не моими глазами глядели на мир. Многие, очень многие косоглазые от приспособляемости. Вот ты тут перечислял мужиков из двадцать первого года. Среди них называл Огонька. Этот трепач, когда поймал меня в Чите возле ворот Макарыча, ударил так, что я еле в себя вошёл. А потом калека, у него же левая рука была перебинтована, связал меня, зажжёт фитиль десятилинейной лампы и опалил мою голову, как свинью, даже бровей не оставил. А ты хочешь, чтобы я вспомнил его? Что ты заталдычил: о других... Если я действительно после двадцать первого года встречался только с Налимом. Зачем сказки!

* * *

— В пятьдесят третьем году летом я на подводе переехал по понтонному мосту на правый берег. В телеге три ящика из-под пряников, в них бидоны с молоком. Моя жёнушка перед денежной реформой сорок седьмого года на все накопления, что были у нас, купила две коровы: одну стельную, другую нетель. Одну назвала Зойкой, это в честь того, что я иногда во сне называл хозяйку Зойкой, вторую Варькой это, значить, в честь себя. Скоро Зойка принесла бычка. Мы его кастрировали. А сыновья научили под упряжкой ходить. Зажили так, что многие завидовали. У нас были сани, кошевка, телега, бричка.

На все случаи жизни – за сеном съездить, дрова привезти, молочко на продажу развести. Жили хорошо, это правда. Молоко возил я на правый берег.

И вот однажды переехал по понтонному мосту, поднимаюсь по Чернышевскому спуску. Справа дом с вывеской «Чайная», слева деревянный дом с большой вывеской «Пятнадцатое отделение милиции Кагановического района города Новосибирска. Паспортный стол». Смотрю, а на крыльце стоит мужчина и курит. Одет хорошо. Синий костюм, белая рубашка в полоску, галстук под цвет костюма, фетровая шляпа. В то время такого пиджона редко встретишь. Он посмотрел на меня, папиросу бросил и пошел по мощеному досками тротуару в моём направлении.

На развилке одна дорога шла на улицу Фабричную, другая на Владимировскую, а прямо через переезд — в центр. Я поехал в центр. Покупатели моего молока жили на улице Советской. Я обслуживал один дом под номером семь. Косонул на мужика – он идёт в моем направлении. Подъехал я к дому, остановился. Сейчас пойдут покупатели. Мужик подошел ко мне и обращается: «А не продадите ли вы мне кружечку молочка?» – «С удовольствием, – отвечаю. – Специально для этого дела стаканчики возжу». Налил стакан, подаю ему, а сам внимательно оглядываю его морду. Кого-то напоминает он мне.

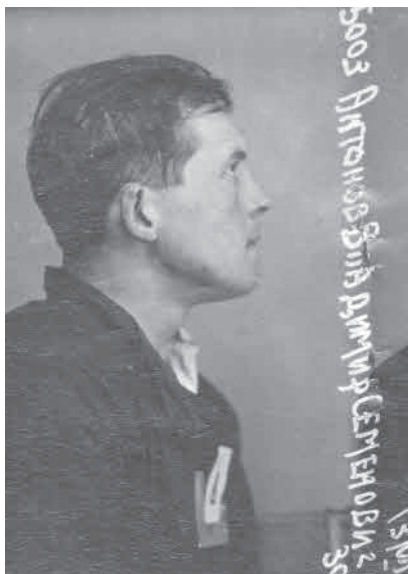
Выпил он молоко, поставил стакан на бричку. Достал белый платок, вытер губы, улыбнулся: «Вкусное молочко продаешь, Рыжий». Я вытянулся, как стрела. А он без предупреждения как врезал мне по правому уху! Я чуть не упал. А он улыбается. Говорит: «Ты не можешь себе представить, Рыжий, как я давно мечтал врезать тебе по уху, за то, что ты убежал от меня». Я не раздумывая, не давая ему времени сбросить с лица улыбку, всадил ему тоже по правому уху. Баба подошла, кричит: «Вы что, мужики, трезвые, представительные, хорошо одетые, а деретесь?!»

Налим обнял меня, я его. Я заплакал. А он сквозь слёзы говорил: «Где мы стоим, был дом врача Сафонова. Когда я украл из дома Козодоевой Гришку и Андрейку, привёз их в этот дом.

*Антон Маркович Рыбкин. Налим.
Фото 1923 года*

Здесь они жили два месяца. Я из окна видел, как ты, Рыжая сволочь, ходил по улице и всматривался в окна». Я сквозь слезы спросил: «Налим, скажи, Андрейка жив? Вот кого бы я с радостью попоил молочком!» Налим ответил мне: «Не спрашивай меня о том, о чём мне запрещено говорить».

*Владимир Семёнович Антонов.
Краснофаль. Рыжий.
Фото 1930 года*

Глава пятнадцатая

В первых числах марта двадцать второго года исчезла из города Новониколаевска Ванда Павловна. Меня отправили работать в Ойротию (Алтай), а потом на учёбу. Вернулся. Как-то раз спросил у Петра Васильевича о судьбе Ванды Павловны. Он внимательно посмотрел на меня, сказал:

– Серёжа, неужели ты считаешь, что я скрыл бы от тебя встречу с Вандой? Серафима ежедневно талдычит одно и то же: где Ванда? Возможно, болеет? Нуждается в помощи?

* * *

Шли годы.

Наступил двадцать восьмой год. Мне позвонили из Москвы и предложили выехать в город Омск встретить двух секретарей ЦК ВКП(б) – Сталина и Кубяк.

В Омск были приглашены представители хлебозаготовительных организаций Казахстана, Барабинского, Омского, Тарского округов. Присутствовали знакомые мне партийные и советские работники: Филатов, Лобанов, Махарадзе, Борисов, Пихтасик, Трифонов, Криштань, Яркина, Ларцев, Васильченко, Спиридонов... Приехали представители краевых организаций: Сырцов, Поволоцкий, Заковский, Подшивалин, Баранов, Белов, Деушин.

В президиум поднялись трое – Сталин, Кубяк и Сырцов. Как только раздались аплодисменты, Сталин поднял правую руку и резко опустил. Не спеша подошёл к трибуне. Осмотрел присутствующих.

Не имею права комментировать и искажать сказанное Сталиным. Он начал:

– Я командирован к вам в Сибирь на короткий срок. Мне поручено помочь вам в деле выполнения плана хлебозаготовок. Мне поручено также обсудить с вами вопрос о перспективах развития сельского хозяйства, о плане развёртывания в вашем крае строительства колхозов и совхозов.

Вам должно быть известно, что в хлебном балансе нашей

страны мы имеем в этом году нехватку более чем в сто миллионов пудов зерна. В связи с этим правительству и ЦК пришлось нажать на хлебозаготовки во всех областях и краях, чтобы восполнить этот пробел в нашем хлебном хозяйстве. Дефицит придётся покрыть прежде всего за счёт высокоурожайных областей и краёв с тем, чтобы они не только выполнили, но и перевыполнили план хлебозаготовок.

Вы, конечно, знаете, к чему может привести дефицит, если он не будет ликвидирован. Он приведёт к тому, что наши города и промышленные центры, а также наша Красная армия, будут поставлены в тяжелое положение. Они будут плохо снабжаться, им будет угрожать голод. Понятно, что мы не можем допустить этого.

Что вы думаете об этом? Какие меры думаете предпринять, чтобы выполнить свой долг перед страной? Я имел возможность убедиться, что у ваших людей нет серьёзной заботы о том, чтобы помочь нашей стране выйти из хлебного кризиса. Урожай у вас, можно сказать, небывалый. Хлебных излишков у вас в этом году больше, чем когда-либо, а план сельхоззаготовок не выполняется. Почему, на каком основании?

Вы говорите, что план хлебозаготовок напряжённый, что он невыполним. Почему невыполним? Откуда вы это взяли? Разве не факт, что урожай у вас в этом году действительно небывалый? Разве это не факт, что план хлебозаготовок в этом году по Сибири почти такой же, как в прошлом году? Почему же вы считаете план невыполнимым? Посмотрите на кулацкие хозяйства: там амбары и сараи полны хлеба, хлеб лежит под навесами ввиду недостатка мест хранения. В кулацких хозяйствах имеются излишки по 50–60 тысяч пудов на каждое хозяйство, не считая запасов на семена, продовольствие, на корм скоту. А вы говорите, что план хлебозаготовок невыполним. Откуда у вас такой пессимизм?

Вы говорите, что кулаки не хотят сдавать хлеба, что они ждут повышения цен и предпочитают вести разнузданную спекуляцию. Это верно. Но кулаки ждут не просто повышения цен, а требуют повышения цен втрое в сравнении с государственными ценами. Думаете ли вы, что можно удовлетворить

кулаков? Беднота и значительная часть середняков уже сдали государству хлеб по государственным ценам. Можно ли допустить, чтобы государство платило втрое дороже за хлеб кулакам, чем бедноте и середнякам? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы понять всю недопустимость кулацких требований.

* * *

Возле меня оказался начальник охраны Сталина Теребилло. Он начал шептать, что в Барнауле или в Рубцовске я могу встретить женщину, с которой когда-то работал. Пожелал: не удивляйся, не вступай с ней в контакт. Она, когда посчитает возможным и необходимым, сама проявит инициативу для общения.

Утром 17 января двадцать восьмого года мы приехали в город Новосибирск. Товарищ Сталин пожелал увидеть площадки для намечаемых гигантов индустрии. Мы посмотрели территорию, где разместится будущий трикотажный комбинат, завод горного оборудования. Ездили на левый берег Оби и познакомились со строительством ТЭЦ-2, строительной площадкой «Сибкомбайна». Мы втроём сопровождали товарища Сталина: Сергей Иванович Сырцов, Роберт Индригович Эйхе и я. К вечеру мы, уставшие, проводили Сталина в гостиницу. Я увидел, как сухо попрощался Сталин с Сырцовым и дружески похлопал по плечу Эйхе.

На следующий день в здании Сибкрайкома состоялось бюро. Присутствовали 62 человека: члены бюро, представители заготовительных организаций, местное руководство ОГПУ.

Это здание построили в 1925 году. Его строили для Сибревкома. Но в декабре 1925 года он обещал долго жить. И тогда в январе 1926 года там разместили Сибкрайком.

Первым руководителем – новосёлом Сибкрайкома – был Косиор, потом Сырцов, за ним Эйхе. Четыре месяца возглавлял Сибкрайком – с 20 октября по 4 декабря 1937 года – бывший рабочий Путиловского завода Иван Иванович Алексеев. Он вскрыл и ликвидировал как член тройки 23 контрреволюционных правотроцкистских группы. Зря торопился. Сам себе

копал могилу. После Алексеева работал крестьянский сын Геннадий Андреевич Борков. Этот, зная судьбу своих предшественников, фанатизма по выкорчёвыванию врагов народа не проявлял...

* * *

Сталин, поднявшись на трибуну, начал с того, что дал краткую оценку итогам работы XV съезда ЦК ВКП(б). И перешёл к основной задаче своей командировки. Неторопливо, чётко, с акцентом он говорил:

— Если кулаки ведут разнузданную спекуляцию на хлебных ценах, почему вы не привлекаете их за спекуляцию? Разве вы не знаете, что существует закон против спекуляции — сто седьмая статья Уголовного кодекса РСФСР, в силу которой виновные в спекуляции привлекаются к судебной ответственности, а товар конфискуется в пользу государства. Почему вы не применяете этот закон по хлебу? Неужели вы боитесь нарушить спокойствие господ кулаков?!

Вы говорите, что применение к кулакам сто седьмой статьи есть чрезвычайная мера, что она не даёт хороших результатов, что она ухудшает положение в деревне...

Допустим, что это будет чрезвычайная мера. Что же из этого следует? Почему сто седьмая статья в других краях и областях даёт великолепные результаты, сплотила трудовое крестьянство вокруг советской власти и улучшила положение в деревне, а у вас, в Сибири, она должна дать якобы плохие результаты и ухудшить положение?

Почему, на каком основании?

Вы говорите, что ваши прокурорские и судебные власти не готовы к этому делу... Очевидно, что виноваты ваши партийные организации, которые, как видно, плохо работают и не добиваются того, чтобы законы нашей страны исполнялись добросовестно. Я видел несколько десятков представителей вашей прокурорской и судебной власти. Почти все они живут у кулаков, состоят у кулаков в нахлебниках и, конечно, стараются жить в мире с кулаками. На мой вопрос они ответили, что у кулаков на квартире чище и кормят лучше... Непонятно

только, почему эти господа до сих пор ещё не вычищены и не заменены другими, честными работниками.

Предлагаю:

Потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам.

В случае отказа кулаков подчиниться закону – привлечь их к судебной ответственности по сто седьмой статье Уголовного кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства с тем, чтобы двадцать пять процентов хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита.

Что касается представителей ваших прокурорских и судебных властей, то всех негодных снять с постов и заменить честными, добросовестными советскими людьми.

* * *

22 января утром прибыли в Барнаул. Стояла пасмурная погода – обычно предвестница больших осадков и пурги. После полудня подул северный ветер. Мглистый туман снеговых туч быстро рассеялся, небо очистилось. Появилось большое холодное солнце.

В просторном кабинете председателя Окрисполкома товарища Базовского за длинным, покрытым зелёным сукном столом сидели представители Барнаула, Рубцовки, Бийска. Открылась дверь. Вошёл Сталин в серой солдатской шинели. Раздались аплодисменты. Сталин спокойно сказал:

– Здравствуйте. Прошу всех сесть, – протянул правую руку и тут же опустил.

Аплодисменты стихли.

Базовский предоставил слово Сталину.

Товарищ Сталин охарактеризовал положение дел в стране, о хлебе, о кулаках, которые саботируют план хлебозаготовок. Он говорил:

– Но нет гарантии, что саботаж хлебозаготовок со стороны кулаков не повторится в будущем году. Более того, можно с уверенностью сказать, что пока существуют кулаки, будет

существовать и саботаж. Чтобы поставить хлебозаготовки на более или менее удовлетворительную основу, нужны другие меры. Какие именно меры? Я имею в виду развёртывание строительства колхозов и совхозов.

Колхозы и совхозы являются, как вам известно, крупными хозяйствами, способными применять тракторы и машины. Они являются более товарными хозяйствами, чем помещичьи и кулацкие хозяйства. Нужно иметь в виду, что наши города и наша промышленность растут и будут расти с каждым годом. Это необходимо для индустриализации страны. Следовательно, будет расти с каждым годом спрос на хлеб, а значит, будут расти и планы хлебозаготовок. Поставить нашу индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем. Поэтому нужно добиться того, чтобы в течение ближайших трёх-четырёх лет колхозы и совхозы как сдатчики хлеба могли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба. Это оттеснило бы кулаков на задний план и дало бы основу для более или менее правильного снабжения хлебом рабочих и Красной армии. Но её совершенно не достаточно для того – чтобы поставить на прочную базу вполне достаточное снабжение всей страны продовольствием и обеспечением необходимых резервов продовольствия в руках государства, – чтобы добиться победы социалистического строительства в деревне, в земледелии.

Неужели мы, носители и проводники диктатуры пролетариата, пользующиеся поддержкой многомиллионных масс крестьянства, не эксплуатирующего чужого труда, не сможем обуздать зарвавшегося кулака, не сломим его сопротивление, не заставим кулака подчиниться законам пролетарского государства!

* * *

Мы вышли на свежий воздух. Нас окружили работники шубной мастерской. Один из мужчин вышел вперёд и обратился к Сталину:

– Товарищ Иосиф Виссарионович, наш коллектив выражает вам благодарность, что вы нашли время и приехали к нам. От всего коллектива разрешите вам преподнести сибирскую овчинную борчатку.

Из Барнаула мы поехали в Алейск. Мороз крепчал. Сталин постоянно держал левую руку в кармане борчатки. Сталин беседовал отдельно с представителями деревень и с группами. Он спрашивал. Внимательно слушал ответы на его вопросы. Резко выражал несогласие, убеждал, но чаще требовал дел.

Перед отъездом к Сталину подошёл старик Фёдор Степанович Гуляев. Он протянул рукавицы с верёвочкой, сказал:

— Мы рады встрече. С вашими мыслями согласны. То, что вы говорили о создании колхозов, совхозов, одобряем. Примите от меня рукавицы, не надо допускать, чтобы ваши руки зябли. Работы ещё много.

Сталин принял рукавицы с верёвочкой. Перебросил верёвочку через шею.

— От всего сердца благодарю.

И вошёл в вагон. Я последовал за товарищем Сталиным. Посмотрел в окно. Гуляев стоял на перроне, улыбался, поглаживая свою густую бороду, а на шинели красовался орден Красного Знамени.

Я вспомнил ноябрь двадцатого года. Мы с Федором Степановичем Гуляевым возвращались из Москвы домой.

В вагоне было свободно. Большой овальный предмет, зашитый в красное полотнище, положили на верхнюю полку.

Но только скрылась Москва, на первой же остановке повалил в вагон народ, а вскоре и яблоку негде было упасть. Прижали Гуляева в угол, пассажиры залезли наверх, небрежно прижав ценный багаж Гуляева. Тут он не выдержал:

— Граждане! Вы чо мнёте-то? Венок ведь это, от самого Ленина получен!

Весть о том, что во втором вагоне партизан везёт венок от Ленина, облетела весь состав. И люди, несмотря на неимоверную тесноту, проталкиваясь, пропихиваясь, шли во второй вагон.

— Расскажите, за что вам такая честь: орден и почётная миссия — от Ленина везёте венок?

— В ночь на десятое августа девятнадцатого года, — начал

Гуляев, – наши партизаны неожиданно напали на карательный отряд штабс-капитана Власова. А он располагался в нашем селе – Рассказихе. Село до сих пор сохранило своё название, расположено близ Барнаула.)

И так все добро продумали, что разгромили всех. Узнали колчаковцы, что отряд Власова разбит, и направили к нам в село крупный карательный отряд из опытных головорезов, «голубых уланов». Я в это время был отправлен за заимку. Не был участником той битвы. Наши не выстояли. Нешуточное дело: семьсот человек против сотни. Полегло наших партизан двадцать четыре человека. К вечеру я сделал всё, что мне было приказано, и хотел вертаться в село, глядь, а мою заимку окружили уланы. Офицер приказал мне, чтобы я проводил их в село Бобровку. Не знали они дорогу. Ну, я их повел, только не в Бобровку, а в болото. Повел туда, где сам днём с опаской ходил. В сплошной темноте завел я их в трясину, а сам убег. И прозвали меня сибирским Сусаниным. А когда разбили колчаковцев, я получил приглашение в Москву...

– Товарищ Сусанин, вы про Ленина нам расскажите, – попросил комиссар.

– А я с Лениным не беседовал. Вышел он ко мне навстречу, улыбнулся, и говорит: «Извините, товарищ Гуляев-Сусанин, что не могу с вами поговорить. Вот, – он показал мне на двух мужчин, что были рядом с ним, – врачи заарестовали меня. Венок на могилу ваших партизан, убедительно попрошу, отвезите...»

25 ноября 1920 года Гуляева встречали в Новониколаевске. Был митинг. Играл оркестр. 28 ноября мы с ним прибыли в село Рассказиха. И в тот же день было устроено торжественное возложение венка на могилу партизан. При возложении венка к памятнику с горячими речами ораторов слились рыдания вдов и сирот погибших товарищей.

После митинга была вынесена резолюция: «твёрдо и непоколебимо стоять на страже и защите свободы и советской власти, подобно павшим товарищам».

Далеко мы отъехали от того места, где остался Гуляев-Сусанин, а я всё махал и махал рукой.

Товарищ Сталин в Рубцовске вышел уже в дошке чёрного цвета до колен, в рукавицах на верёвочке через шею. Начальство Рубцовска перестаралось. К платформе подогнали все пять автомашин, которые имелись в городе. А он вышел из вагона и потихоньку направился к центру. Я с товарищем Терebilло шёл в сторонке, а работница ЧК Кузнецова убежала куда-то вперёд. Встречающие долго стояли возле вагона и ждали, когда же появится Сталин. Они не догадывались, что невысокого роста с усиками простой «мужичишка», который прошёл мимо них, и есть товарищ Сталин. В двенадцать часов Сталин вошёл в кабинет секретаря Окома ВКП(б).

Председательствующий произнёс:

– В честь товарища Сталина, мы открываем торжественное партийное собрание.

Товарищ Сталин сказал:

– Никаких торжественных собраний нам не нужно, а нам торжественно нужен хлеб, торжественно нужна крепкая партийная организация, мощная и непобедимая.

Сел сбоку от большого стола, налево. Поправил френч с большими карманами. Охарактеризовав общую обстановку в стране, он неспешно заговорил:

– В настоящее время советский строй держится на двух разнородных основах: на объединённой социалистической промышленности и на индивидуальном мелкокрестьянском хозяйстве, имеющем в своей основе частную собственность на средства производства. Может ли держаться долго на этих разнородных основах советский строй? Нет, не может.

Ленин говорил, что пока в стране преобладает натуральное сельское хозяйство, рождающее капиталистов и капитализм, будет существовать опасность реставрации капитализма. Понятно, что пока существует такая опасность, нельзя говорить серьёзно о победе социалистического строительства в нашей стране.

Стало быть, для упрочения советского строя и для победы социалистического строительства в нашей стране совершенно недостаточно социализации одной лишь промышленности.

Для этого необходимо перейти к социализации всего сельского хозяйства.

А что это значит?

Это значит, во-первых, что нужно постепенно, но неуклонно объединять индивидуальные крестьянские хозяйства в коллективные хозяйства, колхозы, являющиеся наиболее товарными хозяйствами.

Это значит, во-вторых, что нужно покрыть все районы нашей страны без исключения колхозами (и совхозами), способными заменить как сдатчика хлеба государству не только кулаков, но и индивидуальных крестьян.

Это значит, в-третьих, ликвидировать все источники, рождающие капиталистов и капитализм, и уничтожить возможность реставрации капитализма.

Это значит, в-четвёртых, создать прочную базу для бесперебойного стабильного снабжения всей страны не только хлебом, но и другими видами продовольствия с обеспечением необходимых резервов для государства.

Это значит, в-пятых, создать единую и прочную социалистическую базу для советского строя, для советской власти.

Это значит, наконец, обеспечить победу социалистического строительства в нашей стране.

Задача непростая и трудная, но вполне осуществимая, ибо трудности существуют для того, чтобы преодолевать их и побеждать...

В кабинете разнеслись аплодисменты. Сталин улыбнулся:

— Хорошие вы ребята, сибиряки... Дружно руками шлёпаете, а работать не умеете.

* * *

Мы вышли из помещения. Собралась группа людей, желающих проводить товарища Сталина. Подали серую коняжку.

Сталин сказал:

— Я хотел бы пройти пешком. Никаких проводов, никакой шумихи. Выполняйте своё задание по сдаче хлеба...

Мы шли мимо частных деревянных домов. Из ворот одного дома вышла женщина в полушубке. Голову покрывала боль-

шая серая пуховая шаль. Длинное чёрное платье покрывало почти полностью валенки. Она подошла к нам и обратилась к товарищу Сталину:

– Товарищ Сталин, мой знакомый – хороший пимокат. Он скатал настоящие сибирские валенки. Не возражайте, прошу вас, пройдите в дом. Это займёт несколько минут. Вы нам нужны здоровыми.

Сталин осмотрел женщину. Улыбнулся.

– Я вас помню. Мы с вами встречались где-то в середине двадцать второго года. Не так ли?

– Да, товарищ Сталин.

– Видите, у меня от сибиряков есть уже несколько подарков: доха, рукавицы. С большим удовольствием буду носить и валенки.

Мы вошли в дом. Терebilло и Кузнецова остались на улице.

На столе стоял самовар, несколько тарелок с пирожками.

Сталин снял доху, повесил на вешалку. Хозяин совершил несколько поклонов и подал в руки Сталину серые валенки. Сталин снял сапоги, надел шерстяные носки, поданные хозяйкой, валенки. Прощёлся по кухне:

– Спасибо, постараюсь носить бережливо. И обязательно научусь подшивать, чтобы долгие годы помнить вашу доброту.

Женщина, пригласившая в дом, предложила согреться, попить липового чая. Сталин сел за стол, предложил женщине сесть рядом. Отпив глоток чая, Сталин вонзил взгляд в женщину и резковато спросил:

– Почему здесь? Чем могу помочь?

Женщина посмотрела на хозяина и предложила:

– Еван Сергеевич, там, на улице, сотрудники, сопровождающие товарища Сталина. Угостите их пирожками. – Она повернулась в мою сторону. – Сергей Александрович, садитесь за стол. От вас у меня секретов нет.

А я смотрю, как хозяин берёт большое блюдо с пирожками, сутулясь направляется к двери. Меня подбросило. Походка Евана! Я посмотрел на женщину. Это была Ванда Павловна. Она ухмыльнулась. Сталин взял пирожок, откусил.

– С ежевикой! Ну, спасибо! Нам некогда чаёвничать. Буду признателен, если порадуете в дорогу. Говорите.

Ванда Павловна приподняла подбородок:

– Товарищ Сталин, мою подругу Саркуеву выгнали из спецшколы. Партийное бюро посчитало, что она скрыла в своей анкете, что является дочерью коммерсанта. Но не она, а мы с товарищем Дзержинским заполняли её анкету. Как в двадцать втором году, так и сейчас заявляю: Саркуева – ценный для нашей работы специалист. По моему отчёту вы помните, какой вклад она внесла в разоблачение резидентов враждебных нам стран.

Сталин протянул вперёд правую руку:

– Не надо мне напоминать... Мы решим этот вопрос. А у вас, Анюта, нет желания вернуться на работу?

– Нет.

– Даже если я попрошу?

– Нет. Я перенесла два инфарта.

Сталин посмотрел на меня, встал. Поднялись и мы с Вандой Павловной. Сталин взял правую руку Михайловой, поднёс к губам, поцеловал.

– Ну что ж, Анюта, отдыхайте. Думаю, товарищ Скворцов по старой дружбе не забудет окружить вас вниманием.

Мы вышли из ворот. Прошли несколько шагов. До нас донеслась песня:

– Много песен слышал я в родной стороне,
В них про радость, про горе мне пели;
Но из песен одна в память врезалась мне –
Это песня рабочей артели.

Сталин остановился. Мы замерли. Мужчина с наслаждением, с азартом пел:

– Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Подёрнем, подёрнем
Да ухнем!

К баритону присоединился женский голос:

– И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня идет по наследству.

И как только работать нам станет невмочь,
Мы – к дубине, как к верному средству.

Сталин посмотрел на меня.

– Ну что, Скворцов, поможем?

И он запел:

– Я слышал эту песнь, ее пела артель,
Поднимая бревно на стропила.
Вдруг бревно сорвалось, и умолкла артель,
Двух здоровых парней придавило.

Я не ожидал – к нашим голосам присоединился голос Кузнецовой:

– Но настанет пора, и проснется народ,
Разогнет он могучую спину,
И на бар и царя, на попов и господ
Он отыщет покрепче дубину!

Ворота распахнулись, и вышел мужчина. Сталин взглянул и чётко произнёс:

– Харламов, ты?

– Я, товарищ Сталин. Вот бы к нам ещё Алексеева-песенника. Помните, вы у них жили?

Сталин кивнул.

– И ещё бы певунью регентшу из храма Серафиму. Помните, как мы спевались на берегу Полоя?

Сталин протянул руку Харламову, пожимая сказал:

– Рад бы согласиться с вашим предложением, да дел очень много. Надеюсь, придёт время, когда хлеба будет много на столе и времени для песен.

– Товарищ Сталин, не беспокойтесь: план по сдаче хлеба выполним. Хлеба у нас в этом году много.

И. В. Сталин

Учитель школы деревни Александра
Невского Ванда Павловна Михайлова.
Резидент «Анюта». 1928 г.

* * *

13–21 сентября 1980 года,
г. Лысково
(магнитофонная запись)

– И кто ты будешь? О, значит, ты казах! У нас в Лысково татар много, казахов нет. Я в жизни встречался с одним казахом, его звали Алтын. Когда он умер, ему на мраморной плите написали: «Алтын, корефаны благодарят тебя за ум». Ещё его кликали ламой Замба. Не веришь? Точно говорю. Что? В паспорте написано, что ты русский? Как так? Ах, у тебя мать русская, Наталья Дмитриевна! Я в жизни встречался с таким сочетанием имени и отчества. Ой, давно это было, в двадцать первом году... Мы с корефанами

жили в городе Чите, в фанзе одного китайца Чжи. В один вечер, только малость выпили, заходит Юрка Михайлов, про которого в газете «Забайкальская правда» писали, что он от раны умер. С ним женщина. Дуван говорит, что это Ванда Павловна, жена Императора, цыдульница наших воровских шифровок и дешифровок. Наливает Дуван ей стакан водки. Она выпила.

Я её впервые видел. Рассматривал с интересом. Статная женщина, симпатичная. Волос седой, на макушке узлом завязанный. Голос звонкий, недобрый, командный. Поели немного. Она и говорит: «Антон Маркович, пойдём во двор, пошепчемся?» Вышли они. Скоро Налим вернулся, что-то шепнул Чёрту и выскочил из избы. Антон Маркович Рыбкин имел в

нашем общении кликуху Налим. А чекист, Сергей Александрович Скворцов, – Чёрт. Он приказывает мне выйти из хаты. Смотрю я, Ванда обнимает Налима, жмёт ему руку, ударяет по плечу, и он смывается за ворота.

Убежал Налим, Ванда Павловна наклонилась в мою сторону, так что я почувствовал запах духов ландыша и шепчет: «Еван, сейчас отправляйся на вокзал, бери билет до Иркутска и поезжай. Мне передали, что ты несколько раз сталкивался с японцем Дзирахасти. Пока едешь, узнай, в каком вагоне он. В Иркутске, в вагоне передашь его начальнику Иркутской ЧК Тресслеру. Не самовольничай. В Иркутске найдешь наш поезд, отчитаешься...»

На второй день прибыл пассажирский поезд с двумя двухосными товарными вагонами, подцепленными в конце состава. Отчитался. Пожурила она меня за самовольствие. Ну, сам посуди, зачем японцу деньги, если я его в ЧК передаю. Дал слово: больше не самовольничать. Она мне новое задание поручает. Говорит своим злым голосом: «Иди, Еван, охраняй Наташку-барахольщицу. В городе Новониколаевске встретимся на улице Нобеля (Ногина) в хазке у Матроса». Ой, вспомнил – и всё внутри смеётся. Подъезжаем к Мариинску, я уже с Наташей в одном вагоне ехал, начинаю заигрывать. Не скрываю: был я молодым, раскованным, бесшабашным, самоуверенным и наглым. Правда, лицом, староват. Усек? Не годами, а внешнеостью. Она мне шепчет: «Еван, Император – мой папа, Ванда Павловна – мама, а Яшка-дурачок – мой муж. Ты уверен, что справишься с этой бандой? И прекрати меня называть барахольщицей! Когда мы вдвоем, называй Натальей Дмитриевной».

Вот как я познал это сочетание. Остаток дороги ехали молча.

* * *

– Возвращаюсь к тебе. Отец твой Жадык. Следовательно, ты наполовину русский, наполовину казах. Метис. Что говоришь? Это по паспорту. А какой ещё у нас в Советском Союзе есть основной документ, подтверждающий личность? Только

паспорт. Что говоришь? По вновь открытым документам у тебя отец китаец? И прозвание его Чень Ян? Слушай, не темни. Моя старая башка и так забита цементом. Чень Ян – это Яшка-дурачок, муж Натальи Дмитриевны. Но я его не видел. А может быть, и видел, да мне не сказали. Из-за моего дурного характера чекисты и воры мне не полностью доверяли. Что бы мне ни поручали, я обязательно что-нибудь да отчебучивал. Я был исполнительный. Верен друзьям, своему слову. Но какой-то чёрт сидел внутри меня и подталкивал: а ты вот так сделай, будет лучше.

Наталья Дмитриевна смотрелась привлекательно: голубоглазая милашка, стройная сударыня, грубая крестьянка, развратная барахольщица, кокетливая гимназистка. Слышал от корефанов, что она отлично стреляла.

Ты, значить, смешанный.

Так слушай, вспомнил один случай. Помню и день, и год. Я не Рыжий, который всё помнит, а придуривается. Видел бы ты, как он над Огоньком издевается! У Огонька действительно с памятью плохо. Он один сейф вскрывал, это было в пригороде Берлина. Сейф взорвался. Ему обожгло лицо и руки да ещё и контузило. Память отшибло. Так этот Рыжий всегда приговаривает: «Это тебя, Огонёк, боженька наказал за то, что ты меня лампой палил в Чите».

Так слушай, вспомнил один случай. В Чите это было. Послал меня Чёрт пасти сотрудника Госполитохраны Калашикова. И пошёл он, этот Калашиков, с женой в гости к китайцу. Выпили они. Калашиков и предлагает китайцу купить у него жену, русскую красавицу, за двадцать рублей золотом. Китаец смотрит на женщину, а она моргает ему. Купил Варвару, так звали женщину. На второй день пасу Калашикова: куда пошел, с кем встречался, о чём разговаривали. Всё секу. И вижу, он опять в фанзу китайца направился. Вошёл он и обращается к бывшей жене: «Варвара, пойдём домой?!» Она бывшему мужу показывает фигу. Я его в переулке долбанул. Обчистил. И золотые часы взял, и золотые рубли, и ещё кое-что. А потом у меня что-то возмутилось внутри. Русскую женщину, как корову, продавать! В то время в Чите корову продавали

за двадцатку золотом. И я его давай бить... Он еле дополз до Главполитохраны. Возвращаюсь в хазку. А Чёрт на меня с руганью: такой-сякой, Еван, где Машарин? Я ему рапортую, что в Госполитохрану пополз. «Это же Калашников!» – кричит он в мою сторону. А я серьёзно отвечаю: «У них в Дальневосточной республике так заведено: Калашников-Машарин, Макаров-Михельсон, Воробьёв-Мачер, Кривошеков...» Меня опять за самовольствие ругали.

* * *

– Я тебе вспоминал Ванду Павловну. Если просеять мою жизнь и посмотреть, что в сите осталось, Ванда Павловна золотой россыпью останется. До двадцать третьего года я не жил, а придуривался. Ни о ком и ни о чём не думал. Крал, блудил, пил.

Твоё имя Алексей. А почему не Ван, Сунь? Считаешь себя русским? Это хорошо.

У нас на Волге Вандой называют большие верши, морды, которыми ловят рыбу в ямах, омутах. Моя Ванда Павловна из Каинска Новосибирской области. Ты бывал там, а я нет. Не знаю почему, но меня Ванда Павловна, когда ездила туда, с собой никогда не брала. А ездила много раз.

При рождении её отец Павел Корнеевич и матушка Мария Юстиновна угадали с именем дочери. Предвидели, что она многие годы будет ловить в верши, морды, в сети хищную рыбу.

Кто тебе, Алексей, дал мой адрес? Кто? Толстопузик Иероним. А кто ему позволил?! Говоришь, Ольга Ивановна? Это кто? Того полковника дочь. А мне однажды велели: если Ольга заартачится – придушить. Она при встрече поняла, Еван самовольничает, но по мелочи. В основном я порядочный.

Ну, и чё тебе надо?

Слушай, Алексей, я родился раньше тебя почти на сорок лет. Ты хочешь знать правду? Ты мозги свои проверял? У нас столетиями нет правды. У каждого человека правда своя. И божественной нет правды, и земной. Представляешь, меня жизнь научила, я всё секу. А они, церковники, секут и бала-

болят то, что им выгодно. Встретил меня наш лысковский поп и говорит: «Вы, Иван Сергеевич, должны рассказать мне, как пострадали в годы коммунистического режима». Я у него спрашиваю: «А что, православная церковь отказалась от догмата прощения грешников? Ну было, так я как истинный православный простил им всё. А вы желаете, чтобы я вам рассказал, а вы потом мои слова начнёте мусолить, а с ними и моё имя. Прощаю тебя, батюшка, за просьбу твою. Но больше с подобными вопросами не обращайся. Мне простили – и я простил. И не собираюсь разжигать ненависть. Идите, отмаливайте ваш грех, что с подобным вопросом потревожили мою совесть».

А ты хочешь знать правду? Зачем она тебе нужна? Чтобы оставить в памяти людей нашу жизнь, дела, думы. Алексей, от правды благодарность не получишь. Земные властители правду не любят, церковники от неё шарахаются, простой смертный её не знает. Не допускают его к правде. Затыркали человека ежегодными лозунгами.

** * **

– Наташу-барахольщицу сопровождал до города Новониколаевска. По дороге защищал, кормил. Ни на одной остановке не выпускал из вагона. Приехали в город. Из вагона вышел первым. За мной прыгнула Наташа. Все спокойно. Вошли в здание вокзала. Возле меня появился Налим. Тихо говорит: «Еван, ты хорошо поработал. Ванда Павловна и Император благодарят тебя. Дальше защищать Наташу поручено мне. Отдыхай. Понадобишься, найдут. Червонцы нужны?» Я ему ответил: «У японца Дзирахаи кое-что экспроприровал».

** * **

– Поселился я в хавире по Каменскому тракту (сейчас Дзержинский проспект), это за Новым кладбищем (Берёзовая роща), за скотомогильником. Месяц живу, второй, осень наступила. В лесу гуляю. Зима затрещала. Измаялся без дела. Всё передумал. Догадывался, у Ванды Павловны и Императора дел много, а меня не привлекают? Наказывают за самовольные

дела? Гнилью начал мозги наполнять. Обида взяла. В Харбине у подполковника Клементьева золото в слитках брали, я свое мастерство показал. У Зубова моей интуиции поверили, всё грабнули. А когда железнодорожники в баулах драгоценности переносили, я догадался, но промолчал. А шепни я Ваське Кро-ту или Петьке Ленскому, чёрт знает, как бы всё провернулось. В Чите десяток контры раскрыл. Японца в Иркутске сдал. И что? Не нужен стал. Ну, по мелочи грешил! Ну, не учили меня ходить от и до. Запил.

* * *

— В новом двадцать втором году, в феврале, был на станции. Читал расписание поездов. Думал решиться и двинуться на родину, на Волгу. Заинтересовался тремя вагонами. В таких вагонах некогда разъезжали его сиятельство. Смотрю, а к одному вагону направляется группа мужчин и среди них женщина. Голову вытянул. Даже шагнул. Губы разомкнул. А Ванда Павловна, это была она, правый кулачок к губам приподняла и головой крутанула. Я замер. Этот жест мне был знаком.

До поздней ночи прогуливался по вокзалу, дважды ходил в чайную Зайцева. Надеялся, что кто-нибудь из знакомых подойдет, похлопает по плечу, предложит прогуляться. В хазку на Каменском тракте ехать было далеко, пошёл на Нобеля, там напился. Неделью не просыхал. Когда вновь появился на станции, вагонов уже не было. Пришёл к окончательному выводу: я большевикам не нужен. В городе в то время крупных купцов, фабрикантов не имелось. Они в девятнадцатом — двадцатом годах сбежали. Осталась мелкота. Не хотелось возвращаться на старую тропинку. Вспоминал, как сказку, несколько дней жизни с Чёртом. Лепестками ромашки играл: вернусь в воровской мир — не вернусь. Были тревожные мысли: а возможно, мои корефаны в чрезвычайке сопли наматывают. Это потом я узнал, что одни охраняли золото. Москва долго решала: оставить драгоценности в Новониколаевске или в Омск перевести. В Омске хранилище прочное, со всеми удобствами. А в новой столице Сибревкома хранилище ещё надо строить. Другие отлавливали контру на подступах к городу.

Третьи, как Рябой и Пулька, сбежали. Закрепился с выводом: не нужен им полудурочный Еван.

Хорошо, что деньги ещё имелись.

** * **

— Шёл к закату двадцать второй год. Паскудно на душе от нерешительности и безделья. Хотел бабу завести, да всё падались какие-то несерьёзные. А мне хотелось такую жену, как Ванда Павловна или Наталья Дмитриевна. Не смейся, мне было тогда только тридцать с гаком.

** * **

— На вокзале проторчал несколько часов, оценивал пассажиров: одна мелкота, мешочники, навозники. Двинулся по Вокзальной улице. Впереди шла женщина в длинном чёрном пальто с лисьим воротником, голову покрывала сизая шерстяная шаль. Присмотрелся, женщина идёт рывками. Пройдёт шаг, два, приостановится, подождёт, опять. Я подошёл и спрашиваю: «Сударыня, вам плохо?» Баба посмотрела на меня мутными глазами, разжала губы и с большим трудом говорит: «Еван, у меня с сердцем плохо». «Ванда Павловна!» — крикнул я. Она кулачок к своему ротику приложила и тихо говорит: «Не ори, Еван. Останови повозку и отвези меня в железнодорожную больницу. Там работает врач Тарасов». Я положил на снежок Ванду Павловну, выскочил на проезжую улицу, остановил первую встречную телегу. Свирепо крикнул извозчику, чтобы он помог мне погрузить женщину в телегу и осторожно ехал в железнодорожную больницу. Он хоть и быстро ехал, но варьировал между снежных комьев, выбоин. Я бежал рядом с подводой.

После нескольких уколов отступили у неё боли. Даже улыбнулась. Спрашиваю: «Ванда Павловна, в ЧК кому сообщить? Императору? Брату Юрке?» Она отвечает: «Закатилось моё солнышко, Еван. Постарела. Здоровья лишилась. Никому я не нужна. Поругалась в ЧК, нагрубила, Сталиным стращала, рапорт о своем уходе написала, дверью стучала. Никому не сообщай». Врач Тарасов уткнул свою рыжую бородку в под-

бородок Ванды Павловны, отшатнулся: «Почему ко мне? Я больше по хирургии. Вы знаете, не вам об этом говорить, товарищ Михайлова...» Ванда Павловна чётко произнесла: «Степан Иванович, лежит перед вами не Михайлова, а Ефимова. Лечите. В городской больнице работает медсестрой Анна Алексеевна, пригласите её в помощники. Этот мужчина, — она показала на меня, — мой телохранитель. Он должен постоянно быть возле меня. А фамилия его Матюшин».

Больше месяца пролечилась Ванда Павловна. Не знаю, как удавалось Тарасову проводить мимо нашей палаты медицинское начальство, чекистов. Это его тайна. Я санитаром служил. Всё, что приказывали, исполнял.

* * *

— Солнышко затряслось в небе, тепло разбросало по снежным сугробам. Вышли мы из больницы.

И опять я к Ванде Павловне с вопросами: «Сообщить Петру Васильевичу? Я знаю, где он живёт». Она мне в приказном порядке: «У него и без меня достаточно дел». — «Ванда Павловна, он же ваш муж. Вы с ним с пелёнок знакомы». Она мне отвечает грубо: «Не вздумай, Еван, самовольничать! И брату не сообщай. Не нужно им знать, что я беспомощна. Я верю, что оклемаюсь, поправлюсь». Я тут ей сказал: «Ванда Павловна, у меня хоть и старенький, тёсом крытый, но пятистенок имеется. Правда, далековато от центра, но лес рядом. Приглашаю, поживите у меня месяц-два. Я рядом буду. А потом что-нибудь и получше придумаем». Она мне отвечает: «Еван, благодарю за предложение. Но пройдёт неделя, вторая. Кто-то увидит, кто-то узнает Анюту. Еван, дай мне немного отдохнуть». Я спрашиваю: «Что вы предлагаете?» Она мне: «В Татарском уезде в Убинской волости в деревне Александра Невского брат Юрий имел собственный дом. Когда его в девятнадцатом году мобилизовали в Каинскую контрразведку, он не продал его, а передал крестьянину Александрову под присмотр. — И неожиданно засмеялась, потом, играя глазами, продолжила: — Нам бы сейчас Еван, ту тысячу, которую ты просил у Императора на Далай-Норском озере!»

Я надулся. Пролепетал: «Неверно передал Император резиденту мои слова. Я не просил, а отказался. Он спросил у меня: «Еван, тебе тысячу николаевками или больше?» Я ответил: «Император, не нужно. Я с вами». И тут я спрашиваю её: «Ванда Павловна, у вас в загашинике что есть?» Она взгляд в грязь весеннюю уткнула и говорит, будто извиняется: «Еван, даже на запасную ночнушку нет». «Да-а-а, – протянул я. – Как верно вас назвал Император во Владике, когда вы раскрылись ему: «Фанатичка».

Она говорит: «Еван, я тебя не принуждаю сопровождать меня. Посади в поезд, который отправляется на запад, и кати во все четыре стороны. Спасибо тебе, друг мой». Отвечаю ей: «Не хочу одну оставлять вас. Вы ещё слабы. Вам нужна помощь. Хочу возле вас быть». – «Тогда не самовольничай. Откуда у тебя червонцы? Не хватало, чтобы нас за воровство судили». – «Это те, что я изъял у Калашиникова и Дзирахасти. Остаток, всего несколько золотых пятирублёвок».

** * **

– Прибыли на станцию Убинскую. Наняли бричку и по ухабистой, колдобистой дороге поехали в посёлок Александра Невского.

Продолжал шагать двадцать третий год.

Заняли мы дом Юрки Михайлова. Обогрели. Навели порядок. С превеликим удовольствием я служил истопником, кухаркой, медсестрой. Соседи помогли управиться с посадкой овощей. Безвозмездно дали всё, чем богаты были сами.

Третьего июня Ванда Павловна ездила в город Каинск. Вернулась. Плакала. Говорила, что её родной сын не признал в ней родную мать. Прошёл мимо.

Осенью крестьяне на сходке постановили открыть в деревне школу. Пришли к нам. Уговорили Ванду Павловну быть учителем, а меня истопником, сторожем и уборщиком. Пообещали каждый месяц выдавать за труд пуд зерна. Узнал я, что Ванда Павловна окончила Каинскую гимназию и не только умеет командовать ворами, кожниками (чекистами), а ещё и учить детей.

Не говорю о своих чувствах. Стыдно старику. Но с другой стороны, если тебе доверил Император свои записи, другие корефаны дали добро на откровенность, приоткрою задвижку и в сердечных чувствах.

** * **

– Банька совсем на бок улеглась. К соседу Александрову по субботам мыться ходили. Решил нашу разобрать, новую поставить. Вечером, перед закатом уходил в лес, подбирал гладкоствольную осину, срубал, от сучков очищал. С темнотой приносил домой. А дома ошкуривал – и в венец на мох. Под первый Спас банька была готова. И пошли мы в свою баню вместе: Ванда Павловна и я. Она на этом настояла. А я был на два десятка лет моложе её. Посмотрел на её телесную красоту и впал в словесный грех.

Предложил поиграть, если я не противен ей.

** * **

– Умер Ленин. В деревню приехал корреспондент «Сельской правды», по деревне ходил, у крестьян спрашивал, как они переживают потерю вождя. Нас навестили. Я молчал. Подшивал валенки. Ванда Павловна сказала: «Мы переживаем. Закатилось солнце революции. Жалко. Изменится у нас жизнь с новым вождём». Корреспондент с блокнотом к ней: «Вы знаете, кто будет новый вождь? Разве не Троцкий?» – «Газеты надо читать, молодой человек!» – грубо ответила она. Сколько ни пытал её корреспондент, она ни слова не сказала.

** * **

– Шёл год за годом. Я был очень счастлив. Ванда Павловна вела в школе уроки, я по хозяйству управлялся. В свободное время строгал доски, мастерил табуретки, кухонный подвесной шкафчик для школы, лавки.

В первых числах января двадцать восьмого года в деревню пожаловал китаец-лотошник. Он продавал цветные нитки, шелковые ленты, в порошках краски. У кого из женщин не было денег, он соглашался на обмен. Его тележка ломилась от кусков мяса, яиц, плиток замороженного молока, колобков

масла. Пожаловал к нам. Ванда Павловна отсутствовала. В школе уроки давала. Китаец закатил тележку в ограду. Не спрашивая разрешения, вошёл в дом. Осмотрелся. На подоконнике понюхал цветок ваньки-мокрого.

Обратился ко мне: «Еван, угости чайком. А чтобы ты не тревожился, я тебе передаю привет от Натальи-барахольщицы». Я быстро накрыл стол. Поставил даже графинчик самогонки. Тут и Ванда Павловна пришла. Они попросили меня погулять. Я понятливый. Вышел, дровишек в предбанник носил, снежок побросал. Позвали меня в дом. Ванда Павловна предлагает прогуляться с китайцем за околицу. Из его саней взять мешок, наполненный вещами, и принести тайно в дом. На прощание она сказала китайцу: «Передай Зое Григорьевне, я постараюсь сделать всё, что в моих силах. Андрейку привозите к нам. Сам не сможешь, поручи Налиму».

Оставил лотошник нам свою корзину с продуктами.

Ночью мы сели ужинать. Из мешка Ванда Павловна достала бутылку водки, разлила по стаканам. Я зашумел. Вспомнил, что врач Тарасов запрещал. Она мне с улыбкой: «Сегодня, Еванушка, можно». Я спросил: «А кто этот китаец, как его имя?» Она нахмурила брови: «Еванчик, мы договорились: не самовольничать». – «А что и спросить нельзя?» – «Можно будет тебе знать, я сама всё расскажу. Ты для меня дорог, Евангел!»

Разобрали мешок. На лавку разложили чёрное платье, нижнее бельё, полушалок, шаль, чёрные полуботинки. Померила, всем осталась довольна. Я похвалил. Из низа мешка достала серый мужской костюм, сапоги. Велела мне надеть. Удивился. И костюм, и сапоги мне были в пору. Легли спать. Полежали с полчаса, она поднялась и стала ходить по комнате. Я принёс лекарства от сердца. Она велела мне не мешать ей думать.

* * *

– На следующий день после школы она сходила в сельский совет, а вернувшись, приказала мне надеть костюм, привезённый китайцем, и сама нарядилась в обнову. Сани сельского совета отвезли нас на железнодорожную станцию. В Ново-

сибирске мы переночевали у Петьки Ленского на улице Жуковского. За столом обменялись двумя никчёмными фразами. Утром хозяин проводил нас. Мы отправились в Алтайский край. Приехали в Рубцовку. Меня не тревожила таинственность нашего путешествия. Я волновался о здоровье Ванды Павловны. В Рубцовке, в двух кварталах от здания Окружкома по направлению к железнодорожному вокзалу, зашли в деревянный дом. Хозяин гостеприимно встретил нас. Разжёл самовар. Ванда Павловна села за стол, пригласила хозяина.

«Мне передали, что к вам обратились с просьбой, — начала Ванда Павловна, в упор разглядывая хозяина, — чтобы вы изготовили несколько пар валенок. Колодки вам передали. Готов ли заказ?» Хозяин отвёл взгляд от Ванды Павловны, ухмыльнулся: «Так это вы и есть Ванда Павловна. А я думал, что придёт Серафима Власовна. Сколько же у Петра Васильевича жён?» Ванда Павловна передёрнула плечами. Бросила злой взгляд на хозяина. «Вы не проявляйте беспокойство, — продолжил хозяин. — Заказ изготовлен, просушен».

Ванда Павловна налила себе чай в блюдце, отпила глоток. С вызовом спросила: «Откуда знаете Серафиму Власовну?» — «Так мы из Нарыма. Она там руководила церковным хором», — ответил хозяин.

Ванда Павловна поднялась, прошла по кухне, вплотную подошла к хозяину. «Мы на несколько дней национализируем ваш дом. Живите у соседей, — говорила Ванда Павловна. — Прибирайтесь с хозяйством в обычном режиме. В дом заходить запрещаю. Ущерб, нанесённый вашему дому, я возмещу. Попросите жену, чтобы она нажарила пирожков с мясом, печёнкой и ежевикой».

Хозяин в поклоне проговорил: «У нас в Нарыме жил один ссыльный, он любил...» — «Оставьте воспоминания при себе, — перебила его Ванда Павловна. — Что нам понадобится, к вам обратится Еван Сергеевич», — она показала на меня.

* * *

— Алексей, из моих корефанов прошлого некоторым в жизни повезло. Ленина видели, слушали его. Ян, так тот охранял

Ленина. А Пулька на съезде комсомола слушал напутственные слова Ленина. Им подфартило. А я Сталина видел. За одним столом с ним сидел. Чай пил. Признаюсь, в страхе, рот не раскрывал. Да что там я! Даже Чёрт, прости, Алексей, Сергей Александрович – и тот не в своей тарелке был, молчал.

** * **

– Рассказываю по порядку. Велела Ванда Павловна выйти с ней на улицу. Мы вышли. Смотрю, по улице из здания Окружкома идут несколько человек. Первый в полушубке, похож на кавказца, рядом с ним Чёрт, а в сажени от них мужчина и женщина. Ванда Павловна рукой отодвинула меня в сторону и обращается к кавказцу: «Здравствуйте, товарищ Сталин. – Чёрт отошёл к сопровождающим мужчине и женщине. Ванда Павловна продолжает: – Приглашаю вас в дом Харламова попить горячего чайку с пирожками». Товарищ Сталин говорит: «Не возражаю». Я вошёл первым. Открыл избушку дверь. За мной вошёл товарищ Сталин, потом Ванда Павловна и Чёрт. Товарищ Сталин разделся. Я повесил его борчатку, рукавицы на верёвочке. Помог раздеться Ванде Павловне и Сергею Александровичу. Ванда Павловна разлила всем чай. Я успел отпить глоточек. И слышу: «Еван Сергеевич, отнесите пирожков товарищам, кто на улице остались. Я поднялся, следом за мной поднялся и Сергей Скворцов. Но Ванда Павловна остановила его: «Товарищ Скворцов, у меня от вас секретов нет».

О чём говорили товарищ Сталин и Ванда Павловна, я не знаю. Может быть, и товарищ Скворцов участвовал в разговоре. Сопровождающие на улице, оказывается, знали меня по имени и отчеству. Представились. Мужчина назвал себя Теребилло, а женщина Кузнецовой. Они с удовольствием съели горячих пирожков. Скоро открылась сеношная дверь. Первым вышел Скворцов с узлом, за ним товарищ Сталин, а после Михайлова. Мы все вышли за ворота. Тут Харламов с женой видно вышли на улицу и запели «Дубинушку», и товарищ Сталин им подпевал. Теребилло рывком оказался за спиной товарища Сталина, а Кузнецова перед Сталиным.

Ванда Павловна звонким голосом дружелюбно познакоми-

ла: «Вот, товарищ Сталин, и пимокат Харламов». Сталин протянул руку Харламову, с улыбкой произнёс: «Благодарю, товарищ Харламов. Прекрасная работа. – Вонзил карие глаза в Харламова. – Откуда родом?» – резко, с акцентом, спросил Сталин. «Из Нарыма», – с тревогой в голосе ответил Харламов. «А не на берегу ли речки Полоя стоял ваш двухэтажный дом, рядом с больницей?» – «Точно, товарищ Сталин, и я вас помню». – «Как думаешь, товарищ Харламов, ваш округ справится с заготовкой хлеба?» – «Справится, товарищ Сталин, хлеба у нас в этом году много». Сталин протянул руку Харламову: «Рад встрече. Хотелось бы посидеть, вспомнить, но дела. До свидания». Сталин быстро пошёл в сторону вокзала. За ним поспешили Скворцов, Терebilло и Кузнецова.

Мы ещё долго стояли у ворот.

* * *

– До приезда Сталина в Сибирь никаких репрессий по отношению к крестьянству не применяли. Руководитель Западно-Сибирского края видел в деревне не кулаков, а «крепких мужиков», культурно ведущих своё хозяйство. Но с саботажем нужно было вести борьбу. С осени 1927 года и до приезда товарища Сталина поступление хлеба в закрома государства совсем прекратилось. Разве это не саботаж?

* * *

– Вернулись в деревню. У Ванды Павловны участились сердечные приступы. Повез в убинскую больницу. Посмотрели врачи, выписали лекарство, да его в волостной аптеке нет. Не стал я её слушать, отправился в Новосибирск. Обошёл все аптеки. Одно есть, другого нет. Обратился за помощью в гнездышко Матроса на улице Ногиной. Предложили навести шмон в бывшей аптеке Кавнацкого на Красном проспекте. Матрос на шухере стоял. Я открыл железный шкаф и по списку всё изъясил без остатка. Сумку увесистую набрал. Идём по улице Коммунистической с Матросом, я доволен. Вперёд поглядел, а из здания с правой стороны выходит Император. Мы морды отвернули. Он прошёл мимо. Я спрашиваю у Ма-

троса, что за здание, откуда он вышел. Он шепчет, что школа разведки. Я ещё больше ссутулился, попрощался с Матросом – и на улицу Александровскую, сейчас она Серебренниковской называется, к дому скупки золота и драгоценностей. Постоял с четверть часа в очереди – и в хазку, где медсестра Анна Алексеевна жила. Рассказал о своей тревоге по здоровью Ванды Павловны, передал лекарства, на коленях просил поехать в деревню. Высыпал перед ней золотые безделушки, что наскреб у ротозеев в очереди.

Ушёл я от дома Анны Алексеевны огородами, да меня сцапали. Сторож аптеки в страхе сидел за тумбой, а меня всё же запомнил.

Осудили меня на три года. Отбывал наказание здесь, в Новосибирске, строил главный вокзал. Пока сидел, об одном думал: не пустит меня через порог Ванда Павловна за моё самовольствие. Знаешь, уверен был, что грубиянка Анна Алексеевна не бросит больную Ванду Павловну. Письма писал в деревню на имя Анны Алексеевны. В каждом письме прощения просил и заверял, что больше никогда не совершу необдуманных проступков.

Освободили. Приехал в деревню. Здорова моя Ванда Павловна. Здорова и Анна Алексеевна. В дружбе они жили без меня.

Собралась Анна Алексеевна покидать нас. В переписку вступила с завздравотделом Запсибкрая. Предложили ей выехать в село Коурак. Волостное начальство гарантировало жильё и жалованием обеспечить.

Жили мы, поживали. Вандушка в школе детей учила, я в колхозе извозчиком работал. Пока я строил Новосибирск-Главный, крестьяне создали колхоз.

* * *

На основании Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от пятого апреля тысяча девятьсот тридцать девятого года и по Постановлению Управления милиции УНКВД по Западно-Сибирскому краю от двадцать второго марта сорок первого года с меня сняли судимость со всеми связанными с ней ограничениями.

В мае сорок первого года меня вызвали в Убинку и вручили паспорт. Мне исполнилось срок восемь лет. Удивляешься? Не веришь?! Ах, веришь! Правильно делаешь. Евану надо всегда верить. Это не то, что мой корефан Огонёк. Трепушка! Медуза! На солнышко вытянешь, правду у него начинаешь искать, а её нет. Расплывётся в улыбке: одна жижжа. Руки чешутся побить. А как его побьёшь, если он, как младенец, улыбается!

** * **

— Пятого мая приехали к нам трое. Ванда Павловна осмотрела их, спокойно спрашивает: «С чем пожаловали?» — «У нас есть постановление на обыск». На меня не обращают внимания. У нас был тайник в столе. Ванда Павловна там кое-какие документы хранила. А какие, меня не интересовало. Эти трое нашли тайник. Разложили документы. А там среди документов фотография. На ней мужик. Я узнал: на фотографии Император, он же Родственник, Пётр Васильевич.

Предложили Ванде Павловне собраться. Я помог ей сердечные лекарства собрать. Она на прощание обнимает меня и шепчет: «Еванчик, найдёшь в себе силы, поезжай в Москву. Если меня освободят, а меня должны освободить, я тебя буду ждать на Новодевичьем кладбище, возле бюста Надежды Аллилуевой. Не торопись. Раньше двух месяцев не приезжай».

** * **

— Знаешь, сколько я слёз пролил?! Как бы нам трудно ни жилось, а я считал, что лучшего счастья, чем быть рядом с Вандой Павловной, мне не надо.

** * **

— Под присмотр соседа Александрова передал домишко, утварь и поехал. В Новосибирске переночевал у Петьки Ленского на Жуковского. Сообщил он мне, что Ванду Павловну неделю назад отправили в Москву. С ней имел переписку Налим. Предлагал устроить побег, но она категорически отказалась.

В столице остановился в хавире за речкой Яузой, рядом с храмом. Чтобы не бедствовать, сходил на дело. Представля-

еешь, от Яузы до Новодевичьего кладбища только на тарантас какие расходы?

Началась война. Несколько раз намеревался пойти на Лубянку, но помнил слова Ванды Павловны: «Не самовольничать».

Началась эвакуация москвичей. Плохо я тогда выглядел. От природы сутулый, а тут кожа на лице так сморщилась, что старику к ста годам подходит. У меня никто не спрашивал документы. Не плачусь, но скажу, много у меня морщин появилось, когда я Новосибирск-Главный строил, а потом ещё больше, когда Ванду Павловну увезли, а я остался в пустой хате.

** * **

В последнюю пятницу июля добрался до кладбища. И ноги подкосились. Смотрю, Ванда Павловна сидит на одной из могильных плит и улыбается. Честное слово, тебе раскроюсь: впервые за многие годы совместной жизни не позволял такой вольности, а тут подбежал к ней и стал целовать. Всё лицо её обцеловал. А она, совсем-совсем седенькая, меня тоже целовала. Представляешь, ей было в то время семьдесят лет!

Предлагает она мне покинуть Москву. И говорит: «Хочу в Сибирь, но, Еван, не дотяну я до неё. Давай к тебе в Лысково».

Пошли мы пешком, где на попутных полуторках. Не раз нас останавливали. Ванда Павловна доставала бумаги, показывала. Нас отпускали с миром. Хочу быть справедливым, Ванда Павловна рассказала мне: перед её освобождением перед ней извинились, выдали бумаги, денег. Выдали удостоверение, чтобы оградить нас от случайных арестов.

** * **

— Приехали в Лысково. К калитке подошла мамка моя, Ольга Назаровна. Обняла Ванду Павловну и говорит: «Здравствуй, невестушка. Мне много добрых слов о тебе говорили Сергей Александрович и Крашеный. Гостевали они у нас. Подарки привозили. Проходите в дом, милые мои».

Я прослезился. И на глазах Ванды Павловны второй раз за многие годы увидел слезу.

Не знаю, оставил ли в записях Император один случай, который был у нас с ним. Не сговариваясь, мы пошли в один день и час «на ювелира». Поделили поровну. Я на ту половину купил на берегу Волги дом для родителей. Добротный дом. Вот в него мы и вошли с Вандой Павловной.

Перед Яблочным Спасом просит меня Ванда Павловна сводить её на берег Волги. Пришли мы к пристани Исади, поднялись на Фадеевскую гору, покрытую садами. Я говорю Ванде Павловне: «Эти сады в урожайные годы давали по шесть-семь миллионов пудов яблок. Яблоневое царство». Она сорвала одно яблочко, надкусила...

** * **

– Мамка, папка, соседи и я похоронили знаменитую Анюту на городском кладбище. Помянули. На следующий день я отправился в военный комиссариат. Но не мобилизовали. Выгнали.

В сорок втором году по весне похоронили отца, а позднее осенью мать. Один остался. На кожевенном заводе работал.

** * **

– В начале сорок пятого года заграбастали меня. И в Москву. Никаких допросов, никаких обвинений.

Спрашивают: «Квалификацию не потерял?» Я им с опаской отвечаю: «В технике разбираюсь, по электричеству петрю. Машину могу и разобрать, и собрать». Они мне, молокососы, намёками: «А как чтобы железный шкаф открыть? Дверной замок?»

Мне стукнуло за пятьдесят, выглядел древним стариком. Я пожимаю плечами, губами шлёпаю, как бы судорога у меня, трясучка... В спор чемушники (чекисты) вошли. Один говорит, что это не я. Другой – я. «Да это же я, Еван. А то, что слишком старо смотрюсь, так жизнь в радости прожил...»

И отправили меня в Германию. Солдаты уничтожали фашистов, а мы изымали то, что фашистские учёные разрабатывали в расчётах и чертежах на будущее уничтожение человечества.

Поработал нормально. На левой руке ладони лишился.

Левый глаз потерял. В госпитале шесть месяцев провалялся. Медаль вручили. Домой отпустили.

Приехал домой. Пришёл сорок седьмой. Год денежной реформы. Мне инвалидность дали, триста рублей. Постепенно привыкал всё делать по дому. Много баб предлагали себя, но разве я мог изменить моей дорогой Ванде Павловне? Не заметил, как за бутылочкой перед сном потребовалась вторая. Пенсии стало не хватать. Решил помаленьку из солдатской шинели вынимать заначку, что вишивал в Германии. На скупки возил в Казань, Нижний Новгород. От скупщиков подлянки не ожидал. Некоторых знал ещё до революции, доверял. А вот подлюка сосед Данилов, кого не раз и не два угощал до соплей, его деткам и сладостей покупал, и колбасы, сдал меня. Хорошо, что я кое-что припрятал: рваные сапоги на чердак бросил. Гимнастёрка у меня пугалом висела на крестовине... Откуда драгоценности? Оттуда! Ты меня осуждаешь? Я не возил вагонами ковры, мебель, хрусталь, меха. Не возил! На кой чёрт они мне сдались?

Смех. Обвиняют в краже драгоценностей. А когда украл? У кого украл? Прочерк. И в полном порядке акт об изъятии у гражданина Матюшина драгоценностей на семь тысяч рублей.

Меня спрашивают: «Еван Матюшин, откуда у тебя драгоценности? Не задумываясь отвечаю: «Отец мой, Сергей, до революции служил трапезником в храме, а ему прихожане приносили подаяние. Грешник отец, пусть земля ему будет пухом, и совершил грех, приносил в свой дом безделушки».

Отправили меня, инвалида, на Колыму. В Магадане, на четвёртом километре в бараке продержали, подкормили и погнали в Орокутан, на золотые прииски. Дело прошлое. Я на двух работах вкалывал. У дальстроевских начальников учёточником числился. У меня на работу не выходили только те, кого на кладбище уносили. И у корефанов в работе значился. Ну вот, представь, идёт зек, а перед ним на отвал прёт тележку другой зек, а из тележки несколько камушков упало. Первый зек поднял камушек – и за пазуху. А вечером ищет меня и отдаёт мне. Знает: у Евана всё, как у Евангелиста...

Если хочешь выпить, вон в шкафчике бутылки стоят. Я не пью. Не потому, что больной. Зарок дал.

** * **

– Слушай дальше.

Приезжает к нам в лагерь агитколлектив «Дальстроя». Лекции читают. Каждый лектор сталинской цитатой начинает, успехами социализма заканчивает. После лекторов выходит женщина и начинает петь песни. Я присмотрелся: Наташка-барахольщица! Подмигнул. Нашли мы возможность поговорить. Выслушал я её просьбу. Большая была просьба, серьёзная. Оговорил условия: если не справлюсь, никому из корефанов о моём провале не говорить.

Лекторы с артистами в Магадан поехали, а я по тропкам, которые корефаны раскрыли да местные аборигены открыли за полстакана песка и два перепелиных яйца, конечно золотых, отправился в Якутию. Ты понимаешь, о чём я тебе говорю? Однорукий, одноглазый инвалид Еван отправился в бега. Когда шёл, полз, карабкался, часто сбивался с намеченного маршрута, возвращался, а перед глазами стояла Ванда Павловна. Я не боялся зверя. Он от меня убегал.

Алексей, нет невозможных препятствий для человека.

Дошёл до границы с Китаем. Амур переплывал возле речки Чонхе. На китайской территории лежал. Вспоминал, как я с корефанами девятого июля двадцать первого года проходили границу из Китая в Совдепию. Да, не пустые шли: с золотом и драгоценностями. Вспомнил Налима, Дувана, Петьку Ленского, Огонька и, конечно, Императора. Чёрт побери! что за штука – человеческая память?! Вспомнил нашего проводника, который вёл нас, надзирателя маньчжурской тюрьмы Михаила Иноземцева. Вот будто не прошло двадцать восемь лет, слышу его голос: «Товарищи! Поздравляю! Вы на Российской земле!»

** * **

– Я появился в Харбине весной девятьсот пятидесятого года в нормальном костюмчике, в итиблетах, и от меня пахло

мылом «Виктория». Пришёл на явочную квартиру на Дровяном разъезде, что Наталья Дмитриевна говорила. Обошёл, осмотрелся. Вижу, в усадьбе старик кошечку работы немца Ганса бросает, другой старик правую руку горизонтально держит и шамкает: «Пётр Васильевич, прошу полегче, не хочется мне с синюшной рукой предстать перед хозяйкой».

Повернулись в мою сторону. Осмотрели с интересом. Старший, который бросал кошечку, грубо спрашивает: «Чего уставился? Проваливай!» А тот, который с протянутой рукой, спокойно говорит: «Ваше Высочество, Владыко, это покалеченный Еван на нас смотрит». И я по голосу признаю Чижика. Кричу: «Братцы, принимайте! Готов поставить на кон живот свой, лишь бы с вами вместе стакан водки выпить за ваше здоровье!» И слышу: «Точно, Еван! Надо же! На лице повязка и ладони на левой руке нет. А лицо-то, лицо! Сплошная морщинистая задница. Заходи...»

* * *

— Алексей, выполнил я просьбу Натальи Дмитриевны. Это сейчас измелачал российский вор. Ни порядочности, ни чести...

Скоро, в том же году Император с Чижиком покинули Харбин. Куда? Это не моё дело. Я там остался. Помогал хозяйке Агафье Владимировне. До пятьдесят девятого года жил спокойно. А тут что-то не поделили Хрущёв и Мао. Я политикой не интересовался. И на «дело» не ходил.

Скоро мне предлагают выехать в Канаду, Австралию или в Советский Союз. Я подумал: Данилов в Лысково, паскуда, но в страхе, на разорение моего дома не насмелится. Решил старость свою на Волге, рядом с Вандой Павловной прожить. Дал согласие ехать в Совдепию.

* * *

— Знаешь, Алексей, не страшился я, что за побег из Орокутана меня осудят. Сколько за эти годы накуролесили власти, до меня ли им! Мне оформили бумаги на поселение в Омскую область, в Черноглазовку. Да чихал я на их предписания! Я же

в Харбине жил по липовым документам, что мне «мастера» делали.

Прожил я неделю в Черноглазовке, сжёг документы и отправился на Волгу.

Появился в своём родном городе, перед своим домом. Дом стоит. Не сожгли и не ограбили соседи.

Выходит сын Данилова, подаёт мне ключи, говорит, а сам в землю смотрит: «Извините, Еван Сергеевич, за дела отца. Его уже нет. Бог прибрал. А вам если что нужно, обращайтесь. Дровишки вам на две зимы приготовил. Колодец в прошлом году чистил. Жена моя перед майскими праздниками у себя в доме белила и у вас.

Не стали на меня за побег дело заводить. Читали моё прошлое уголовное дело, смеялись. В том же шестьдесят втором году выдали мне паспорт.

Видишь, как судьба Евана «самовольного» распорядилась. И нет моей Ванды Павловны, нет её первого мужа Петра Васильевича, а я, инвалид, ещё в работе. Не часто, но приезжают когда из Казани, когда из Горького, просят кое-что открыть, проконсультировать. Не отказываюсь. Правда, в последнее время чувствую, что отстал немного от научно-технического прогресса. Но если приглашают, значит, ещё одноглазый Еван нужен.

** * **

– Что ты говоришь?! Остались протоколы допроса о моём участии в подготовке совершить убийство товарища Сталина? Говоришь, несколько листов протокола хранятся в архиве УКГБ по Магаданской области? Ну и ну!

Ещё до появления Натальи Дмитриевны в нашем лагере в Орокутане в нашу «контору» приехал следователь с особыми полномочиями. Вызвали меня и начали обвинять в заговоре против товарища Сталина. Надо же придумать такое! И этот заговор состоялся ещё в двадцать первом году. А я, дурак, в двадцать первом году знал только одного вождя пролетариата – Ленина. О нём нам рассказывал Чёрт, то есть Сергей Скворцов, когда мы таскались с золотом и драгоценностями

в городе Чита. Потом, когда мы с Вандой Павловной жили в деревне, она рассказывала мне про Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Луначарского. Про Сталина как вождя я от неё не слышал.

В двадцать восьмом в Рубцовске грузину Сталину помогал подобрать пару пуховых носков, валенки...

Но про ту встречу в Рубцовке я никому не рассказывал. О том, что Сталин вождь, я узнал из газет в тридцать первом году.

На втором допросе следователь по особым полномочиям спрашивает: «Осуждённый Матюшин, вы встречались в двадцать первом году с японским резидентом Дзирахасти?» – «В двадцать первом?» – «В двадцать первом». – «А где? – спрашиваю. – В Японии не был». А сам посылаю про себя в сторону бывшего начальника Иркутской ЧК Тресслера большой х... Я ему японца голеньким передал – и документы все, и вещи... Убежал, знать, Дзирахасти.

Алексей, прошло много лет. Приезжает в гости Крашеный (Николай Николаевич Капустин). Рассказывает мне, что, когда нас на пароходе «Дзержинец» привезли в порт Нагаево и повели в бараки на четвёртый километр, в это время японские военнопленные в Магадане строили по улице Ленина Дом культуры и гостиницу «Северная». Среди военнопленных был Дзирахасти. Он и наложил на меня бочку вони. Ну, и ему я, уже старик, совал...

Пойдём, Алексей, на кладбище, помянем Ванду Павловну.

Глава шестнадцатая

Неделю назад был у меня начальник Кемеровского химического комбината Иван Афанасьевич Афонин. Я хорошо знал его. Бывший чекист. Работал начальником строительства города Орла. Затем у нас в Сибири был начальником строительства Абаканского завода, начальником строительства Черно-

реченского (Искитимского) цементного завода. Замечательный организатор производства. И рассказал он мне шокирующий случай.

Ему нужен был на строительстве комсомольский вожак. И обратился он к вожаку дзержинских комсомольцев Николаю Полумосквину за помощью – рекомендовать хорошего парня.

16 марта 1933 года решением ВЦИК в нашем городе были образованы два района: Эйховский (Первомайский) и Дзержинский. На первой конференции избрали первым секретарем райкома комсомола Николая Полумосквина. У него был опыт комсомольской работы. Он показал себя с положительной стороны на работе секретарём Барабинского окружкома комсомола.

Так вот, Полумосквин и порекомендовал Афонику Николая Кочеткова, которого хорошо знал по барабинской работе. И что? Поработал у Афонины Кочетков три месяца и исчез. Всю милицию подняли на ноги. Был, работал комсомольский вожак, красавчик с замечательным голосом, и испарился. А вчера приехал Афонин в город к Полумосковину. Он, может, знает, где Кочетков. Тот ему и говорит: «Кочетков выполняет комсомольское поручение». Что за молодёжные вожаки? Где дисциплина?! И говорит Полумосковин Афонику, что Коля внедрён в банду Ольги. И ещё Афонин узнал от Полумосковина, что от Кочеткова ни слуху, ни духу. И просил Афонин наказать Полумосковина по партийной линии. Разве допустимы такие самовольствия? И кричал он: «Мне комсомольский вожак нужен! Верните мне Кочеткова! Я его как сына родного полюбил. А если с ним что случилось?»

Рассказал мне Афонин, что был в гостях у Козлова. Рассказал этот случай. Просил помощи. А он его выгнал. «Друг называется!»

* * *

На следующее утро я вызвал к себе Петра Васильевича Козлова. Он сидел, курил, ухмылялся. Я ему зло говорил:

– Кочетков должен быть живым. Шайка Ольги поймана, и чтобы никогда больше я о ней не слышал...

- Сережа, чего ты от меня требуешь?
- Ты, Родственник, должен выйти на Ольгу и арестовать всю шайку.
- Ты что-то путаешь, Серёжа. Я ещё в двадцать втором с Феликсом Эдмундовичем оговорил условия: если меня оставляют работать в органах, я согласен только бороться с внешними врагами. Иваном Каином не желал и не желаю быть... Ты, Ванда и Павлуновский были свидетелями.
- Это было в двадцать втором, а сейчас тридцать третий!
- крикнул я.
- И всё равно отказываюсь.
- А я приказываю!
- Сергей Александрович, так не пойдёт. Я не ловил и не буду ловить уголовников. Для этого есть много других талантливых работников.
- Я крикнул:
- Ольга на твоей совести!
- И на твоей. Я был свидетелем, когда мы провожали Ивана Захаровича Муравьёва в Москву, ты обещал ему позаботиться о дочери...
- Но ты же знаешь, меня партия направила в одно место, потом в другое... Виноват. Конечно, из тысячи дел мог вспомнить. Пётр Васильевич, – обратился я к Козлову ласковым голосом. – Надо выручать парня. Надо выручать Ольгу. Я позвоню твоему начальнику, чтобы он тебя освободил...
- А тебя кто освободит?
- Это зачем?
- Серёжа, если идти, то вдвоём.
- Ты что, смеёшься? Первый секретарь горкома партии, член ЦК пойдёт искать шайку?!
- Здесь не до смеха. Ты Ольгу видел в двадцать первом. С её отцом мы встречались вместе в поезде. И потом ты, Серёжа, его провожал в Москву... И если уж пойдём вместе, то ты как тот-то и тот-то даёшь слово, что в ближайший год ареста не будет. Дашь мне время ближе познакомиться с ними.
- Слушай, Император, мы ещё не знаем, где их хавира, а ты уже о перевоспитании.

- Где жила в прошлом, там и сейчас.
- Не понял?
- Ты в двадцать первом году, когда получил задание Павлуновского разузнать о семье Муравьёва, где её нашёл?
- На улице Переселенческой, дом тридцать пять. Акация росла под окном.
- Вот по этому адресу и пойдём. Только сейчас улица называется не Переселенческой, а Девятьсот пятого года. Как мне говорил Иероним, она в тебе признала чекиста и на время поменяла жильё.
- Как я раньше не вспомнил про монаха? Сергей, давай вместо меня я его подключу?
- Заказывай для него сразу гроб.
- И когда пойдём?
- Зачем откладывать? Прямо сейчас. Десять часов утра. Воры только начинают просыпаться.
- У меня совещание.
- Отмени, перепоручи.
- Внизу стоит машина. Иди и жди меня. Я через пять минут выйду.
- Нет, Сергей Александрович, на машине не поедem. Пешочком, пешочком...

* * *

Мы вышли из здания горкома партии, прошли по Красному проспекту, возле Дома офицеров свернули налево. Прошли Вознесенский храм. Шли не спеша. Дурачились. Именно дурачились. Рассказывали друг другу смешные истории. Я даже не заметил, как возле бывшего женского реального училища, а ныне школы № 9, свернули налево, на улицу Девятьсот пятого года.

Перед невысоким кирпичным домом остановились.

Козлов рассказывал мне, как однажды решил сходить в Высшую сельскохозяйственную комсомольскую школу и послушать, как Иероним читает лекции, вошел в аудиторию до появления Иеронима. Вкатился Иероним и начал: «Достопочтенные творцы будущего социалистического сельского

хозяйства, кто отсутствует из списочного состава?» Из зала крикнули: «Таковых нет». – «А лишние есть?» – спросил он. Ему из зала: «Есть. Дедушка с тростью». Он раз – и присел за трибуну, а оттуда кричит: «Вы что, дети мои, шутите?» Из зала ему: «Нет, Иван Гаврилович, не шутим». Он поднялся из-за трибуны, осмотрел зал, увидел Козлова. Да как закричит: «Антихрист, супостат, Ганс, Франц, Иван... оставьте меня в покое! Я не в форме!» Зал умирал со смеху.

Я смеялся и не заметил, как Козлов открыл калитку. Мы вошли. Нам навстречу вышел здоровый молодой парень.

– Дяденьки, вы куда?

Пётр Васильевич расплылся в улыбке. Ответил:

– Нам нужно побеседовать с Ольгой Ивановной.

– А её нет дома! – ответил скуластый.

Тут Козлов сбросил улыбку, опёрся на трость.

– Не финти, Самсон. Разговор будет мирный.

Мы вошли на кухню. Первым Козлов, следом я. Из-за спины его увидел, как к нам навстречу из комнаты вышла девушка. Козлов произнёс:

– Здравствуй, Ольга Ивановна. Мы вот с Сергеем Александровичем шли мимо и решили на минутку забежать.

У меня на лице, видно, было глупое выражение. Я ещё смеялся над тем, как Иероним из-за трибуны кричит... И не-впопад сказал:

– А зря Иван Гаврилович в преподаватели пошёл, зря...

– Извините, – произнесла девушка – вы к кому? Не постучались, ворвались в чужой дом. А на вид представительные люди.

Я внимательно посмотрел на девушку: миловидная, симпатичная, улыбка завораживающая.

– Ты куда меня привёл, Родственник?

– Куда шли.

Я шагнул к девушке.

– Так ты и есть Ольга Ивановна Муравьёва? Здравствуйте, я Сергей Александрович Скворцов, а это мой старый друг Пётр Васильевич Козлов...

– Здравствуйте. Но вы ошиблись. Я не Муравьёва.

– Как? – спросил я и сел за кухонный стул. И вдруг перед

«...Прошли Вознесенский храм. Шли не спеша, дурачились. Рассказывали друг другу смешные истории. Я даже не заметил, как возле бывшего женского реального училища, а ныне школы № 9, свернули налево, на улицу Девятьсот пятого года...»

взором появилась картина из прошлого. За окном акация. Собака бежит. А на сундуке сидит цыганка и говорит мне: «Я служанка, Земфира Иванус».

Я повел головой и почувствовал запах щей. У меня вырвалось:

– Петя, вспомнил! Всё вспомнил! Здесь я был в июне двадцать первого!

* * *

Девушка, сложив на груди руки, стояла возле дверей и смотрела не на меня, а на Козлова. Она заговорила:

– Я Сергея Александровича Скворцова знаю. А вы кто такой? – она указала пальцем правой руки на Петра Васильевича.

– Мадам Ольга, мне так вопросы задавать не стоит. Я помню тебя ещё в те времена, когда ты и бант не могла закрепить...

– Не люблю намёки...

– Тогда приглашай в горницу и поговорим серьёзно.
– Дедушка, проваливал бы ты со своим партийным вожаком.
У вас на меня ничего нет.

– Мадам Ольга, повторяю: со мной так разговаривать не стоит. Мне более шестидесяти лет, а тебе, соплячке, только двадцать два.

Заметил, как она вытянула руку по правому бедру. Козлов тут же наставил на её грудь наконечник трости.

– Шутки в сторону, мадам. Вам что, непонятно?

Я подал голос:

– Ну что, Пётр Васильевич, и сейчас будешь просить, чтобы их не арестовывать? И дня не дам на воле походить. Ты, Ольга, отними ручку от бедра, отними. И действительно, с Петром Васильевичем так разговаривать не надо.

И тут мячиком влетел в горницу Иероним и затараторил:

– Нехорошо, корефаны, поступаете. Как «на скачок», так Иероним, а как на доброе дело, так меня по боку.

Козлов посмотрел на него:

– Я же тебе, монах, позвонил. Что ещё надо?

Монах увидел в руках Козлова поднятую трость, левой рукой опустил её. Посмотрел в глаза Ольги.

– Дурочка, радоваться надо, что они вспомнили о тебе, а ты...

Монах хлопнул себя по голенищам и тут же молниеносно провёл по правому бедру Ольги рукой. В его руке оказалась финка.

– Простите, мадам, я не люблю серьёзных сцен. Попрошу всех за стол. Там, в усадьбе, я встретил Самсона. Он неуважительно отозвался о моей атлетической фигуре. Мне пришлось на время отключить его. Не люблю, когда кто-то мешает. – Он повернулся в мою сторону. – Честное слово, много раз думал, когда же вы найдёте время и поинтересуетесь, как живёт Ивана Захаровича дочь. Я о ней думал. Даже кое-какие задания поручал. А о другом не смел. Вы вон какие боссы, а я как был несостоявшийся монах, так и остался. Да садитесь вы! Обниматься не надо. Ольга, вот эти мужики, и я в том числе, знали твоего отца. И никто его не убивал. Живой он. И работает.

Когда Император позвонил мне и сказал, что идут к тебе, я бегом домой. И прихватил последние два письма твоего отца. Нечасто он тебе пишет. И ты нечасто отвечаешь. Вот только вчера написала и похвалилась, что на хорошо окончила второй курс строительного института. Что познакомилась с красивым мальчиком, а зовут его Николаем, а фамилия его Кочетков...

Я поднялся:

– Иван Гаврилович, что ты тут мелешь? Письма... Какие письма? Ты что, забыл, куда мы отправляли Ивана Захаровича в двадцать первом году?

– Это вы, боссы, всё забыли. А Иероним и его несравненная Мара всё помнят. Вместо Ольги письма Ивану Захаровичу пишет моя Мара. А то, как живёт Ольга, как учится, как «на скачок» ходит и как Кочеткова прячет ото всех в доме Матроса, это всё Марья Вячеславовна в свободное время от школы узнаёт. Дорогая Оленька, если бы Мара получила разрешение вот от этих двоих, – Иероним показал на меня, потом на Козлова, – ты давно прекратила бы числиться Ольгой-преступницей.

Я был ошарашен словами Иеронима. Удивлён был и Козлов. Мы долго молчали. А больше нас была сбита с толку Ольга.

– Чем докажете, что всё это не трёп? – произнесла она и впиалась взглядом в Иеронима.

– Я не хочу в ваши женские дела ввязываться. Сейчас откроется дверь и на пороге появится моя Мара, а с ней Николай Кочетков. Вот Мара и пусть тебе рассказывает про жизнь отца.

Козлов из-под стола показал кулак Иерониму. Тот склонил голову.

– Каждый гражданин советского государства имеет право на дела, которые своей целью предусматривают счастье других, – продекламировал Иероним.

– Долго ещё ждать Мару? – спросил я. – У меня дел не-в-п-р-о-в-о-р-о-т.

– Двенадцать лет я ждал этого момента. А вы и пять минут боитесь подождать. Ольга, у тебя есть водка? Я бы пока Мары нет выпил.

Ольга показала на висячий шкафчик. Иероним поднялся.

*Борис Васильевич Самсонов (Самсон).
Звание Героя Советского Союза при-
своено Указом Президиума Верховного
Совета СССР от 15.01.1944 г.
Награждён орденом Красной Звез-
ды приказом 77 гв. сд № 35 – н. от
29.09.1943 г.*

Прошёл. Открыл дверцу, до-
стал бутылку, стакан. И тут
из сенок раздался женский
голос:

– Миленький, тебе же
нельзя!

– Марочка, заходи. Посмо-
три, кто за одним столом си-
дит! Сколько лет мы с тобой
об этом мечтали!

Мария Вячеславовна по-
клонила нам. Отдельно
поклонила Ольге.

– Иеронимчик, и мне на-
лей. Давно я не пила стака-
нами с ворами и партийными
боссами. Коля! Кочетков!
Что ты там в сенках застрял?
Смелее! Конечно, тебе пар-
тийный выговор обеспечен
за самовольные дела. Но что
это – партийный выговор – по

сравнению со счастливой семейной жизнью.

Глава семнадцатая

Шёл тридцать шестой год. Я был на совещании в ЦК
ВКП(б). В последний день нашей работы предлагают всем
руководителям горкомов экскурсию в Болшевскую коммуну
№ 2. Мне нужно было ещё побывать в трёх министерствах,
встретиться с ответственными работниками Госплана. Я от-
казывался от экскурсии, но мои аргументы отвергли.

Приехали в Гремячий посёлок и нас, поторапливая, про-

водили в актовый зал ВТУЗа. Кое-как рассадили. В зале находились стахановцы с электроремонтного, фибролитового заводов, «Спартака» и музыкальной фабрики.

Руководитель Погребинский вручал победителям стахановского движения ключи от квартир.

Один мужчина получил ключи, повернулся в зал и крикнул: – Товарищам и корефанам моё сердечное спасибо! – И вдруг впился в меня глазами, зажмурился, потряс головой, продолжил: – И Родственнику, и Ванде, и Чёрту, Наташке... Здравия!

Сошёл со сцены, подошёл ко мне и протянул руку. Я не сомневался: на меня смотрел Пулька.

– Чёрт, это я. Здравствуй, Сергей Скворцов! Узнаёшь? – с лёгкой усмешкой он наблюдал за мной.

Работник ЦК, сопровождающий нашу делегацию, оказался возле меня, не давая ничего сказать счастливицу, получившему квартиру, заговорил:

– Товарищ, это член Центрального комитета партии, первый секретарь горкома партии города Новосибирска Сергей Александрович.

– Я так и сказал: Сергей Скворцов. А мне до фени, какой он пост занимает! Когда мы с ним работали, он жил под прозвищем Чёрт. Или я ошибаюсь? Чёрт, признавай! – поторопил он меня.

– Не ошибаешься, Александр Александрович. Здравствуй, дорогой.

И я обнял Стрелкова. Погребинский оказался рядом с нами.

– Можно вас попросить, Сергей Александрович, скажите несколько слов. Для наших работников и коммунаров это послужит большим воспитательным примером, на котором можно строить воспитательные мероприятия. Но только недолго.

Я вышел на сцену, привлекая за собою и Стрелкова. Сказал:

– Товарищи коммунары! Первые искры трудового подъёма разгорелись в великое пламя социалистического соревнования. Страна узнала тысячи имён новых героев – стахановцев, смелых новаторов техники. И среди них вы, коммунары, в прошлом правонарушители, а ныне полноценные граждане советского государства. Среди вас и мой старый друг Александр

Александрович Стрелков. А я знал его ещё и как Пульку. Когда в тысяча девятьсот двадцать первом году контрреволюционеры задумали террористический акт, мы обратились к Пульке и его другу Рябому за помощью. И они не как воры, а как истинные чекисты-дзержинцы на отлично выполнили нашу просьбу и заслужили пролетарскую благодарность. Поздравляю всех стахановцев-коммунаров с получением премии в виде квартиры и желаю счастья!

Пулька держал меня за полу костюма:

– Скажи ещё слово. Скажи, моего друга Рябого семёновские контрразведчики убили. Какой-то Ситников донёс на него. Видел он нас в Новониколаевске, когда мы шмутки передавали в ЧК.

Но я не стал говорить об этом.

Потянул меня Пулька из актового зала. Сели мы на берегу Первого пруда. И вот что рассказал Александр Александрович Стрелков:

– Я жил в Москве, в Цветочном переулке. Когда исполнилось двенадцать лет, кайзеровские солдаты убили отца. Исполнилось тринадцать, мать скончалась от тифа. Стала моя комната в подвале притоном бродяг да беспризорников. Сейчас, Сергей, нет у меня умысла таить от тебя мою прошлую жизнь.

В восемнадцатом году, когда состоялся третий съезд комсомола, я был среди делегатов. А потом «дружки» закрутили меня, заметили умение как фокусника открывать всякие замысловатые двери, замки, сейфы. Воровал на Урале, в Сибири. В мае двадцатого оказался во Владике. Пригласили в шайку «Очко». В июне двадцать первого в Чите встретились с тобой, Сергей. Всё, что поручал нам Император, мы выполнили. Шмотки перевезли и отдали.

– Дальше, – продолжал Пулька, – ещё вот что хочу тебе рассказать. Когда мы наводили шмон в квартире Саркуевой во Владике, Наташка-барахольщица нашла потайную заначку. Изъяли ридикюль. Там оказались золотые запонки, золотой браслет, золотые часы, кольцо с бриллиантом и ещё мелочь. Приехали в Новониколаевск. Рябой спрашивает у меня: «Пуль-

ка, тебе что по душе в ридикюле?» Я ему отвечаю: «Кольцо с бриллиантом. На мой безымянный палец сделано. Его спрашиваю: «Сам что выбрал?» – «Браслет золотой», – отвечает он. Я ему говорю: «Наташка видела. Может передать Императору, конфуз случится». «Ты дурак! – ругает он меня. – Не мог тайно заныкать!» – «Так она первой открыла ридикюль!» И предлагает мне Рябой: «Пулька, возьми вещи как бы за дело, которое провернули» – «Поздно, – говорю ему, – мы уже к ЧК подъехали». Он ругается: «Ох, ты и болтун, Пулька! Кто тебя рожал?» – «Рябой, – говорю ему, – не придуривайся. Золотой браслет у тебя». – «Ну, ты, Пулька, и глазастый!»

Сдали чемоданы.

Начальник ЧК Павлуновский благодарит нас, предлагает: «Товарищ Степанов и товарищ Стрелков, золотой браслет и кольцо с бриллиантом как вещественные доказательства положите на стол. Мне передали, что эти вещи вам по душе. Сегодня вечером или завтра приезжает в город Гурвич. А наши сотрудники его не знают. Император ещё в пути. Прошу вас, товарищи, встретить его на станции. Приведите его или привезите в ЧК. Сделайте так, чтобы его мало кто видел. Я даю слово: в благодарность за работу отдадим вещи, что полюбились вам». Мы согласились, но попросили, чтобы он нас не позорил перед Императором, не говорил, что нас подловили. Ох, и совали мы неизвестному, кто выдал нас. Поняли: нас всю дорогу от Читы до Новониколаевска пасли.

Отвезли мы Гурвича в ЧК. Рябой получил браслет, я – кольцо. Рябой надел на руку, я на палец. Пошли искать хазку, где бы спиртным промыть кишки. Гуляем день, другой. Неожиданно прибегает малец, суёт Рябому бумажку. Он передаёт мне. Он-то читать не умел. Я развернул записку и читаю:

«Рябой, Пулька!

Наши хорошо узнали. Оказывается, вы суки и сыщики. Наши постановили: вас зарезать.

Убирайтесь поскорее. Дело ваше плохо».

Рябой решил в город Владивосток вернуться, а я домой, в Москву. На вокзале проводил Рябого на восток. Постоял, огляделся. Взял билет до Москвы. До отъезда поезда набрал

продуктов, купил чемоданчик. Всю дорогу переживал за Рябобо: на кой чёрт ему нужна эта Америка? То, что мы взяли у Гурвича, Рябой поделил поровну. Справедливый был вор.

В Москве, на Казанском вокзале, возле меня оказались два милиционера. С ехидцей спросили: «Пулька, домой вернулся?» Я им бумажку, что ты нам давал в Чите. Один прочитал: *«Удостоверение. Предъявитель сего Стрелков Александр Александрович состоит вр. и. о. уполномоченного Особотделом Новониколаевской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.*

Удостоверение действительно до декабря двадцать первого года».

Я им говорю: «Мужики, не мешайте работать». Они мне в один голос: «Сан Саныч, удачи тебе в работе».

Пришёл в свою подвальную комнату. Дверь на петлях бесшумно открылась. Уставились на меня два мужика – басальчата и две накрашенные. Я на них взгляд бросил. Браунинг, тот, что ты, Сергей, нам в Чите давал, достал из кармана, говорю: «Даю полчаса мужикам шмутки собрать, бабам всё промыть, постель заменить, комнату проветрить. Ни минуты больше. Я пошёл на толчок».

Порядочные мужики у меня жили. Ни одной книжки не сожгли, не раскурили. Я их за это поблагодарил, когда вернулся с салом, водкой, хлебом. Просили они ещё одну ночку переночевать, я им отказал. Ох, как привольно растянулся на кровати!

Опять подумал о Рябом. Чёрт, не хочу скрывать: та бумажка меня дважды выручала. А один глазастый догадался, что она давно просрочена и отобрал её. Это случилось в августе двадцать второго.

Пока деньги были, жил, как князь. Достану книгу из шкафа, сяду в кресло, книга в руках, и представляю, как эта книга была в руках учёного, дворянина или купца. Они сидели. Один в кресле, другой на диване, третий на лавке. Читали, а им подавали чай, кофе. Мимо них проходили прислуги молоденькие полногрудые. Я сажу у себя в кресле, сам себе чай подаю. Читаю, лист осторожно отворачиваю пальчиками, чтобы уголки страниц не мять. А на душе так приятно. Кто из

корефанов навещал меня, я им вместо водки подавал в руки книгу в кожаном переплёте с замочком из серебра, с вкладывшем позолоченным.

* * *

— Но деньги не имеют свойства возрастать, а только убывают. Зима сковала Москву. Потянуло меня на Кавказ, после на Украину. Из Батуми чуть не уехал «на гастроли» за границу.

Вернулся в Москву.

Ленин умер. Все в траурном молчании. Я тоже стоял в траурном молчании, только не на площади и не за рабочим станком, а за перегородкой подсудимого. В тот год меня впервые судили по 162-й статье. Была такая в те времена. Сейчас её нет. До девятьсот тридцать первого года сидел в «Таганке», за Курским вокзалом, на «Матросской тишине», в Сокольниках, бывал в Лефортовской тюрьме, в бывшем кадетском корпусе за речкой Яузой. Не раз проводил время и в знаменитой «Бутырке».

В июле тридцать первого года я отбывал свой срок в концлагере. А сидеть мне оставалось ещё по макушке. И вот, вызывает меня начальник МУРа. На душе паника. Тревога. Неужели ещё одно дело раскрыли? Был в Москве тогда знаменитый криминалист Савушкин. По почерку работы всех московских воров знал. Захожу в кабинет и вижу: сидит он, а рядом Соловьёв — один из талантливых медвежатников — и Лёшка Чекмазов. Тревогу как рукой сняло. С Соловьёвым и Чекмазовым давно в дело не входил.

Подходит ко мне Савушкин и нежно спрашивает: «Скажи, Пулька, это твоя работа на Калужской улице? Скажи честно. Сам видишь, бумаги нет на столе. Всё останется между нами». Я ему отвечаю: «Если ты, Савушка, о двадцати тысячах, то они уже давно тю-тю, на книги ушли».

Я, Сергей, в то время пристрастился к книгам. В школе ни одного дня не учился. Себя убедил, что книги будут моей школой. А буржуи в то время ради буханки хлеба продавали такие книги! В моей подвальной комнате в шкафах стояли уникальные, редкие экземпляры.

Пить, я не пил, как и сейчас. Желудок не принимал. Больше

меня ни о чём не спрашивали... Соловьёв с Чекмазовым подписали какую-то бумагу. Начальник МУРа и Савушкин пожали мне руку, сказали: «Начинай, Сан Саныч, новую жизнь. Всё тебе простится, если ты станешь человеком».

Слышал я про коммуну имени Дзержинского. Она недалеко от Москвы располагалась. В Николо-Угрезском монастыре. Знал, что там управляющий Погребинский. Бывший чекист. Рассказывали, что ещё в двадцать втором году Владимир Ленин с Феликсом Дзержинским отдыхали в тех местах. Понравились Ленину пруды, дубрава, тихая речка Москва. И посоветовал Ленин Дзержинскому на базе пустовавшего монастыря создать коммуну, куда собирать правонарушителей и перевоспитывать по-новому, по-социалистически. А правонарушителей было очень много. Буржуазная социальная среда формировала преступников, мировая война из вернувшихся покалеченных солдат вливала в общество тысячи, кто привык к трупам, убийствам. Гражданская война выбросила на улицы, вокзалы, в подвалы тысячи и тысячи бездомных. Безработица в первые годы становления государства рабочих и крестьян пополнила преступный мир.

Ленин обо всём думал: о коммунизме, о том, как с безработицей покончить, о беспризорниках, ворах.

Привели меня в коммуну без конвоя. Странно было. Обступили меня бывшие дружки. Хотел поприветствовать, как обычно. Смотрю, не поймут. Один вор, Самовар, который часто был у меня в подвале, приветствуя, говорит: «Пулька, радуйся, ты прибыл в Гремячий посёлок, где без охраны, но бежать не пожелаешь». Я спросил, как живётся да что жуётся. Тут высокий мужик в солдатской шинели возник. И говорит он мне: «Александр Александрович, я рад нашей встрече. Многие твои дружки хвалили тебя, что ты в электричестве бог. А нам такой специалист нужен. И ещё передавали мне, что в твоей квартире библиотека не хуже Румянцевской. Если останешься у нас, не продавай её по частям. Коммуна всю целиком у тебя купит. А если при себе решишь оставить, то имей в виду, мы тебе квартиру выдадим, правда, не раньше, чем через три-четыре года. Как вести себя будешь».

Повели меня в актовый зал ВТУЗа. Представляешь, для бывших преступников открыли высшее техническое училище! В президиуме Лёшка Чекмазов, Семён Соловьёв, ещё трое и этот начальник в шинели. Народу битком.

Лёшка Чекмазов начал речь. Меня хвалит и просит принять в коммуну по трём рекомендациям. И говорит, что все они трое поручаются. А мне интересно: кто эта тройка? И я кричу: «Чеха, я понял, ты берёшь меня на поруки! А кто ещё? Если убегу, кого подведу под позор?» А Чекмазов отвечает: «Если убежишь, я тебя первый поймаю, в коммуну привезу и в Москве-реке утоплю. Второй Николай Тихонов. Знаешь такого? Когда-то его прозывали Пяткой. Он пообещал тебя в дубраве возле белого песка на сосне распять. И гвозди у него уже есть. Ну, а третий, наш управляющий коммуной товарищ Погребинский. Он мне сказал, что, если вздумаешь бежать, он шепнёт московским вора, как ты подвёл Императора в двадцать первом году.

Я заорал на весь актовый зал: «Чеха, не позорь своё имя клеветой на меня! Я с Рябым всё выполнил, как Император велел! И разъехались мы с Рябым в разные стороны, потому что Император предложил нам самим выбирать свои тропки».

И встаёт управляющий в шинели и говорит: «Алексей Владимирович Чекмазов от своего имени сгустил мои обещания. Я единственно обещаю Сан Санычу – интересную работу и весёлый отдых».

И просит меня Погребинский рассказать о себе. Я им говорю: «Надзора не требую. Здоров».

Я, Чёрт, в этой коммуне электрик на все заводы. А в свободное время ВТУЗ посещаю, в футбольной команде «Коммунар» играю нападающим, на мандолине научился играть. Мне выпало большое счастье: общался с Максимом Горьким, Роменом Ролланом, Анатолием Франсом.

В тридцать третьем приняли меня в профсоюз, в тридцать четвёртом получил справку. На основе Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР с меня была снята судимость вместе со всеми ограничениями. В тот год получил паспорт и стал полноправным гражданином. А сегодня вы стали свиде-

Александр Александрович
Стрелков (Пулька)

телями: мне вручили ключи от квартиры. Мы, Чёрт, конечно, не столько сделали в том двадцать первом, чтобы нарушить планы белых, как Дуван, Налим, Жираф... но внесли песчинку в нынешнее наше счастье. Полюбуйся, Чёрт, на мой безымянный палец. Видишь, как поблёскивает бриллиант в золотом обрамлении. Это мне сам председатель ЧК по Сибири Иван Петрович Павлуновский вручил, когда мы Гурвича в ЧК передали.

За мной пришли. Пригласили в столовую. Я попросил и Пульку следовать за мной. Никто не возражал.

Коммунары коммуны № 2 имени Феликса Дзержинского перед отправлением в Москву для участия в первомайской демонстрации.

15 июня 1986 года,
г. Томск
(магнитофонная запись)

– Мария Вячеславовна, вы помните меня?

– А кто это пришёл? Мне ничего не надо. За мной подружки присматривают. Подойдите к креслу. Я ваше обличие осматриваю...

Да, дружочек, моего любимого уже нет. Похоронили. Уже пятый годок пошёл. Умер он тринадцатого августа восемьдесят первого года. Вспомнила тебя. Двадцать лет назад, когда ты был у нас... Проводил тебя Иеронимчик в августе шестьдесят шестого, неделю в себя не приходил. Всё свою муторную жизнь вспоминал, корефанов вспоминал и по каждому пил, слёзы лил. Просил меня, чтобы я складно сквернословила...

А пять лет спустя, как ты уехал, увидел он на улице Красноармейской возле дома с драконом старика. И показался он ему знакомым. Проследил Иеронимчик за ним. И поспешил в КГБ. Сказал он там, что встретил Ситникова, контрреволюционера, убийцу. Спросили у него: «А когда это было?» Он ответил: «В июне и июле двадцать первого года». – «Дедушка, сейчас семьдесят первый. Видимо, насмотрелись фильмов про шпионов». И проводили его ни с чем. Пришёл он домой, рассказал мне про встречу. Достал из потайного места шпайку* и ушёл. Вернулся на второй день к вечеру. Я ему налила стакан, закусь поставила. Он молчит. Глянула ему в глаза, а они смеются. «Марья, я отомстил за Яна. Помнишь, рассказывал тебе, как Ситников организовал новониколаевскую шантрапу на убийство Яна? Чудом он остался живым. А сюда Ситников в гости к внукам приехал. Я к нему прямо на улице подкатил и спрашиваю: «Ситник, как поживаешь?» Он, старик, затрясся, на колени упал. Я ему дальше говорю: «Не бойсь, я твоё бречное тело не буду бомбой разносить, как ты меня

* Шпайка – револьвер.

хотел в двадцать первом». Люди мимо идут, смеются. Один старик ползает на коленях вокруг другого старика. И лепечет Ситник, что прошло полста лет. Всё забыто. Он дедушка, прадедушка... А мне до фени его родственники! Он в прошлом хотел меня на куски разбросать. Подговорил басальчат на Яна пойти. Всё его тело искромсали. Я громко кричу: «Ситник, ты знаком с нашими законами! Не жить тебе!.. Если нет у тебя своей шпайки, возьми мою».

Тут вскочил Ситник, глаза звериные, как закричит: «Ты, монах, не торжествуй! Время покажет, кто выиграет войну! Классовая борьба не закончилась. Я твоего дружка-дурачка, которому ты в двадцать первом передавал книжку с явками и шифрами, заманил и сбросил с поезда ещё в пятьдесят восьмом. Ну, стреляй, Иероним! А не думаешь ты, что Ситниковых много, всех не перестреляешь? Придёт время, не вы нас, а мы вас уничтожим, в пепел превратим ваши заводы и совхозы! Память о ваших делах и успехах запятнаем грязью, клеветой! Стреляй, Монах! Но скоро, очень скоро правнуки Прохоровых, Зубовых, Пятаковых придут к власти. И будут они в сотни раз богаче своих прадедов. А правнуки твоих друзей, Иеромонах, в отвальных ямах ковыряться будут!»

Полез я в карман. Он, старик Ситник, бац головой об асфальт! И замер... Я в сторонку отошёл. Люди сбежались. Шум подняли. Милиционеров вызвали. Я перекрестился».

Недолго после этого мой Иеронимчик прожил. Начал болеть. А перед смертью говорит: «Марачка, миленькая, умру, ты не стесняйся людей, осчастливь мою душу в преисподнем мире, пошли в мою сторону несколько смачных сочетаний. Как люб мне твой мат из твоих сладких уст».

Собрались многие хоронить Иеронима. И корефаны присутствовали, и кое-кто из ведомственных. А из Новосибирска пожаловали Антонов с женой, жёны Налима, Петьки Ленского, Огонька, внучка Императора от Серафимы была... Приезжал Еван. Мужики с ума посходили, как это ему удалось саму Анюту в жёны уговорить? Похоронили Иеронимчика. Домой надо идти. Память подружки приготовили, а они сели вокруг могилы и давай Евана пытать, как это он с двадцать

третьего до сорок первого с Вандой Павловной жил. Ты в командировке был, в Магаданской области. Где-то на Сусумане... Решили тебя не беспокоить. Узнаешь – помянешь...

** * **

– Умер мой Иеронимчик в восемьдесят семь лет.

Тебя, Алексеич, я ждала. Иеронимчик предупреждал: ты обязательно появишься. Что-то он тогда, в шестьдесят шестом, не рассказал, разрешения не имел. А от кого? От дружков! От Налима, от Евана, от Пульки, от Рыжего... Просунь руку в стол, в левом углу нацупай бутылочку «Столичной». Достань, разлей по стаканам и давай помянем моего и кто за эти годы ушёл за ним. Закуски не надо. Не заваливай стол. А то подружки появятся и скажут: «Вячеславовна, тебе же нельзя». А что ты по чуть-чуть налил? Мне полстакана наливай. К чему мараться, губы мочить!

Под утро пришли мужики с кладбища. В гостинном зале вспоминали многое. И над тобой, Алексеич, Пулька смеялся. Ты, оказывается, с ним в одном тринадцатом цехе работал. Вспоминал, как ты в курилке рассказывал работягам про одного пацана. Что он был делегатом съезда комсомола и Ленина наставления слушал. Слушать-то слушал, а потом вором стал. А Пулька тебя спрашивает: «Что же с тем вором-то стало?» И ты будто ответил: «Умер где-нибудь в тюрьме». И опять Пулька спрашивает тебя: «Вот встретил бы ты Пульку, подал бы ему руку?» И ты будто бы ответил: «Всё зависит от того, кем он стал».

Умер Пулька, от туберкулёза умер. А сын его Михаил получил заслуженного артиста республики. В Новосибирске служит, в театре «Красный факел».

** * **

– Алексеич, налей для храбрости, чтобы я тебе всё до мелочи рассказала, что велел Иеронимчик...

Ну вот, слушай.

Когда тебя маленького привёл Пётр Васильевич в городе Уш-Тобе в парикмахерскую, между ним и Иеронимчиком был

разговор в твоём присутствии. Пётр Васильевич обратился к Иеронимчику: «Вы помните человека, который встречался с тобой на станции Маньчжурия у будки Вильда?» – «Да, владыка, помню», – ответил мой Иеронимчик. «Вы и после того встречали его?» – спросил Владыка. Иеронимчик мой ответил: «Да, владыка. В Новониколаевске, пардон, в Новосибирске и в Печёрлаге. Он...»

Тут владыка перебил его и запретил что-либо говорить. Ты это помнишь, Алексеич?

– Помню.

– Вот и хорошо. Владыка спрашивал про твоего отца. И вот что велел Иеронимчик рассказать тебе в случае, если ты появишься у нас, а я до этого доживу. Дожила.

В Печёрлаге зеки при повалке леса заметили берлогу и навалились на неё. Медведь задумал удрасть, но подневольники с топорами и нечеловеческой решимостью порубили медведя. Два отряда, чьи деяны были рядом, сбегались на трапезу. Стража в сторонке кучкой собралась, а старший крикнул: «Половина задка наша. Принесите. Остальное ешьте и пейте».

Мой Иеронимчик наелся за троих. И в барак принёс медвежьё лапу. И вот что он дальше рассказывал. Лежит он на нарах и размышляет, за сколько пайков лапу махнуть. Думал и о том, что порежет лапу по размеру американских жвачек и в продажу пустит. От покупателей отбою не будет. Представляешь, во рту час-другой медвежатина! А у зека, у кого зубов нет или только два клыка... Перетирай весь день, а на ночь под тюфяк заныкал – и до утра...

И подходит к нему восточный человек. В их отряде были монголы, буряты, тувинцы, китайцы, русские. Подходит и говорит... Представляешь, Иеронимчик сидел по настоящим документам – как Иван Гаврилович Плетнёв, а этот восточный называет его Иеронимом. И говорит этот восточный человек, а у него глаз нет, одни щёлочки. Вот он этими щёлочками впился в моего Иеронимчика и говорит: «Монах Иероним, здравствуй». Иеронимчик в большом волнении вскочил, заорал: «Ты, сатана восточная, как смеешь меня чужим

прозвищем кликать! Отойди! Прирежу!» А этот восточный ему серьёзно: «Иероним, не прелюбодействуй с Кэт. Придёт время, я всё расскажу Марии Вячеславовне». Мой-то Иеронимчик в двадцать первом году выполнял задание Императора. Из Харбина тайно перевёз картотеку на японских резидентов и русских контрагентов в Новониколаевск. И вот в Манчжурии встречался с этим восточным человеком.

В большом волнении был Иероним. На время дар речи потерял. Вошёл в себя. Суёт он тому человеку медвежью лапу и лепечет: «Узнал, узнал я тебя, дурачок! Чертовски рад буду, если ты расскажешь Марии о Кэт. Значит, из этого ада живым выйдешь!» Берёт он, восточный человек, у Иеронима лапу, а ему говорит: «Приходи часа через два к пекарне, о деле поговорим».

* * *

– Алексеич, разлей остаток. Что-то в горле запершило. Да и подружки должны вот-вот обед принести. Ой, Алексеич, как хорошо-то! И моему Иеронимчику там хорошо. Видит, слышит, как мы беседуем, и радуется.

Ты, Алексеич, встречался с Алтыном? Не встречался... А жаль, умный был человек...

Придумал он, этот Алтын, писать фиктивные определения Верховного суда РСФСР об отмене приговоров, с освобождением заключённых из-под стражи. Обеспечили Алтына помощниками, писарями. Мой Иеронимчик говорил, что таким образом многие вышли из тюрем и лагерей. Алтыновская выдумка действовала до июня сорок первого года, несколько лет действовала. А тут лагерное начальство обобщило дела по лагерям всего Советского Союза – и в панику. Тогда и появилось Майское постановление сорок первого года: «Все определения судов при отмене приговоров с освобождением заключённых из-под стражи направлять в исправительные трудовые лагеря и коллегии НКВД СССР только через специальную связь Наркомата связи СССР».

А когда Иеронимчик встретился с восточным человеком, шёл девятьсот сороковой год...

* * *

– А, бабоньки пришли! Заходите, порадитесь. У меня в гостях Алексеич. Я его ждала более пяти лет

– Вячеславовна, мы сбегает. И на гостя горяченького принесём. А может, и бутылку?

– Подруженьки, да разве я буду возражать? Поторопитесь, поторопитесь. А я вам обязательно вечером расскажу, как мой Иеронимчик за обиду, которую нанёс ему отец Варфоломей, обозвал его Иудой. Поманил Иероним ночью матушку Варфоломея под мост речки Ушайки. Лёжа на ней, мой Иеронимчик спрашивает: «Матушка, разве я похож на Иуду?» Она ему отвечает: «Господь с тобой! Не говори такое. Ты истинно русский мужик. Не уходи. Порадуй ещё».

...Из микрофона долго доносился групповой старческий смех.

– И вот, восточный человек предлагает Иеронимчику встретить Сову, передать ему, что документы на его, на Ченя, освобождение пусть оформляет на тебя, как на Ивана Гавриловича Плетнёва. «Почему не ты?» – спросил Иеронимчик. «Нельзя, – ответил он. – Я по документам иностранный гражданин, шпион. На свободе этого не учли. Это свобода тебе, Иероним, – благодарность за полезные дела нашему государству».

* * *

– Скажи, Алексеич, а Кэт была красивая?

– Я её не видел.

– Но у тебя есть её фотография. Покажи.

– По документам, когда её выносили из дома Кондрата на Воронцовской улице, она была мёртвой. Её отравил Непомнящий. Он туда же, на тот свет, отправил липового Прохорова. Хотел и Иеронима, да подоспели чекисты. Но Непомнящий всё же убежал. Тайной оказалось для чекистов, каким образом японские резиденты узнали, что записная книжка с явками, паролями и шифром временно побывала в руках у чекистов.

– А мой Иеронимчик блудил с Кэт?

– Да вы что, Мария Вячеславовна, как могли появиться у вас такие подозрения! Уж как он вас любил!

– Да, Алексеич, я счастливая женщина. Когда появлялось сообщение от Императора: «Мара, будь там-то и там-то! Встречай толстопузика!», я становилась умалишенной. Секунды считала до встречи.

* * *

– О, вспомнила! На девять дней приезжал Крашеный. Старик, а костюмчик с иголки! Награды на груди. Мужики смеялись: если бы у него имелись награды от воров, на груди не хватило бы места, чтобы их все развесить, разместить. Представить – и то страшно. Семнадцать краж брал на себя, не совершая кражи. Это чтобы побывать в Сиблаге, в Печёрлаге, Дальстрое... Кому-то передать весточку о родных, кому-то инструкцию, как себя вести, кому быть осторожным в дружбе, откровенности.

Ну что вы подруженьки, не разливаете и не приглашаете к столу? Моё кресло придвиньте поближе...

Давай, Алексеич, помянем и баб: Ванду Павловну (она любила говорить «стаканами»), Серафиму Власовну, Зою Григорьевну. После смерти Андрея она привезла сына Андрейку к Ванде Павловне. Ему тогда шёл семнадцатый год. Отдала Ванде со словами: «Старший сын мой Григорий служит Отечеству, хочу, чтобы и Андрей служил ему же. Только особо не учи. Грамотные в этой сумятице первыми погибают».

Помянем и Авдотью. Когда её сын Андрей вылезился, она была отправлена на Дальний Восток. Старуха защищала дальние интересы России. Еван говорил, что Андрейка работает за границей.

Вот что тебе велел Крашеный сказать: «После двух сроков в Печёрлаге отец твой поселился в посёлке Иоссер Железнодорожного района Коми АССР. Жил с Полиной Михайловной Петровой, тысяча девятьсот десятого года рождения. Алексеич, она ещё жива».

Так говорил Крашеный.

Вчера были у нас в гостях Козловы. Ксюша с Серафимой удалились на кухню готовить скромный обед, а мы с Петром

Васильевичем уединились в моём маленьком кабинете. Я достал исписанные листы моих записок военного следователя. Мне интересно было услышать от Петра Васильевича его оценку. Я, конечно, никому и никогда не отдам их в печать. Это для себя. Пройдут годы, и захочется вспомнить свою молодость, вспомнить людей, с которыми работал в тяжёлые, голодные, трагические двадцатые годы.

Я начал читать. Прочитал первую, вторую, третью главы. Он поднялся. Крикнул:

– Серафима, у Сергея запершило в горле! Принеси что-нибудь... И бутербродик с солёным огурчиком!

Женщины пригласили за стол, но мы отказались.

Делали не один и не два перерыва. На сто восьмидесятой странице я замолчал.

Он спросил:

– А ещё есть?

– Пока всё.

– Ты желаешь услышать моё мнение?

– А для чего я тебе читал?

– Я тебе по работе не подчиняюсь. Дружба у нас с тобой шапочная. В год встретимся разок на активах, на совещаниях.

– Ты говори, не финти!

– Сухо, сухо... Ты постарался всех, с кем общался, за неполный месяц вспомнить. Многие оказались безликими. Язык невыразительный, блёклый. Кто тебе разрешал героев называть настоящими именами?

Ты пишешь о фактах, приводишь диалоги без размышления, без своих переживаний, без обобщения.

– Я гимназию не оканчивал!

– А что ты обиделся? Я ни одного слова не услышал про своего любимого друга Ивана Даниловича Чижикова. А я его, Серёжа, похоронил босиком, на берегу пограничной речки.

– Я с ним не встречался.

– Ты какой-то пассивный в записях. Только фиксируешь разговоры, факты, события...

Глава восемнадцатая

21 ноября 1987 года,
п. Иоссер
Коми АССР
(магнитофонная запись)

– Я почему вышла на улицу? Смотрю, идёт мужик, походка знакомая, и выглядит так, будто я уже где-то когда-то видела его. Ну, вот и вышла. Окликнула. Говорите, вам надо дня два-три пожить в нашем посёлке? Можете у меня. Заходите. А у вас документы какие есть? Я, гражданин, не очень грамотная. Грамоту начала изучать в тридцать шесть лет. Вот за этим столом. Се-гиз-баев... Это что, у вас такая фамилия? Ошиблась я, когда вас увидела... Ал-ек-сей... Ой, сердце по всем лопаткам зачастило... Я сяду. Вы располагайтесь. Горница в вашем распоряжении. Вон, кровать направо. Всё чистенькое. Сердечко немножко успокоилось. Перестало спешить в неизвестность. Читаю дальше: Жадыкович... Это, значит, отчество. А вы откель?

– Из Новосибирска.

– Далековато. Ну что ж, буду вас называть Алексеем Жадыковичем. А можно как-нибудь попроще? Я с большим удовольствием называла бы вас Алексеем Алексеевичем. Просто и для меня привычно из прошлого...

– Называйте, я в обиде не буду.

– А что тут обижаться? У нас, у зырян, это имя очень почётное. Мой отец на день святого Алексея нам, детишкам, велел помогать ему ульи из омшаника доставать. Праздник большой. Сани на повети ставили, телеги ладили. На весь двор запах дёгтя... На столе всякая рыба была. А вы любите рыбачить? Любите рыбу? Если скажете «да», я к ужину пирог королевский с рыбой спеку. У меня все соседи заядлые рыбаки.

– Люблю.

– Вы располагайтесь. Чайку попейте с пирожками. Я оставляю вас в одиночестве. Чувствую потребность к соседям

сбегать. Я ваши руки осмотрела, и опять сердце зачастило. Ногти ваши уж очень похожи на... И указательный палец правой руки кривоватый налево, и на лице родинка...

** * **

– Заждались хозяйку! Долго, поди, бегала? Часика через два королевскую рыбу принесут: и на пирог хватит, и на уху. А я баньку уже затопила. У нас, у зырян, баня – первое дело. Пришёл с поля – помойся, с рыбалки – помойся, с охоты – помойся. Собрался на охоту – помойся. От грязного охотника зверь убегает, а к чистому ластится. Собрался на рыбалку – помойся. Рыба через сеть чует рыбака.

А что вы не спрашиваете, как меня, хозяйку, зовут? Что, меня не будете по имени называть?

– Я знаю, вас зовут Полиной Михайловной, по фамилии вы Петрова. Вам уже семьдесят семь лет. И любите вы цветные косынки, материал на платье в горошек. Вечером перед сном молитесь. Но прежде чем встать на колени перед божницей, нюхаете табачок. Прочищаетесь, тогда и совершаете молитву. И ещё знаю одну вашу привычку: к Новому году вы зажариваете в духовке утку с картошкой...

– Не надо так шутить, Алексей Алексеевич! Я увидела вас в окно, подумала одно, прочитала паспорт – другое. А сейчас, когда вы говорили о моих пожеланиях, стала утверждаться в первом. Я старая женищина, хотя и не жалею на память, но вот не могу никак решить, кто же вам всё это рассказал. Я с детства, когда отца взяли на финскую, мало с кем делюсь своими привычками, мыслями и поступками. В одно время, это после войны, таскали меня к следователю. Один человек перед этим научил меня, прежде чем отвечать, долго думать, а отвечая, говорить невпопад. Спрашивают: кто на той неделе был в гостях? А я отвечаю, чем угощала. После пятьдесят восьмого года меня не вызывают и ни о чём не спрашивают. Вас спрашивают: кто вам о моих привычках и предпочтениях рассказывал?

– Мне рассказывала Мара Вячеславовна, можно Мария. А ей рассказывал Крашеный.

– Это тот мужчина лысый со шрамом на подбородке и с купоросными усами?

– По-видимому, он. Я его не встречал.

– Давай обнимемся, сынок!

* * *

Мужской голос:

– Можно к вам? Здравствуйте! Стерлядку заказывали?

Женский голос:

– А утку, утку. Я, Полина Михайловна, решила, что ты в своей духовке пирог испечёшь, а утку с картошкой я уже у себя в печь поставила. Я её разделала и натёрла, всё так, как когда-то Алексей Алексеевич готовил.

Мужской голос:

– Мы соседи. Давно в соседях живём. Этот дом вашего отца. Он его купил, когда второй раз его освободили. На свободу вышел. Это в пятьдесят шестом году было. Вы извините, что я сразу напрямую. Я тут участковый. А мне вчера позвонили из Сызтыкара. Владимир Анатольевич из областного МВД звонил. Сообщил, что вы собираетесь к нам. Попросил вас лишнего не говорить. Так что не темни, скажи нам, что ты приехал узнать кое-что про своего отца, Чень Алексея Алексеевича. Это и для Полины Михайловны, и для нас будет проще.

– Да.

– Он говорил о дочках, о жене Наталье Дмитриевне...

– Нет никого в живых.

– Его когда второй раз освободили, куда он только ни писал... Вот тогда и купил этот домик...

Женский голос:

– Мужики, идите на улицу курить, а мы тут начнём стол готовить. Полинушка, а на сколько человек тарелки ставить?

– Живых, кто общался с Алексеем Алексеевичем, осталось вместе с нами восемь человек. Я всем сообщила. Все придут.

22 ноября 1987 года,
п. Иоссер Коми АССР
(магнитофонная запись)

— Это было двадцать первого ноября сорок шестого года. Смотрю в окно. Стёкла внизу чуть покрылись изморозью. Возле калитки стоит мужчина. Не в этом доме это было. А в моей старенькой избёнке на соседней улице. Мы её продали, когда Алексей Алексеевич купил этот дом, в пятьдесят шестом.

Вышла я. Поздоровались. А мужчина на ломаном языке спрашивает, не подскажу ли я, у кого можно на день-другой остановиться. И бумажку показывает, что его освободили. А почему бы его не пустить? В нашем посёлке тогда в каждом втором доме вдовы жили. А молодух, двадцатилеток, которые запах мужика не нюхали, в каждом доме, а в некоторых и по две... Приглашаю в дом. Зашёл, вещмешок снял. Говорит: «Здесь продукты на трое суток. А денег нет».

Рассмотрела я его. Не православный, не монгол, не бурят, а китаец. Я в двадцать лет стала разбираться, кто к какой нации относится.

Наши дикие места, ой, как ожили с тридцатых годов, когда железную дорогу строили, леса пилили, шахты рубили. Мы, местные, меж собой говорили: «Вчера восточных привезли». Это значит китайцев, монгол, тувинцев, бурят... Говорили: «Сегодня православных привезли». Это значит русских, украинцев, белорусов...

Сидим мы за столом. Он говорит, ломает язык. Фамилия его Чень. Зовут Алексеем Алексеевичем. Отбыл наказание: восемь лет и восемь месяцев. Осуждён был за шпионаж.

Я баньку истопила. Собрала моего отца штанишки, урезала. Рубашки мужа заштопала. Отец погиб на финской, муж на германской. От мужчин остались вещи. Да я кое-какие носила. Стрелочницей работала. Ни выходных, ни праздников. Каждый свободный часик на заготовку дров использовала, на огород.

Пришёл он из бани в трусах. Оглядела я его – и в слёзы. Тож же мне, мужика приняла: вся грудь и спина в шрамах. Насчитала одиннадцать ножевых ран.

Чем была богата, тем и угощала. Вон на ту кровать, что ты спал, его и уложила.

** * **

– Ночью слышу стоны. Вскочила, лампу зажгла, подошла к нему. Смотрю, а он все свои губы от боли искусал.

И говорит он мне: «Сон видел. Отца видел, мать, сестрёнок. Жили мы тогда в Нарыме. Отец узнал, что в город Новониколаевск приехали сто семнадцать китайцев из Китая. Член городской управы Захаров ездил в Харбин и завербовал там сто восемнадцать молодых китайцев в город, на городские работы. Пообещали им жильё, жалование. Пока ехали, один умер. Отец решил продать всё и переехать в город Новониколаевск, порадовать дочерей, отдать в жёны за китайцев. А сестрёнок у меня было семь».

Попросил у меня, Алексей Алексеевич, тёпленькой водички. Попил. Поблагодарил. И продолжает: «Купил отец дом на речке Каменке, вдали от центра города, с приусадебным участком. Пошли к нам в гости сваты. Меня отец отвёл в гимназию. Мне отказали в приёме. Заявили, что нет мест. Через год приняли, но по ходатайству купца Ивана Сурикова. Купец, когда ещё жил в Барнауле, привык к свежим овощам и соусам. Наша семья поставляла, что он желал. В моём присутствии шёл разговор между директором реального училища Бутовичем и купцом Суриковым.

Купец говорил: «Вы неделю назад говорили, что можете принять ещё десять человек. И в это же время я узнаю, что вы отказали этому юноше...» – «Иван Тимофеевич, он же китаец!» – «А что, где-то написано, что у вас могут учиться только русские?» – «Нет, у нас учатся, кроме русских, украинцы, евреи, немцы...» – «В прошении отец Яна Яо Чень написал, что готов внести требуемую сумму за учёбу». – «Да, это прошение у меня. Но как этот юноша будет учиться у нас, если он не умеет разговаривать по-русски?» – «А вы

его проверяли?» – «Зачем? У нас работает китаец, убирает двор, чистит отхожие места, возит воду. Он только и знает: «Моя, моя»

Иван Тимофеевич повернулся в мою сторону: «Ян Яович, прочитайте что-нибудь из ваших любимых поэтов».

Я поправил свою синюю блузу и начал:

«Скребницей чистил он коня,
А сам роптал себе не в меру:
Загнал же леший чёрт меня
На распроклятую квартиру».

«Где вы учились, молодой человек?» – спросил Бутович. «Я окончил церковно-приходскую школу при Крестовоздвиженском храме в городе Нарыме. Словесности меня учил благочинный отец Николай (Наумов), французскому языку – Серафима Морозова...» – «Вас в вашей блузе не пустят в помещение училища». – «Мнешили требуемый мундир». – «Коль вы настаиваете, Иван Тимофеевич, я приму его. Но при первой же неудовлетворительной оценке отчислю. В реальном училище имени Романовых должны учиться только отличники и хорошисты».

Суриков прервал Бутовича: «А преподаватели должны быть не мракобесы. Мне как старосте города раз плюнуть найти вам и учителям замену, кто не освоил божественную истину равенства всех: белых, чёрных, жёлтых. Это я вам говорю, чтобы вы передали всему вашему педагогическому персоналу».

* * *

– «Так ты, Алексей Алексеевич, хорошо разговариваешь на русском языке. А что вчера ломал язык?» – «Полина Михайловна, я за последние девять лет, кроме сегодняшней ночи, только однажды разговаривал, не притворяясь. На это была причина. Спасибо вам. Поговорил. Сон рассказал – и боли немного рассосались. Спокойной вам ночи».

Через три дня собрался уходить. Да я его уговорила остаться.

Я вам ни вчера, ни позавчера не сказала, скрыла одну его

болячку на левой голени. У него вся голень была в рваных язвах. Иногда приходилось за ночь дважды менять повязки. И на правой руке у сгиба локтя – шрам. Свежий шрам, тоже гноился.

Где-то через неделю он опять ночью закричал. Я вскочила. Налила ему лекарства от сердца. Ему, как он говорил, ещё в сорок четвёртом году первого августа установили вторую группу годности. А в феврале сорок пятого при допросе раздробили левую голень. Всё добивались узнать, тот ли он на самом деле, кем представляет себя? И знает ли он русский язык? И имелись ли у него жена, дети?

Чень Ян. 1937 год

* * *

– И этой ночью передаёт он мне сон. Сам стонет. И мне не показался он уже таким страшным.

Говорил он: «Отец мой Яо собрал все деньги, что были у него, и предлагает мне ехать в Петербург. И предлагает мне купить в Суворовском переулке магазин Нейлова. А я к этому времени окончил четыре класса училища. И говорит он мне, что если не хватит денег, китайцы Петербурга добавят. Время пошло сказочное. В магазине покупателей много. Новых друзей много. Город красивый. Я оказался в гуще революционных событий...»

Смотрю, он заснул. Я тихонько ушла на кухню. Перестирала гнойные тряпки, развешала. Кукушка в часах выскочила. Прокуковала. Пора на работу. Весь день отбрасывала снег от рельсов, смазывала стрелки, переставляла туда-сюда стрелку,

а сама всё думала: не рассказал он мне весь сон, что-то встревожило. Неужели подумал, что я кому-то его сны расскажу?

Вернулась с работы, а у нас дома гости. Двое: солдат и лейтенант. Лейтенант мне говорит: «Дождались, хозяйка, вас, потому как желаем услышать от вас жалобы, на временного прожильца».

Я ему говорю, что жалоб никаких нет. Тогда он читает бумагу и меня в пол словами утаптывает: «Освобождение из Севжелдорлага МВД двадцатого ноября тысяча девятьсот сорок шестого года, который по составу преступления освобождению не подлежит по директиве МВД номер сто восемьдесят пять пункт один от двадцать девятого апреля тысяча девятьсот сорок второго года. А посему от двадцать пятого февраля сорок шестого года за номером девять дробь пятьдесят шесть тысяч девятьсот восемьдесят

Полагал бы

Задержать освобождение заключённого Чень. Оставить в лагере до конца войны, о чём объявить ему под расписку.

Начальник одиннадцатого Отдела СЖДЛ НКВД Мельдосон.

Утвердил: Ключкин.

Согласен: Крижевский».

Вот так бывает. Прожил он у меня месяц. Всего месяц. Увели его. Я кричала: «Война закончилась год назад!»

А лейтенант мне: «Это по твоим понятиям война закончилась год назад, а по государственным продолжается...» Вот так в жизни бывает: больше года назад закончилась война, а нет указа, война продолжается».

** * **

*22 ноября 1987 года,
п. Иоссер Коми АССР
(магнитофонная запись)*

– В апреле это было, перед майскими праздниками пятьдесят шестого года. Я в огороде копалась. Смотрю, стоит

Чень Ян в Печёрлаге, 1946 год

возле калитки Алексей Алексеевич. Я к нему. Прости, сынок, приняла я его, как родного. Обняла, ввела в дом. «Освободили?» – спрашиваю. Он кивает головой. «Навсегда?» – спрашиваю. Он пожимает плечами. «Покури, – предлагаю. – Я баньку затоплю да в магазин сбегая».

Много, сынок, мы проговорили дней и вечеров с твоим отцом. Он больше молчал, я говорила. Рассказывала, как в свободное от работы время искала его по лагерям и как расспрашивала о нём тех, кого освобождали. Хотела хоть чем-нибудь помочь. В этот раз он рассказал, что были у него жена и две дочери. И ещё говорил, что, когда он сидел в Сретенской тюрьме, ему передали, что Наташа, жена его, родила сына. И раскрылся он мне, что хорошо знает русский язык. В определённые годы преподавал в школе грамматику и литературу. Месяц отдохнул, пошёл к начальнику станции проситься на работу. Отказали. Я ему говорю: «Отдохни. За восемнадцать

лет лагерной работы тебе положен отпуск». Левая голень у него очень болела. Часто по ночам даже кричал от боли. И меня звал к себе. Вежливо приглашал: «Полина Михайловна, посидите рядом. В разговоре нога меньше болит».

— Сынок, не жаловался Алексей Алексеич на лагерную жизнь. Считал, что это будет самоунижением. Разве легче было солдатам на передовой? Они получали ранения, их убивали. За долгие вечера только однажды он рассказал мне про один случай.

** * **

*— В их отряде находился заключённый по фамилии Вавре-
нюк. Он всегда, когда проходил мимо Алексеевича, обязательно произносил: «Ходя, соли надо?» А иногда пел: «Во саду ли в огороде поймали китайца...» Это нервировало отца твоего и других восточных заключённых. А тут, это случилось в срок девятом году, в их отряд поступило пополнение. Среди них один лысый мужик со шрамами на лице. И этот мужик однажды подкатывается к твоему отцу и спрашивает его: «Восточный человек, скажи, не приходилось ли тебе встречаться с Императором?» Твой отец отвечает: «С Лениным много раз встречался, а вот с императором нет». Лысый опять говорит, а сам по сторонам смотрит, чтобы никто их разговор не слышал: «Я тебя, восточный человек, не о царе спрашиваю, о Родственнике». Отец твой подумал: «Родственник — это была кличка Императора, Петра Васильевича Козлова. Но он за все годы заключения никогда не вспоминал годы Гражданской войны. А во время следствия всегда говорил: «Я — Чень, безграмотный. Родственников нет, работал пекарем». Очень боялся, был уверен, если его осудили как шпиона, то всех родственников осудят как родственников шпиона. Всё скрывал. Раскрылся, что у него была семья — жена и дети — после того, как ему раздробили левую голень. Отошёл отец твой от лысого подальше. На второй раз лысый опять пристал к Алексею Алексеевичу. И говорит: «Не стукач я, не бойся. Свободные люди меня Крашеным зовут. Скажи, а не знал ли ты Мирзу, которого лечил Гоу?» И тогда отец твой сказал лысому пароль: «И в Сибири темно!»*

Пожаловался Алексей Алексеевич Крашеному на Вавренюка. И попросил узнать, в чём причина неприязни того к нему. Китайцев много в лагере, а почему Вавренюк только его всячески оскорбляет?

Прошло несколько дней, и Крашенный рассказал. После того как зеки устроили допрос Вавренюку, он раскрылся. Он из шайки бугринских. Хазка их размещалась рядом с храмом Николая. Семнадцать лет назад нанял их шайку один «бакалейчик» убить чекиста-китайца. И сказал, в какой день, в какой час приговорённый появится у Чернышевских лесных складов. Дождались чекиста. Начали резать. Да проворным оказался чекист. А их было пять человек. Одного его дружка чекист калекой на всю жизнь оставил, другому глаз выколол. Не справились они с чекистом, посторонние вмешались. Вавренюк признал в Чене того чекиста. Крашенный предлагал Алексею Алексеевичу воспользоваться какими-то документами для освобождения. Не стало в отряде Вавренюка, но отец твой не воспользовался липовой бумагой на освобождение, передал какому-то монаху.

Однажды ночью закричал. Я – к нему. А он говорит: «Сон, сон взлохматил мою боль. И телесную боль, и душевную. Приснилось мне, что весной восемнадцатого года отправляют меня во Владикавказ. Я прибыл. Сидят председатель Совнаркома Тарской народной республики Ноя Баучидзе и Сергей Киров. Они предлагают сформировать Первый владикавказский китайский отряд. И предлагают командиром назначить коммуниста Пау Ти-сана. Характеризуют как знатока русского языка, преданного большевика. Я соглашаюсь.

Прошло несколько часов – и отряд китайцев в количестве трёхсот человек уже стоял на центральной площади. Сергей Киров вручает Пау Красное знамя и говорит: «Борясь за торжество революции в России, вы боретесь за свободу угнетённого Китая. Придёт время, когда рабочие России протянут свою братскую руку китайскому народу, который сбросит угнетателей со своих богатырских плеч!» Пау принимает Красное знамя и отвечает: «Революционная Россия

стала нашей второй родиной. Мы клянёмся быть её верными борцами, солдатами революции!»

Я был в отряде Пау до конца восемнадцатого года. Тяжело было, когда контрреволюционные силы ворвались во Владикавказ. Один из бичераховских командиров, полковник Соколов, предложил жителям Курской и Молоканской слободок сдать-ся без боя. Отряды самообороны, в том числе китайский отряд Пау, не приняли предложение и категорически отказались сложить оружие.

Начались бои на улицах города. Бои шли двенадцать дней. Два китайских бойца были убиты, Пау ранен, но продолжал командовать отрядом. Город отстояли. Контрреволюционные отряды отступили в сторону станицы Архонской».

** * **

«Полина Михайловна, сон дальше вижу. Горы Кавказа сменяются песками Средней Азии. Меня командируют в полк, где командир узбек Адылов. Он ведёт меня по кишлаку, а сам говорит: «Наш полк сражался с басмаческими бандами в Кошка-Дарьинской и Сухан-Дарьинской областях, в горах Таджикистана. В нашем полку воины двадцати национальностей. А тот, кого вы ищете, – командир дивизиона. Пау отличается энергией, исполнительностью по службе, проявляет исключительную храбрость, своей неустрашимостью и героизмом всегда является примером для своих подчинённых».

** * **

«Сон продолжается.

Полина Михайловна, пески сменяются урманом, непроходимыми лесами. Снега, снега...

Возле костра греется Пау, а рядом с ним узнаю Ли Чина. Он в восемнадцатом году служил в охране кремля. Он много раз, как и я, разговаривал с Лениным, а потом Ленин проводил нас на фронт, призывал самоотверженно защищать Советскую республику.

Ли возглавлял отряд в Чапаевской дивизии. В девятнадцатом уже возглавлял батальон и вместе с матросами-черноморцами воевал в Екатеринославе (Днепропетровск).

«Сон, сон...

Вижу, у костра греется и третий знакомый. Узнаю! Это командир партизанского отряда в районе станции Могоча Ку Мо-Чен. Он подмигивает мне, громко говорит: «Не падай духом, Чень. Нас не забудут. Мы прошли двадцать лет лагерей, совершили подвиг во имя русской Родины. Мы в невероятных условиях пилили лес, делали шпалы, которые потом укладывали для временной железной дороги, чтобы перебросить к Сталинграду необходимую технику для решительной битвы. Мы добывали в шахтах уголь, перекрывая Стахановские рекорды, а этот уголь превращался в мины, танки, самолёты... мы, переноса беззаконие и произвол, оставались верны социализму».

И знаешь, Полина Михайловна, стоим мы – Пау, Ли, Ку и я – вокруг костра, и подходит мальчуган, а имени я его не знаю. Достает пожелтевший лист и говорит: «Отцы, вот то, что вы писали в двадцатом году: «Мы, находящиеся здесь китайские граждане, выносим чистосердечную благодарность нашему соседу – русскому народу в лице Советов трудящихся масс, в особенности Штабу трудящихся масс Забайкальского фронта за принятие в свои красноармейские ряды наших соотечественников в числе тысячи человек. Нашим же соотечественникам, вступившим в ряды Красной армии, выносим наше сердечное спасибо и заявляем, что отныне мы, китайские граждане, на русской земле, кроме власти Советов, никакой другой власти признавать не будем и будем власть Советов защищать наравне с русскими открыто и всеми силами, которые окажутся в нашем распоряжении».

Полина Михайловна, возник у нашего костра неизвестно откуда Василий Чапаев. И говорит он нам: «Мне поручено вам, солдаты революции, вернуть ордена Красного Знамени. Прославленный воин революции Ли, от имени советского правительства и от своего имени возвращаю заслуженную награду». Ли улыбается, делает поклон. Чапаев закрепляет орден. Пожимает руку. Мы хлопаем в ладоши. А снег летит хлопьями с неба, и пламя костра потрескивает. Василий Ча-

паев продолжает: «По поручению Советского правительства возвращается орден Красной Звезды товарищу Пау. В двадцать втором году тебе этот орден по поручению правительства вручала секретарь Среднеазиатского политбюро ВКП Фиса Ванаг. Сейчас поручили мне». Пау снимает рукавицы, и я вижу его опухшие руки. От улыбки у него совсем не видно глаз. Но улыбка во весь рот показывает его радость. Третьим Чапаев приглашает к себе командира Ку. И неожиданно я увидел, как из чащи быстрой походкой вышел к костру Василий Блюхер. И говорит он: «Комдив Чапаев, разреши помочь тебе выполнить справедливую миссию, закрепить на века орден Красной Звезды командиру партизанского отряда Ку и стойкому чекисту Чень».

Полина Михайловна, мне стало тепло, нога перестала болеть. А я позвал тебя. Решил рассказать тебе сон. Необычный сон приснился мне».

* * *

— И начал он писать письма во все концы, чтобы найти семью. Я письма эти относил на вокзал и сбрасывала в почтовые вагоны. Не мог он сидеть без дела. Опять пошёл к начальнику станции проситься на работу. На этот раз его приняли. Стал он работать сторожем.

Что тебе говорить, сынок, о трудностях. Разве мы одни трудности переживали? Всякое было. Тут ещё он, да и я маялись, что ответы на письма приходили неутешительные. Не значились нигде ни жена, ни дети.

* * *

— Год прошёл.

Картошку посадили. Тепло. Мы возле дома усадьбу приводили в порядок. Подходит к калитке старичок в гимнастёрке, на груди три награды. Через левую руку шинель, а в правой держал чемоданчик. Страшиноватый немножко. Подбородок рассечён пополам. На лбу шрам. Лет так за шестьдесят. Фуражку снял, лысую голову обтёр. У меня спрашивает, а Алексей Алексеич в это время был за сараюшкой: «У тебя кто живёт?» Ну, я опять испугалась. За Алексеичем пожаловали,

подумала. Только хотела соврать и сказать, что у меня никто не живёт, Алексей Алексеич выходит из-за угла сараюшки. Солдат зовёт его: «Яшка, подойди, дело есть!» Я подумала: кого это он Яшкой назвал? А отец твой подходит к солдату. И давай они обниматься! Алексей солдата в дом тянет. Смотрю, к калитке подходят двое. Один низенький ростом, а на груди Золотая Звезда. И баба. В офицерской форме, а орденов много. И красивая. Волосы все седые. Годами к семидесяти подходит. Заходят в калитку. Этот лысый раз – и в сторону. Низенький, со звездой, подходит к Алексею Алексеевичу и басом кричит: «Ну, здравствуй, Алексей Алексеевич! Мы к вам в гости!» И давай твоего отца обнимать. И говорит низенький дальше: «Вот, Алексей Алексеич, познакомьтесь...» А седая – я по звёздочкам определила: майор – как гаркнет на героя: «Цыть!» Я посмотрела, герой моложе женщины лет на десять. Вижу, они все трое старше меня. Мне в тот год было сорок семь, а им всем больше, чем по шестьдесят. И дальше старуха-майор говорит в сторону героя: «Налим, прекрати базар». Герой залебезил: «Я что, я ничего. Вы, товарищ Саркуева, не знаете его. Вот я и решил познакомить...»

Я нялилась то на лысого, то на низенького, то на их красавицу.

Твой отец стоял и улыбался. Красиво улыбался. Старуха подошла к нему, обняла и давай всего целовать. И даже в губы. Герой стоял и смотрел, разинув рот. А лысый достал носовой платок и глаза тёр. Герой басом спросил непонятно у кого: «Вы что, знакомы? А почему я не знаю?» Старуха отвечает: «Налим, не всё тебе нужно знать!» Лысый подошёл к женщине и спрашивает: «Зоя Григорьевна, я вам ещё нужен?» Женщина приказным тоном говорит, а голос звонкий, командный: «Крашеный, отправляйся в магазин всё, что можно и нужно, купи. Встречу отгуляем, а через три дня отправимся по плану...» И обращается ко мне: «Хозяюшка, у тебя найдётся для нас всех места? Надо нам с Алексеем Алексеевичем пообщаться». Я киваю головой, заверяю её: места хватит. Для мужчин на полу постелю, а для неё кровать. Женщина посмотрела на лысого Крашеного, и он убежал.

Приглашаю я их в дом. Тут наш участковый появился. Пожелал с документами ознакомиться. К первому обратился к герою. Низенький достал из кармана кителя документы и подал участковому. Участковый прочитал: «Герой Советского Союза. Капитан Антон Маркович Рыбкин». Вернул ему удостоверение и к женщине обращается. Она достала документы, подала. А сама смотрит на твоего отца и подоброму улыбается. А отцу говорит: «Ян Яович, если б ты знал, как часто я тебя вспоминала». А участковый прочитал: «Саркуева Зоя Григорьевна, – глаза сделались круглыми, руки затряслись, отдал он женщине удостоверение и залепетал: Простите, такая у меня работа...» Женщина смотрит на твоего отца и продолжает: «Сколько раз я мысленно благодарила тебя, что был очень внимателен ко мне и ласков. У меня даже появлялись мысли в то далекое время отбить тебя у Наташи, но, слава Богу, Андрей поправился». Смотрит женщина, а участковый стоит. Она грубо ему: «Проверили документы? Вопросов нет? Вы свободны». А герою говорит: «Налим, проводи лейтенанта. И скажи, чтоб не мешал нам общаться». И вдруг участковый предлагает: «Товарищ Саркуева, не поднести ли вам свежей рыбки на уху?» Седая обращается к твоему отцу: «Ян Яович, он нам не мешает?» Твой отец кивнул головой.

Я стояла, смотрела, пережиток неизвестного мне мира встретился.

Вернулся лысый. Принёс две больших сумки продуктов.

Сынок, три дня жили у нас Зоя Григорьевна Саркуева, Антон Маркович Рыбкин (Налим) и Николай Николаевич Капустин (Крашенный). Помогли нам купить вот этот домик. Уехали.

Вскоре пришла бумага, Президиум Верховного Совета оправдал твоего отца. Признали, что он ни в чём не был виноват.

Насмелюсь, расскажу тебе вот о чём. Вечером за столом многих они вспоминали. И Чёрта вспоминали, называли его Сергеем Александровичем Скворцовым. Пили в его память много раз. Налим говорил: «Сергей Скворцов был арестован

Подписка освобождённого из заключения Чень Яна о «неразглашении сведений о режиме заключения, о правилах внутреннего распорядка, о работах, выполняемых мной и другими заключёнными, и не брать поручений от заключённых».

после январского Пленума ВКП(б) тридцать восьмого года. Несколько лет сидел в лагере в Саратовской области. Летом сорок второго года был расстрелян».

— Мы с Алексеичем искали Наталью Дмитриевну и их детей. Органы искали. Видишь, как получилось в жизни: у тебя, кроме имени, ничего от действительного свидетельства о рождении не осталось.

А тут приходит письмо, и приглашают отца твоего в город Орёл. Будто там нашлись его дети. Не поверила я этому письму. Тревогой веяло от него. И Алексеич в большом волнении перечитывал его. В конце письма вместо подписи красовался квадратик. Уезжая, отец на прощание произнёс несколько раз: «Гоу! Гоу!»

Больше я Алексея Алексеевича не видела. Участковый по моей просьбе куда только ни писал! Не нашли его ни среди живых, ни среди мёртвых.

Оглавление

Глава первая	3
Глава вторая	16
Глава третья	34
Глава четвёртая	64
Глава пятая	89
Глава шестая	99
Глава седьмая	113
Глава восьмая	127
Глава девятая	140
Глава десятая	146
Глава одиннадцатая	157
Глава двенадцатая	169
Глава тринадцатая	200
Глава четырнадцатая	242
Глава пятнадцатая	261
Глава шестнадцатая	296
Глава семнадцатая	304
Глава восемнадцатая	321

Читайте книги Анатолия Садырова:

- «Дорогие мои...» – историческая повесть (1990)
- «Сибирь святая» – исторический роман (1993)
- «Император» – исторический роман (1995)
- «Ново-Николаевские торочки» – исторические рассказы (2000)
- «Родова» – Маслянинские исторические торочки (2009)
- «Суженый» – Ново-Николаевские исторические торочки 2010
- «Во славу России...» – исторический роман (2011)
- «Осетровые ямы» – исторический роман (2014)
- «Сибирские былины». Книга 1 – исторические былины (2014)

«Сибирские былины». Книга 2 – исторические былины (2014)

«Серьги императрицы» – исторический роман (2015)

«Сказание о посельщиках села Большое Кривощёково» – исторические сказания (2015)

«Сказания домовых южаковского двора» – исторические сказания (2015)

«Петруха Казаков из села Киик» – историческая повесть (2016)

Анатолий Садыров

Император 2

Записки военного следователя

Технический редактор *Н. В. Васильев*

Корректор *О. Е. Чугуйцева*

Сдано в набор 02.05.2017. Подписано в печать 22.08.2017. Формат 84 х 108/32. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,5.

Тираж 30 экз. Заказ № 1566.

РИЦ «Новосибирск». 630099, Новосибирск, ул. Орджоникидзе, 33.

Типография «Сибпринт».